

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

1(13)'2016

Международный научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-56513 от 24.12.2013 г.
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-0740 (Print); 2311-0759 (Online) от 23.12.2013 г.
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписной индекс 70771
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Материалы журнала размещаются на сайте Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740

© Саратовский государственный университет, 2016

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Россия, Москва)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Польша, Ополе)
В. Е. Гольдин, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Украина, Харьков)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Израиль, Хайфа)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Россия, Волгоград)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (США, Беркли)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Москва)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Литва, Каунас)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Беларусь, Витебск)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Финляндия, Хельсинки)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Беларусь, Минск)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Омск)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Австралия, Канберра)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Австрия, Вена)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Россия, Саратов)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Россия, Красноярск)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Россия, Новосибирск)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Казахстан, Павлодар)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (КНР, Пекин)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Россия, Великий Новгород)

Ответственный секретарь

Н. Б. Степанова, кандидат филол. наук, доцент (Россия, Саратов)

Editor-in-Chief

V. V. Dementyev, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Deputy Editor-in-Chief

L. V. Balashova, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Editorial Board:

V. M. Alpatov, Ph.D., Prof. (Russia, Moscow)

E. G. Elina, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Stanisław Gajda, Ph.D., Prof. (Poland, Opole)

V. E. Goldin, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

O. I. Goroshko, Ph.D., Prof. (Ukraine, Kharkov)

V. I. Karasik, Ph.D., Prof. (Russia, Volgograd)

Robin Lakoff, Ph.D., Prof. (USA, Berkeley)

T. V. Larina, Ph.D., Prof. (Russia, Moscow)

Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Lithuania, Kaunas)

V. A. Maslova, Ph.D., Prof. (Belarus, Vitebsk)

Mei Huang, Ph.D., Prof. (China, Beijing)

Arto Mustajoki, Ph.D., Prof. (Finland, Helsinki)

B. Y. Norman, Ph.D., Prof. (Belarus, Minsk)

N. V. Orlova, Ph.D., Prof. (Russia, Omsk)

Bert Peeters, Ph.D., Prof. (Australia, Canberra)

V. V. Prozorov, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

Renate Rathmayr, Ph.D., Prof. (Austria, Vienna)

T. V. Shmelyova, Ph.D., Prof. (Russia, Velikiy Novgorod)

O. B. Sirotinina, Ph.D., Prof. (Russia, Saratov)

A. P. Skovorodnikov, Ph.D., Prof. (Russia, Krasnoyarsk)

T. I. Steksova, Ph.D., Prof. (Russia, Novosibirsk)

Z. K. Temirgazina, Ph.D., Prof. (Kazakhstan, Pavlodar)

Maria Yelenevskaya, Ph.D., Prof. (Israel, Haifa)

Executive Secretary

N. B. Stepanova, Ph.D., Assoc. Prof. (Russia, Saratov)

СОДЕРЖАНИЕ

О Международном журнале «Жанры речи».....	8
---	---

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

В. М. Алпатов Москва, Россия	Соссюр и Бахтин.....	9
Б. Я. Шарифуллин Лесосибирск, Россия	Речевые жанры в невербальной коммуникации.....	18
В. В. Дементьев, Н. Б. Степанова Саратов, Россия	Корпусная генристика: проблема ключевых фраз	24
И. В. Шерстяных Иркутск, Россия	Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы <i>правда</i>)	42
В. М. Савицкий Самара, Россия	Порождение речи в социосемиотическом аспекте.....	50

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

В. Е. Чернявская Санкт-Петербург, Россия	Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики)	56
Е. Г. Которова Зелёна-Гура, Польша	Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование.....	65
Е. З. Киреева Тула, Россия	Жанры подзаконного дискурса	78
Т. В. Ицкович Екатеринбург, Россия	Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы	87
В. А. Маслова Витебск, Беларусь	Покаяние: жизнь человека, деятельностный концепт или жанр?.....	94
В. К. Харченко Белгород, Россия	Больничный дискурс: нарративы, реплики, диалоги	100
Е. А. Пономаренко, Ю. А. Герасименко Симферополь, Россия	Симптом и/или жалоба: семиотический аспект.....	113
Т. И. Петрова Владивосток, Россия	Коммуникативное пространство междугородного сообщения в жанровом аспекте	120
Т. В. Дубровская Пенза, Россия	Жанр «письмо из упаковки»: дискурсивное конструирование автора и адресата.....	128
О. П. Ермакова Калуга, Россия	Интенсификаторы и деинтенсификаторы в контексте иронии	137

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

- Т. Е. Водоватова**
Самара, Россия
- Речевой жанр как средство формирования коммуникативных стратегий и тактик (на материале британского речевого жанра *buffoonery*) 142
- Л. П. Иванова**
Киев, Украина
- Жанровые основания лингвоимагологического анализа 148

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

- Ю. В. Щурина**
Чита, Россия
- Жанровое своеобразие социальной сети Инстаграм 156
- Правила представления авторами рукописей в журнал «Жанры речи» 169

CONTENTS

About the International Journal «Speech Genres»	8
--	---

GENERAL PROBLEMS OF THE SPEECH GENRES THEORY

V. M. Alpatov Moscow, Russia	Saussure and Bakhtin	9
B. Ya. Sharifullin Lesosibirsk, Russia	The speech genres of non-verbal communication	18
V. V. Dementyev, N. B. Stepanova Saratov, Russia	Corpus genristics: a problem of key phrases	24
I. V. Sherstyanykh Irkutsk, Russia	Discursive words as a means of organizing speech genres (on the example of lexeme <i>true</i>).....	42
V. M. Savitsky Samara, Russia	Speech generation in the sociosemiotic aspect.....	50

STUDIES OF INDIVIDUAL GENRES

V. E. Chernyavskaya St.Petesburg, Russia	Scientific result in research paper in linguistics.....	56
E. G. Kotorova Zielona Góra, Poland	The speech behavior pattern of “request” in Russian and German: a contrastive study	65
E. Z. Kireeva Tula, Russia	Genres of sublegislative discourse	78
T. V. Itskovich Ekaterinburg, Russia	Religious functional style in the genre aspect: problem statement	87
V. A. Maslova Vitebsk, Belarus	Repentance: human life, activity concept or genre?	94
V. K. Kharchenko Belgorod, Russia	Hospital discourse: narratives, remarks, dialogs.....	100
E. A. Ponomarenko, Y. A. Gerasimenko Simferopol, Russia	Symptom and/or complaint: semiotic aspect.....	113
T. I. Petrova Vladivostok, Russia	Communicative space of intercity traffic in a genre aspect.....	120
T. V. Dubrovskaya Penza, Russia	Genre «letter in the pack»: discursive construction of the addresser and the addressee	128
O. P. Ermakova Kaluga, Russia	Intensifiers and deintensification in ironic contexts	137

GENRES IN ART

T. E. Vodovatova Speech genre as means of creating
Samara, Russia the communicative strategies and tactics
(based on the genre of *buffoonery* in British culture) 142

L. P. Ivanova Genre base of lingvoimagological analysis 148
Kiev, Ukraine

Internet genres

Y. V. Shchurina Genre individuality of Instagram social net 156
Chita, Russia

Manuscripts requirements 169

О Международном журнале «Жанры речи»

В Национальном исследовательском Саратовском государственном университете им. Н. Г. Чернышевского с 2013 г. издается **Международный журнал «Жанры речи»**, посвященный проблеме речевых и коммуникативных жанров, актуальным направлениям изучения речевых жанров.

Главная задача журнала – по возможности представительно отражать общее состояние теории речевых жанров в России и мире, представлять наиболее актуальные направления изучения речевых жанров.

По замыслу редакционной коллегии журнала, много внимания будет уделяться как общетеоретическим проблемам жанроведения, так и конкретным речевым жанрам. В журнале будут печататься статьи по проблемам теории речевых жанров: типология жанров и жанровых форм, жанры в связи с языком, культурой, языковой картиной мира, языковой личностью, художественным творчеством, СМИ, сопоставительное изучение речевых жанров и др.

Журнал создан на базе получившего широкую известность в России и за рубежом серийного тематического **сборника научных статей «Жанры речи»** (Саратов ; Москва, 1997–2012. Вып. 1–8).

Редколлегия сборника «Жанры речи» пыталась привлечь всех авторов, кто когда-либо высказывал содержательные и оригинальные соображения по жанровой организации речи.

В выпусках сборника был представлен целый ряд исследователей из разных научных центров России и зарубежья, и прежде всего – Саратова. В сборнике представлены также работы исследователей из таких научных центров России, как: Астрахань, Балашов, Белгород, Великий Новгород, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Кемерово, Краснодар, Красноярск, Москва, Нижний Тагил, Омск, Орел, Пенза, Пермь, Самара, Санкт-Петербург, Тверь, Уфа, Челябинск, Элиста, Ярославль; а также ближнего (Вильнюс, Киев, Львов, Минск, Симферополь, Харьков) и дальнего зарубежья (Базель, Беркли, Бохум, Канберра, Ополе, Хельсинки). В статьях, опубликованных в различных выпусках сборника, рассматриваются как общетеоретические проблемы жанроведения, так и конкретные речевые жанры.

В состав редколлегии в различные годы входили: В. Е. Гольдин (отв. ред. вып. 1–3), В. М. Алпатов, Л. В. Балашова, В. В. Демен-

тьев (отв. секретарь вып. 1–3, отв. ред. вып. 4–8), В. И. Карасик, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротинина, Н. Б. Рогачёва / Степанова (отв. секретарь вып. 5–7), М. Ю. Федосюк, Е. И. Шейгал, Т. В. Шмелёва.

С 1997 г. вышло 8 выпусков «Жанров речи», посвященных таким проблемам, как «жанр и концепт», «жанр и культура», «жанр и язык», «жанр и языковая личность», «жанр и творчество» (последний посвящен памяти проф. К. Ф. Седова (1954–2011)).

Преимуществом журнала «Жанры речи» по отношению к сборнику редколлегия подчеркивает сохранением нумерации: первый номер журнала является одновременно девятым выпуском сборника.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся жанроведческой проблематикой. Поскольку журнал выходит два раза в год, мы ждем от потенциальных авторов статьи **до 1 июня и 1 декабря** каждого года.

Издатель и редакционная коллегия журнала «Жанры речи» в равной степени несут ответственность за издание журнала. Издатель имеет право нанимать и увольнять редакторов и принимать важные коммерческие решения, которые требуют активного участия со стороны редактора. Редакционная коллегия обращает внимание на то, соответствуют ли определенные исследования этическим нормам и может ли их публикация нанести вред читателям или интересам самого журнала, и несет полную ответственность за определение редакционного содержания журнала. Редакционная коллегия также побуждает рецензентов к проведению тщательных проверок рукописей на оригинальность и любой тип потенциальных нарушений научной этики.

Контакты. Почтовый адрес журнала «Жанры речи»: 410012, Институт филологии и журналистики Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, кафедра теории, истории языка и прикладной лингвистики (ком. 207), главному редактору Дементьеву Вадиму Викторовичу или ответственному секретарю Степановой Наталье Борисовне.

Телефон: (8452)-21-06-24 (кафедра)

Факс: (8452) 21-06-44

E-mail: Zhanry-Rechi@yandex.ru,
dementevvv@yandex.ru.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'1+929 [Соссюр+Бахтин]
 ББК 81з(4ШВА)Соссюр Ф.+81з(2)Бахтин М.М.
 DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-9-17

В. М. Алпатов
 Москва, Россия

V. M. Alpatov
 Moscow, Russia

СОССЮР И БАХТИН

Аннотация. Ф. де Соссюр установил жёсткие рамки приоритетов в лингвистике, отделив язык от речи, которую считал лишённой системы. М. М. Бахтин в работе «Проблема речевых жанров», приняв в отличие от В. Н. Волошинова разграничение языка и речи (высказывания, в его терминологии), считал сосредоточение на проблемах языка недостаточным, а изучение речи необходимым. В области речи он выделил наиболее стабильный компонент – речевые жанры, которые строго заданы говорящему вместе с языком.

Сейчас наблюдаются две противоположные, но часто сосуществующие тенденции. С одной стороны, мы видим стремление к научной строгости, особенно в экспериментальных и прикладных исследованиях, а при чисто лингвистическом изучении функционирования языка также стараются опираться на некоторые устойчивые характеристики, к числу которых, несомненно, относятся речевые жанры. С другой стороны, у многих лингвистов по сравнению с предшествующим периодом уровень научной строгости снизился. В целом в современной России функциональная лингвистика очень далека от принципов, из которых исходил Ф. де Соссюр. А среди предшественников функционализма важное место, несомненно, занимал М. М. Бахтин.

Современная функциональная лингвистика сняла ограничения, введённые Ф. де Соссюром, и расширила объект исследований, в том числе изучая речевые жанры.

Ключевые слова: Ф. де Соссюр, М. М. Бахтин, язык, система, функциональная лингвистика, речевые жанры.

SAUSSURE AND BAKHTIN

Abstract. F. de Saussure determined rigid limits of priorities in linguistics and separated language from speech that has no system in his opinion. M. M. Bakhtin in his work «The Problem of Speech Genres» accepted the differentiation of language and speech (utterance in his system of terms) unlike V. N. Voloshinov but he considered the concentration on the problems of language insufficient and the study of speech necessary. In the field of speech he singled out the most stable component – speech genres that are set to speakers together with language.

Now there are two opposite, but often co-existing trends. On the one hand, we see the desire for scientific rigor, especially in experimental and applied research. By a purely linguistic study of the functioning of language, linguists also try to rely on some stable characteristics, among which, of course, are speech genres. On the other hand, many linguists, compared with the previous period, have a level of scientific rigor which has decreased. In general, in modern Russia the functional linguistics is far from the principles which F. de Saussure relied on. And among the precursors of functionalism, Mikhail Bakhtin undoubtedly took an important place.

The modern functional linguistics took Saussure's limits away and expanded the object of studies including speech genres.

Key words: Ferdinand de Saussure, Mikhail Bakhtin, language, system, functional linguistics, speech genres.

Сведения об авторе: Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

Место работы: Институт языкознания РАН, директор.

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

About the author: Alpatov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Letters, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences.

Place of employment: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Director.

Как известно, современные исследования по речевым жанрам во многом опираются на опередившие своё время работы М. М. Бахтина, особенно на его незаконченную рукопись «Проблема речевых жанров» [1] (1953–

1954, опубликована в 1978; далее – ПРЖ). Следует рассмотреть соотношение её идей с идеями лингвистики, влиятельными в его время, прежде всего, с идеями «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, изданного

уже после смерти его автора в 1916 г., ровно сто лет назад. В годы, когда М. М. Бахтин писал ПРЖ, концепция Ф. де Соссюра в полной мере сохраняла свою влияние, в том числе и в нашей стране, хотя её иногда критиковали и с идеологических, и с научных позиций; наиболее серьёзной критикой второго типа была появившаяся одновременно с написанием ПРЖ брошюра А. И. Смирницкого [2]. К тому времени уже существовало русское издание «Курса» Ф. де Соссюра, вышедшее в 1933 г. (в ПРЖ имеются ссылки на него). Далее цитаты из этого труда даются по второму русскому изданию [3] в составе книги «Труды по языкознанию» (М.: Прогресс, 1977. 695 с., с. 35–273) с указанием лишь номера страницы.

Ф. де Соссюр в своем «Курсе», в частности, поставил вопрос о чётком разграничении лингвистических и нелингвистических задач, при этом он одновременно расширил и сузил границы лингвистики. Расширение лингвистической проблематики у Соссюра шло за счет «реабилитации» синхронной лингвистики, не занимающейся языковой историей. Но Соссюр одновременно и сужал области первоочередных исследований сразу в нескольких направлениях.

Это видно уже в связи с разграничением языка и речи, не вызвавшим в отличие от разграничения синхронии и диахронии особого неприятия у лингвистов, если только они не отвергали научную парадигму в целом, как это было у В. Н. Волошинова. Известны слова Ф. де Соссюра: «*Надо с самого начала встать на почву языка и считать его основанием для всех прочих проявлений речевой деятельности*» (47). А «если мы изучаем явления речевой деятельности одновременно с нескольких точек зрения, объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений. Поступая так, мы распахиваем двери перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и т.д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как на один из своих объектов» (там же). Если язык «представляет собой целостность сам по себе» (48), то речь (= речевой деятельности минус язык) принципиально разнородна и не составляет единства (там же). И вывод: «Что касается прочих элементов речевой деятельности, то наука о языке вполне может обойтись без них» (53). Речь относится к основным понятиям концепции Соссюра,

но определяется фактически лишь остаточным; дается лишь очень общая ее характеристика: «Речь – сумма всего того, что говорят люди»; в ней «нет ничего, кроме суммы частных случаев» (57). Нетрудно видеть, что жанры речи оказываются у Ф. де Соссюра в речевой сфере.

Учёный разделял «лингвистику языка» и «лингвистику речи». Та часть изучения речевой деятельности, которая имеет своим предметом язык, признается основной; а лингвистика речи названа второстепенной (57). Говорится не просто о необходимости различать эти два явления, но о том, что «мы займемся исключительно» лингвистикой языка (58). Правда, в дошедших до нас планах двух курсов для студентов в конце имеется тема «Лингвистика речи». Однако в легших в основу издания «Курса» студенческих конспектах ничего по этой теме нет; очевидно, что Соссюр ни разу такую лекцию не прочел.

После отделения лингвистики речи Соссюр отделял разнообразный комплекс дисциплин, который он назвал внешней лингвистикой; вопрос о соотношении лингвистики речи и внешней лингвистики им не обсуждается. Он говорит: «Наше определение языка предполагает устранение из понятия «язык» всего того, что чуждо его организму, его системе, – одним словом, всего того, что известно под названием «внешней лингвистики», хотя эта лингвистика и занимается очень важными предметами и хотя «именно ее главным образом имеют в виду, когда приступают к изучению речевой деятельности» (59). К ней отнесены «все связи, которые могут существовать между историей языка и историей расы и цивилизации», «отношения, существующие между языком и политической историей», вопросы литературного языка, вопросы географического распространения языков (59–60). В современной номенклатуре лингвистических специальностей сюда попадают социолингвистика, стилистика, лингвокультурология, изучение картин мира и др. Сюда даже без всяких оговорок отнесены вопросы «дробления на диалекты», хотя диалекты могут изучаться и в структурном плане. Также во внешнюю лингвистику попадает и изучение заимствований (60–61), хотя в ряде языков подсистемы заимствований могут обладать и структурными особенностями; один из примеров – английский язык с особой романской подсистемой. Внешнелингвистические явления без всяких оговорок названы внеязыковыми, и хотя их изучение признано «весьма плодотворным», но в отличие от

лингвистики языка внешняя лингвистика «может нагромождать одну подробность на другую, не чувствуя себя стесненной тиска-ми системы» (60–61).

«Сама по себе чужда внутренней системе языка» и письменность: это лишь «техника, с помощью которой фиксируется язык» (62); значение письма в лингвистике именуется «незаслуженным» (64). Также второстепенен в проблеме речевой деятельности и «вопрос об органах речи» (48); функционирование этих органов само по себе не является семиологичным, поэтому должно рассматриваться «лишь во вторую очередь» (55). Если органы речи всё же занимают место в «Курсе», то точка зрения о необходимости знания лингвистом реалий им решительно отвергается (60).

За пределы лингвистики языка выводится также всё, что связано с сознательными процессами: «воля и разум» приписываются только речи (52). «Язык – не деятельность говорящего. Язык – это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности» (там же); то есть речь не идёт ни о каком выборе со стороны говорящего, который лишь пользуется «готовым продуктом». Здесь можно предполагать скрытую полемику с В. фон Гумбольдтом, считавшим язык деятельностью; вопрос о пассивности и преднамеренности отличал взгляды Соссюра и от взглядов И. А. Бодуэна де Куртенэ (точка зрения Соссюра исключала сознательное вмешательство в язык и языковую политику, что вызвало жёсткую критику ученика Бодуэна Л. П. Якубинского [4]). Любой закон в языке, по Соссюру, лишь «случайный и невольный результат эволюции» (119).

Говоря о проблемах, которые теперь принято называть типологическими, Соссюр указывал: «Язык даёт сравнительно мало точных и достоверных данных о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком» (264). Он отрицал и «мнение, что язык отражает психологический склад народа», поскольку «языковые средства не обязательно определяются психическими причинами» (там же). По сути, Соссюр отрицал возможность изучения того, что сейчас называют картинами мира. В итоге, отмечая, что типологические исследования «не лишены интереса», он пришёл к выводу о том, что отсюда «нельзя делать каких-либо заключений о том, что лежит за пределами языка как такового» (265).

Издание «Курса» завершается знаменитой фразой: «Единственным и истинным

объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в себе и для себя» (269). Происхождение этой фразы, не зафиксированной в дошедших до нас конспектах, загадочно; существует гипотеза о том, что она придумана издателями курса Ш. Балли и А. Сеше и не соответствует идеям Соссюра [5 : 19]. Однако вряд ли собственные работы Балли и особенно Сеше больше соответствуют данной формулировке, чем «Курс», а фраза могла быть записью устного высказывания Соссюра.

Впрочем, именно Ш. Балли принадлежит формулировка, может быть, наиболее чётко выражающая суть подхода Соссюра и его последователей. В книге 1913 г. он писал: чтобы у исследователя «появился некоторый шанс уловить реальное состояние языковой системы», «он не должен иметь ни малейшего представления о прошлом этого языка, он должен полностью игнорировать связь языка с культурой и обществом, в котором этот язык функционирует, чтобы все внимание исследователя было сосредоточено на взаимодействии языковых символов» [6 : 39]. Таков был идеал структурализма, свойственный многим его школам и направлениям, иногда очень последовательно (Л. Ельмслев), иногда далеко не строго (Пражский кружок).

Сильно огрубляя задачи науки о языке, их можно свести к поискам ответа на три вопроса: «Как устроен язык?», «Как изменяется язык?» и «Как функционирует язык?». Во всех лингвистических традициях, включая европейскую, из которой затем выросла наука о языке, первичным был вопрос об устройстве языка, наиболее тесно связанный с проблемами обучения языку и языковой нормы. Однако в XIX в. лингвистическая наука сосредоточилась на изучении вопроса о языковых изменениях. «Курс общей лингвистики» Ф. де Соссюра провозгласил задачу вернуться к изучению устройства языка. А вопрос о функционировании языка к середине XX в. был изучен меньше всего. На этот счёт были замечательные догадки у В. фон Гумбольдта, К. Фосслера, Э. Сепира и др., но теория функционирования языка была лишь намечена, и вовсе не было сколько-нибудь разработанного научного метода, который в той или иной мере существовал для ответа на два других вопроса.

М. М. Бахтин был одним из немногих учёных, последовательно обращавшихся к изучению функционирования языка, его использования говорящим в диалоге с собеседником/собеседниками. Ф. де Соссюр отстра-

нялся от этого изучения, считая (что, разумеется, было сильным упрощением), будто там нет ничего, кроме «суммы частных случаев», без обращения к которым можно обойтись. Нельзя считать, что такое ограничение не было плодотворным: сосредоточение на проблемах устройства языка (в теоретическом плане мало изучавшихся с XVII в. по начало XX в.) вывело языковедение из кризиса и значительно продвинуло его структурную составляющую. Но М. М. Бахтин не был согласен с таким ограничением, как и его так называемый круг, что отразилось в книге В. Н. Волошинова «Марксизм и философия языка»¹.

Однако между «Марксизмом и философией языка» и ПРЖ были различия в отношении к идеям Ф. де Соссюра. В книге 1929 г. объективность существования языка в соссюровском смысле (которую четверть века спустя будет доказывать А. И. Смирницкий) вообще отрицается: «Субъективное сознание говорящего работает с языком вовсе не как с системой нормативно тождественных форм. Такая система является лишь абстракцией, полученной с громадным трудом, с определенной познавательной и практической установкой. Система языка – продукт рефлексии над языком, совершаемой вовсе не сознанием самого говорящего на данном языке и вовсе не в целях самого непосредственного говорения» [7 : 281–282]. Под познавательной и практической установкой имеются в виду задачи обучения языку и толкования текстов на чужом (в том числе древнем) языке. Но «основой для понимания и объяснения языковых фактов в их жизни и становлении – эта система быть не может» [7 : 298].

В то же время в ПРЖ постоянно говорит-

¹ Я не хочу возвращаться к проблеме авторства книги, о которой много писал. Но я считаю, что, с одной стороны, так и нет убедительных оснований для отрицания авторства В. Н. Волошинова; с другой стороны, вполне вероятно наличие в книге идей, предложенных М. М. Бахтиным. Но важно, что, как писал сам Михаил Михайлович в письме В. В. Кожиннову от 10 января 1961 г. [8 : 128], у него и В. Н. Волошинова имелась «общая концепция языка и речевого произведения». И в то же время не следует полностью отождествлять идеи книги 1929 г. и ПРЖ, что свойственно, например, комментариям в книгах [1 ; 9]. Между ними есть расхождения, которые могут быть объяснены либо различиями взглядов М. М. Бахтина и В. Н. Волошинова, либо (что вероятнее) эволюцией взглядов М. М. Бахтина. Один из явных пунктов несовпадения – разное отношение к концепции Ф. де Соссюра.

ся о системе языка как о реально существующем явлении. В самом начале работы, говоря о высказываниях, в форме которых используется язык (а термину *parole* у Ф. де Соссюра, традиционно переводимому как *речь*, и у В. Н. Волошинова, и у М. М. Бахтина соответствует термин *высказывание*; в ПРЖ дважды на одной странице (275) они приравняются), М. М. Бахтин пишет: «Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим), и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением» (249)². Языку в смысле Ф. де Соссюра здесь соответствуют «словарные, фразеологические и грамматические средства». И это не фикция, не «результат рефлексии», как получалось в «Марксизме и философии языка», а нечто реальное: только реальное может использовать носитель. Ещё чётче та же мысль выражена далее: «Язык, как система, обладает, конечно, богатым арсеналом языковых средств – лексических, морфологических и синтаксических – для выражения эмоционально-оценивающей позиции говорящего» (279). Слово и предложение названы «значащими единицами языка» (277). Язык везде в ПРЖ понимается в традиционном смысле, из которого исходил и Ф. де Соссюр, лишь уточняя его. То есть «язык как система» существует, и он необходим для построения высказываний. Отмечу, что все случаи прямой полемики со швейцарским учёным в ПРЖ не касаются ни разграничения языка и речи как такового, ни проблем, связанных с языком. Точка зрения В. Н. Волошинова была всё же крайней, а М. М. Бахтин в 1953–1954 гг. нашёл место для языка в своей системе понятий.

Язык в ПРЖ – общая для всего «народа» система средств (среди них, помимо лексических и грамматических, упомянуты и интонационные). Из этих средств в процессе речевого общения строятся высказывания. Такая точка зрения не противоречит Ф. де Соссюру. Однако автор ПРЖ решительно не согласен ни с представлением о речи (высказывании) как о «сумме частных случаев», ни тем более с ограничением задач науки рассмотрением «языка в себе и для себя».

Уже в первой из вышеприведённых цитат

² Цитаты из ПРЖ даются с указанием только номера страницы по изданию: Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 337 с. [9].

говорится о «тематическом содержании», «композиционном построении» и «языковом стиле». Всё это не отрицается, но игнорируется у Ф. де Соссюра. И говорится об «отборе словарных, фразеологических и грамматических средств языка», а отбор – это «деятельность», «воля и разум», выводимые Ф. де Соссюром за пределы внутренней лингвистики, которой он призывал заниматься. В одном месте М. М. Бахтин прямо пишет, что выбор (в данном случае речевого жанра) отражает «речевую волю говорящего» (271).

И обращение к проблемам речи, по Ф. де Соссюру, не означает в ПРЖ отказа от поисков системности. Эту системность М. М. Бахтин видел, исходя из ключевого для его концепции понятия речевого жанра. «*Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами*» (249). При всём многообразии и разнородности речевых жанров (из-за которых они до М. М. Бахтина не рассматривались в единстве) они имеют «общелингвистическую природу» (251). «Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанрово-стилистического испытания и отработки» (256)¹.

Разные жанры в разной степени стандартизованы, но «даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам, иногда штампованным и шаблонным, иногда более гибким, пластичным и творческим (творческими жанрами располагает и бытовое общение). Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык.... Речевые жанры организуют нашу речь почти так же, как ее организуют грамматические формы (синтаксические).... Если бы речевых жанров не существовало и мы не владели бы ими, если бы нам приходилось их создавать впервые в процессе речи, свободно и впервые строить каждое высказывание, речевое общение, обмен мыслями, было бы почти невозможно» (272).

Эта формулировка очень важна. Сохраняя соссюровское противопоставление языка и речи, М. М. Бахтин отказывался от одного из главных, по Ф. де Соссюру, их раз-

личий: системности языка и несистемности речи. Здесь идеи ПРЖ можно сопоставить с идеями А. Гардинера, также искавшего системность не только в языке, но и в речи; подробнее см. [11 ; 12 : 255–259]. Правда, в ПРЖ употреблено слово *почти*, поскольку «речевые жанры, по сравнению с формами языка, более изменчивы, гибки, пластичны» (274), но «для говорящего индивидуума они имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему. Поэтому единичное высказывание при всей его индивидуальности и творческом характере никак нельзя считать *совершенно свободной комбинацией* форм языка, как это полагает, например, де Соссюр (а за ним и многие другие лингвисты), противопоставляющий высказывание (*la parole*) как чисто индивидуальный акт, системе языка как явлению чисто социальному и принудительному» (274–275). «Таким образом, Соссюр игнорирует тот факт, что кроме форм языка существуют еще и *формы комбинаций этих форм*, то есть игнорирует речевые жанры» (275).

То есть главный пункт расхождений с Ф. де Соссюром – то, что тот сужает проблематику лингвистики, сводя её задачи к изучению «форм языка». В то же время М. М. Бахтин, рассматривая проблемы, отнесённые Ф. де Соссюром к области речи, стремится выделить там из множества явлений нечто устойчивое и поддающееся достаточно строгому анализу – речевые жанры, также имеющие «нормативное значение». Выделяются некоторые характеристики жанров, прежде всего, их разграничение на первичные и вторичные. Однако критериев для разграничения жанров М. М. Бахтин не дал, нет их и в современной науке.

Другой (по порядку в тексте первый) случай прямого спора М. М. Бахтина с Ф. де Соссюром связан с параметрами речевого общения. Здесь следует отметить, что в терминологии ПРЖ имеется непоследовательность: *высказывание* приравнивается к *parole*, но чаще понимается в другом смысле: не как *parole*, а как его основная единица. Говорится, например, что *высказывание* может совпадать по границам с предложением. А в качестве единицы более высокой степени абстракции, соответствующей *parole*, выступает в этом случае *речевое общение*. У Ф. де Соссюра и других учёных «язык рассматривается с точки зрения говорящего, как бы *одного* говорящего, без *необходимого* отношения к другим участникам речевого общения. Если роль другого и учитывалась, то как роль слушателя, который только пассивно понимает говоряще-

¹ Ср. идеи А. Сеше о том, что все изменения происходят в «организованной речи», откуда затем лишь часть из них входит в язык [10].

го.... В курсах общей лингвистики (даже и в таких серьезных, как де Соссюра), часто даются наглядно-схематические изображения двух партнеров речевого общения – говорящего и слушающего (воспринимающего речь), дается схема активных процессов речи у говорящего и соответствующих пассивных процессов восприятия и понимания речи у слушающего» (258–259). Такие схемы оцениваются как «научная фикция», поскольку «слушающий, воспринимая и понимая значение (языковое) речи, одновременно занимает по отношению к ней активную ответную позицию» (259). Помимо Ф. де Соссюра, за такое понимание речевого общения М. М. Бахтин критикует В. фон Гумбольдта и К. Фосслера (последний за это же критиковался и в «Марксизме и философии языка»). Отмечу, что активная позиция слушающего не учитывалась и в ряде других схем речевых процессов: у К. Бюлера, у Ш. Балли; исключение составлял А. Гардинер, у которого речь понимается как четырёхстороннее явление: говорящий – слушающий – слова – обозначаемые предметы в широком смысле [13 : 62]. Как указывает современный исследователь идеи М. М. Бахтина, «Гардинера можно рассматривать как связующее звено между бахтинской концепцией высказывания и теорией речевых актов Остина – Сёрла» [14 : 181].

Ещё один раз М. М. Бахтин критически отзывался о «школе де Соссюра», говоря о том, что там, как и у её последователей – структуралистов, включая «американских бихевиористов» (то есть дескриптивную лингвистику), изучение «реплик бытового диалога» «ограничивалось спецификой устной бытовой речи, иногда прямо ориентируясь на нарочито примитивные высказывания (американские бихевиористы)» (251). То есть и здесь критикуется ограничение объекта исследований, отказ рассматривать его во всей полноте.

И ещё один сюжет. Как известно, ПРЖ писалась в короткий период «сталинского учения о языке» (начался после появления в 1950 г. работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», закончился, постепенно сходя на нет, ещё до XX съезда). Поэтому в данной работе не раз упоминаются работы И. В. Сталина по языкознанию; правда, эти упоминания купируются в существующих изданиях ПРЖ и не всегда восстанавливаются из контекста. Но в уже приводившейся цитате о том, что говорящему обязательно даны, помимо языка, речевые жанры, обращает на себя внимание форму-

лировка «формы общенародного языка (словарный состав и грамматический строй)». А это прямая отсылка к тому, что писал И. В. Сталин, выделявший два главных компонента языка – «основной словарный фонд» и «грамматический строй» [15 : 6]; термин «общенародный язык» также постоянно употребляется у И. В. Сталина. То есть в ПРЖ фактически признано, что в данном вопросе позиция вождя сходна с критикуемой М. М. Бахтиным позицией Ф. де Соссюра и его последователей. В подготовительных материалах к ПРЖ об этом сказано ещё яснее (здесь публикаторы всё же сохранили имя автора «Марксизма и вопросов языкознания»): «Сталинская концепция языка – это концепция языка как системы (притом нормативной), не совпадающей с речевым общением, условием которого эта система является, но неразрывно с (ним) связанной» [1 : 272]. То есть и вождь, как и Ф. де Соссюр, учитывал лишь систему языка, игнорируя речевое общение, в том числе самое устойчивое в нём – речевые жанры. И действительно, такой взгляд нельзя считать особенностью взглядов швейцарского учёного; он лишь наиболее чётко выразил господствующее в тот исторический период мнение, которое отразилось даже у И. В. Сталина.

Безусловно, взгляды Ф. де Соссюра на язык и речь в более или менее чётком виде продолжали преобладать и в годы, когда М. М. Бахтин в Саранске работал над ПРЖ. Именно изучение языка в соссюровском смысле тогда и несколько позже шло вперёд и задавало тон в языкознании, включая и советское. Один из ярких примеров – популярная у нас в 60-70-е гг. модель «Смысл ⇔ Текст», разрабатывавшаяся И. А. Мельчуком. Для него «описать конкретный язык (или его фрагмент) значит построить для него (для его фрагмента) модель типа «Смысл ⇔ Текст» [16 : 5]. «Модель «Смысл ⇔ Текст» должна быть задана *совершенно формально* – посредством однозначных и логически последовательных формулировок, не требующих привлечения какой-либо добавочной информации. В качестве контрольного критерия выдвигается принципиальная осуществимость модели или любого ее фрагмента на вычислительной машине» [16 : 20]. При этом постоянно задаются те или иные рамки. «Поскольку лингвист как таковой не занимается и – по крайней мере в настоящее время – не должен заниматься нейрофизиологическим (нейрофизическим, нейрохимическим и т.п.) исследованием того, что в точности происходит в мозгу при

говорении или понимании, постольку язык-преобразователь выступает для лингвистики в роли широко известного «черного ящика» [16 : 13]. «Язык моделируется сугубо функционально, без попыток связать нашу модель с психологической (нейрофизиологической и т.п.) реальностью речевого поведения» [16 : 27]. «Язык моделируется только в плане преобразования «Смысл ↔ Текст» без учета других функций языка и его исторических, социальных и т.п. связей» (там же). Разумеется, ни о чём, похожем на речевые жанры, речи не идёт. Всё это вполне сходно с Ф. де Соссюром.

Трудно сказать, как повлияла бы на развитие лингвистики в нашей стране ПРЖ, если бы была опубликована раньше. Однако к моменту первой публикации ПРЖ в 1978 г. ситуация в лингвистике стала меняться. Уже в 1970-е годы активное развитие получили новые дисциплины, в которых «на первый план выдвигаются задачи исследования коммуникации» [17 : 19], в том числе лингвистика текста, теория речевых актов, прагматика, дискурсивный анализ.

Новый этап в развитии науки о языке был чётко охарактеризован в работе А. Е. Кибрика «Лингвистические постулаты», впервые прозвучавшей в виде доклада в 1982 г. и опубликованной годом позже. Он считал, что необходимо «расширять границы науки о языке и сближать ее с другими науками о человеке.... Всё, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики.... То, что считается «не лингвистикой» на одном этапе, включается в нее на следующем» [18 : 20]. Нет ничего, что сознательно бы откладывалось «на потом», никакие границы заранее не устанавливаются. А для Ф. де Соссюра главным было установление границ между лингвистикой и «не лингвистикой», и он отвергал «распахивание дверей перед другими науками».

Сейчас у нас в рамках нескольких достаточно разных направлений стараются изучать функционирование языка. Как обобщающий термин для обозначения таких направлений иногда употребляется термин «функционализм». Активно развиваются типология и семантика. Особо существенной стала роль изучения так называемых языковых картин мира: ставится задача изучения национальных картин мира, свойственных носителям тех или иных языков, установления связей языка с культурой и нравственностью. То есть снова идет поиск в языке «данных о нравах и институтах народа, который пользуется этим языком», против чего

предостерегал Ф. де Соссюр. Наконец, в большей степени, чем раньше, наука обратилась ко всему тому, что происходит «на самом деле», к реальным процессам порождения и восприятия речи, развиваются психолингвистика и нейролингвистика, от которых отвлекался ещё И. А. Мельчук. Теперь же в отличие от 60–70-х гг. это считается существенной частью лингвистики. Безусловно, в число активно развивающихся областей функционализма входит и теория речевых жанров, опирающаяся на идеи М. М. Бахтина.

Но при этом наблюдаются две противоположные, но часто сосуществующие тенденции. С одной стороны, мы видим стремление к научной строгости, особенно в экспериментальных и прикладных исследованиях, а при чисто лингвистическом изучении функционирования языка также стараются опираться на некоторые устойчивые характеристики, к числу которых, несомненно, относятся речевые жанры, что показал ещё М. М. Бахтин. С другой стороны, у многих лингвистов по сравнению с предшествующим периодом уровень научной строгости снизился. Не только не имеется в виду математизация лингвистики, казавшаяся очень близкой в 50–70-е гг., но часто и не ставится задача выработки сколько-нибудь строгого метода. Безусловно, формализация прагматики или когнитивных процессов – очень сложная задача ввиду сложности самого объекта, но речь уже не идет даже о минимальной строгости. Если у И. А. Мельчука и др. целью было достижение полного и последовательного включения лингвистики в число естественных наук, то теперь гуманитарные аспекты решительно преобладают.

Сами научные принципы, которыми руководствуются некоторые российские когнитивисты и исследователи картин мира, отличаются от того, из чего исходили Ф. де Соссюр и другие исследователи. Ищут связь того или иного языка с нравственными категориями, выявляют по языковым данным отношение к жизни носителей русского или английского языка и др., желают на основе языка познать душу целого народа. Выполнимы ли такие задачи или это ещё один пример «забегания вперед»? Наука о языке в последние два столетия постоянно ставила глобальные задачи, решение которых не было обеспечено существовавшими в то время возможностями. В разные периоды целями могли быть реконструкция «первичного языка человечества» или хотя бы языка, на котором говорили индоевропейцы,

выявление через морфологию или синтаксис «стадий человеческого мышления», полная формализация языка, на основе которой его изучение можно передать машине, и многое другое. Потом с развитием науки все эти задачи признавались не решаемыми, но в ходе погони за миражами наука открывала нечто другое, менее глобальное. Не ждёт ли такая и судьба и познание души народа по языковым данным?

Но в любом случае в современной России функциональная лингвистика очень далека от принципов, из которых исходил Ф. де Соссюр. А среди предшественников функционализма важное место, несомненно, занимал М. М. Бахтин.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : В 5 т. М. : Языки русской культуры, 1996. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. С. 159–206.
2. Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М. : Изд-во Московского ун-та, 1954. 33 с.
3. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. 695 с.
4. Якубинский Л. П. Ф. де Соссюр о невозможности языковой политики // Языковедение и материализм. Вып. 2. М., 1931. С. 23–67.
5. Холодович А. А. Ф. де Соссюр // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977. С. 9–30.
6. Балли Ш. Язык и жизнь. М. : URSS, 2003 [1913]. 232 с.
7. Волошинов В. Философия и социология гуманитарных наук. СПб. : Аста-Пресс Ltd., 1995 [1929]. 382 с.
8. Из переписки М. М. Бахтина и В. В. Кожина (1960–1966) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3–4. С. 180–200.
9. Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб. : Азбука, 2000. 337 с.
10. Сеше А. Три соссюровских лингвистики // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М. : Просвещение, 1965 [1940]. С. 60–84.
11. Алпатов В. М. Из истории лингвистики. Гардинер и Волошинов // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. М. : Индрик, 2002. С. 15–22.
12. Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М. : Языки славянских культур, 2005. 432 с.
13. Gardiner A. The Theory of Speech and Language. Oxford : Oxford Univ. Press, 1932. 332 p.
14. Brandist C. On the Philosophical Sources of the Bakhtinian Theory of Dialogue and the Utterance // Bakhtin and his Intellectual Ambience. Gdańsk : University of Gdańsk, 2002. P. 43–61.
15. Сталин И. В. Марксизм и вопросы языкознания. М. : Политиздат, 1950. 114 с.
16. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, синтаксис. М. : Наука, 1974. 256 с.
17. Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы // Новое в лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М. : Прогресс, 1978. С. 5–42.
18. Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992 [1983]. 336 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The Problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochinenij: v 5 t.* [Collected works: in 5 vol.]. Vol. 5. Moscow, 1996, pp. 159–206.
2. Smirnitckiy A. I. *Ob'yektivnost' sushchestvovaniya yazyka* [Objectiveness of existence of the language]. Moscow, 1954. 33 p.
3. Saussure F. de. Kurs obshchey lingvistiki [Course of General Linguistics]. *Saussure F. de. Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, 1977. 695 p.
4. Yakubinskiy L. P. F. de Sossyur o nevozmozhnosti yazykovoy politiki [F. de Saussure about the impossibility of language policy]. *Yazykovedeniye i materializm* [Linguistics and materialism]. Iss. 2. Moscow, 1931, pp. 23–67.
5. Kholodovich A. A. F. de Sossyur [Ferdinand de Saussure]. *Saussure F. de. Trudy po yazykoznaniyu* [Works on linguistics]. Moscow, 1977, pp. 9–30.
6. Balli Sh. *Yazyk i zhizn'* [Language and life]. Moscow, 2003 [1913]. 232 p.
7. Voloshinov V. *Filosofiya i sotsiologiya gumanitarnykh nauk* [Philosophy and Sociology Humanities]. St.-Petersburg, 1995. 382 p.
8. Iz perepiski M. M. Bakhtina i V. V. Kozhinova (1960–1966) [From the correspondence of Mikhail Bakhtin and V. V. Kozhinov (1960–1966)]. *Dialog. Karnaval. Khronotop* [Dialogue. Carnival. Chronotope]. 2000, no. 3–4, pp. 180–200.
9. Bakhtin Mikhail. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and hero. By the philosophical foundations of the humanities]. St.-Petersburg, 2000. 337 p.
10. Seshe A. Tri sossyurovskikh lingvistiki [Three Saussurian linguistics]. *Zveginetsev V.A. Istoriya yazykoznaniya XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of linguistics XIX and XX centuries in the essays and extracts]. Part II. Moscow, 1965, pp. 60–84.
11. Alpatov V. M. Iz istorii lingvistiki. Gardiner i Voloshinov [From the history of linguistics. Gardiner and Voloshinov]. *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoy* [Languages of the World. Typology. Uralic. Memory T. Zhdanova]. Moscow, 2002, pp. 15–22.
12. Alpatov V. M. *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and Linguistics]. Moscow, 2005. 402 p.

13. Gardiner A. *The Theory of Speech and Language*. Oxford, 1932. 332 p.

14. Brandist C. On the Philosophical Sources of the Bakhtinian Theory of Dialogue and the Utterance. *Bakhtin and his Intellectual Ambience*. Gdańsk, 2002, pp. 43–61.

15. Stalin I. V. *Marksizm i voprosy yazykoznaniya* [Marxism and Problems of Linguistics]. Moscow, 1950. 114 p.

16. Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modeley «Smysl ⇔ Tekst». Semantika, sintaksis* [Experience of linguistic models of the theory of «Meaning ⇔ Text». The semantics, syntax]. Moscow, 1974. 256 p.

17. Nikolayeva T. M. Lingvistika teksta. Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy [Text Linguistics. Current state and prospects]. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics]. Iss. VIII. Lingvistika teksta. Moscow, 1978, pp. 5–42.

18. Kibrik A. Ye. Lingvisticheskiye postulyaty [Linguistic postulates]. Kibrik A. Ye. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya* [Essays on general and applied linguistics issues]. Moscow, 1992 [1983]. 336 p.

Статья поступила в редакцию 22.05.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алпатов В. М. Соссюр и Бахтин // Жанры речи. 2016. №1. С. 9–17. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-9-17.

FOR CITING

Alpatov V. M. Saussure and Bakhtin. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 9–17. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-9-17. (in Russian).

УДК 811.161.1'27

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-18-23

Б. Я. Шарифуллин
Лесосибирск, Россия

B. Ya. Sharifullin
Lesosibirsk, Russia

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ В НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

THE SPEECH GENRES OF NON-VERBAL COMMUNICATION

Аннотация. В статье обсуждается возможность речезанрового подхода к невербальной коммуникации. Традиционно к речевым жанрам относят только вербальные формы высказываний, но современная теория речевой коммуникации различает речь вербальную и невербальную. Следовательно, и жанры также могут быть невербальными, что хорошо отслеживается в современном речевом взаимодействии, прежде всего на уровне повседневного бытового общения.

Жесты как невербальные репрезентанты соответствующих речевых жанров также обладают определенной структурой и композицией, поскольку «однокомпонентных» жестов нет, что обусловлено особенностями строения человеческого тела.

В статье проанализированы некоторые невербальные жанровые аналоги таких речевых жанров как «приветствие», «прощание», «угроза» и др.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, речевые жанры, вербальная и невербальная речь, невербальные речевые жанры, жесты, приветствие, прощание, угроза.

Abstract. The possibility of speech genristic approach to non-verbal communication is discussed in the article. Traditionally, only verbal forms of sentences are regarded as speech genres. However, the contemporary theory of speech communication differentiates verbal and non-verbal speech. Therefore, the speech genres may be non-verbal too, that is well traced in nowadays speech interaction, mainly on the level of everyday communication.

Gestures as non-verbal representers of correspondent speech genres also have a certain structure and composition, because there are not "one-component" gestures, which depends on peculiarities of human anatomy.

Some non-verbal genre analogues of such speech genres as «greeting», «farewell», «threatening» etc. are analyzed in the paper.

Key words: non-verbal communication, speech genres, verbal and non-verbal speech, non-verbal speech genres, gestures, greeting, farewell, threatening.

Сведения об авторе: Шарифуллин Борис Яхйевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией речевой коммуникации.

Место работы: Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета.

E-mail: borshariff@gmail.com

About the author: Sharifullin Boris Yakhievich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian language and literature, Director of laboratory of speech communication.

Place of employment: Lesosibirsk pedagogical institute – branch of the Siberian Federal University.

Введение

В современной речевой коммуникации в пространстве российского города важнейшее место занимают самые разнообразные речевые жанры как повседневного, так и официального общения. Первые реализуются на уровне разговорной речи, типичной для того или иного российского города, нередко регионально окрашенной, вторые являются, естественно, принадлежностью, как правило, пространства русского литературного языка. Значительно пополняют речезанровое пространство города и тексты

естественной письменной русской речи, а также самые разнообразные тексты естественной городской среды, включающие и жанровые.

Теория речевых жанров (РЖ) сейчас развивается быстрее и стремительнее, чем, например, теория когнитивистики. Тому есть причины. Во-первых, когнитивная лингвистика с её основным понятием языковой картины мира пришла к нам, всё же, извне, а понятие речевого жанра – это заслуга М. М. Бахтина.

В данной статье мы не будем давать определение речевого жанра, поскольку ав-

торам и читателям журнала хорошо известны и классическое понимание РЖ в работах М. М. Бахтина, и их современная интерпретация. Отмечу только следующий момент, важный для дальнейшего изложения.

К середине 2000-х годов в России сложились (и продолжают развиваться далее) несколько различных подходов, или аспектов изучения РЖ [1]. В лингвопрагматическом направлении, наиболее, на мой взгляд, интересном, поскольку оно базируется на том непреложном факте, что речевое взаимодействие всегда социально и прагматически обусловлено, распространено такое определение: «речевой жанр – вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [2 : 6]. Обратите внимание – «вербальное оформление», т.е. речевое воплощение РЖ при социальном взаимодействии людей – только словесное.

Таким образом, традиционно к речевым жанрам относят только вербальные формы высказываний, но современная теория речевого взаимодействия различает речь вербальную и невербальную (см. ниже). Следовательно, и жанры также могут быть невербальными, что хорошо отслеживается в современном речевом взаимодействии, прежде всего на уровне повседневного бытового общения.

Иначе говоря, очень часто в речевом взаимодействии, в частности в рамках особых событийных сценариев, происходят события и действия, вербально, т.е. словесно, с помощью языковых средств не выраженные, но по своей природе знаковые, относящиеся к той семиотической сфере коммуникации, которую определяют как «невербальная коммуникация», «невербальная семиотика» [3 ; 4]. Другими словами, наряду с языком как системой вербальной (собственно «речью», а не «языком» как системой внутренней) существует довольно большое число способов общения, которые также служат средством передачи информации, и эти формы общения объединяются понятием «невербальная коммуникация». Поэтому возможность речежанрового подхода к невербальной коммуникации кажется мне очевидной.

1. Невербальные жанры: постановка вопроса

Ещё в 1963 году А. А. Реформатский заметил, что в устном коммуникативном акте вполне уживаются и тесно взаимодействуют

друг с другом сразу нескольких знаковых систем одновременно. А. А. Реформатский считал, что без понимания того, как проходит вербальная коммуникативная деятельность человека и каковы условия и правила её взаимодействия с невербальной деятельностью, немислимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса. По мнению А. А. Реформатского, в акте устного общения никогда не осуществляются простое кодирование смысла или перекодирование информации. В нём сосуществуют параллельно разные системы обработки знаковой информации, «которые, хотя как-то и конгруируют в принципе, но не накладываются друг на друга, а представляют собой более сложное соотношение» [5 : 211].

Ю. Кристева в работе «Жест: практика или коммуникация?» отмечает, что в работах по кинесике процесс коммуникации с использованием жестового кода рассматривают как «многоканальную структуру»: «Коммуникация есть система взаимозависимых кодов, передаваемых по каналам, имеющим сенсорную основу и влияющим друг на друга». В такой структуре устная речь есть не единственная коммуникативная система, а лишь один из инфракоммуникативных уровней. Другой уровень – «жестовая речь» [6].

Вопрос о соотношении собственно речевых жанровых, в узком смысле, действий (по определению, вербальных, поскольку для них релевантен такой признак, как параметры языкового воплощения РЖ) и действий невербальных (жестовых, мимических, окулесических, кинесических и т.п.) сложен, и пока мы не будем «погружаться» в эту проблему (этот вопрос я обсуждал в устной беседе летом 2007 года с проф. Г.Е. Крейдлиным, но к какому-либо определенному мнению мы тогда не пришли). Главное – тот несомненный факт, что в РЖ, тем более в их сложных и гипержанровых формах, оба типа коммуникативных событий – словесное и невербальное – даже не то что взаимодействуют, но и выстраиваются и «встраиваются» в речевое взаимодействие таким образом, что одно без другого просто бессмысленны. Будет ли, например, «осмыслен», с точки зрения участников, семейный скандал, реализуемый только с помощью известных словесных «формул» инвективных РЖ без соответствующих невербальных действий, вплоть до традиционного битья посуды, или наоборот?

Поскольку речь как основа речевой коммуникации может быть и вербальной (словесно выраженной), и невербальной (в различных видах, см. выше о «жестовой речи» у Ю. Кристевой), то логически следует, что и РЖ также могут быть вербальными (традиционное представление о РЖ) и невербальными. Достаточен один пример: РЖ «приветствие». Традиционно РЖ этикетного типа. Но то же самое коммуникативное содержание (диктум РЖ) мы можем выразить и соответствующими жестами: рукопожатие и пр. Это также РЖ «приветствие», но только невербальный (о невербальных приветствиях и прощаниях см. специально [7]).

В. Е. Гольдин и О. Н. Дубровская в статье «Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий» также приходят к выводу об «изначальной слитности речевых и неречевых действий» (здесь противопоставление «речевых» и «неречевых» действий не совсем точно – об этом я уже сказал ранее. – *Б. Ш.*): «В качестве жанров вопрос, просьба, отказ, согласие, запрет, приглашение, шутка, прикол – это первичные коммуникативные жанры. Каждый из них имеет речевую форму, но может быть реализован и без участия речи или сочетанием вербальных и невербальных коммуникативных средств. Едва ли случайно то, что именно первичные коммуникативные действия способны выступать в вербальной, невербальной и синкретической вербально-невербальной формах» [8 : 11].

Существенно также то, что вербальные и невербальные события и стороны общения в художественном произведении с подачи писателя обычно оказываются неразрывно связанными, взаимно проникающими и определяющими одна другую частями или сторонами коммуникативного целого. А тексты литературных произведений отражают реальное речевое взаимодействие людей.

Здесь необходимо высказать несколько замечаний о невербальных средствах общения и о сущности невербальных РЖ вообще.

Во-первых, полагаю, что нет отдельных, единичных жестов и иных единиц невербальной коммуникации – они всегда системны, т.е. включают минимум два элемента, которые обязательно связаны какими-то определенными отношениями. Если «поцелуй» – то это, как минимум, опять же соотношение двух компонентов: губ того и другого целующихся. Ситуации «поцелуй в щеку» или «поцелуй руки» то же самое. Ибо в речевом взаимодействии (вербальном и не-

вербальном) всегда присутствуют минимум два участника – значит, любое их действие, вербальное или невербальное, всегда системно, т.е. может быть интерпретируемо в терминах системных, структурных отношений различного рода и типа.

Жесты как невербальные репрезентанты соответствующих речевых жанров, как видим, также обладают определенной структурой и композицией, поскольку «однокомпонентных» жестов нет, что обусловлено особенностями строения человеческого тела.

Во-вторых, системная организация невербальной коммуникации заставляет сделать следующий логичный вывод. Поскольку сама речевая коммуникация может быть вербальной и невербальной, что следует из разграничения вербальной и невербальной речи (если под нею понимать внешнюю систему, реализующую внутреннюю систему языка), то необходимо различать также РЖ вербальные и невербальные, а также и смешанные (синкретичные).

2. Невербальные жанры речевой коммуникации: иллюстрации

Здесь я приведу только три примера взаимодействия вербальных и невербальных компонентов в жанрах этикетного общения («приветствие»), информационно-императивного («отказ») и инвективного («угроза»).

Пример 1: РЖ «приветствие» может быть реализован чисто вербально («Приветствую тебя!», «Здравствуйте, уважаемые гости!», «Привет!», «Здорово!», заимствования типа «Хелло!», «Бонжур!» и пр.), невербально (жест поклона, жест поднятой вверх руки, жест рукопожатия, объятия, поцелуй и т.п.) и вербально-невербально, синкретически (слова приветствия сопровождаются соответствующими жестами), что, по нашим наблюдениям, при контактном взаимодействии происходит чаще.

Наиболее распространенным в европейских, в том числе и русской, лингвокультурах жестом приветствия является следующий (рис. 1):

Рис. 1

Недаром в русском языке есть выражение *здороваться за руку*. Но рукопожатие не только жест приветствия, оно может отражать также РЖ «прощание, «благодарность», обычно одновременно со словесными жанровыми формами («Ну, пока!», «До встречи!», «Спасибо!» и т.п.).

В Сибири до сих пор принято при встрече обниматься, а у православных – ещё обмениваться трёхкратным поцелуем в щёку. Нередко при этом обмениваются ещё рукопожатием (рис. 2).

Рис. 2

Кстати, обычай обниматься и целоваться как жест приветствия или поощрения, причём, не в щеки, а в губы, был, как известно, принят в партийно-государственной элите во времена Л. И. Брежнева, что послужило сюжетом многих шуток и анекдотов (рис. 3). Происходило это чисто невербальное жанровое событие и на уровне межгосударственных контактов, что нередко шокировало представителей западных стран.

Рис. 3

В современном молодёжном общении укоренился и заимствованный из американ-

ской лингвокультуры такой жест приветствия (рис. 4):

Рис. 4

Пример 2: РЖ «отказ» как реакция на РЖ «просьба» или «требование». Его реализация может быть чисто словесной, от сухого кратко, но категорического «Нет!» вплоть до пространного объяснения причин отказа. Возможна в ситуациях неформального общения и такая реакция, как формула «На-кося, выкуси!», или ответ Ивана-дурака на требование Бабы-Яги в повести-сказке Василия Шукшина «До третьих петухов» сесть на лопату и в печь: «А ху-ху не хо-хо, бабуся?». В повести об этом не сказано, но, очевидно, этот отказ сопровождался и соответствующим жестом, например, скорее всего таким (рис. 5):

Рис. 5

«Кукиш», «дуля» или «фига» (кстати, этимология этих слов весьма интересная, связанная, в частности, с растительным кодом – *дуля* и *фига*; надеюсь написать на эту тему отдельную статью), означающие в общем смысле нечто вроде «А ну-ка, выкуси!», – жестовая реализация фаллического символа, что уже известно. Аналогичен ему американский жест «средний палец», или «fuck», заимствованный и в русском молодёжном общении (рис. 6):

Рис. 6

Правда, семантика этого жеста намного шире: это не только и выражение не столько отказа, сколько вообще оскорбления. Наша «фига» особо оскорбительных коннотаций, как мне кажется, не имеет, как и словесная формула «Фигушки тебе!». В немецкой лингвокультуре, кстати, этот жест имеет чисто сексуальную подоплеку, без метафорических смыслов.

Пример 3: РЖ «угроза». Характерный жест угрозы в криминальной сфере общения, оттуда «перекочевавший» в неформальное подростковое, – так называемая «коза». Обычно сопровождается вербальными формулами типа «Моргала выколою!». Такой жест представлен на кадре из культовой кинокомедии 1971 года режиссёра А. Серого «Джентльмены удачи» (рис. 7).

Рис. 7

В молодёжных неформальных группах, например у «металлистов», этот жест имеет и иное значение, но только в случае его вертикального употребления: рука поднята вверх. Этот же жест по направлению к адресату используется также в ситуации обще-

ния с ребёнком («Ути-ути-ути!»), но отчётливой речежанровой природы у него, видимо, нет. Он выполняет, скорее, конативную функцию, как попытка взрослого вступить в контакт с ребёнком.

Конечно, есть и иные жесты, репрезентирующие РЖ «угроза», например «кулак», особенно когда кулаком замахиваются с правого или левого (если угрожающий левша) плеча. Такими знаками угрозы могут быть также мимика, позы тела и т.п. В этом отношении человек не так уж далеко отошёл от угрожающих сигналов животных.

Резюме

В статье рассмотрены только три примера корреляции вербальных и невербальных жанров. На самом деле их заметно больше: прощание, благодарность, оскорбление, поощрение (например, похлопыванию по плечу), просьба (здесь интересно было бы провести анализ старинного выражения *челом бити*, вербально выраженного в названии одного из видов грамот – «челобитная») и т.п.

Понимание РЖ, как вербальных, так и невербальных, вполне вписывается и в сущность гипержанровых сценариев, в которых как раз и происходит особенно тесное и взаимопроницаемое взаимодействие вербальных и невербальных РЖ, а также иных речевых и неречевых событий [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Изучение речевых жанров в России : аспект формализации социального взаимодействия // Антология речевых жанров. М. : Лабиринт, 2007. С. 39–61.
2. Дементьев В. В., Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. Саратов : Изд-во Сарат. пед. ин-та, 1998. 107 с.
3. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 41 с.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика : Язык тела и естественный язык. М. : НЛЮ, 2004. 584 с.
5. Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 208–215.
6. Кристева Ю. Жест: практика или коммуникация? // Кристева Ю. Избранные труды : Разрушение поэтики. М. : РОССПЭН, 2004. С. 114–135.
7. Крейдлин Г. Е. Невербальные приветствия и прощания (семиотические акты и жесты) // Аспек-

ты изучения звучащей речи : сб. науч. работ к юбилею Е. А. Брызгуновой. М. : Изд-во МГУ, 2004. С. 323–334.

8. Гольдин В. Е., Дубровская О. Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // *Жанры речи* : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Деметьева. Вып. 3. Саратов : Колледж, 2002. С. 5–17.

9. Шарифуллин Б. Я. Гипержанровые сценарии в вербальной и невербальной коммуникации // *Языковая картина мира : лингвистический и культурологический аспекты* : материалы 4 междунар. науч.-практич. конф. Бийск : БГПУ им. В. М. Шукшина, 2008. С. 318–327.

REFERENCES

1. Dementyev V. V. *Izucheniye rechevykh zhanrov v Rossii: aspect formalizatsii sotsialnogo vzaimodeystviya* [The investigation of speech genres in Russia: an aspect of social interaction formalization]. *Antologiya rechevykh zhanrov* [The speech genres anthology]. Moscow, 2007, pp. 39–61.

2. Dementyev V. V., Sedov K. F. *Sotsiopragsmaticheskiy aspekt teorii rechevykh zhanrov* [The sociopragsmatic aspect of the theory of speech genres]. Saratov, 1998. 107 p.

3. Kreydlin G. E. *Neverbalnaya semiotika v yeyo sootnoshenii s verbalnoy* [The non-verbal semiotics in its correlation with the verbal one. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2000. 41 p.

4. Kreydlin G. E. *Neverbalnaya semiotika: Yazyk tela yestestvennyi yazyk* [The non-verbal semiotics: language of corps and natural language]. Moscow, 2004. 584 p.

5. Reformatskiy A. A. *O perekodirivanii i transformatsii kommunikativnykh sistem* [On there-coding and the transformation of communicative systems]. *Issledovaniya po strukturnoy tipologii* [The research on structural typology]. Moscow, 1963, pp. 208–215.

6. Kristeva Y. *Zhest: praktika ili kommunikatsiya?* [The gesture: a practice or a communication?]. *Izbrannyye trudy: Razrusheniye poetiki* [The selected works: deconstruction of poetics]. Moscow, 2004, pp. 114–135.

7. Kreydlin G. E. *Neverbalniye privetstviya i proshchaniya (semioticheskiye akty i zhesty)* [Non-verbal greetings and farewells (semiotic acts and gestures)]. *Aspekty izucheniya zvuchashchey rechi: sb. nauch. tr. k yubileyu Y. A. Bryzgunovoy* [The aspects of investigation the sound speech: collection of scientific works in jubilation of Ye. A. Bryzgunova]. Moscow, 2004, pp. 323–334.

8. Goldin V. Ye., Dubrovskaya O. N. *Zhanrovaya organizatsiya rechi v aspekte sotsialnykh vzaimodeystviy* [The genre organization of speech in aspect of the social interactions]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementev]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 5–17.

9. Sharifullin B. Ya. *Giperzhanrovyye stsennarii v verbalnoy i neverbalnoy kommunikatsii* [Hypergenre scenarios in verbal and non-verbal communication]. *Yazykovaya kartina mira: lingvisticheskiy i kulturologicheskiy aspekty: materialy 4 nauch.-praktich. konf.* [The language picture of world: linguistic and culturological aspects: the proceedings of the 4 international science and practice conference]. Biysk, 2008, pp. 318–327.

Статья поступила в редакцию 30.05.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шарифуллин Б. Я. Речевые жанры в невербальной коммуникации // *Жанры речи*. 2016. №1. С. 18–23. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-18-23.

FOR CITING

Sharifullin B. Ya. The speech genres of non-verbal communication. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 18–23. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-18-23. (in Russian).

УДК 811.161.1'27

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41

В. В. Дементьев, Н. Б. Степанова
Саратов, Россия

V. V. Dementyev, N. B. Stepanova
Saratov, Russia

КОРПУСНАЯ ГЕНРИСТИКА: ПРОБЛЕМА КЛЮЧЕВЫХ ФРАЗ

CORPUS GENRISTICS: A PROBLEM OF KEY PHRASES

Аннотация. В статье обсуждаются теоретические и практические проблемы, связанные с изучением речевых жанров на основе корпусных баз данных и в целом при помощи методов корпусной лингвистики.

На первый план выходит проблема «ключевых фраз», или текстовых маркеров РЖ, по которым можно осуществлять поиск в корпусах. По мнению авторов, ключевая фраза речевого жанра представляет собой его существенную характеристику, которая присутствует в речевом жанре носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания в качестве дополнительного параметра.

Формулируются главные требования, предъявляемые к ключевой фразе: 1) ключевая фраза должна максимально соответствовать семантике жанра; 2) в системе по этому критерию можно реально искать и находить большое количество примеров.

Предлагается начальная классификация ключевых фраз речевых жанров, которые противопоставляются 1) по природе самих речевых жанров различных типов (особенно значимым является противопоставление стандартизованных и свободных, прямых и косвенных жанров); 2) по техническим возможностям корпусов; 3) по задачам конкретного жанроведческого исследования (требуется ли идентифицировать жанры речи в речевом потоке или же осуществлять тот или иной количественный анализ текста в рамках уже идентифицированных речевых жанров).

Представлены результаты начального исследования ключевых фраз речевых жанров в идиоматических словарях, интернет-коммуникации, анекдотах.

Ключевые слова: изучение речевых жанров, корпусная лингвистика, ключевые фразы речевых жанров.

Abstract. The article discusses the theoretical and practical problems related to the study of speech genres on the basis of the material of databases, and generally using the methods of corpus linguistics.

In the foreground there is the problem of “key phrases”, or text markers of speech genres, which can be searched in the case. According to the authors, the key phrase of speech genre is its essential characteristic, which is present in speech genre competence of a native speaker and should be included in the relevant speech genre description as an additional parameter.

The main requirements for key phrases are formulated: 1) a key phrase must have the main semantics of the genre; 2) according to this criterion, you can actually search for and find many examples in the corpus database system.

An initial classification of the key phrases of speech genres has been proposed, that are differentiated by 1) the nature of speech genres of various types (particularly meaningful is the juxtaposition of standardized and free, direct and indirect genres); 2) the technical capabilities of buildings; 3) specific tasks of a speech genre study (whether to identify the genre of speech in the speech flow, or to carry out one or other quantitative analysis of the text within the already identified speech genres).

In the article, are presented the results of the initial study of key phrases of speech genres in idiomatic dictionaries, online communication, anecdotes.

Key words: studying speech genres, corpus linguistics, key phrases of speech genres.

Сведения об авторах: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики. Степанова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru; stepanova.natalya.85@yandex.ru

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Stepanova Natalia Borisovna, PhD, Associate Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Введение

В последнее время в рамках общей теории речевых жанров появилась необходи-

мость изучения речевых жанров на основе корпусных баз данных и в целом при помощи методов корпусной лингвистики.

С одной стороны, богатство, разнообразие и несомненная эффективность корпусных методов для решения различных лингвистических задач [1–17] убеждают в том, что и при лингвистическом изучении речевых жанров такие методы должны быть задействованы.

С другой стороны, разработанной корпусной методике для решения речевых проблем лингвистики пока нет, и в целом не ясны ни роль, какую должны сыграть корпусные методы в общем изучении РЖ, ни – главное – отношение тех единиц, которые используются / доступны оперативному анализу в корпусах, к жанрам речи.

Наш опыт работы с жанрами речи, включая изучение их при помощи корпусов, позволяет выделить некоторую структурную основу такой методологии. Вначале мы хотим обсудить, как выглядит реальное пересечение теории речевых жанров и корпусной лингвистики, далее – высказать несколько предложений методологического характера.

В целом с появлением корпусной лингвистики как будто бы сбылась давняя мечта жанроведа: анализировать РЖ количественно, – ибо, в общем, для решения этой задачи не доставало именно того, что и дают сегодня корпуса: главное, появляется надежда получить достаточно материала для всестороннего освещения каждого жанра со всеми значимыми вариациями – а до сих пор практически все «полевые» исследователи соглашались, что на уровне РЖ это невозможно (например [18]).

В исследованиях речевых жанров: в диссертациях, монографиях, статьях, посвященных различным аспектам и проблемам теории речевых жанров (см., например, диссертации: [19 ; 20]), – совсем не редко используются те или иные возможности корпусной лингвистики, при этом, как представляется, цели и способы обращения к данным возможностям могут быть сведены к нескольким основным типам (к сожалению, среди них лишь небольшое количество отличаются настоящей оригинальностью).

Так, при изучении речевых жанров корпуса и формируемые в их форматах пользовательские подкорпуса могут выступать как база/фонд материала исследования. Используя хранимые и размеченные в корпусах тексты различных жанров, можно изучать соответствующие РЖ (*рассказ, роман, очерк, интервью, фельетон* и мн. др.). Например, в **художественном** подкорпусе НКРЯ выделяются «жанры текста»: *нежан-*

ровая проза, детектив, боевик, детская, историческая проза, приключения, фантастика, любовная история, юмор и сатира, документальная проза, драматургия, перевод (о некоторых принципах жанрового членения корпуса письменных текстов XIX века НКРЯ см.: [21]). Исследователи, изучающие на корпусном материале **религиозный** дискурс (например, [22]), опираются на жанровое членение, осуществленное составителями корпуса (для НКРЯ – «церковно-богословские жанры»: *беседа, житие, катехизис, молитва, отечник, описание, паломничества, послание, поучение, проповедь, Священное писание, слово*), что, конечно, удобно, однако само по себе данное членение не является результатом корпусного анализа речевых жанров. Следует отметить, что этот методологически небезупречный, но соблазнительный в силу своей «уже данности» жанрового членения текстов прием нередко используется при количественном анализе жанров в других типах дискурсов, за пределами собственно корпусов. Например, количественное исследование жанров **внешнеполитического** дискурса [23] исходит из жанрового членения данного дискурса (*выступления, ответы на вопросы СМИ, интервью, комментарии, remarks* ‘выступления’, *press availability* ‘пресс-конференции’, *interview* ‘интервью’, *press statements* ‘заявления для прессы’) на том основании, что соответствующие рубрики выделены на сайтах МИД РФ (www.mid.ru) и Госдепартамента США (www.state.gov).

Кроме того, используя этот же материал, хранящийся в корпусах, можно изучать «жанрово-ролевые сценки», т. е. изображенные в художественных произведениях диалоги персонажей различных жанров (*беседа, болтовня, разговор по душам, комплимент, признание в любви, флирт, ссора, угроза, оскорбление* и мн. др.) [24].

Как видим, названные направления изучения РЖ весьма разнообразны, и вряд ли правомерно и целесообразно говорить, что во всех «используются методы корпусной лингвистики». В этом отношении само по себе обращение к корпусам в качестве источника материала малопоказательно. Так, например, статьи, диссертации, дипломы, в которых во введении имеет место формулировка «*на материале НКРЯ*» (а это, без преувеличения, сотни работ), при ближайшем рассмотрении оказываются чрезвычайно разнородны – как чрезвычайно разнородны тексты, хранимые в НКРЯ: как известно,

это и тексты XX века, и XIX (отчасти и XVIII), и тексты СМИ, и разговорной речи, и диалектной речи...

С нашей точки зрения, о методах корпусной лингвистики как таковых можно говорить только в тех случаях, когда лингвистические задачи решаются количественно и с использованием технических возможностей корпусно-поисковых систем, при этом на первый план выходит проблема «ключевых фраз».

1. Поиск ключевых фраз речевых жанров как теоретическая и практическая проблема теории речевых жанров и корпусной лингвистики

Важность этой проблемы, вынесенной в название статьи, несомненна. О значимости ключевых фраз для ТРЖ писали некоторые исследователи еще до появления корпусов [25 ; 26 : 18].

Действительно, при работе с корпусами проблема таких ключевых фраз, или текстовых маркеров РЖ, по которым одним только и можно осуществлять поиск в корпусе, становится не просто важной, но критической, а главное – исследователю приходится решать данную проблему фактически с нуля, ибо раньше поиском ключевых фраз для конкретных РЖ жанроведы фактически не занимались. В результате, конечно, в анализ будет привнесена доля субъективизма, что в известной степени обесценивает достоинства корпусного подхода.

Приведем пример.

Допустим, предполагается исследование РЖ *роман* на основе текстового корпуса / корпусов. Возможные направления анализа, кажется, ясны: в базах данных различных корпусов хранится (доступно количественному анализу и, как правило, подвергнуто различным типам разметки) большое количество разнообразных романов, исследователь может достаточно легко осуществить целый ряд количественных исследований – например, сравнить несколько романов по ряду показателей, начиная с частотности словоупотребления, формоупотребления и т.д. и заканчивая выявлением авторских и жанровых (*идеологический роман, психологический роман, философский роман*) особенностей стиля.

Задача оказывается гораздо сложнее, если предполагается исследование устных жанров, например *светской беседы* или *разговора по душам*.

Сложности начинаются, собственно, с того, что следует искать в корпусах: понятно,

что лексемы и идиомы, наиболее (и почти единственно по-настоящему) доступные обнаружению, выделению и исчислению в корпусах (такие как «*светская беседа*», «*разговор по душам*», а также «*светский*», «*душа*») в этой роли не годятся: они могут вообще не встретиться в даже весьма длинных текстах (записях) соответствующих жанров.

В нашем исследовании [27 : 315–324, 365–379 ; 28 : 93–100] было показано, как лексемы-названия трех РЖ (*светский, гламурный и по душам*) позволяют найти в корпусах довольно обширную рефлексии (в нашем случае – современных российских журналистов) о данных жанрах, анализ которой позволяет уточнить некоторые аспекты в них.

Но речезанровое исследование, претендующее на адекватность, не может ограничиваться изучением рефлексии над РЖ. Если речь идет о доброкачественном анализе с использованием корпусных методов, на первый план выходит поиск не ключевых лексем, а некоторых ключевых коммуникативно-речевых единиц для конкретных жанров, по которым можно осуществлять формальный поиск и подсчет.

(Собственно, лексема «*роман*» тоже не годится для данной цели, если анализировать некие неизвестные и жанрово немаркированные тексты, еще не размеченные в корпусах. Но, конечно, практически все существующие *романы*, как и другие художественные произведения, уже жанрово маркированы (прежде всего авторами, но нередко и критиками, которым, как известно, иногда «виднее») до размещения в корпусах, и задача жанровой идентификации просто не стоит – стоят совершенно другие задачи «уточнения и прояснения», более традиционные для корпусной лингвистики.)

Как идентифицировать, анализировать и систематизировать («что искать?») *светскую беседу*, пока совершенно неясно. Эта трудность, которую еще только предстоит преодолеть, вполне понятна и даже очевидна на практике. Как это обычно бывает, решение практической задачи сильно облегчается осмыслением изучаемого феномена в теоретическом плане – и здесь несомненно, что у обсуждаемых ключевых фраз РЖ есть общее с речевыми стереотипами, формулами, клише, коллокациями и т.д., иногда фиксируемыми в фразеологических, идиоматических и т.п. словарях (см. параграф 3), но они далеко не сводятся к ним.

Сложность теоретического характера усиливается тем, что сама постановка данной

задачи в жанроведении предполагает определенное противоречие: исследователю предстоит искать конкретные, «материальные» языковые или речевые единицы, которые присущи скорее прецедентным феноменам, чем речевым жанрам, как известно, представляющим собой не сами фразы / тексты, а только их формы [29 : 192]; так осуществляется и распознавание жанров в речи [26 : 18 ; 30 : 5]. В сущности, это не что иное, как попытка соединить **типологический** подход (чистые структуры, свобода от «материальных» единиц и их конкретных форм-содержания), присущий, как уже неоднократно отмечалось, изучению речевых жанров в целом [25 ; 31 ; 32], и в большей степени **субстанциональный** подход, присущий, например, сравнительно-историческому языкознанию (как известно, в истории лингвистической науки, в частности лингвистической типологии, таких попыток соединения было немало, положительных результатов же – мало: типологическое изучение отдельных языков и даже отдельных грамматических категорий в них, стадильная типология и т.п.; при этом большинством современников они воспринимались обычно как лишь факультативные «отклонения» (см.: [33 : 92])). В этой связи следует подчеркнуть, что, хотя изначально в ТРЖ и не предполагался поиск и систематизация подобных «конкретно-материальных» единиц, в современной активно развивающейся ТРЖ уже появились некоторые новые направления, реализующие эту «нетипологическую типологию»: например, изучение жанра как исторического феномена [34], противопоставление первичных и вторичных жанров религиозного дискурса на основе тематического ряда [35] и т.п. Кроме того, в теоретическом плане «жанровая типология» и «текстовая субстанциональность» осмысляются как два разных **интертекстуальных** аспекта РЖ, а именно: противопоставляются жанровые связи на уровне структур, реализуемые во *вторичных речевых жанрах*, и прецедентные связи на уровне самой речи/текста, реализуемые во *вторичных текстах* [36].

Этим объективным сложностям корпусной генетики как будто бы противоречит тот факт, что существует целый ряд жанров, вопросы идентификации которых и «до корпусов» решались относительно просто, и проблем с поиском материала не возникало (это не значит, конечно, что тут совсем не нужны или бесполезны окажутся корпусные методы): это жанры, идентификация которых осуществляется **по простой языковой**

(грамматической) форме: императива (*просьба*), перформатива (*приказ*), инфинитива (*команда*) или, в случае *комплимента* (или, наоборот, *инвективы*), использования характеризующей конструкции с местоименным именованием адресата речи в функции подлежащего и составным именным сказуемым с предикатной (положительно- или отрицательно-оценочной) лексемой в именной части («*Ты – Х*»).

Здесь же следует отнести так наз. **этикетные РЖ**, осуществление которых часто равно произнесению соответствующих формул речевого этикета: *приветствие* («*Здравствуйте!*»), *благодарность* («*Спасибо!*») и т.п.

(Здесь следует вспомнить интересное, хотя и небесспорное предложение А.Д. и Е.Я. Шмелевых распознавать жанр *рассказывания анекдота* по ряду формальных признаков: метатекстовый ввод; изобразительные / иконические элементы вербальной и невербальной коммуникации; зачинный глагол в форме наст.врем., несов.вида [26 : 29–30].)

Такие случаи нами не рассматриваются, поскольку, собственно говоря, нет нерешенной проблемы корпусной лингвистики (хотя, например, в случае жанра *комплимента* могут быть различные ключевые фразы типа: «*Любуюсь тобой*», жанра *похвалы* – «*Горжусь тобой*», жанра *просьбы* – «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*» (по форме и функции иногда тоже близкие к этикетным формулам)).

Гораздо больше в данном случае нас интересуют содержательно и/или формально **сложные** жанры (предполагающие варьирование, иногда косвенные), которые – задолго до появления корпусов – обычно и вызывали больше всего сложностей при анализе; до сих пор методика их описания и систематизации далеко не достаточно разработана. Исследователи (см.: [37–39]) обычно исходили из того, что попытки выявить четкие формальные показатели данных жанров (как и для других подобных «нежестких» жанров), а также сформулировать принципы безэквивалентной семантики данных явлений (например, в терминах универсальных семантических метаязыков) бесперспективны. Понятно, что «охватить» содержание (и форму) данных жанров через одну или несколько случайно найденных ключевых фраз несколько не менее сложно.

Следует отметить, что в реальной речи таких жанров не просто много – их большин-

ство: содержательно сложных, многомерных, не предполагающих единственно верной интерпретации (причем ее может не быть не только у адресата, но и у адресанта высказывания), что характерно для широко распространенной в реальной речи непланируемой непрямо́й коммуникации [40].

Существуют ли вообще у таких жанров ключевые фразы (в нашем понимании: фиксируемые и пригодные для количественного анализа в корпусах)? И если да, могут ли они быть исчислены и систематизированы, а тем самым – представлены как особая формальная характеристика данных содержательно сложных жанров в описании?

Мы полагаем, что ответ должен быть положительным, а проблема поиска ключевых фраз для идентификации речевых жанров непланируемой непрямо́й коммуникации (конечно, не только для них) далеко не сводится к методологической проблеме грамотного пользования корпусами. Данная проблема регулярно ставится и решается на практическом уровне за пределами корпусов (и, так сказать, корпусной генерики) при работе с жанрами: как специалистами-жанроведами, имеющими дело с реальным речевым материалом, так и неспециалистами – носителями языка в «живой жизни»; до теоретического же осмысления данной проблемы (которое, как уже было сказано, могло бы сильно помочь практике) дело, как правило, не доходило.

Так, например, очевидно сходство ключевых фраз РЖ с тем, что ищут (и, так сказать, «за что судят») в **лингвистической экспертизе**: эксперты-жанроведы (например, [41]) неоднократно указывали на то, что ТРЖ должна разработать модель опознавания РЖ (инвективных) по формальным признакам, которые только и можно учитывать в экспертизе. Увы, современной ТРЖ до этого еще далеко.

Иллюстрацией второго «неспециального» подхода могут послужить списки **«фраз для начала разговора во флирте»** (такие рекомендации размещают на страницах изданий разной степени «несерьезности», им посвящают специальные издания, сайты такой направленности множатся в Интернете) наподобие следующих:

Ср.: **Топ 10 флирт фраз**

1. – *Привет, как мы давно с тобой не виделись! – говорите вы прекрасной девушке.*

– *Мы с вами знакомы? – отвечает она.*

– *Да, я тебя знаю, ты «моя мечта!» (Как же девушка может отказаться от такого изумительного имени?)*

2. *Мне так жалко всех этих людей, ведь твоя красота делает их серой массой.*

3. *Здравствуйте, девушка! Скажите, пожалуйста, как вы себя чувствуете, ведь вы – самая красивая девушка в этом городе?*

5. *Догоните понравившуюся вам девушку, по ходу купив цветок, и нежно скажите:*

– *Извините, что преподношу вам только один цветок, но я исправлюсь. В нашу следующую встречу, я подарю букет ваших любимых цветов.*

6. *Девушка, помогите мне! У меня в кармане две путевки на Бали. Я хочу предложить вам совместную поездку, ведь вы так прекрасны.*

7. *Простите, у меня был трудный день, но вдруг я увидел подарок судьбы – ваше лицо. Можно ли полюбоваться вами? (Срабатывает всегда).*

8. *Вы взяли меня в плен своей красотой, и я был бы очень счастлив отбывать пожизненное наказание в плену Вашего сердца.*

9. *Вызовите, пожалуйста, мне скорую помощь. Меня только что подстрелил Амур.*

10. *Вы красивы, как звезда! И освещаете собой серые улицы.*

(<http://www.best-woman.ru/tehnika-flirta-flirt-flirtum-pravilno-top-10-flirt-fraz/>)

или:

Фразы для знакомства с девушкой

Давайте поиграем в весы! Вы сядете мне на колени, а я угадаю ваш вес.

Давайте поиграем в интересную игру. Я вам скажу свое имя, вы мне свое, а потом мы, взявшись за ручки, пойдем есть что-то вкусенькое в ближайшей кафешке.

Фраза для знакомства на ваш риск:

Давайте поспорим с вами на 100\$, что я вас сейчас приглашу переночевать, а вы откажетесь?

Девушка, вы очень красивы, а красивых девушек надо размножать.

Добрый день, у меня к вам совершенно нетрадиционный вопрос. Меня интересует, что бы вы сказали молодому человеку, который подошел бы к вам и сказал: “Давайте познакомимся”?

Если вы думаете, что я собираюсь с вами познакомиться, то вы ошибаетесь — я просто хочу пригласить вас на свидание!

Девушка, здесь так жарко, или это вы такая горячая?

Незамысловатая фраза для знакомства, но часто действует:

Здесь местность заминирована. Пойдемте, покажу обходной путь!

И каково же чувствовать себя самой прекрасной девушкой в этом городе?

Извините, я вам нравлюсь?.. Не отвечайте, меня (имя) зовут. А вас как зовут? Давайте я вам позвоню как-нибудь. У вас есть телефон?

К сожалению, сейчас у меня нет времени растопить ваш холодный взгляд, но я могу позвонить вам вечером.

Эту фразу для знакомства говорить максимально искренне!

Девушка, знаете, мне в жизни не хватает двух вещей – кофе и вас.

Мне цыганка нагадала, что сегодня я встречу красавицу в (цвет одежды девушки). вам это описание никого не напоминает?

Девушка, не подскажите, немцы в городе есть? А русские?

Неужели у такой красивой девушки, как вы, сегодня нет кавалера?

Ничего, что я к тебе с таким умным видом?

Послушайте... Я бы мог придумать какой-то предлог для знакомства, но не хочу морочить вам голову. Мы можем обойтись без формальностей?

Простите, девушка, а вы не подскажите мне... ваше имя и номер телефона.

Разрешите предложить вам руку и сердце. Я хирург, у меня этого добра навалом.

Девушка, с вами можно познакомиться или хотя бы пять минут поприставать?

Можно застать врасплох фразой для знакомства:

Девушка, а с вами сложно познакомиться?

Девушка, скажите мне что-нибудь сладкое!

Скажите, это не у вас из сумочки так вкусно пирожками пахнет?

(http://smsta.ru/txt/dating_3)

Понятно, что фразы эти близки к обсуждаемому нами феномену ключевых фраз речевых жанров. Понятно также, что осмысление данных списков фраз (как и сравнение разных списков) могло бы быть полезно для осмысления речежанровых особенностей *флирта* – см., например, обзор работ в [42]. Но такое осмысление – дело будущего. (Дополнительная трудность состоит в том, что успешность данных фраз на практике определяется, вероятно, не только и не столько их распространенностью, частотностью, соответствием каким-то нормам, сколько оригинальностью, а значит, скорее, наоборот, редкостью.)

2. Классификация ключевых фраз речевых жанров

Сложная лингвистическая и коммуникативная природа феномена столь высокого уровня, как РЖ, не может не породить очень большого количества и очень большого многообразия как отдельных характеристик жанров (это положение давно стало общепризнанным в жанроведении), так и их маркеров, к которым относятся обсуждаемые здесь ключевые фразы.

Рассмотрим данное многообразие и его возможные границы – возможные повторяющиеся типы, а значит, классификацию. В основе разных типов ключевых фраз лежат разные пути выявления таких фраз, требования, предъявляемые к ним: данные требования проистекают, **во-первых**, из природы самих речевых жанров различных типов –

здесь особенно значимым является противопоставление стандартизованных и свободных, прямых и косвенных (интерпретативно сложных) жанров. Данное основание обуславливает особые технические характеристики ключевых фраз, выделяемых в корпусах: следует ли осуществлять поиск неизменной при любых обстоятельствах фразы (типа упомянутой идиомы *по душам*) или поиск может / должен быть более гибким и включать варианты, формы слов и фраз (типа *гламур/гламурный* + полные падежные парадигмы данных имен существительного и прилагательного), вплоть до переменных лексем. Но, как это обычно бывает, допущение варьирования формы в итоге приводит к допущению содержательного варьирования.

Во-вторых, данные требования проистекают из технических возможностей корпусов, **в-третьих** – из задач конкретного жанроведческого исследования: требуется ли, прежде всего, идентифицировать жанры речи в тексте / речевом потоке или же осуществлять тот или иной количественный анализ текста в рамках уже идентифицированных речевых жанров.

Данные три типа требований, очевидно, порождают три типа ключевых фраз. Однако даже начальный анализ показывает, что данные типы имеют самый общий характер, внутри всех возможно очень большое количество конкретных вполне пригодных для того или иного жанроведческого анализа критериев, соответственно – типов ключевых фраз.

Особенно велико разнообразие последнего типа (два первых, в общем, сводятся к противопоставлению, исходит ли исследователь из особенностей жанра и его природы или из особенностей корпуса): цели и задачи конкретного жанроведческого исследования, начиная с уже названного противопоставления задачи начальной идентификации жанра и «всего остального».

Особенно велико разнообразие этого самого «всего остального»: в рамках уже идентифицированных жанров может быть выделено множество различных дополнительных аспектов, обладающих свойством исчислимости, список которых (особенно у упоминавшихся сложных и косвенных жанров) кажется поистине безграничным, причем, кажется, каждый из таких аспектов способен дать при обращении к корпусам какую-то ценную информацию речежанрового характера.

Например, для жанра *романа*:

- количество / процент лексем «X» (исчислению может быть подвергнут текст всего романа и отдельных его частей; текст романа может быть сопоставлен с другими текстами этого же автора разных периодов и текстами других авторов и т.д.; все это касается и следующих аспектов);
- морфологических форм «Y» (в т.ч. – частей речи);
- синтаксических конструкций того или иного типа «Z»;
- стилистически маркированных лексем или идиом и т.д. (см. [43 ; 10 ; 16]).

Много в этом плане, как и следовало ожидать, может дать относительно хорошо разработанный в прикладной лингвистике **контент-анализ** [44–50]. В частности, в контент-анализе традиционно много внимания уделялось «единицам счета», которые могут совпадать со смысловыми единицами или носить специфический характер (на основе анализируемого материала и целей исследования исследователями выдвигались такие единицы счета, как физическая протяженность текстов, площадь текста, заполненная смысловыми единицами, число строк (абзацев, знаков, колонок текста), длительность трансляции по радио или ТВ, метраж плёнки при аудио- и видеозаписях, количество рисунков с определённым содержанием, сюжетом и т.д.). Несомненно значим для жанров речи (ср. понятие «темы жанра» М. М. Бахтина) «качественный контент-анализ»: исследователя интересует не столько ЧТО говорится, сколько КАК говорится.

В качестве «единиц счета» могут выступать ключевые фразы речевых жанров, есть возможность и выявить разную роль разных ключевых фраз в разных вариантах и разновидностях одного жанра, однако установить, какие ключевые фразы соответствуют конкретным речевым жанрам, выявить список ключевых фраз контент-анализ, видимо, не помогает (насколько нам известно, исследователи, пользующиеся контент-анализом и разрабатывающие его, вообще практически не занимались специально речужанровой проблематикой (определение жанра или жанровой разновидности, поиск жанра в массиве текстов).

Таким образом, на основе корпусов может быть осуществлено множество доброкачественных лингвистических (подчеркнем: именно лингвистических!) исследований.

Труднее ответить на вопрос, в какой степени эти возможные исследования будут собственно речужанровыми. Подобные критерии в самых разных вариантах неоднократно использовались при решении неречужанровых задач (безусловно, мы не собираемся отрицать, что во многих случаях они обогащали речужанровую теорию и наше совокупное знание о данном жанре или системе жанров). В то же время ни постановку

задач, ни их результаты еще не пытались осмыслить в единой речужанровой теоретической плоскости. Осуществленные исследования и их результаты представляются, с точки зрения данной теории (тем более – с точки зрения будущей «корпусной генристики»), во многом разрозненными и бессистемными. Кроме того, данный подход исходит из аксиоматичного признания данности нам жанра, что во многих случаях небесспорно.

Поэтому предлагаем вернуться к критериям идентификации жанров речи в тексте / речевом потоке: собственно, их осмысление и есть то **новое**, чем мы надеемся обогатить генристическую теорию и методику.

Для начала охарактеризуем их в соответствии с обсуждавшимися выше наиболее общими путями выделения ключевых фраз РЖ: исходит ли исследователь из особенностей жанра и его природы или из особенностей корпуса. (На самом деле, конечно, и первое, и второе могут быть выявлены только в результате исследований, в том числе на основе корпусов.)

С этой точки зрения, во-первых, ключевая фраза должна отвечать **семантике** (точнее – **главной семантике**) жанра (поэтому, например, *светский* для СБ не годится, а *по душам* для РпД годится); во-вторых, в системе по этому критерию можно реально искать и находить **большое количество примеров** (так, для жанра *просьбы* в качестве ключевых фраз для идентификации жанра, вероятно, могут быть выделены две формулы: «*Не могли бы вы...?*» и «*Можно вас попросить?*», но при этом первая дает 306 вхождений в НКРЯ, а вторая – всего 10).

Задачи такого рода еще далеко не решены (они пока, в большинстве случаев, еще даже не ставились), а многочисленные сложности, связанные с их решением, еще только предстоит преодолеть, – мы здесь обрисовали лишь предварительный список таких сложностей; понятно, что в действительности их намного больше.

В случае же успешного решения поставленных задач мы получим **существенную характеристику жанра**, которая присутствует в речужанровой компетенции носителя языка и должна быть включена в соответствующие жанроведческие описания. С точки зрения данного описания наличие той или иной ключевой фразы / фраз представляет собой что-то вроде дополнительного параметра к разнообразным моделям РЖ типа известной «анкеты РЖ» Т. В. Шмелевой [25].

(Возвращаясь же к общему определению речешанрового подхода как типологического, обсуждаемая характеристика – наличие той или иной ключевой фразы / фраз речевого жанра – сродни известной типологической идее Владимира Скалички [51]: для изучения отдельного языка использовать типологические характеристики, разработанные и традиционно используемые (поскольку они типологические) принципиально НЕ для отдельных языков.)

Характеристики жанра такого рода (например, в будущих «энциклопедиях речевых жанров», о которых говорит Т. В. Шмелева), добавляемые к характеристикам, сформулированным в результате других, более традиционных жанроведческих исследований, могли бы выглядеть примерно так (Табл. 1):

Таблица 1

Жанр	Наличие ключевой лексики	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (какой)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (какой)
X	A ₁	B ₁	n ₁	C ₁	N ₁
	A ₂	B ₂	n ₂	C ₂	N ₂
	...	B ₃	n ₃	C ₃	N ₃
	...	...	n...	...	N...

Например, для РЖ *просьба* (Табл. 2):

Таблица 2

Жанр	Наличие ключевой лексики	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
просьба	<i>прошу</i>	<i>Не могли бы вы</i>	306	<i>Буду очень благодарен</i>	32
	<i>пожалуйста</i>	<i>Можно вас попросить</i>	10	<i>Для меня это очень важно</i>	15
	<i>будьте добры</i>				

Заявленное нами направление поиска, естественно, пересекается с традиционной для лингвистики теоретической и практической проблемой (для многих устных, еще больше – письменных жанров уже неоднократно ставившейся и решавшейся) конкретного **лексического и грамматического наполнения** текстов в рамках тех или иных жанров. Здесь, с одной стороны, открывается особенно обширное поле деятельности для исследователя-лингвиста, с другой – обширное поле возможностей для классификации (гораздо более, так сказать, лингвистической, чем многие традиционные речешанровые классификации).

Например:

- *вы не могли бы...?* – вежливая просьба,
- *я не могу жить без тебя!* – признание,
- *все будет хорошо* – утешение,
- *ты как всегда начинаешь... / хочешь... / забыл...* – упрек,

- *слушай я вот подумал...* – сентенция (?),
- *посмотрим, до чего ты так дойдешь / дождешься / договоришься* – ворчание,
- *я ведь тебя предупреждал(а)...!* – (?).

Большое место, вполне логично, здесь будет принадлежать **императивам** (при этом семантическое разнообразие и разнотипность данных формул и стоящих за ними типичных ситуаций очевидны уже из этих небольших предварительных списков): *смотри, представь (себе), подумай (о...), ответь, подожди, ступай, перестань, отстань, заткнись, успокойся, расслабься, согласись, поклянись, одумайся*, при этом показательно большое количество с «не» среди них: *не сердись, не переживай, не расстраивайся, не торопись, не ври, не хами, не перебивай, не спорь, не хвастайся, не спи, не вредничай*.

Одно из наиболее естественных оснований для классификации ключевых фраз речевых жанров – **сферы коммуникации**.

Данное основание классификации вполне очевидно; главная же и тоже очевидная трудность связана с тем противоречием, что большинство найденных нами ключевых фраз, как видим, относятся к разговорной устной сфере, которая хуже всего представлена в корпусах.

При работе же с письменными текстами (и жанрами) сама необходимость поиска ключевых фраз представляется на порядок менее критичной, поскольку гораздо лучше разработана (хотя и такая необходимость есть).

Так, в докторской диссертации С. П. Кушнерука [52], посвященной лингвистическому изучению документного текста, рассчитывается целый ряд коэффи-

циентов – близость их к характеристикам высокоформализованных речевых жанров (официально-деловых, технических и подоб.), которые могут быть выявлены количественными методами, в том числе с помощью корпусов, очевидна, особенно (4) и (7):

1) коэффициенты лексического разнообразия и единичной встречаемости для документных и недокументных текстов [Там же : 119],

2) отношение числа единиц, характеризующих рост словаря документных текстов, к размеру документного текста [Там же : 127–129],

3) коэффициент терминированности текста [Там же : 137],

4) доля разных единиц (словосочетание, предложение, абзац, текст) в качестве документных формул [Там же : 157–158],

5) распределительные параметры терминопотреблений для терминов различной компонентной сложности [Там же : 181],

6) доля существительных в документных текстах (соотносимая с их уровнем предметности), глаголов (соотносимая с их степенью процессуальности), прилагательных (признаковость) [Там же : 187–188],

7) степень синтаксической устойчивости и однородности документных текстов с точки зрения реализуемости в них основных видов предложений [Там же : 196–197],

8) степень унифицированности документных текстов на лексико-фразеологическом уровне [Там же : 207].

В итоге наше внимание с неизбежностью сосредоточивается 1) на **художественных**, прежде всего драматических текстах, наиболее подробно воспроизводящих разговорную речь, но тем самым – и искусственных, стилизованных (воспроизведение ими разговорности весьма специфично); 2) на текстах **электронной коммуникации**, в отличие от художественных, реальных, а не искусственных, но совершенно очевидно имеющих свою очень существенную специфику (в сравнении и с устной, и с письменной интернет-коммуникацией) (им посвящен параграф 4). Следовательно, необходимы поиски и специфических методик – но это скорее плюс, ибо ставит перспективы.

3. Ключевые фразы речевых жанров в идиоматических словарях

Теоретический аспект данной проблемы был намечен в параграфе 1. Более детально обсуждать данный аспект мы пока не готовы.

Практический же аспект гораздо более очевиден: в качестве ключевых фраз РЖ при работе с корпусами могут быть использованы многие выделяемые и описываемые в специализированных словарях-тезаурусах идиомы, паремии, фразеологизмы (например, в [53]), экспрессивные средства речи

[54], формулы речевого этикета [55], а также «антиэтикета» [56] и т.д.

В этой связи хотим вспомнить нашу старую статью [57], в которой высказывалась идея (к сожалению, впоследствии не реализованная) составить словарь экспрессивных речевых формул исходя из разных типов РЖ (а именно: пяти фатических РЖ, противопоставляемых на основе качества межличностных отношений: ухудшение межличностных отношений; улучшение межличностных отношений; сохранение межличностных отношений (фатика типа *small talk*) и степени косвенности). Обращалось внимание, например, на достаточно четкое противопоставление в речи «фатических фразеологизмов», организующих прямое и косвенное улучшение межличностных отношений (примеры – *Дорогой...!* и *Эй, дифтёнки!* (обращение в начале флирта)).

Может быть осуществлено целое множество доброкачественных речежанровых исследований на материале корпусов с помощью только материала перечисленных и подобных словарей: используя в качестве ключевых фраз РЖ выделенные в данных словарях формулы. Несомненно, одно это уже даст нам очень много (хотя на практике, насколько нам известно, дальше студенческих дипломов такие попытки не шли), хотя для комплексного представления РЖ, претендующего на адекватность (даже на уровне ключевых фраз), этого недостаточно: изучение (идентификацию и последующий анализ) РЖ необходимо осуществлять на основе многих других ключевых фраз, выявленных на основе специальных речежанровых критериев, которых в данных словарях не могло быть.

Так, несомненно заслуживает внимания, причем во многих отношениях (с интересующей нас точки зрения), «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [53], но пока рассмотрим только одну рубрику: «**речевые формулы**» (она есть в большинстве словарных статей). Даже начальный анализ показывает, что данные речевые формулы во многом пересекаются с нашими ключевыми фразами, могут служить маркерами различных РЖ (конечно, не только их, но и, например, различных типов коммуникативной тональности и т.п.) в корпусах.

Например, речевые формулы в разделе 18. Истинное – ложное (подраздел 18.1.2.3. Ложь, вербальный обман, введение в заблуждение): *ври, да не завирайся, не надо ля-ля*, в разделе 40. Ответственность, причастность, вовлеченность (подраздел 40.1. Снятие ответственности, непричастность):

дело хозяйское, мое дело маленькое, мое дело сторона, в разделе 43. Нравственность – безнравственность; мораль, совесть (подраздел 43.2. Безнравственность, бессовестность, подлость): *стыд и срам* и т.д.

Особенно, конечно, интересен для нас раздел 24, который авторы называют «**Речевые акты**»: см. одни только названия подразделов здесь: 24.1. благодарность, 24.2. Пожелание; напутствие; благословение; 24.3. Согласие₂ – несогласие (подпод-

Для сравнения отметим, что фразы, которые тоже можно считать ключевыми для РЖ *угроза*, но которые не включены в данный словарь, имеют следующее количество вхождений: *вот я тебя* – 215, *если ты еще раз* – 31, *если ты хоть раз* – 15, *я тебе это припомню* – 9, *не дай бог ты* – 7.

4. Ключевые фразы речевых жанров в интернет-коммуникации (ключевые фразы интернет-жанров)

Таблица 3

Жанр	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
отказ	<i>боже упаси</i> <i>избави бог</i>	330 137	<i>дураков нет</i>	38
			<i>извини-подвинься</i>	19
			<i>гуляй, Вася</i>	9
			<i>а морда не треснет?</i>	0

Таблица 4

Жанр	Ключевая фраза / ключевые фразы (для идентификации жанра)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)	Ключевые фразы (для исследования контекста)	Количество вхождений в корпус (НКРЯ)
угроза	?		<i>будешь знать, как</i>	42
			<i>жить надоело?</i>	41
			<i>пасть порву</i>	11
			<i>уши оборву</i>	9
			<i>башку оторву</i>	7
			<i>не доводи до греха</i>	7
			<i>если хоть один волос упадет</i>	4
<i>отделаю так, что</i>	0			

[53 : 55–59].

разделы: 24.3.1. Согласие₂, подтверждение, договоренность, 24.3.1.1. Разрешение, 24.3.2. Несогласие, возражение, указание на неуместность реплики, 24.3.2.1. Отказ, запрет), 24.4. Просьба, предложение, 24.5. Обещание (подподразделы: 24.5.1. Клятва), 24.6. Приветствие, приглашение, представление, встреча; обращение, 24.7. Прощание, 24.8. Проклятие, 24.9. Угроза, предостережение, 24.10. Оберег, опасение, 24.11. Резюме, 24.12. Заполнители пауз. Количество речевых формул, выделяемых составителями словаря для данных групп, весьма велико (особенно много – больше 100 – в подподразделах 24.3.2 и 24.3.2.1), и абсолютное большинство, думается, может быть доброкачественным материалом в качестве ключевых фраз при обнаружении и анализе соответствующих речевых жанров / речевых актов в корпусах.

Например, характеристика жанров *отказ* и *угроза* на основе ключевых фраз, отобранных из «речевых формул» Словаря-тезауруса А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, в энциклопедии речевых жанров могла бы выглядеть примерно следующим образом (Табл. 3 и 4):

Создававшаяся изначально для корпусов методика может быть успешно использована не только применительно к собственно корпусам: такой же, в сущности, корпусно-поисковой системой является... весь Интернет, в частности онлайн-форумы, тексты в которых хотя и не охватываются корпусами, но доступны количественному анализу и обработке.

Так, представляется, что для русского *разговора по душам* на онлайн-форумах ключевой фразой (вероятно, не единственной) является вопрос: «**Что же на душе так хреново / погано / паршиво?**». (У нее есть вопросительные и невопросительные варианты: *Что-то на душе хреново; На душе очень хреново – что делать?*).

По форме фраза «*Что же на душе так хреново?*» – вопрос, но вопрос риторический, не предполагающий прямого ответа типа «*у тебя на душе хреново, потому что...*». Семантика этого «вопроса» включает жалобу, призыв к сочувствию и предполагает скорее не вполне прямой ответ типа «*что случилось?*», «*а почему?*». Но в наибольшей степени это (уже совсем не выраженное семантикой структурных элементов вопроса) **при-**

глашение к общению с близким по духу или настроению человеком¹.

Форма вопроса «*Что же на душе так хреново?*» также подразумевает, что его автор сам не знает причины (ср. частотность слова *тоска* в ответах), отсюда большое разнообразие возможных реакций. С этой точки зрения «более рациональный» вопрос *На душе хреново – что делать?* как будто бы значительно отличается от первой формы: прямо запрашивается совет, а о причине речь вообще не идет. Но это только формальное отличие, прагматическая семантика в обоих случаях совпадает: это перечисленные жалоба, призыв к сочувствию и приглашение к доверительному *задушевному* общению, причина же (она может быть известна и иногда называется) равно несущественна. Показательно, что фактически не отличаются реакции на инициальные реплики обоих типов.

По этим ключевым фразам *Что же на душе так хреново?* *Что же на душе так погано?* и *Что же на душе так паршиво?* нами и был осуществлен поиск и статистический анализ ситуаций онлайн-общения в жанре *разговора по душам* (поисковая система Яндекс). Было получено более 50000 ссылок, из которых мы наугад отобрали 365 ответов (7910 словоупотреблений) на 7 тематических форумах «На душе хреново» и «Что делать, когда на душе хреново?»²:

¹ В английском языке нет ничего подобного такой фразе ни по лексическому составу, ни по выражаемому коммуникативным смыслом, ни – тем более – по ожидаемой реакции. Реплики с семантикой жалобы, призыва к сочувствию возможны (хотя и значительно менее распространены, чем в русском): ближайшие аналоги (*Oh, God! I am feeling down; Something's getting me down; I'm in the dumps*) по форме и семантике представляют собой констатацию состояния депрессии, плохого настроения, наиболее распространенной реакцией на которые (при условии гармоничного общения) будет *Sorry* или ободрение типа *You'll be fine* (есть вероятность также совета проконсультироваться у психолога). Естественно, после таких реакций возможность доверительного общения невелика.

² http://www.pasetoz.ru/Pochemu_na_dushe_tak.htm;
<http://milkandpoison.beon.ru/14813-351-что-делат-kogda-na-dushe-hrenovo.zhtml>; <http://lalk.ru/lady/162-519-mne-ochen-hrenovo-na-dushe-ne-zna-read.shtml>;
<http://otvet.mail.ru/question/3178001/>;
<http://www.lovepicture.ru/lovepage/1726.html>;
<http://skradyat.ru/1-bcdffgi.jsp>;
http://piroforum.info/fludiliwe/kogda_na_dushe_hrenovo/.

Реплики участников форума (среди них были и мужчины, и женщины) – ответы на поставленный «аскером» вопрос – тематически разделились на несколько неравных групп. Характерно, что ответов на прямо поставленный вопрос (*у тебя на душе хреново, потому что...*) почти не было, за редким исключением (*Да потому что люди жестокие...; Потому что помидоры красные*). Единичны наводящие вопросы (*что случилось?, а почему?*) и прямые выражения сочувствия (*бедняжка!*). Три наибольшие по частотности группы могут быть охарактеризованы как кооперативные (доброжелательно-участливые), агрессивные и нейтральные.

Первую группу (от 30 до 40 % от общего объема) составили высказывания, где авторы пытаются подбодрить «аскера»), используя стереотипные выражения (*ничего, пройдет, все образуется, все будет хорошо*), дают практический совет (*посмотри хороший фильм, послушай музыку, съешь чего-нибудь вкусенького, выпей, поделись с близкими людьми*), приводят примеры из жизни или литературы/кино (как что-то помогло / не помогло справиться с плохим настроением), рассказывают веселые истории, анекдоты.

Вторую группу (около 10 %), противоположную первой, составили высказывания выраженной конфликтной или провоцирующей тональности, где авторы отводят тему – раздраженно (*ладно, не ной; кончай мозги...!*), насмешливо или с издевкой, часто это провокации сексуального характера (*Зделай кунилингус! :-); снимать штаны и бегать*).

Наконец, третью, наиболее разнообразную и трудно определимую группу (от 40 до 50 %) составили нейтральные по степени кооперативности / конфликтности высказывания, где авторы отвечают симметрично (*а у меня не лучше!*), отшучиваются (*ляг, поспи, и все пройдет!*), отводят тему, но не агрессивно, в отличие от второй группы (*да брось!, забей!*), либо рассказывают истории из личного опыта, делают обобщения о «жизни вообще», определить непосредственную коммуникативную цель которых (подбодрить или, наоборот, обидеть) сложно, например:

Почему жизнь складывается так, а не иначе? Почему, когда хочется плакать, мы смеемся? Как будто хотим показать, что мы сильнее, что мы справимся... Однако там внутри что-то треснуло, сломалось, больно ранив... И не хочется ничего, а только свернуться в калачик, замереть и не двигаться...но... за

окнами жизнь, там свет...который, стремится проникнуть везде и туда, где темно, чтобы все осветить...этот свет со временем проникнет в тебя и будет пытаться осветить ту пустоту, что внутри, будет цепляться, пытаясь задержаться и не погаснуть... и может быть у него получится...и может быть будет жизнь...но другая... прежнего не вернуть, но все же ...жить...

Причины депрессии иногда называются, иногда нет: видно, что это далеко не главное:

у меня на душе тоже щас хреново... я разговаривала с человеком нормально, а он нахамил... обидно, это очень близкий для меня человек((((((((

Показательны реакции «аскера» на советы и рассуждения участников форума, откликнувшихся на его вопрос: *читаю я вас и на душе как то хорошо уже становится*)) – как видим, имелось в виду именно общение, причем фатическое.

Представляет интерес частотность отдельных лексем в ответах: наибольшую частотность (с большим отрывом) имеют лексемы *душа / душевный* (63 раза) и *хреново* (61 раз) (впрочем, возможно, наибольшая частотность именно данных лексем отчасти объясняется тем, что они содержались в форме вопроса «аскера»), а также: *жизнь / жить* (34 раза), *вообще* (23), *говорить / поговорить / разговор* (20), *грустный / грустить* (10), *депрессия / депрессивный / депрессняк* (10), *погано* (10), *друг* (9), *настроение* (8), *плохо* (7), *сердце* (5), *тоска* (5). (Подробнее см. в [58].)

5. Ключевые фразы речевых жанров в зеркале юмора и языковой игры

По ключевой фразе опознается речевой жанр; ошибки в опознании могут становиться мишенью комического обыгрывания. Это очень давнее явление – начиная, по видимому, еще с сатиры Грибоедова: в одном из самых ярких монологов Чацкого («*А судьи кто? – За древностию лет...*») Скалозуб услышал выражение «*Мундир! один мундир! он в прежнем их быту / Когда-то укрывал, расшитый и красивый...*» и (упустив весь смысл, содержащийся в монологе, – обличение) «простоудушно» принял его за «сигнал» разговора об армии и военной форме: «*Мне нравится, при этой смете / Искусно как коснулись вы / Предубеждения Москвы / К любимцам, к гвардии, к гвардейским, к гвардионцам; / Их золоту, шитью дивятся, будто солнцам!*».

Яркий материал представляет пока не очень многочисленная, но уже заметная на

специальных «анекдотных» и т.п. интернет-сайтах группа **анекдотов**, основной механизм комизма в которых можно определить как **обыгрывание коммуникативной тональности** [59 ; 60].

По своей структуре обсуждаемые анекдоты представляют собой диалог, а именно: включают инициальную реплику, в которой однозначно или почти однозначно опознается коммуникативная тональность, а из дальнейшего текста (в абсолютном большинстве случаев – ответной реплики) становится ясно, что такая интерпретация инициальной реплики была неправильной.

Приведем несколько примеров¹:

– *Мам! Она кусается!*

– *А я тебе говорила – не женись...*

– *Боже, а кто это у нас тут вырос? Какой ты большой стал, как время быстро летит.*

– *Сашенька, перестань разговаривать с таблом обмена валют.*

– *Ну что, шкуру свою спасти прибежал?*

– *Прибежал, господин дерматолог...*

– *Девушка, тут свободно? Можно, я рядом сяду?*

– *Мужчина, а ничего, что это женский туалет?!*

– *Руки вверх!*

– *Я сам знаю, как снимать майку.*

Важным отличительным признаком обсуждаемой группы анекдотов, обыгрывающих коммуникативную тональность, мы считаем то, что они принципиально письменные: роль «изобразительного начала» (которое в устных анекдотах играет «зачин» типа «Приходит муж домой...», форму которого, для устного речевого жанра «*рассказывания анекдота*», пытались выявить уже упоминавшиеся А. Д. и Е. Я. Шмелевы [26]), здесь играет само оформление текста как диалога. Конечно, письменная форма не позволяет передавать интонацию – один из главных признаков тональности в устной речи, но она позволяет достаточно компактно передать в инициальной реплике множество других маркеров различных типичных коммуникативных ситуаций, официальных и неофициальных сфер, межличностных отношений, жанров, стилей, оттенков коммуникативных смыслов – в письменной форме, зрительно они воспринимаются практически мгновенно.

Чаще всего обыгрывается стилистический контраст между интерпретацией иници-

¹ Примеры взяты с сайта: <http://www.anekdot.ru/>.

альной реплики (она интерпретируется как относящаяся к определенной сфере) и правильной интерпретацией, которая обычно предполагает совсем иную сферу. Наиболее очевиден данный контраст в особой (довольно многочисленной) подгруппе анекдотов – о **плохих профессионалах**.

В анекдоте обсуждаемого типа из второй реплики становится понятно, что отображаемая коммуникация представляет институциональную ситуацию обращения к «агенту» (чаще всего это профессионал, реже – просто наемный работник в сфере сервиса, торговли, здравоохранения, образования, производственных отношений и т.д.) в виде просьбы о помощи или законного требования оказания услуги, таким образом выясняется, что инициальная реплика была репликой агента. Это и становится источником комического эффекта, поскольку сама по себе инициальная реплика абсолютно не напоминает поведения агента.

Вторая реплика – «клиента», которая и заставляет правильно интерпретировать всю ситуацию, чаще всего содержит отвод «агента» (но не всегда) и отрицательную (реже – веселую, заинтересованную, хотя и не положительную) оценку его как профессионала.

В анекдотах «действуют» агенты: профессионалы ~ и просто статусные лица, например чиновники (не профессионалы); профессионалы – официальные лица, находящиеся в данный момент «при исполнении», ~ и «просто люди», имеющие такую манеру речи (она у них вошла в привычку); те профессионалы, у кого речь сама по себе является орудием производства, ~ и те, у кого характер профессиональной деятельности не связан с речью; наконец, противопоставляются, так сказать, профессионалы, приносящие людям пользу, ~ и вред (профессионально обманывающие людей) (здесь особенно выделяются государственные чиновники, что делает данные анекдоты по сути политическими, – но не только они).

Приведем несколько примеров:

– Чё ты такой грустный? Х#\$ сосал невкусный?
– Честно говоря, детский психолог вы так себе.

– Свобода воров, х#\$ мусорам!
– Честно сказать, адвокат вы так себе.

– И вообще, всё это было давно и неправда!
– Извините, а вы точно наш новый учитель истории?

– У кошечки боли, у собачки боли, у Машеньки не боли...

– Доктор, а вы точно анестезиолог?

– Возьмёшь синюю таблетку – и история здесь закончится: ты проснёшься и поверишь в то, во что захочешь поверить. Возьмёшь красную таблетку – останешься в Стране Чудес, и я покажу тебе, насколько глубоко эта кроличья нора.

– А вы прикольный аптекарь! Мне, пожалуйста, цитрамон.

Возвращаясь к ключевым фразам речевых жанров, представляется важным, что по **типу инициальной реплики** (носителю коммуникативного стандарта, который в дальнейшем оказывается ложным) противопоставляются два основных типа: 1) **прецедентный текст** (паремия, фразеологизм) (т.е. конкретная, «материально-узнаваемая» языковая или речевая единица, часто апеллирующая к конкретному тексту и/или к конкретному автору):

– Хорошо там, где нас нет. В гостях хорошо, а дома лучше. Не ищи обетованные края – они там, где родина твоя. Нет в мире краше родины нашей. Где родился – там и сгодился!

– Я так понял, мой загранпаспорт ещё не готов?

– О, сколько нам открытий чудных...

– Петрович, не томи, открывай следующую бутылку!

2) инициальная фраза (вектор-ускорение) **речевого жанра** (опознавание по «чистой форме»):

– Девушка, вам никто не говорил, что у вас пронзительно-проницательные глаза!

– Ага, просвечивающие насквозь, чего только не говорили! Молодой человек, проезд оплачиваем!

– Мне с собой, пожалуйста.

– Вообще-то вы на экзамене. На билет отвечайте.

Принципиальной разницы между ними анекдоты, в отличие от лингвистов-теоретиков, «не видят»: это безусловно один и тот же тип анекдота. Этот факт представляется нам весьма знаменательным в свете рассматриваемой нами проблемы.

Сейчас этот параграф выглядит как всего лишь веселая иллюстрация к сказанному выше. Но, возможно, более детальный анализ новых двухрепликовых интернет-анекдотов, обыгрывающих коммуникативную тональность, даст некоторые более интересные результаты – например, анализ зачиновых фраз анекдотов поможет уточнить

список ключевых фраз РЖ, а ответных реплик – некоторые более тонкие моменты их семантики и прагматики.

Заключение

Как видим, поставленная в начале статьи проблема жанроведения, изначально возникшая из чисто практических потребностей (фактически это были технические параметры поиска, осуществляемого человеком-исследователем при работе с механическим онлайн-корпусом), имеет и важный теоретический аспект, пересекающийся с общей теоретической проблемой природы РЖ, механизмов их обнаружения и порождения (см. приводившиеся ключевые фразы *флирта*), условий бытования в реальной коммуникации, особенно в письменной официально-деловой: там не только идентификация жанра, но и само его существование часто определяются наличием / отсутствием ряда шаблонных фраз (см. упоминавшегося С. П. Кушнерука [52]).

Задачи, возникающие в процессе корпусного анализа (а также трудности, возникающие при решении конкретных задач), во многом совпадают с трудностями практического характера, которые традиционно возникали и решались как в «докорпусном жанроведении», так и в повседневной речевой практике: как обнаружить жанр X в речевом потоке? Где его границы? Имеем мы (условное «мы»: это могут быть и собеседники, и наблюдатели, в том числе исследователи) разные разновидности одного и того же жанра или разные жанры? и т.д. Понятно, что для ответа на эти вопросы должны быть решены (собственно, и решались – правда, едва ли вполне последовательно и успешно) проблемы теоретического характера: на основании каких признаков осуществляется идентификация жанров (например жанра X) в речи? Какие лингвистические единицы – структурные компоненты жанра – составляют эти признаки (фонетические, лексические, морфологические, синтаксические, стилистические)? Эти признаки / структурные единицы жанра одни и те же для данного жанра во всех его проявлениях и разновидностях или могут быть (или даже должны быть) разные для разных ситуаций / сфер?

Дальнейшие направления исследований могут быть связаны, с одной стороны, с выявлением конкретных ключевых фраз для конкретных жанров различных типов и их апробированием на материале корпусов.

Это направление наиболее очевидно, два его главных практических результата (конечно, в идеале) – систематизация корпусных данных и дополнение данным (важным) пунктом соответствующих описаний жанров в энциклопедиях РЖ (тоже будущих).

С другой стороны, последовательное решение поставленных задач и практического, и теоретического характера предполагает выявление в жанровом и околожанровом пространстве других феноменов, которые имеют онтологическую близость с ключевыми фразами (и корпусами), соответственно работа в обозначенном направлении может помочь пролить некоторый свет на данные феномены – например, вкратце рассмотренные здесь шутки и анекдоты, обыгрывающие неправильную интерпретацию коммуникативной тональности. Конечно, таких феноменов может быть гораздо больше. Систематическое выявление и анализ их – дело будущего; приведем лишь несколько примеров: поиск на сайте газеты статей разных жанров, например серьезных и юмористических, если авторами самого сайта такое деление не было осуществлено и в распоряжении исследователя есть только слово или фраза, которые можно задавать в поисковой строке; или использование в качестве замены имени жанра прецедентного текста (аллюзии к произведению или «крылатой ситуации»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов А. Н. Корпусная лингвистика // Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Эдиториал УРСС, 2003. С. 112–137.
2. Копотев М., Мустайоки А. Современная корпусная русистика // Инструментарий русистики : корпусные подходы. Хельсинки : Helsinki University Press, 2008. (Slavica Helsingiensia. № 34). С. 7–24.
3. Плузган В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка? Неформальное введение // Национальный корпус русского языка : 2003–2005. М. : Индрик, 2005. С. 6–20.
4. Плузган В. А., Сичинава Д. В. Национальный корпус русского языка : опыт создания корпусов текстов современного русского языка // Труды междунар. конф. «Корпусная лингвистика–2004» / под ред. Л. Н. Беляева и др. СПб : СПбГУ, 2004. С. 216–238.
5. Рахилина Е. В. Корпус как творческий проект // Национальный корпус русского языка : 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 7–26.
6. Савчук С. О. Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка : базовые принципы и основные функции // Национальный корпус русского языка : 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 62–88.

7. *Integrum* : точные методы и гуманитарные науки / ред. Г. Никопорец-Такигава. М. : Летний сад, 2006. С. 50–76.
8. *McEnery T., Wilson A.* Corpus Linguistics. 2-nd ed. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2001.
9. *Baker P., Hardie A., McEnery T.* A glossary of corpus linguistics. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006. 187 p.
10. *Dialogue Studies*. Vol. 21. Variation and Change in Spoken and Written Discourse : Perspectives from corpus linguistics / Eds. J. Bamford, S. Cavalieri, G. Diani. John Benjamins Publishing Company, 2013. 290 p.
11. *Cheng W.* Exploring Corpus Linguistics : Language in Action. Routledge, 2011. 241 p.
12. *Corpus Linguistics 25 Years on* / ed. by R. Facchinetti. Rodopi, 2007. 385 p.
13. *Lüdeling A., Kytö M.* Corpus Linguistics. An International Handbook. Walter de Gruyter, 2009. 1402 p.
14. *McEnery T., Hardie A.* Corpus Linguistics : Method, Theory and Practice. Cambridge University Press, 2012. 312 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics).
15. *O'Keefe A., McCarthy M.* The Routledge Handbook of Corpus Linguistics. Routledge, 2010. 682 p.
16. *Rühlemann C.* Narrative in English Conversation : A Corpus Analysis of Storytelling. Cambridge University Press, 2014. 304 p. (Studies in English Language).
17. *Stenstrom A.-B.* et al. Trends in Teenage Talk : Corpus Compilation, Analysis and Findings. John Benjamins, 2002. 228 p. (Studies in Corpus Linguistics).
18. *Федосюк М. Ю.* Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
19. *Кремниокалова М. Ч.* Когнитивно-дискурсивная модель малых жанров устной речи (на материале благопожеланий и проклятий) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2014.
20. *Дехган Халили Можеде.* Речевой жанр «просьба» в современной русской коммуникации : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
21. *Оскольская С. А.* Корпус письменных текстов XIX века : сферы употребления и жанровое разнообразие // Национальный корпус русского языка : 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб. : Нестор-История, 2009. С. 46–51.
22. *Балашова Е. Ю.* Роль телеономных концептуальных полей в организации религиозного дискурса : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2015.
23. *Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В.* Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешнеполитического дискурса (на примере России и США) // Политическая лингвистика. 2015. №3(53). С. 182–191.
24. *Дементьев В. В.* Жанрово-ролевые сценки : обоснование подхода к составлению энциклопедии речевых жанров // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Орёл : Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2008. Вып. 6. С. 95–109.
25. *Шмелева Т. В.* Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 88–98.
26. *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот : текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с. (Studia philologica. Series minor)
27. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
28. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
29. *Бахтин М. М.* Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.
30. *Розачева Н. Б.* Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011.
31. *Гольдин В. Е.* Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 23–34.
32. *Дементьев В. В.* Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. С. 5–20.
33. *Аллатов В. М.* История лингвистических учений. М. : Языки славянской культуры, 2001.
34. *Шеффер Ж.-М.* Что такое литературный жанр? М. : Едиториал УРСС, 2010.
35. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград : Перемена, 2007.
36. *Дементьев В. В.* Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи. Саратов, 2015. №2(12). С. 9–26.
37. *Седов К. Ф.* Жанры «праздноречевой» коммуникации : болтовня, светская беседа, разговор по душам // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 6. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2006. С. 85–97.
38. *Антология речевых жанров : повседневная коммуникация* / Под ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. 320 с.
39. *Фенина В. В.* Речевые жанры *small talk* и *светская беседа* в англо-американской и русской культурах : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2005.
40. *Дементьев В. В.* Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.
41. *Шарифуллин Б. Я.* Коммуникативные стратегии и тактики инвективы : семейный скандал // Языковая ситуация в России начала XXI века : материалы международного науч. конф. Кемерово : КемГУ, 2002. Т. 2. С. 266–276.
42. *Коляйн Д. Л.* Ухаживание как тип коммуникативного поведения : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006.
43. *Mustajoki A.* The Integrum Database as a Powerful Tool in Research on Contemporary Russian // *Integrum* : точные методы и гуманитарные науки / ред. Г. Никопорец-Такигава. М. : Летний сад, 2006. С. 50–76.
44. *Holsti O. R.* Content analysis for the social sciences and humanities. Reading, Mass, etc., 1969.
45. *Krippendorff K.* Content Analysis : An Introduction to Its Methodology. Newbury Park, CA : Sage, 1980.
46. *Rosenberg S. D., Schnurr P. P., Oxman T. E.* Content analysis : A comparison of manual and computerized

systems // *Journal of Personality Assessment*. 1990. № 54. P. 298–310.

47. Weber R. P. *Basic Content Analysis*. 2-nd ed. Newbury Park, CA, 1990.

48. Пешёв М. Контент-анализ и теория дискурса // *Квадратура смысла*. М. : Прогресс, 1999. С. 302–336.

49. Почепцов Г. Г. *Теория коммуникации*. М. : Рефл-бук, 2001.

50. Шалак В. И. *Современный контент-анализ*. М. : Омега-А, 2004. 272 с.

51. Скаличка В. К вопросу о типологии // *Вопросы языкознания*. 1966. № 4. С. 22–30.

52. Кушнерук С. П. *Теория современного документного текста: дис. ... д-ра филол. наук*. Волгоград, 2008.

53. *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики* / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1135 с.

54. Меликян В. Ю. *Словарь : Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи*. М. : Флинта ; Наука, 2001. 240 с.

55. Балакай А. Г. *Словарь русского речевого этикета*. М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.

56. Химик В. В. *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. СПб. : Норинт, 2004. 768 с.

57. Дементьев В. В. К составлению словаря фатически-регулятивных синтаксических фразеологизмов // *Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты*. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 35–42.

58. Дементьев В. В. Об одном способе концептуализации жанра «разговор по душам» в русской речи // *Грани познания. Электронный научно-образовательный журнал*. 2011. №4.

59. Багдасарян Т. О. Тональность как компонент модели речевого жанра (на материале речевого жанра «угроза») // *Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева*. Вып. 3. Саратов : Колледж, 2002. С. 240–245.

60. Карасик В. И. *Коммуникативная тональность // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева*. Вып. 5. Жанр и культура. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. С. 81–94.

REFERENCES

1. Baranov A. N. *Korpusnaya lingvistika* [Corpus Linguistics]. *Vvedeniye v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to the applied linguistics]. Moscow, 2003, pp. 112–137.

2. Kopotev M., Mustayoki A. *Sovremennaya korpusnaya rusistika* [Modern corpus Russistics]. *Instrumentariy rusistiki: korpusnyye podkhody* [Instrumentation of Russistics: corpus approaches]. Helsinki, 2008. (Slavica Helsingiensia, no. 34), pp. 7–24.

3. Plungyan V. A. *Zachem nuzhen Natsional'nyy korpus russkogo yazyka? Neformal'noye vvedeniye* [Why the Russian National Corpus is needed? Informal introduction]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005* [Russian National Corpus: 2003–2005]. Moscow, 2005, pp. 6–20.

4. Plungyan V. A., Sichinava D. V. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: opyt sozdaniya korpusov tekstov*

sovremennogo russkogo yazyka [Russian National Corpus: the experience of creating a corpus of modern Russian language texts. Eds. L. N. Belyayeva et al.]. *Trudy mezhdunar. konf. «Korpusnaya lingvistika–2004»* [Proceedings of the international conference «Corpus Linguistics 2004»]. St.-Petersburg, 2004, pp. 216–238.

5. Rakhilina Ye. V. *Korpus kak tvorcheskiy proyekt* [The Corpus as a creative project]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St.-Petersburg, 2009, pp. 7–26.

6. Savchuk S. O. *Metatekstovaya razmetka v Natsional'nom korpusе russkogo yazyka: bazovyye printsipy i osnovnyye funktsii* [Metatext markup in the Russian National Corpus: basic principles and the basic functions]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. Results and prospects]. Moscow, 2009, pp. 62–88.

7. *Integrum: tochnyye metody i gumanitarnyye nauki* [Integrum: exact methods and human sciences]. G. Nikiporets-Takigava (ed.). Moscow, 2006. Pp. 50–76.

8. McEnery T., Wilson A. *Corpus Linguistics*. 2-nd ed. Edinburgh, 2001.

9. Baker P., Hardie A., McEnery T. *A glossary of corpus linguistics*. Edinburgh, 2006. 187 p.

10. *Dialogue Studies*. Vol. 21. *Variation and Change in Spoken and Written Discourse: Perspectives from corpus linguistics*. Eds. J. Bamford, S. Cavalieri, G. Diani. 2013. 290 p.

11. Cheng W. *Exploring Corpus Linguistics: Language in Action*. Routledge, 2011. 241 p.

12. *Corpus Linguistics 25 Years on*. Ed. by R. Facchinetti. Rodopi, 2007. 385 p.

13. Lüdeling A., Kytö M. *Corpus Linguistics. An International Handbook*. Walter de Gruyter, 2009. 1402 p.

14. McEnery T., Hardie A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge, 2012. 312 p. (Cambridge Textbooks in Linguistics).

15. O'Keeffe A., McCarthy M. *The Routledge Handbook of Corpus Linguistics*. Routledge, 2010. 682 p.

16. Rühlemann C. *Narrative in English Conversation: A Corpus Analysis of Storytelling*. Cambridge, 2014. 304 p. (Studies in English Language).

17. Stenstrom A.-B. et al. *Trends in Teenage Talk: Corpus Compilation, Analysis and Findings*. John Benjamins, 2002. 228 p. (Studies in Corpus Linguistics).

18. Fedosyuk M. Yu. *Nereshennyye voprosy teorii rechevykh zhanrov* [Unsolved problems in the theory of speech genres]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions of linguistics]. 1997, no. 5, pp. 102–120.

19. Kremshokalova M. Ch. *Kognitivno-diskursivnaya model' malykh zhanrov ustnoy rechi (na materiale blagopozhelaniy i proklyatiy)* [Cognitive-discursive model of the small genre of oral speech (on a material of good wishes and curses)]. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Nal'chik, 2014.

20. Dekhgan Khalili Mozhde. *Rechevoy zhanr «pros'ba» v sovremennoy russkoy kommunikatsii* [Speech genre «please» in modern Russian Communication. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2015.

21. Oskol'skaya S. A. *Korpus pis'mennykh tekstov XIX veka: sfery upotrebleniya i zhanrovoye raznoobrazie* [The corpus of written texts of the XIX century: the scope

of use and variety of genres]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novyye rezul'taty i perspektivy* [Russian National Corpus: 2006–2008. New results and prospects]. St. -Petersburg, 2009, pp. 46–51.

22. Balashova Ye. Yu. *Rol' teleonomnykh kontseptual'nykh poley v organizatsii religioznogo diskursa* [Role of teleonomic conceptual fields in the organization of religious discourse: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2015.

23. Yaroslavtseva Ya. A., Dubrovskaya T. V. *Konstruirovaniye mezhnatsional'nykh otnosheniy v zhanrakh vneshnepoliticheskogo diskursa (na primere Rossii i SSHA)* [Constructing international relations in genres of foreign policy discourse (based on Russian and American data)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2015, no. 3 (53), pp. 182–191.

24. Dementyev V. V. *Zhanrovo-rolevyye stsenki: obosnovaniye podkhoda k sostavleniyu entsiklopedii rechevykh zhanrov* [Genre-role scenes: an approach to compiling an encyclopedia of speech genres]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse* [Genres and types of text in academic and media discourse]. Iss. 6. Oryol, 2008, pp. 95–109.

25. Shmeleva T. V. *Model rechevogo zhanra* [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 88–99.

26. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkij anekdot. Tekst i rechevoj zhanr* [Russian anecdote. Text and speech genre]. Moscow, 2002. 144 p.

27. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

28. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nyye protsessy sovremennoy rechi* [«Speech genre» theory and actual processes in contemporary speaking]. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. Moscow, 2015, no. 6, pp. 78–107.

29. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov* [The Problem of speech genres]. *Bakhtin M. M. Sobranie sochineniy v 7 tomah* [Collected works in 7 volumes. Vol. 5]. Moscow, 1996, pp. 159–206.

30. Rogachova N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikatsii (na materiale russkogo i anglijskogo jazykov)* [The structure and functioning of the internet-communication secondary speech genres. Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2011. 252 p.

31. Goldin V. E. *Imena rechevykh sobytii, postupkov i zhanry russkoy rechi* [Names of speech events, of speech deeds, and of genres of Russian speech]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 23–34.

32. Dementyev V. V. *Aspekty problemy «zhanr i kul'tura»* [Aspects of the problem «Genre and culture»]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 5–20.

33. Alpatov V. M. *Istoriya lingvisticheskikh ucheniy* [History of Linguistic Studies]. Moscow, 2001. 367 p.

34. Sheffer Zh.-M. *Chto takoye literaturnyy zhanr?* [What is a literary genre?]. Moscow, 2010.

35. Bobyreva Ye. V. *Religioznyy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavnogo veroucheniya)* [Religious Discourse: values, genres, strategy: based

on the Orthodox Faith. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2007. 40 p.

36. Dementyev V. V. *Intertekstual'nyy aspekt rechevykh zhanrov* [Intertextual aspect of speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 2(12), pp. 9–26.

37. Sedov K. F. *Zhanry «prazdnorechevoy» kommunikatsii: boltovnya, svetskaya beseda, razgovor po dusham* [Genres of «free-speech» phatic communication: boltovnya, svetskaya beseda, razgovor po dusham]. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of verbal communication]. Iss. 6. Saratov, 2006, pp. 85–97.

38. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: daily communication. Ed. by K. F. Sedov]. Moscow, 2007. 320 p.

39. Fenina V. V. *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoj i russkoj kul'turakh* [Speech genres «small talk» and «svetskaya beseda» in the Anglo-American and Russian cultures. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Saratov, 2005. 20 p.

40. Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsiya* [Indirect communication]. Moscow, 2006. 376 p.

41. Sharifullin B. Ya. *Kommunikativnyye strategii i taktiki invektivny: semeynyy skandal* [Communicative strategy and tactics of invective: family scandal]. *Yazykovaya situatsiya v Rossii nachala XXI veka* [The language situation in Russia at the beginning of the XXI century]. Vol. 2. Kemerovo, 2002, pp. 266–276.

42. Koloyan D. L. *Ukhazhivaniye kak tip kommunikativnogo povedeniya* [Courtship as a type of communicative behavior: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2006.

48. Peshë M. *Kontent-analiz i teoriya diskursa* [Content analysis and discourse theory]. *Kvadratura smysla* [Quadrature of meaning]. Moscow, 1999, pp. 302–336.

49. Pocheptsov G. G. *Teoriya kommunikatsii* [Communication Theory]. Moscow, 2001.

50. Shalak V. I. *Sovremennyy kontent-analiz* [Contemporary content analysis]. Moscow, 2004. 272 p.

51. Skalička V. K. *Voprosu o tipologii* [On the issue of the typology]. *Voprosy Yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. Moscow, 1966, no. 4, pp. 22–30.

52. Kushneruk S. P. *Teoriya sovremennogo dokumentnogo teksta* [The theory of modern document text: Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2008.

53. *Slovar'-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki* [Dictionary, and the Thesaurus of Modern Russian idiomatics. Eds. A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skiy]. Moscow, 2007. 1135 p.

54. Melikyan V. Yu. *Slovar': Emotsional'no-ekspressivnyye oboroty zhivoy rechi* [Dictionary: Emotionally expressive units of live speech]. Moscow, 2001. 240 p.

55. Balakay A. G. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow, 2001. 672 p.

56. Khimik V. V. *Bol'shoy slovar' russkoy razgovornoy ekspressivnoy rechi* [Great Dictionary of Russian conversational expressive speech]. St.-Petersburg, 2004. 768 p.

57. Dementyev V. V. *K sostavleniyu slovary fatich-eski-regulyativnykh sintaksicheskikh frazeologizmov* [By compiling a dictionary of phatic-regulatory syntactic phraseologisms]. *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskiye*

i emotivnyye aspekty [Language person: sociolinguistic and emotive aspects]. Volgograd; Saratov, 1998, pp. 35–42.

58. Demytyev V. V. Ob odnom sposobe kontseptualizatsii zhanra «razgovor po dusham» v russkoy rechi [A method of conceptualizing the genre of «razgovor po dusham» in the Russian speech]. *Grani poznaniya* [Edges of knowledge]. 2011, no 4.

59. Bagdasaryan T. O. Tonal'nost' kak komponent modeli rechevogo zhanra (na materiale rechevogo zhanra

«ugroza») [Tonality as a components of a model of speech genre (based on the speech genre «threat»)]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 240–245.

60. Karasik V. I. Kommunikativnaya tonal'nost' [Communicative tonality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Demytyev]. Iss. 5. Saratov, 2007, pp. 81–94.

Статья поступила в редакцию 11.05.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Деметьев В. В., Степанова Н. Б. Корпусная генристика: проблема ключевых фраз // Жанры речи. 2016. №1. С. 24–41. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41.

FOR CITING

Demytyev V. V., Stepanova N. B. Corpus genristics: a problem of key phrases. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 24–41. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-24-41. (in Russian).

УДК 811.161.1'27'38

ББК 81.2Рус-3

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-42-49

И. В. Шерстяных
Иркутск, Россия

I. V. Sherstyanykh
Irkutsk, Russia

**ДИСКУРСИВНЫЕ СЛОВА КАК СРЕДСТВО
ОРГАНИЗАЦИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ
(НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСЕМЫ ПРАВДА)**

**DISCURSIVE WORDS AS A MEANS
OF ORGANIZING SPEECH GENRES
(ON THE EXAMPLE OF LEXEME TRUE)**

Аннотация. Статья посвящена описанию особенностей функционирования лексемы «правда» в составе некоторых речевых жанров. Слово «правда» отнесено к группе дискурсивных слов, обеспечивающих связность речи, отражающих процесс взаимодействия говорящего и слушающего, а также передающих отношение говорящего к сказанному. В исследовании принято широкое понимание дискурсивных слов как строевых компонентов речевого жанра, реализующих иллокутивные функции и связанных с речевыми шагами говорящего по порождению жанра.

Дискурсивное слово «правда» охарактеризовано как средство организации жанров вопроса, оправдания, согласия, уступки, просьбы, а также оценочных речевых жанров. Результаты исследования могут использоваться при разработке интегрального описания речевых жанров.

Ключевые слова: жанроведение, речевые жанры, дискурс, дискурсивные слова, прагматика, полифункциональность.

Abstract. The article is devoted to the description of lexeme «truth» functioning features entering different speech genres. The word «truth» is referred to the group of discourse words providing speech coherence, reflecting the process of interaction between the speaker and listener, as well as conveying attitude of the speaker to what has been said. The study considers broad understanding of discourse words as structural components of the speech genre that realize illocutionary functions and are associated with speech steps of the speaker in the creation of genre.

Discursive word «truth» is characterized as a means of organizing genres of question, justification, consents, concessions, requests, as well as speech genres of evaluation. The research results can be used in the development of speech genres integrated description.

Key words: genre science, speech genres, discourse, discursive words, pragmatics, polyfunctionality.

Сведения об авторе: Шерстяных Инна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и методики.

Место работы: Педагогический институт ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет».

E-mail: irkinna@yandex.ru

About the author: Sherstyanykh Inna Valeryevna, Candidate of Philology, associate professor.

Place of employment: Pedagogical Institute of Irkutsk State University.

Со второй половины 70-х гг. XX века в связи с коммуникативно-прагматическим поворотом в лингвистике существенно повысился интерес исследователей к словам, которые отражают не столько отношения между элементами описываемого в высказывании фрагмента действительности, сколько отношения между элементами структуры дискурса, понимаемого как коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст [1 : 289]. Подобного рода единицы получили название дискурсивных слов. Являясь универсальным средством человеческого языка, дискурсивные слова как единицы, отражающие взаимодействие говорящего и слушающего,

адресанта и адресата, являются объектом пристального внимания в современной лингвистике, в том числе и в жанроведении.

Термин «дискурсивные слова» не имеет однозначного толкования. К группе дискурсивных слов лингвисты относят лексемы, обеспечивающие связность речи, указывающие на взаимоотношения между говорящим и слушающим, а также передающие отношение говорящего к сказанному. Именно эти единицы управляют процессом общения: они выражают истинностные и этические оценки, пресуппозиции, мнения, соотносят, сопоставляют и противопоставляют разные утверждения говорящего или говорящих друг с другом» [2 : 7].

К. Киселева и Д. Пайар понимают дискурсивные слова «как такие языковые единицы, которые придают особый дискурсивный статус некоторому фрагменту дискурсивной последовательности, составляющему сферу действия дискурсивного слова» [3 : 9].

Дискурсивные слова относят и к сфере метакоммуникации, которую можно определить как «высказывания, эксплицирующие, анализирующие или комментирующие содержание или форму отдельных компонентов дискурса» [4 : 414].

Термин «дискурсивные слова» ставит во главу угла семантическую специфику слова – его участие в соотношении «вещественного» содержания высказывания с коммуникативной ситуацией, – отодвигая на второй план его формальные характеристики. Существенно, что дискурсивные слова не образуют «естественный» класс единиц, при этом являются классом, выделяемым на основании функционально-семантических особенностей. Этот класс, во-первых, не имеет четких границ и, во-вторых, объединяет единицы, которые традиционные классификации относят к различным частям речи (частицам, наречиям и др.). Попытки задать подобные слова списком оказываются весьма спорными, а принадлежность слова к классу дискурсивных слов определяется главным образом на основании функциональных критериев [5 : 9].

Генетически дискурсивные слова восходят к разным частям речи, фактически их ядро составляют модальные слова. Анализ морфологического статуса дискурсивных слов свидетельствует, что по грамматической принадлежности среди них преобладают единицы, восходящие к модальным словам, которые являются показателями субъективной модальности. Сам состав входящих в класс дискурсивных слов единиц определяет особенность их семантики, которая состоит в преобладании коммуникативного над номинативным и зависимости от сферы действия, т.е. контекста.

Общей для всех групп дискурсивных слов является способность к дискурсивизации текста, которая понимается как не осознанная или осознанная автором попытка приблизить письменный модус дискурса к устному [6].

В разное время были сделаны попытки классификации дискурсивных слов.

Так, Г. В. Дагуров предлагает шесть рядов дискурсивных слов: 1) эмоционально-экспрессивные; 2) эмоционально-оценочные; 3) побудительные; 4) утвердительные;

5) отрицательные; 6) вопросительные. В качестве оснований для выделения указанных рядов исследователь называет ряд признаков: цель высказывания, коммуникативные функции в речи, характер выраженного в данных единицах отношения к действительности [7 : 78–79].

С точки зрения речевых жанров представляет интерес классификация В. Н. Шаронова: 1) ментальный класс единиц (подтверждение, возражение, угроза, признание и под.); 2) этикетный класс (извинение, благодарность, осуждение и др.); 3) эмоциональный класс (радость, удивление, недовольство и т.п.); 4) побудительный класс (просьба, требование, уговаривание и др.) [8 : 98].

В настоящее время имеется большое количество описаний отдельных дискурсивных слов и их групп, появились и специальные словари таких единиц (см., в частности [2 ; 9-13]). В своей совокупности эти работы дают многоаспектную информацию об основных дискурсивных словах – просодическую, грамматическую, синтаксическую, семантическую, коммуникативную, прагматическую, а в [13] еще и паралингвистическую – необходимую для правильного их понимания и использования в речи.

Мы считаем возможным рассмотреть дискурсивные слова как единицы, имеющие в дискурсе ситуативно-прагматическое содержание. Такое понимание дискурсивных слов выводит нас на понятие речевого жанра как «вербального оформления типичной ситуации социального взаимодействия людей» [14 : 11 ; 15 : 27]. Стандартные и нестандартные речевые жанры выделяются в любых коммуникативных сферах. В свою очередь, речевые жанры, являющиеся строительными единицами коммуникативного процесса, могут быть разложены на конкретные речевые акты. Опираясь на широкое понимание дискурсивных слов как строевых компонентов речевых актов, реализующих иллокутивные функции и связанных с речевыми шагами говорящего по порождению речевого жанра, рассмотрим роль дискурсивного слова *правда* в организации некоторых речевых актов, способных входить в состав разных жанров речи.

Базой исследования послужила картотека примеров, полученных из «Национального корпуса русского языка» (<http://ruscorpora.ru>). Объем всего корпуса 109 028 документов, со словом *правда* корпус содержит 18 408 контекстов, что составляет 17 % [16].

Сфера бытования лексемы *правда* в русской речи чрезвычайно широка. Мы хотели бы сосредоточить внимание на употреблении лексемы *правда* в качестве средства организации речевых жанров. Регулярное использование знака в стереотипных ситуациях приводит к идиоматизации его значения. Д. Пайар отмечает, что лексема *правда* выступает как неизменяемое слово, не имеет зависимых элементов и выполняет в дискурсивной последовательности «метаязыковую» функцию, вводя, комментируя, ставя под сомнение или соотнося друг с другом высказывания или фрагменты высказываний [17 : 27].

Благодаря высокой употребительности в современном русском языке, слово *правда* получило разностороннюю лексикографическую характеристику в словарях русского языка. Однако в лексикографической литературе не дается исчерпывающего описания всех возможных случаев употребления слова *правда*, представлены разрозненные сведения о функционировании слова *правда* в составе тех или иных речевых жанров. Эти вопросы можно решить путем всестороннего анализа фактического лингвистического материала. Практическая значимость исследования заключается в том, что материалы и выводы работы могут быть использованы в лексикографической практике при составлении словарей русской разговорной речи, а также для решения проблем перевода, связанных с жанроведческим, стилистическим и прагматическим аспектами функционирования лексемы *правда*.

В современных толковых словарях количество значений у полисеманта *правда* колеблется от 6 до 7. Прирост значений слова *правда* идет за счет расширения функций и значений, которые присущи неизменяемым словам – союзу, частице, модальному слову. Однако слово *правда* остается многозначным и не распадается на омонимы (ни в одном словаре омонимов оно не представлено). До сих пор прослеживается связь слова *правда* с понятиями «закон» и «справедливость», что обусловлено его этимологическим родством со словами *править*, *право*.

Лексема *правда* обладает яркой семантикой и большой функциональной гибкостью. Можно выделить несколько типов ее употребления в составе речевых жанров. В смысловой структуре слова *правда* одной из сем является «подтверждение истинности утверждения», которая по-разному реализуется в функциональных вариантах этой единицы.

В качестве единицы, имеющей в дискурсе ситуативно-прагматическое содержание, *правда* регулярно употребляется в следующих речевых жанрах и речевых актах.

I. В речевом жанре / речевом акте вопроса

1. В обращенном к собеседнику вопросе лексема *правда* выражает желание говорящего привлечь внимание собеседника, либо узнать, согласен ли с ним собеседник [9 : 356 ; 11 : 279].

– *А эта Шура, которая приходила, его жена? – кивнул Штерн на дверь. – Да. Приятная женщина, правда?* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Иногда в вопросе лексема *правда* употребляется с модальными частицами *же*, *ведь*. Эти частицы подчеркивают ориентированность вопроса на собеседника, выражают призыв разделить мнение говорящего.

– *А замдекана ему говорит: «Я на тебе крест поставил. Значит, ты мой крестник...» Правда же, смешно? – Очень, – сказала Варя (С. Довлатов. Дорога в новую квартиру). Говорящий просит оценить его шутку, разделить его мнение о том, что случай с профессором действительно смешной.*

– *Я сам эту дачу получал... я там строил, копал. Да если разбираться, она вообще никакого права не имеет! Если разбираться, то в самом крайнем случае Танька может эту дачу получить! Правда ведь? А? По наследству-то?* (А. Волос. Недвижимость). В данном случае говорящий ищет поддержки, сочувствия у собеседника.

2. В сочетании с отрицательной частицей *не* и вопросительной частицей *ли* слово *правда* образует вопрос *Не правда ли?*, употребляемый с целью побуждения собеседника поддержать сказанное. Как правило, этот вопрос сопровождает неспорное и очевидное для обоих собеседников утверждение, поэтому является этикетным или риторическим.

Утро прекрасно, не правда ли? Этикетное замечание о погоде, которое выполняет фатическую функцию привлечения внимания. Ответить на такой вопрос – значит установить контакт, вступить в беседу.

3. В составе вопроса, обращенного к собеседнику, с тем чтобы он подтвердил, что его предыдущее высказывание является правдой.

– *Да если б не ты, я бы трех дней в этой дыре не высидел. – Правда, Артурушка? – Правда, маленький* (А. Варламов).

Купавна); – *Слышь, доходной, а ты, правда, демобилизованный или так, брехнул для форса? «Правда. Завтра сяду на поезд и уеду домой...» – поспешил было Холмогоров, но споткнулся на последнем слове* (О. Павлов. Карагандинские девятины).

При этом в ответном речевом жанре согласия, как правило, употребляется утвердительная частица *правда*.

4. В составе устойчивой вопросительной формулы *правда ли, что*, призывающей собеседника подтвердить или опровергнуть истинность какого-либо высказывания.

– *Правда ли, что женщинам не следует читать много? – Много не нужно, но... – Скажите мне, что я должна читать?* (И. Тургенев. Ася); *«Скажите нам, только честно. Правда ли, что русские снег едят?» – «Спьяну, может быть, – отвечают наши честно, – а так – нет»* (Ф. Искандер. Дедушка).

5. В составе вопроса с частицей *неужели* для выражения удивления, восхищения или недоверия к сказанному.

Юноша удивленно раскрыл свои синие глаза и спросил: «Неужели я смогу плавать с одной ногой? Неужели правда смогу?» – не верил он (Л. Дурнов. Жизнь врача. Записки обыкновенного человека). *Неужели правда?* выражает удивление, что подтверждается и невербальным поведением говорящего.

6. В составе вопроса лексема *правда* может осложняться значением укора, упрека.

– *Ты правда не понимаешь или делаешь вид?* (М. Трауб. Замочная скважина); – *Вот ты всё время играешь, но ведь компьютер не только для этого, правда?* (Е. Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем!).

В таких высказываниях всегда обнаруживается прагматическое задание, выполняя которое, лексема *правда* берет на себя основное фразовое ударение.

II. В жанре оправдания

Модально-экспрессивное слово *правда*, включенное в высказывание, может усилить оправдание.

Я не знаю... Я правда не знаю... Честное слово! (А. Маринина. Последний рассвет); *Я, правда, не специально тебя ударил, – сказал он, помолчав* (А. Геласимов. Год обмана).

Такое употребление лексемы *правда* приближено к перформативному, маркирующему жанр оправдания. Современными словарями русского языка данное употребление слова *правда* не фиксируется.

III. В жанре согласия

1. Слово *правда* употребляется как форма согласия с собеседником [9 : 356; 10 : 509; 11 : 280].

– *Да, ладно вам, – снова рассмеялся Алёшка. – Смотрите, а вот здесь у нас первый зуб. – Ой, правда, – сказала Ленка* (А. Геласимов. Ты можешь); – *Мне бабушка никогда не даёт его волю поест. – А почему? – спросила мама. – Она говорит, что после арбуза у меня получается не сон, а сплошная беготня. – Правда, – сказал папа. – Вот поэтому-то мы и едим арбуз с утра пораньше* (В. Драгунский. Англичанин Павля).

В подобного рода контекстах *правда* употребляется для выражения уверенного подтверждения слов собеседника.

2. Устойчивое сочетание *что правда, то правда* и сочетание *и то правда* употребляются для выражения согласия с собеседником [9 : 356].

«Ты, Саша, может быть, не знаешь, – добавила Лиза, разглаживая бинт ладонью, чтобы не было ни малейшей складочки, которая могла бы давить, – но женам хочется быть нужными своему мужу постоянно. Ведь правда?» – «Что правда, то правда, Елизавета Николаевна» (В. Рыбаков. Гравилет «Цесаревич»); – *А не пора ли обедать? – обращаюсь я к Саше. – И то правда! – радостно встрепенулся он. Мы идем в столовую. Там мы снова веселимся в промежутках между глотанием* (Г. Рудых. Такой устойчивый мир).

Лексема *правда* проявляет функциональную и семантическую гибкость, употребляется как универсальный показатель речевого жанра согласия, положительного ответа. В данном употреблении синонимично словам *хорошо, так*.

3. Устойчивое сочетание слова *правда* и личных местоимений *твоя / ваша* употребляется для выражения согласия с собеседником, признания истинности его высказывания, правоты, победы в споре [9 : 356].

– *И что преподаешь? – Так... словесность. – Платят, небось, копейки? – Твоя правда. Но я знаешь чего про деньги думаю? Сейчас они есть, завтра, глядишь, нет. А ты всегда есть* (С. Данилюк. Бизнес-класс); – *Вы кончили? – сказала она, дав ему уходить. – Ваша правда. Я от слов своих отступилась. Неужели вы не понимаете? Пусть это подло и малодушно* (Б. Пастернак. Воздушные пути).

IV. В оценочных речевых жанрах

1. Слово *правда* употребляется для подтверждения, признания правильности того, о чем сказано ранее [10 : 509; 11 : 280]. Лексема *правда* выступает в данном случае в составе жанра оценки ситуации. Синонимично в таком употреблении модальным словам *действительно, в самом деле*.

У него откуда-то взялись пятьдесят баксов. И я сказал – покажи. У него правда были пятьдесят баксов. Я их взял и снова треснул его по морде (А. Геласимов. Нежный возраст). Слово *правда* подчеркивает, что событие, о котором говорится, имело место в действительности, было реальным.

Часто в этом значении *правда* употребляется с союзом *и*.

«Красавец будет!» – сказала нянечка. И правда, вырос красавцем (И. Грекова. Перелом); *Когда началась война и его мобилизовали в армию, Тумашу в определённом смысле стало даже спокойнее – со временем всё больше крепла уверенность, что не вызовут. И правда, не вызвали и не взяли* (В. Быков. Болото).

В этих контекстах конструкция *и правда* указывает на то, что суждение о будущем, высказанное ранее, подтвердилось по прошествии времени, оказалось верным.

2. Лексема *правда* может акцентировать фрагмент высказывания, содержащий оценку человека или фрагмента действительности.

– Как, как тебе Васюта? Не правда ли, хороша? (М. Сергеев. Волшебная галоша, или...). Говорящий просит собеседника разделить его мнение о третьем лице, не участвующем в разговоре, акцентирует внимание ее на достоинствах, ищет поддержки.

Тихо поёт из разных углов через стереофонику покойная Билли Холлидей. Потрескивает камин. Возле камин в креслах дедушка с бабушкой монолоизируют на тему о приоритете монархической власти в России. Не правда ли мило? (В. Аксенов. Круглые сутки нон-стоп). Говорящий рисует картину «идиллической старости» и просит подтвердить, что описанная им ситуация оценивается собеседником так же.

3. Фразеологизм *правду сказать, правду говоря* употребляется для выражения того, что говорящий высказывается вполне откровенно, делает доверительное признание [11 : 280 ; 12 : 194].

Но, во-первых, больная действительно находилась в отчаянии; а во-вторых, надо правду сказать, я сам чувствовал сильное к ней расположение. Притом же и всё се-

мейство мне нравилось (И. Тургенев. Уездный лекарь); *Говорили про него, что он любит таскаться на Кубань с абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленький, сухой, широкоплечий... А уж ловок-то, ловок-то был, как бес!* (М. Лермонтов. Герой нашего времени).

Фразеологизм *правду сказать / правду говоря* выполняет метатекстовую функцию. Оценка, заложенная во фразеологизме, является основным связующим элементом текста, который состоит из нескольких предложений. Лексема *правда* является своеобразным метакомментарием речевых процессов. *Правду сказать* – включенный в текст метаэлемент высказывания о самом высказывании, элемент метатекстовой ленты, выражающий отношение автора к тексту и направляющий повествование. Слово *правда* включает в себя текст «первой степени», являясь главной частью текста «второй степени», т.е. текста, выполняющего не только собственно референтную функцию, но и метареферентную – функцию интерпретации или экспликации референтного смысла протекста – базового текста, с опорой на который создается метаэлемент *правду сказать*.

V. В речевом акте уступки

Лексема *правда* употребляется в составе присоединительных уступительных конструкций и указывает на то, что названное в них обстоятельство вносит какую-либо поправку, уточнение, которые ограничивают то, что говорится в предыдущей части высказывания [10 : 509 ; 11 : 280].

Раньше это была дача как дача – обыкновенная деревянная халупа, правда, на довольно большом лесном участке (В. Белоусова. Второй выстрел). В первой части высказывания о даче говорится, как об обычном, ничем не примечательном объекте (*дача как дача, обыкновенная*), но с помощью вводной конструкции создается эффект самоперебива говорящего и он сообщает информацию, которая добавляет предмету разговора ценности в глазах слушающего (*на довольно большом лесном участке*). Теперь высказывание о даче не столь категорично.

Уступка представляет собой трехуровневую последовательность, в соответствии с которой вначале адресант утверждает что-либо, допускает обоснованность данной информации, но продолжает настаивать на обоснованности потенциально противоположной другой информации [18].

Хотя рыбак Тумах был не очень везучий, иногда за всё утро приносил домой каких-нибудь пару плотвичек – коту на завтрак. Случалось, **правда**, ловил и побольше, а однажды поставил рекорд – дюжину окуньков, которых и зажарил в день собственного рождения, пригласив на угощение коллегу – доктора Дашкевича (В. Быков. Болото).

Правда как уступительное слово, синонимичное союзам *хотя, хотя и*, передает отношение, мнение говорящего о действительности. Уступительное значение при этом находит свое выражение только в контексте, который является основной формой реализации уступительной ситуации и может обладать различной протяженностью от одного до нескольких предложений.

VI. В жанре просьбы

Данное употребление слова **правда** не зафиксировано в современных словарях русского языка.

– Ну, дай мне по лбу, **правда**, – взмолился Егор. – Мне легче будет. – Он протянул Петру ковш. – Дай, умоляю... (В. Шукшин. Калина красная); – Может, **и правда**, кум, – попросила хозяйка. – Как мы хорошо жили при твоём бате! Может, **и ты** возьмёшься?.. Что мог Коротин ответить, что обещать? (Б. Екимов. Пиночет).

Говорящий с помощью слова **правда** подчеркивает серьезность своей просьбы, искренность своего желания.

– Вечером мы с удовольствием поговорим. – Вечером у вас Дом кино, театр, друзья... Послушал бы, **правда**. Иван, расскажи ему про учительницу... (В. Шукшин. Печкилавочки).

Говорящий просит собеседника не откладывать разговор до вечера, а выслушать его сейчас. Просьба выражается формой глагола в сослагательном наклонении (значение: желательность события), с помощью слова **правда** ему сообщается оттенок реальности, действительности.

В составе просьбы лексема **правда** употребляется для выражения предложения или содержит призыв пересмотреть решение / ситуацию. Подобного рода конструкции воспринимаются как формулы ненастойчивого предложения, «мягкой» просьбы.

Как видим, в составе речевых жанров у лексемы **правда** всегда обнаруживается прагматическое задание: она употребляется как модально-экспрессивное слово, акцентирующее или усиливающее значение вы-

сказывания, несущее на себе основное фразовое ударение.

Итак, слово **правда** активно употребляется в речи в жанрообразующей функции, способно выступать как строевой компонент этикетных, оценочных, императивных речевых жанров, обладает как высокой фразообразующей возможностью, так и экспрессивно-эмоциональной окраской, вступает в различные свободные и несвободные сочетания слов.

В качестве дискурсивного слова **правда** используется в составе вопроса, для выражения удивления, восхищения, недоверия, упрека, для привлечения внимания собеседника, просьбы к собеседнику разделить мнение говорящего, подтвердить свое предыдущее высказывание, определить истинность какого-либо положения, для выражения согласия с собеседником, оценки высказывания или его части, выражения уступки, поправки, оправдания. Столь явная полифункциональность слова, наличие множества лексических оттенков даже в рамках одной грамматической формы, делают слово **правда** сложным для понимания и правильного употребления при изучении русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
2. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М. : Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
3. Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова русского языка : контекстное варьирование и семантическое единство // Дискурсивные слова русского языка : контекстное варьирование и семантическое единство. М. : Азбуковник, 2003. С. 8–26.
4. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М. : Прогресс, 1978. С. 402–421.
5. Киселева К. Л., Пайар Д. Дискурсивные слова как объект лингвистического описания // Дискурсивные слова русского языка : опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайар. М. : Метатекст, 1998. С. 7–11.
6. Белова В. М. Дискурсивные слова в мемуарах монтажного типа : семантика, функции, прагматика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда : ВГПУ, 2011. 23 с.
7. Дагуров Г. В. Грамматически не оформленные высказывания в русском языке : учеб. пособие. М. : Наука, 1988. 110 с.

8. Шаронов В. Н. Коммуникативы как функциональный класс и как объект лексикографического описания // Русистика сегодня. 1996. № 2. С. 89–111.

9. Балакай А. Г. Толковый словарь русского речевого этикета. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004. 683 с.

10. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Флинта, 2001. 356 с.

11. Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева и др. М.: Астрель; АСТ, 2003. 421 с.

12. Рогоженикова Р. П. Словарь эквивалентов слова: наречные, служебные, модальные единства. М.: Русский язык, 1991. 254 с.

13. Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц. Франкфурт-на-Майне; Берлин; Берн: Peter Lang, 1999. 423 с.

14. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Человек и текст. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. Вып. 27. С. 9–20.

15. Деметьев В. В. Коммуникативная генристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Деметьева. Вып. 3. Саратов: Колледж, 2002. С. 18–40.

16. Поиск в Национальном корпусе русского языка: правда. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 12.01.2016).

17. Пайар Д. Правда как дискурсивное слово: гарант и точка зрения // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство. М.: Азбуковник, 2003. С. 27–50.

18. Луговая Н. В. Речевая уступка в английском языке (на материале текстов британских СМИ). URL: <http://www.rostov-language.ru/help-40.html> (дата обращения: 18.01.2016).

REFERENCES

1. Kibrik A. E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija (universalnoe, tipovoe i spetsificheskoe v yazyke)* [Essays on general and applied problems of linguistics (universal, typical and special in language)]. Moscow, 1992. 336 p.

2. Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. *Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka* [Guide to discursive words of Russian]. Moscow, 1993. 207 p.

3. Kiseleva K. L., Païar D. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discursive words of the Russian language: context variation and semantic integrity]. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discursive words of the Russian language: context variation and semantic integrity]. Moscow, 2003, pp. 8–26.

4. Wierzbicka A. *Metatext v texte* [Metatext in the text]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in linguistics]. Iss. 8. Moscow, 1978, pp. 402–421.

5. Kiseleva K. L., Païar D. *Diskursivnye slova kak ob'ekt lingvisticheskogo opisaniya* [Discursive words as an object of linguistic description]. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discursive words of the Russian language: experience of contextual and semantic description]. Moscow, 1998, pp. 7–11.

6. Belova V. M. *Diskursivnye slova v memuarakh montazhnogo tipa: semantika, funktsii, pragmatika* [Discourse words in the memoirs of mounting type: semantics, functions, pragmatics. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Vologda, 2011. 23 p.

7. Dagurov G. V. *Grammaticheski ne oformlennye vyskazyvaniya v russkom yazyke: ucheb. posobie* [Grammatically not issued statements in the Russian language: tutorial]. Moscow, 1988. 110 p.

8. Sharonov V. N. *Kommunikativy kak funktsional'nyi klass i kak ob'ekt leksikograficheskogo opisaniya* [Communicatives as a functional class and an object of lexicographic description]. *Rusistika segodnya* [Russian philology today]. 1996, no. 2, pp. 89–111.

9. Balakay A. G. *Tolkovyi slovar russkogo rechevogo etiketa* [Glossary of Russian speech etiquette]. Moscow, 2004. 683 p.

10. Efremova T. F. *Tolkovyi slovar sluzhebnykh chastei rechi russkogo yazyka* [Glossary of Russian structural parts of speech]. Moscow, 2001. 356 p.

11. Morkovkin V. V., Lutskaya N. M., Bogacheva G. F. *Ob'yasnitel'nyi slovar russkogo yazyka: strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly* [Explanatory dictionary of the Russian language: structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, copulative verbs]. Moscow, 2003. 421 p.

12. Rogoznikova R. P. *Slovar ekvivalentov slova: narechnye, sluzhebnye, modal'nye edinstva* [Dictionary of the word equivalents: adverbial, auxiliary, modal unities]. Moscow, 1991. 254 p.

13. Simchuk E., Schur M. *Slovar russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Frankfurt-am-Main; Berlin; Bern, 1999. 423 p.

14. Sedov K. F. *Anatomiya zhanrov bytovogo obsheniya* [The anatomy of everyday communication genres]. *Voprosy stilistiki* [Questions of stylistics]. Vol. 27. Saratov, 1998, pp. 9–20.

15. Dementev V. V. *Kommunikativnaya genristika: rechevye zhanry kak sredstvo formalizatsii sotsial'nogo vzaimodejstviya* [Communicative genristics: speech genres as a means of formalizing social interaction]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementev]. Iss. 3. Saratov, 2002, pp. 18–40.

16. Search query «true» in Russian national corpora. Available at: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (accessed 12.01.2016).

17. Paia D. Pravda kak diskursivnoe slovo: garant i tochka zreniya [Truth as a discursive word: the guarantor and the point of view]. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discursive words of the Russian language: context variation and semantic integrity]. Moscow, 2003, pp. 27–50.

18. Lugovaya N. V. *Rechevaya ustupka v angliiskom yazuke (na material tekstov britanskix SMI)* (Speech assignment in English (on the material of texts of the British media)). Available at: <http://www.rostov-language.ru/help-40.html> (accessed 18.01.2016).

Статья поступила в редакцию 17.01.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Шерстяных И. В. Дискурсивные слова как средство организации речевых жанров (на примере лексемы правда) // Жанры речи. 2016. №1. С. 42–49. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-42-49.

FOR CITING

Sherstyanykh I. V. Discursive words as a means of organizing speech genres (on the example of lexeme true). *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 42–49. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-42-49. (in Russian).

УДК 811.161.1'22'27

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-50-55

В. М. Савицкий
Самара, РоссияV. M. Savitsky
Samara, RussiaПОРОЖДЕНИЕ РЕЧИ
В СОЦИОСЕМИОТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕSPEECH GENERATION
IN THE SOCIOSEMIOTIC ASPECT

Аннотация. В статье охарактеризован ряд социосемiotических правил выбора и комбинирования языковых средств в процессе порождения речи. Обоснована необходимость включения этих правил в генеративную модель высказывания. Выявлена зависимость выбора и организации слов в ходе порождения высказывания от конститuentов коммуникативного регистра речи (категории, близкой к категории речевого жанра). В качестве примера рассмотрены социосемiotические правила выбора имени деятеля (агенса). Теоретические выкладки основаны на данных, полученных путем опроса информантов. В статье описана подготовка материалов опроса, его проведение, обработка и интерпретация полученных результатов. Сделан вывод о необходимости формализации экстралингвистических (социальных и культурных) сведений, значимых для разработки машинной модели порождения речи.

Ключевые слова: порождение речи, генеративная модель, социосемiotика, контекстуальная дистрибуция, алгоритм, социальные роли.

Abstract. The article contains a characterization of some sociosemiotic rules that regulate the choice and arrangement of language units in the process of speech generation. Arguments are offered in favour of the view that the rules should be included into the generative model of an utterance. A dependency is ascertained between the constituent parts of a communicative register (a category closely related to that of speech genre) and the word selection rules of speech generation. The sociosemiotic rules of choosing a name for the agent serve as an example. The theoretical theses are based on the results of interviewing testees. The article contains a description of preparing the interview materials, conducting the interview, processing and interpreting its results. A conclusion is made concerning the necessity of formalizing the extralinguistic (social and cultural) data relevant for creating a computer model of speech generation.

Key words: speech generation, generative model, social semiotics, contextual distribution, algorithm, social roles.

Сведения об авторе: Савицкий Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Поволжская государственная социально-гуманитарная академия.

E-mail: lampasha90@mail.ru

About the author: Savitsky Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of English Philology and Cross-cultural Communication.

Place of employment: Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities.

В XX веке в рамках генеративной грамматики ([1] и др.) и смежных направлений, ориентированных на превращение лингвистики в точную науку, была сделана попытка представить естественный язык как логический автомат, порождающий по строгому алгоритму все правильные и только правильные высказывания. Планировалось смоделировать этот «автомат» на компьютере, который, как предполагалось, станет порождать речь, не отличимую от человеческой, если заложить в него «полное, достаточное и эксплицитное описание всех языковых объектов и правил» [2 : 32].

В основе порождения речи лежит «механизм выбора и организации слов» [3 : 387]. Считалось, что в процессе речепроизвод-

ства этот выбор и эта организация осуществляются автоматически, исходя лишь из правил языковой системы. Если, например, некий внеязыковой объект называется по-английски *lemon* «лимон», то при построении высказывания об этом объекте выбор данного слова из лексикона происходит сам собой.

Но так ли это? Слово *lemon* (в буквальном значении) не имеет синонимов. Однако даже в этом случае имеется номинационный выбор: если контекст и ситуация позволяют понять, о чем идет речь, данный внеязыковой объект можно называть гиперонимами *fruit* «фрукт», *citrus* «цитрусовое растение», а также разного рода перифразами и описаниями. (Такие замены дей-

ствительно нередко производятся в стилистических целях, дабы избежать однообразного повторения слова *leton*.) Сказанное тем более относится к столь многогранному объекту номинации, как человек, который может обозначаться сотнями имен, и правила их выбора не заложены в самой языковой системе. Хомскианская генеративная модель не полна.

Порождение подлинной живой речи требует учета таких факторов, которые выходят за рамки системы языка. Эти факторы должны учитываться при разработке моделей порождения речи. Такие модели, наряду со строгими алгоритмами, должны включать эвристические алгоритмы, носящие не собственно языковой, а социо- и культурно-семиотический характер.

По М. Халлидею, три из вышеупомянутых факторов составляют коммуникативный регистр речи: 1) *field of discourse* «область дискурса» (тематика общения); 2) *tenor of discourse* «направление дискурса» (ролевой расклад речевой ситуации, отношения участников коммуникативного акта); 3) *mode of discourse* «модус дискурса» (цель речевого общения и его жанрово-лингвистические характеристики) [4].

В нашей статье в качестве примера описывается лишь небольшая часть общей совокупности социо-семиотических правил, регламентирующих выбор и комбинирование языковых средств при порождении высказывания, а именно правила выбора имени деятеля при акциональном глаголе.

Мы установили, что этот выбор диктуется всеми тремя упомянутыми факторами [5 : 25–111]. Здесь мы опишем первый из них – зависимость выбора имени деятеля от характера совершённого действия. С целью ее выявления мы запланировали опрос информантов. На эту мысль нас навел пример: *The linguist saw the pelican* «Лингвист увидел пеликана». Он не раз приводился интерпретаторами идей генеративной грамматики (см.: [6–8] и др.) для демонстрации этапов порождения высказывания. В их генеративной модели отсутствует правило выбора имени субъекта (*linguist*) из лексикона.

Высказывания, сочиненные в экспериментальных целях, нередко звучат несколько искусственно. Так выглядит и вышеприведенный пример. В нем интуитивно ощущается какая-то семантическая аномалия; вряд ли оно могло родиться в подлинной живой речи. Даже если тот, кто увидел пеликана, и в самом деле лингвист, в этой ситуа-

ции его вряд ли назовут по его профессии: ведь она никак не связана с тем обстоятельством, что он увидел пеликана.

Постараемся вообразить ситуацию, в которой это высказывание всё-таки могло бы возникнуть. Предположим, что в зоосаде находится группа экскурсантов, в которую входит лишь один лингвист; значит, в этой группе людей его профессия служит его идентифицирующим и дифференцирующим признаком. Однако этого недостаточно, чтобы звать его лингвистом: согласно социокультурной норме, его предпочтут называть по имени собственному. Следовательно, его имя собственное, по-видимому, неизвестно членам группы, а о его профессиональной принадлежности они осведомлены; это обстоятельство представляется надуманным и странным.

Но и в этом случае человека будут именовать скорее по отличительной черте внешности – к примеру, *the lean spectacled man* «худой мужчина в очках». (Впрочем, это может быть и женщина: английский слово *linguist* не указывает на пол обозначаемого лица.) В любом случае говорящие будут ориентироваться на правила нормы и узуса речи, которые обусловлены социокультурно и не содержатся в моделях генеративной грамматики.

В крайнем случае в данной ситуации человека могут назвать словом *linguist*, если оно стало его прозвищем. Но такая вероятность невелика – это слово плохо согласуется с традиционными требованиями, которым должны соответствовать прозвища.

Одним словом, мотив выбора данного имени в данной ситуации неясен.

Цель запланированного нами опроса информантов заключалась в том, чтобы установить мотивы выбора имени деятеля (агенса) и представить их в виде правил, составляющих часть генеративной модели высказывания. Мы исходили из того, что упомянутый выбор происходит в два этапа:

1) Выбор на семантическом уровне, то есть выбор сигнификата для заданного денотата. К примеру, одно и то же лицо может быть репрезентировано как [мальчик], [(чей-либо) сын], [ученик], [бойскаут], [озорник] и др.

2) Выбор на лексическом уровне, то есть выбор имени для ранее выбранного сигнификата. Так, если выбран сигнификат [мальчик], то он может быть означен английскими словами *lad, boy, kid, youngster, nipper, strip-ling* etc или русскими *мальчик, отрок, малец, паренек, пацан, шкет* и др.

Выбор на лексическом уровне, определяемый жанрово-стилистическими факторами, детально описан в лингвистической литературе. Большой интерес вызывает выбор на семантическом уровне, определяемый социо- и культурно-семиотическими факторами.

Наша гипотеза состояла в том, что характер действия, выраженного сказуемым, тем или иным способом обуславливает выбор сигнификата и соответствующего ему имени деятеля, выраженного подлежащим. Опрос проводился с целью верификации гипотезы и установления этих способов.

В опросе приняли участие сто информантов – носителей английского языка, разных по возрасту, образованию и роду занятий. Во избежание давления группового мнения они опрашивались индивидуально (опросные листы вручались лично, высылались по e-mail и выставлялись на сайте).

В ходе подготовки было составлено десять вариантов опросного листа по десять экземпляров (итого сто). Бланки опросных листов содержали координатные сетки, в которых титулами строк служили именные группы (имена действующего лица), а титулами столбцов – глагольные группы (названия действий, совершённых данным лицом). При соединении именной группы (группы подлежащего) и глагольной группы (группы сказуемого) возникали высказывания в форме простых повествовательных двусоставных предложений, в которых сказуемое было выражено глаголом в простом прошедшем времени, действительном залоге, изъявительном наклонении. Например: *The forest keeper* (лесник) + *paid the bus fare* (оплатил проезд).

На этом этапе ставилась задача установить контекстуальную дистрибуцию имен лица (спектры контекстов, в которых употребляются различные разряды имен) и определить влияние фактора «область дискурса» на выбор имени лица. Подготовленный материал вносился в бланки опросных листов. В каждой таблице титулами строк (слева по вертикали) являлись группы подлежащего – имена некоего вымышленного лица, а титулами столбцов (вверху по горизонтали) служили группы сказуемого, которые обозначали действия этого лица. Информантам давалось задание оценить степень приемлемости каждого из высказываний, используя шкалу оценок, состоящую из трех делений: «+» (It is customary to say so «Так принято говорить»); «?» (It is hardly customary to say so «Вряд ли принято так гово-

рять»); «-» (It is not customary to say so «Так не принято говорить»).

Неприятность высказывания может быть истолкована в разных смыслах. Во-первых, она может быть понята как нарушение правил языковой системы. Во избежание этого в эмпирический материал **не** включались:

а) грамматически неправильные высказывания типа **John well English spoke* «Джон хорошо английский говорил»;

б) бессмысленные высказывания типа **Colorless green ideas slept furiously* «Бесцветные зеленые идеи яростно спали» (пример Н. Хомского).

Во-вторых, неприятность можно понять в экстралингвистическом (логическом, онтологическом, этическом и т.п.) смысле. Во избежание этого в корпус эмпирического материала **не** включались:

в) ложные (противоречащие общеизвестным фактам) высказывания типа *Marco Polo discovered America* «Марко Поло открыл Америку»;

г) высказывания, описывающие невозможные ситуации типа *The baby wrote a textbook in Physics* «Младенец написал учебник физики»;

д) высказывания, отражающие нерациональные и нецелесообразные действия типа *John carried water in a sieve* «Джон носил воду решетом»;

е) высказывания, описывающие ситуации, где нарушена этическая или иная социокультурная норма, типа *John insulted a lady* «Джон оскорбил даму».

Содержание всех высказываний касалось повседневных ситуаций. Информанты должны были оценить лишь меру соответствия высказываний языковой норме и узусу и ничего более; это отвечало цели эксперимента.

Индексы «приемлемо (+)», «вряд ли приемлемо (?)», «неприятно (-)» вносились информантами в ячейки таблиц. Далее методом семантического дифференциала [9] нами вычислялась средняя оценка для каждого класса высказываний. Делениям шкалы были приданы числовые значения: «+» получило значение 1, «?» – 2, «-» – 3. Значения суммировались и делились на общее количество информантов (сто).

Для примера ниже приводится вычисление усредненной оценки приемлемости высказывания *The accountant caught a carp* «Бухгалтер поймал карпа». Можно быть бухгалтером и при этом поймать карпа, но данное ситуационно-ролевое действие не вхо-

дит в исполнение позиционной роли «бухгалтер». Этот человек поймал карпа вне своих производственных обязанностей. Но можно ли в данной ситуации называть его бухгалтером?

11 информантов признали это высказывание приемлемым (значение 1);

65 – вряд ли приемлемым (значение 2); 24 – неприемлемым (значение 3). Далее было вычислено среднее арифметическое: $[(11 \times 1) + (65 \times 2) + (24 \times 3)] : 100 = 213 : 100 = 2,13 \approx 2$ («вряд ли приемлемо»).

Таким же способом подсчитывалась усредненная оценка во всех ячейках таблиц. В порядке иллюстрации приведем один из заполненных опросных листов (рис. 1).

наименования действий имена лица	1) took part in the election – участвовал в выборах	2) made an annual report – сделал годовой отчет	3) caught a carp – поймал карпа	4) fussed over every cent – трясся над каждым центом	5) scratched his head – почесал в затылке
1) (Mr.) Brown – (мистер) Браун	+	+	+	+	+
2) The US citizen – гражд-н США	?	–	–	–	–
3) The accountant – бухгалтер	?	+	?	+	+
4) The angler – рыболов	–	–	+	–	+
5) The niggard – этот скряга	–	–	–	+	?
6) The stout man – этот толстяк	–	–	+	–	+
7) The bastard – этот чертов сын	?	?	+	+	+

Рис. 1. Пример заполнения опросного листа

На рис. 1 титулы столбцов – наименования действий: 1) статусно-ролевого; 2) позиционно-ролевого; 3) ситуационно-ролевого; 4) диффузно-ролевого; 5) неролевого. Титулы строк – имена: 1) имя собственное; 2) имя статусной роли; 3) имя позиционной роли; 4) имя ситуационной роли; 5) имя диффузной роли; 6) имя приметы внешности; 7) оценочное имя.

По данным всех опросных листов мы составили сводную таблицу, в которой титулами столбцов и строк стали не отдельные лексические группы, а названия их классов. Сводная таблица явилась главным материалом для теоретической трактовки и выводов, которые приводятся ниже. В качестве дополнительного материала были привлечены данные отдельных опросных листов, пояснения информантов и результаты анализа англоязычных текстов.

На основе экспериментальных данных выявлялась контекстуальная дистрибуция имен действующего лица – спектр контекстов их использования.

Как оказалось, самую широкую (почти универсальную) дистрибуцию имеют имена собственные. При этом их дифференциация по официальности / неофициальности слабо коррелирует с фактором «область дискурса».

С именами собственными сочетаются названия всех видов действий.

1) Статусно-ролевые действия: (Mr.) *Brown prayed to St. Mary* «(Мистер) Браун вознес молитву Деве Марии» (действие, свойственное христианину).

2) Позиционно-ролевые действия: (Mr.) *Brown balanced the accounts* «(Мистер) Браун подвел баланс счетов» (действие, свойственное бухгалтеру).

3) Ситуационно-ролевые действия: (Mr.) *Brown paid the bus fare* «(Мистер) Браун оплатил проезд» (действие, свойственное пассажиру).

4) Диффузно-ролевые действия: (Mr.) *Brown ill-treated his family* «(Мистер) Браун третировал семью» (действие, свойственное домашнему тирану).

5) Неролеговые действия: (Mr.) *Brown scratched his head* «(Мистер) Браун почесал в затылке» (это действие не входит в исполнение какой-либо роли).

Почти универсальная сочетаемость имен собственных объясняется тем, что в их коммуникативном задании доминируют дифференцирующая и идентифицирующая функции. Они не генерализуют, не типологи-

зируют и не моделируют свой референт. Смысл их существования – в **указании** на референт, в его выделении из всех других референтов вне зависимости от характера совершаемого им действия (т.е. от фактора «область дискурса»). По данной причине, если продуценту речи известно имя собственное, он обычно предпочитает его именам нарицательным, потому что для их использования нужны особые причины, описанные в нашей (упоминавшейся выше) работе [5]. Если говорящий не задался никакой иной коммуникативной задачей, помимо указания на лицо, то он обычно использует имя собственное.

Бывают и собственно-нарицательные имена – *John the Baptist* «Иоанн Креститель», *President Carter* «президент Картер» и т.п. Один из компонентов комбинированного имени служит классификатором, относящим данное лицо к тому или иному классу лиц, а другой – дистинктором данного лица внутри данного класса лиц. Например, в классе «президенты США» выделяется тот, который носил фамилию Картер, или, наоборот, в классе «носители фамилии Картер» выделяется тот, который был президентом США. Компоненты дополняют друг друга, вместе выступая как идентификатор лица (человека, одновременно занимавшего данную позицию и носившего данную фамилию).

В ряде случаев имя нарицательное используется как прозвище, постоянно сопровождающее официальное имя: *Wolf Larsen* «Волк Ларсен» (Дж. Лондон. Морской волк); *Poke Andrews* «Громила Эндрюс» (Р. Чандлер. Золотые рыбки); *Scaramanga the Gun* «Скараманга-Пистолет» (Я. Флеминг. Человек с золотым пистолетом). Подсчет показал, что комбинированные имена по широте дистрибуции почти не уступают обычным онимам.

Несколько более узкая дистрибуция присуща **эквивалентам имен собственных**. Согласно нашим наблюдениям, они делятся на три подряда.

1) **Широкоузуальные эквиваленты имен собственных** – псевдонимы, клички, прозвища, которые прочно закрепились за теми или иными людьми в коммуникативной практике и употребляются всеми окружающими вместо их настоящих имен: *Legs* «Дылда» (Э. А. По. Король Чума); *Shady* «Теневик» (Я. Флеминг. Бриллианты вечны); *Ginger* «Рыжик» (А. Кристи. Вилла «Белый конь») и т.п. По данным текстуального анализа, такие имена не используются только в официальном общении, где требуется, во-первых, со-

блюдение этикета, а во-вторых, точные данные о настоящих именах участников.

2) **Узкоузуальные эквиваленты имен собственных** – прозвища, которые имеют хождение в малой группе (в небольшом производственном коллективе, в семье, в компании друзей и т.п.): *the Boss* «Хозяин» – прозвище губернатора, которое употреблялось только его доверенными лицами (Р. П. Уоррен. Вся королевская рать); *Scout* «Глазастик» – семейное прозвище маленькой героини (Х. Ли. Убить пересмешника); *Sunset* «Закат» – кличка гангстера, употреблявшаяся лишь в банде (Р. Чандлер. Золотые рыбки). В целом у этого вида эквивалентов дистрибуция уже, чем у предыдущего.

3) **Окказиональные эквиваленты имен собственных** – такие, которые используются только в одной ситуации. Например, в рассказе У. Сарояна «Филиппинец и пьяный» нет имен собственных. Один из героев рассказа именуется *the Philippino* «филиппинец», а другой – *the drunkard, the drunken man* «пьяный». Первое имя отражает происхождение человека, а второе – психофизическое состояние человека. Пьяный агрессор избирает инородца жертвой. Значимость этих свойств персонажей для сюжета и идеи рассказа побудила автора избрать эти имена в описываемой ситуации.

Стать эквивалентом имени собственного может имя позиционной или статусной роли, когда данная роль высокозначима в спектре общественных отношений человека и в большей или меньшей степени определяет всё, что и как он делает. Так, в новелле Р. Брэдбери «2002. Третья экспедиция» (из цикла «Марсианские хроники») один из героев всё время именуется *the Captain* «Капитан» – даже тогда, когда он не выполняет капитанские обязанности, а совершает разнообразные другие (в том числе бытовые) действия. Это связано с тем, что роль капитана, будучи главной в репертуаре его социальных ролей, служит его «визитной карточкой»; она как бы приросла к нему. Это и есть эквивалент имени собственного.

По мере того как позиционно-ролевые имена обретают независимость от характера действия, они тяготеют к обретению статуса эквивалентов имен собственных и – в дальнейшем – статуса имен собственных. Вначале такое имя выполняет классифицирующую и квалифицирующую функции – оно относит именуемое лицо к определенному классу лиц (например, *smith* «кузнец»). Выступая в этих функциях, такое имя сочетается в ос-

новном с названиями действий, относящихся к данной роли: *The smith shoed a horse* «Кузнец подковал коня». Имя деятеля согласуется с названием действия.

Но ролевое имя может выходить за рамки действий, относящихся к называемой им роли. Так, если в старые времена в селе имелся только один кузнец, то его называли кузнецом в связи с его любимыми, а не только профессиональными действиями, например: *The smith got married* «Кузнец женился». В таких случаях позиционно-ролевое имя (кузнец) выполняет не классифицирующую, а дифференцирующую и идентифицирующую функции, выступая в качестве эквивалента имени собственного.

В эпоху Средневековья ремёсла наследовались вместе с сословной принадлежностью. Названия ремёсел становились цеховыми именами, а те, в свою очередь, – фамилиями: англ. *Smith* «кузнец», *Baker* «пекарь», *Taylor* «портной», франц. *Forgeron* «кузнец», *Charpentier* «плотник», *Boulangier* «булочник», славян. *Кузнец*, *Рыбак*, *Гончар* и т.п.

Так ролевые имена превратились в эквиваленты имен собственных, а затем – в имена собственные. Произошел градуальный переход от таких имен, которые жестко зависят от вида совершаемого действия (т.е. от фактора «область дискурса»), к таким именам, которые почти не зависят от него. При этом наблюдается ступенчатое расширение дистрибуции имен.

Итак, мы описали контекстуальную дистрибуцию имен собственных и их эквивалентов, наиболее широкую по сравнению с дистрибуцией ролевых имен, имен примет внешности и оценочных имен.

В заключение подчеркнем еще раз: весьма желательно включить в генеративную модель высказывания социо семиотические и культурно-семиотические правила выбора и комбинирования языковых средств. Но их формализация в ходе обучения искусственного интеллекта навыкам речевой деятельности на естественном языке представляется весьма сложным делом. По существу, для этого требуется формализовать социум и культуру. Решения этой задачи можно ожидать лишь в отдаленной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Савицкий В. М. Порождение речи в социо семиотическом аспекте // Жанры речи. 2016. №1. С. 50–55. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-50-55.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М. : изд-во МГУ, 1972. 129 с.
2. Апресян Ю. Д. Лингвистические проблемы формального семантического анализа предложения // Структура текста–81. М. : Наука, 1981. С. 16–20.
3. Леонтьев А. А. Порождение речи // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская Энциклопедия, 1990. С. 387.
4. Halliday M. *Language as Social Semiotic*. London : E. Arnold, 1978. 256 p.
5. Савицкий В. М. Порождение речи : дискурсивный подход. Самара : изд-во ПГСГА, 2013. 226 с.
6. Moitra Sh. *Generative Grammar and Logical Form // Logic Identity and Consistency* / ed. by P.K. Sen. Calcutta : Allied Publishers Ltd., 1998. P. 1–48.
7. O'Connor J. D. *Phonetics*. London : Penguin, 1999. 320 p.
8. Palmer F. *Grammar*. L. : Pelican, 1986. 205 p.
9. Osgood C. E., Suci G. J., Tannenbaum P. H. *The Measurement of Meaning*. Chicago : University of Illinois Press, reprint 1967. 360 p.

REFERENCES

1. Chomsky N. *Aspekty teorii sintaksisa* [Aspects of the Theory of Syntax]. Moscow, 1972. 129 p.
2. Apresyan Yu. D. *Lingvisticheskiye problemy formalnogo semanticheskogo analiza predlozheniya* [Linguistic Problems of a Formal Semantic Analysis of a Sentence]. *Struktura teksta–81* [Text Structure–81]. Moscow, 1981, pp. 16–20.
3. Leontyev A. A. *Porozhdeniye rechi* [Speech Generation]. *Lingvistichesky entsiklopedichesky slovar* [The Encyclopedic Dictionary of Linguistics]. Moscow, 1990, pp. 387.
4. Halliday M. *Language as Social Semiotic*. London, 1978. 256 p.
5. Savitsky V. M. *Porozhdeniye rechi: discoursivny podkhod* [Speech Generation: a Discursive Approach]. Samara, 2013. 226 p.
6. Moitra Sh. *Generative Grammar and Logical Form. Logic Identity and Consistency*. Ed. by P. K. Sen. Calcutta, 1998, pp. 1–48.
7. O'Connor J. *Phonetics*. London, 1999, 320 p.
8. Palmer F. *Grammar*. London, 1986. 205 p.
9. Osgood C., Suci G., Tannenbaum P. *The Measurement of Meaning*. Chicago, 1967. 360 p.

Статья поступила в редакцию 17.12.2015.

FOR CITING

Savitsky V. M. Speech generation in the socio-semiotic aspect. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 50–55. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-50-55. (in Russian).

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 811.161.1'27

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64

В. Е. Чернявская
Санкт-Петербург, Россия

V. E. Chernyavskaya
St. Petesburg, Russia

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
КАК ВЕРБАЛИЗАЦИЯ НОВОГО
НАУЧНОГО РЕЗУЛЬТАТА
(на материале лингвистики)

SCIENTIFIC RESULT
IN RESEARCH PAPER
IN LINGUISTICS

Аннотация. Рассматривается текстовая модель научно-исследовательской статьи как носителя нового научного знания. Предложен лингво-эпистемический подход, соотносящий специфику лингвистической структуры текста с важнейшими экстралингвистическими факторами познавательной деятельности, центральную роль при этом играет аксиологическая активность субъекта. Содержательная структура научной статьи анализируется с точки зрения представленности нового авторского результата в аспекте преемственности и поступательности. Маркированная новизна рассматривается как фактор, существенно влияющий на включение результата в активный научный оборот. Несоблюдение норм представления авторского результата может затруднять дисциплинарную экспертизу и блокировать восприятие публикаций сообществом. Методика показана применительно к исследовательской статье в профильном журнале по лингвистике.

Ключевые слова: научная статья, вербализация, текстовая структура, научное знание.

Abstract. The article deals with a research paper in humanities and its text constitutive model. The research paper is presumed to be a source of information transfer, information mining and extraction. The linguo-epistemic approach offered is of relevance for expert's assessment of scientific quality in addition to bibliometric indicators. The complex structure of scientific text reflects the interrelation between epistemic "old" and "new" knowledge. The text author has to solve the problem of opting-in of his/her result as a piece of new knowledge to the system of existing knowledge. So, the explicitness of a verbalized new result creates crucial specifics of a research paper structure, which main function is presumed to be a source of information transfer, information mining and extraction. Research paper in peer-reviewed Russian journals in linguistics is discussed.

Keywords: research paper, verbalization, text structure, scientific knowledge.

Сведения об авторе: Чернявская Валерия Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий научно-исследовательской лабораторией лингвистических технологий
Место работы: НИУ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: tcherniavskaia@rambler.ru

About the author: Cherniavskaia Valeria Evgenyevna, Doctor of Philology, Head of Linguistic Technologies Reseach Centre
Place of employment: Peter the Great St. Petersburg Politechnic University.

1. Проблема, объект и методы анализа

Объектом анализа является текстовая модель или, в другой терминологии, жанровая форма исследовательской статьи (research paper), представляющая результаты проведенного автором (-ами) исследования и опубликованная в рецензируемом журнале. Текстовый корпус представлен статьями по лингвистике.

Основной формой оповещения научного сообщества о новых результатах исследований является их публикация в авторитетном профильном журнале. Журнальная статья выполняет две основные функции: во-первых, она должна служить средством оперативного распространения в научном обороте нового знания и, во-вторых, она является единицей измерения результативности

исследований субъекта науки. Такой подход традиционен для европейской и американской академической культуры и существенно отличается от принятого в нашей стране, где приоритет отдается монографиям как итоговым системным публикациям, обобщающим результаты многолетних исследований. Сегодня все чаще говорят о формировании корпуса российской научной периодики, отвечающей мировым стандартам в содержательной части статей, их библиографическому аппарату и процедуре анализа.

Новая информационная среда и возможности трансляции информации фокусируют проблему качества научного результата как объекта общественного и научного контроля [1].

Новизна – одна из констант экспертизы. Общество знаний, «экономика знаний» означают не просто «больше знаний и технологий», но новую эпистемическую культуру научных коллективов, распространяющих, артикулирующих знание. Это предполагает среди прочего изучение и внедрение моделей оптимальной и эффективной передачи знаний в языковой форме; аналитическую обработку языкового материала, структурирование информации.

Анализ направлен на подтверждение гипотезы: с маркированием новизны связывается важнейший фактор, обуславливающий вхождение результата в систему знания и научный оборот. Маркированность новизны обеспечивает реализацию важнейших функций научного процесса. С новаторством связана прогностическая функция науки, т.е. стремление обнаружить тенденции и направления ее основного развития, когда представляется возможным говорить об эффекте перспективы авторского знания. Несоблюдение норм представления авторского результата может стать фактором, тормозящим восприятие публикаций сообществом, что показано в ряде философских и науковедческих исследований т.н. «отложенного признания» в науке (*premature discoveries, discoveries with delayed recognition*), см.: [2]. Каноничная оформленность авторского результата в аспекте преемственности и поступательности является одним из базисных факторов, влияющих на восприятие результата. Форма научного изложения выполняет роль входного фильтра в систему научного оборота и является основой для научной экспертизы.

В качестве основных методов анализа текстового корпуса использовался структур-

ный (качественный) контент-анализ, прагматический анализ языковых единиц, метод реферирования текстового целого. Применительно к научному тексту совокупность этих методов представляет новую комплексную методику, развивающую лингвистический анализ в связи с эпистемическим подходом к смысловой структуре научного текста.

2. Теоретические основания анализа

Научная коммуникация предполагает «дистрибуцию знания» [3], в которой выделяются два различных этапа: на первом ученый создает элемент нового знания и на втором этапе вводит его в систему существующего научного знания. Именно текст в научной коммуникации является точкой пересечения познавательного и коммуникативного содержания.

В своей совокупности публикационный массив должен давать оперативное представление о достигнутом уровне системного отражения научного содержания и учебной специализации (учебники), наиболее крупных проблемах (монографии), направлениях наиболее интенсивного исследовательского поиска (обзоры), об актуальном состоянии дисциплины, конкретных результатах и методах исследования, персоналиях исследователей (статьи) (см.: [4 : 33–339]). Вследствие этого возрастает роль экспертной оценки, удостоверяющей качество информации, публикуемой в рецензируемых научных журналах. Экспертная оценка вместе с библиометрическими индикаторами имеет цель выявления объективной картины развития научных направлений и оценку их актуальности, прогностического потенциала и закономерностей формирования информационных потоков и распространения идей, см.: [5–8]. Эксперты отмечают, что публикация в рецензируемом журнале имеет большое значение как для автора, так и для самого журнала. Содержание журнала формирует целостное восприятие научной отрасли в междисциплинарном аспекте. Как следствие, подготовка статьи нацеливает автора на систематическую рефлексию о структуре используемых им понятий и о сути использованных методов [1 : 6]. В свою очередь научный журнал решает задачу закрепления и поддержания своей профильности для специалистов и экспертов, для чего необходимо регулярное пополнение журнала качественным, то есть достоверным, новым и эвристичным содержанием.

Заявленной целью является выявление специфики представления нового знания/авторского результата в современной гуманитарной журнальной статье. Фокусируя выраженность одного фрагмента познавательного процесса – нового знания, мы операционализируем в анализе одну, но при этом – фундаментальную эпистемическую характеристику современных исследований в области языкознания. Выращенность в текстовой структуре новизны может быть положена в основу характеристики эпистемической культуры субъекта познания, то есть глубины, детальности его владения историей вопроса, проблемной ситуации, усвоенности методологии и методики анализа.

Анализ нового авторского результата в структуре статьи базировался на следующих теоретически разработанных и практически подтвержденных допущениях.

Гуманитарный результат отличается от естественнонаучного как качеством приращенного знания, так и процедурами его удостоверения и доказательности. Новизна не может связываться только и именно с открытием нового объекта анализа, не имеющего аналога в предшествующем знании, или с существенным кардинальным изменением известных данных. Новизна определяется как дополнение и расширение существующих знаний об уже известных объектах, как постановка новой проблемы, обнаружение новых качеств объекта, новых связей между известными характеристиками объекта, обоснование новых, в т.ч. междисциплинарных областей применения известных идей, методов, новых способов деятельности с объектом.

Плюралистичное и индивидуально-оценочное по своей природе гуманитарное знание сопряжено с лингвистическим обоснованием, то есть с представленностью знания в текстовой форме. Научный результат входит в дискурс в форме текста [9 ; 10]. В этом отражается особый эпистемологический статус гуманитарных наук, отличный от эталона «hard sciences». Это означает, что гуманитарный результат должен получить свою структурированность и *оформленность*, нацеленную на встречную активность другого субъекта. «Зафиксированность» результата в текстовой структуре есть необходимое следствие плюрализма истин и проявление когнитивного консенсуса в удостоверении гуманитарной истины. Научный результат, его текстура должна преодолеть бесконечную полифонию и рассеяние смыс-

лов, методов, теорий. Именно структурированность научного знания, проявляющаяся в оформленности отдельных текстов и далее в четкой организованности массива дисциплинарных публикаций в соответствующем предметном дискурсе, дает возможность специалистам работать с относительно небольшим фрагментом знания и свой вклад оформлять достаточно ограниченно и «экономно» (см.: [4 : 337]).

Итак, «научная информация нуждается в особом структурировании и соблюдении правил кодирования информации в текст. Соответственно, научная статья представляет собой моделированный текст» [1 : 6].

Содержанием научного текста является вербализованное знание. Иными словами, в речевой форме фиксируется производство и функционирование знания. Следовательно, процессы текстопорождения в научной речи с необходимостью отражают закономерности познавательного процесса. Смысловые структуры и речевая форма научного текста моделируют систему операций получения, обоснования и презентации научного знания. Описана модель эталонного научного текста, отражающего процесс нахождения, формирования, представления в языковой структуре нового знания, на материале русского языка см.: [11–13], на материале немецких и английских научных текстов [14–16].

Новым следует считать «персонифицированное, т.е. полученное лично автором/ами, научное знание, объективированное в порождаемом тексте и диалектически противопоставленное предшествующему знанию. Важнейшими признаками нового знания являются его эвристичность и персонифицированность (личностность)» [11 : 106]. Новое научное знание должно расширять и углублять существующую систему знаний и удовлетворять требованиям нетривиальности. Соответственно, научно старое знание понимается как элемент научного знания, который к моменту создания нового уже существовал в системе наличного знания и входил в ценностную структуру корпуса объективных (доказанных ранее) фактов [12 ; 13 : 15–16].

Новизна актуализируется как маркированный элемент текстовой структуры. Ключевое значение принадлежит тому, насколько намеренно и целенаправленно автор показывает в создаваемом им тексте свое осознание меры преемственности и поступательности. При формулировании результата важно маркирование тех фрагментов текста,

которые актуализируют связь нового и наличного знания.

В процедуре проведенного анализа новизна результата рассматривалась с опорой на два неразрывно связанных аспекта познавательной деятельности: методологический и аксиологический. Процесс научного поиска предполагает активную роль субъекта познавательной деятельности и сознательный контроль за процессом познания. Методологический аспект характеризует способы получения, развития, интерпретации научного знания. Актуализация нового знания базируется на анализе и оценке наличного (старого) знания. При этом очевидно, что «научно новое, концептуальное знание занимает не все пространство текста. ... Дихотомия «новое-старое» может быть осмыслена как взаимодействие концептуального знания, т.е. знания, напрямую связанного именно с новым научным знанием и неконцептуального, вспомогательного знания, т.е. не связанного непосредственно с выражением новой концепции, но необходимого для ее обоснования, доказательства, контекстуального оформления, методологического и аксиологического развития» [13 : 22]. Этот процесс предстает неразрывно связанным с оценочными действиями субъекта познания и речи: принимаю/отрицаю, объективно/сомнительно/ложно, целесообразно/нецелесообразно и т.п. Новый результат «невозможен вне методологической оформленности и особой метакогнитивной «оболочки» [11 : 62]. Выраженность методологического аспекта отражает имманентную черту науки – стремление не просто к воспроизведению реальности, но к сознательному контролю за формами, условиями и основаниями процесса познания.

Методологический аспект знания рассматривается как способ формирования новых понятий, способ обоснования и интерпретации основных и уточненных понятий, т.е. способ установления логико-семантических отношений между понятиями. В лингвистическом анализе это обнаруживается в номинациях подходов, методов, способов получения нового знания, как-то: анализ, синтез, наблюдение, аналогия, формализация, моделирование и т.д., в номинациях форм познавательной деятельности – теоретической или эмпирической, специальных методик данной дисциплинарной области; через языковое выражение модальных отношений необходимости, важности, предпочтительности, целесообразности тех комму-

никативно-познавательных операций, которые предпринимает субъект познания и речи; через логические отношения причинно-следственного характера, аналогии, разграничения, объединения, включения и т.д. между фрагментами чужого и своего знания.

Научное познание осуществляется одновременно как рефлексивная деятельность автора, что выражается в ценностной, аксиологической ориентации субъекта в содержании старого и нового знания, в его познавательной оценке. В процессе построения текста ученый моделирует с помощью языковых форм ту систему мыслительных операций, которые приводят его к получению данного результата. Познавательная оценка – это выраженная в тексте квалификация автором текста того или иного компонента знания как имеющего определенную ценность, необходимую для формирования и выражения нового знания. Оценка регулирует и стимулирует выдвижение новых идей, мотивирует программу познавательных действий ученого, с ее помощью происходит квалификация и апробация знания. Аксиологическая активность субъекта обусловлена законами и – шире – диалектикой преемственности и новаторства в творческой деятельности. Соответственно, объективное знание предстает как суждения о фактах в сочетании с оценочными суждениями.

Аксиологический аспект научного текста вообще базируется на двух типах оценок – рациональной, или когнитивной, и эмотивной. В основе когнитивной оценки лежит логическое начало, выражающее интеллектуальное отношение автора к старому и новому научному знанию с учетом соответствия / несоответствия его, знания, нормам и эталонам, выработанным в процессе развития академической традиции науки. Применительно к научной коммуникации ценностное отождествляется с истинным, поэтому стандарт когнитивной оценки формируется качествами новизны, достоверности, значимости. Эти ценностные критерии следует считать универсальными аксиологическими основаниями научного текста, которые в дальнейшем конкретизируются в частных оценочных значениях. Эмотивная оценка представляет личное отношение автора к знанию и выражает различные нюансы, оттенки согласия / несогласия, одобрения / неодобрения и другие реакции личного отношения субъекта к тому или иному компоненту знания.

В научном тексте преобладает рациональная оценочность, выражающая теоре-

тичность мышления. Выявлены три типа оценочных суждений: оценка старого знания, оценка нового знания, оценка метода. Оценка старого знания понимается как квалификация включенного предшествующего знания с точки зрения его роли в структурировании текста. Основные критерии оценки старого знания: важность, целесообразность, необходимость предшествующего знания. Оценка нового знания репрезентирована средствами, эксплицирующими оценку использованных понятий, подходов, моделей, решений задач и т.д. как познавательных форм представления нового знания. Основные критерии оценки нового знания: новизна, значимость, обоснованность нового знания. Оценка метода базируется на языковых средствах, эксплицирующих оценку конкретных познавательных шагов, направленных на получение и обоснование нового знания. Здесь оценочная квалификация отражает критичность научного мышления, способность и готовность субъекта к самоконтролю над процедурами получения знания. Основные критерии оценки метода: результативность, эффективность, оригинальность, известность, сложность метода. См. подр.: [11].

Мера эксплицитной выраженности оценки лингвистическими средствами обуславливает оптимальную структуру для восприятия и понимания текста.

3. Процедура анализа

Был проведен анализ публикаций, которые можно квалифицировать как тип текста исследовательская статья, представленные в соответствующем разделе журнала. Разделы «Хроника», «Материалы и сообщения», «Рецензии» не включались в текстовый корпус. Статьи извлечены из журналов «Вопросы языкознания», «Вопросы когнитивной лингвистики», «Филологические науки. Научные доклады высшей школы» (раздел «Языкознание и межкультурные коммуникации») 2013–2015 гг. Выбор журналов обусловлен их профилем, ненулевым импакт-фактором. Следовательно, публикации в этих журналах отражают типичное состояние развития лингвистики как научного направления в отечественной науке, качество новизны и методологических аспектов в представлении научного результата на современном этапе развития дисциплины. Общее количество текстов: 180.

Была применена следующая процедура анализа:

1. Рассмотрены особенности композиционной и содержательной структуры статьи, в каждом тексте выделены вводные, основные, заключительные композиционные сегменты.

2. Отмечены языковые средства, маркирующие и оформляющие квант знания как новый, полученный лично автором (-ами):

а) языковые единицы, представляющие авторский результат как новый, а именно, единицы с семантикой новизны, оригинальности, нетривиальности, нетрадиционности результата, оценочные прилагательные, наречия «новый, оригинальный, нетрадиционный, впервые»; лексико-грамматические средства гипотетичности: «проблема, проблемный вопрос, идея, гипотеза, предположение; предполагать, выдвигать предположение» и т.п.;

б) языковые единицы, называющие исследовательские процедуры и методологию анализа: «опыт, эксперимент, моделирование, наблюдение, классификация, типологизация» и т.п.;

3. Отмечены языковые единицы, эксплицирующие авторскую оценку в связи с новым авторским знанием и методом получения и обоснования авторского знания.

Учитывались лексические единицы с общей семантикой оценки, типа «важность проблемы, значение теории, преимущество метода, объяснительный потенциал подхода»; оценочные сочетания, типа «особый интерес, важная роль, существенный вклад, ключевой вопрос, оригинальный подход»; наречия – интенсификаторы оценочного значения, типа «эффективный подход / особенно эффективный подход / чрезвычайно эффективный подход»; модальные средства, задающие различную степень категоричности оценки, типа «очевидно, бесспорно, верный подход»; графические средства выделения: разрядка шрифт и ряд других.

Учитывались именно эксплицитные средства выражения новизны и ее методологического и аксиологического аспекта, то есть выраженные в текстовой ткани очевидно для читателя, не требующие специального смыслового анализа и «декодирования» содержания текста. Аннотация, вводные и заключительные сегменты рассматривались при этом как наиболее информативные текстовые блоки, коррелирующие с представлением и интерпретацией «своего» результата в текстовой структуре.

4. Проведен сравнительный анализ языкового материала, извлеченного из журналов.

Принималось, что авторский результат является маркированным в тексте как таковой, как выражающий ту или иную меру новизны и поступательности, если в текстовой структуре присутствуют обозначенные выше языковые маркеры нового знания, его оценки. Глубина, детальность обоснования авторского результата в тематической прогрессии текста, система аргументов «за», в том числе с опорой на цитацию, ссылки здесь не анализируются, результаты анализа в этой связи представлены в рамках отдельной публикации.

4. Интерпретация результатов

В текстовом корпусе выявлены примеры эталонного представления авторского результата как в той или иной мере нового, сопровождающейся оценкой старого, нового знания и оценкой метода получения нового результата. Анализ показал разнообразие оценочных средств без тенденции к определенному преобладанию каких-либо из них (оценочных лексем, модальных интенсификаторов, графического выделения и т.п.). Аксиологические маркеры включаются в сложные цепочки рассуждений, дискуссий, доводов за и против. Создается сетка оценок с разной плотностью, а именно, образуются более и менее плотные, разреженные оценочные сегменты. Было установлено, что большинство авторов используют оценочные средства в сегментах, представляющих историю вопроса, проблемную ситуацию в предметной, изучаемой области, обоснование принятого метода решения проблемы, доказательство представляемой позиции, в заключительных суждениях.

Выявлены как частотные эксплицитные средства маркирования авторского результата как нового, а именно, оценочные прилагательные, наречия: новый, оригинальный, нетрадиционный, впервые; прямая номинация: проблема, вопрос, идея; лексико-грамматические средства гипотетичности: гипотеза, предположение; предполагать, выдвигать предположение; номинации нового качества авторского результата. Например:

«Статья посвящена типологически необычной синтаксической конструкции, характерной для южных языков манде». «В этой статье мы представим свой альтернативный подход к лексической типологии... Главный принцип, на котором построены наши исследования, восходит к идеям... Мы приняли этот принцип потому, что...» . «Я выдвигаю гипотезу о нестандартной алломорфии.... Изучение этого вопроса заставляет пере-

смотреть традиционное понимание алломорфии...». «В работе ... выдвигается гипотеза о связи сферы действия отрицания с семантикой конативности (попытки) в значении предиката. Эта гипотеза уточняется и расширяется на материале...». «Теоретические и методологические сложности, возникающие при применении понятия «финитность» к материалу конкретных языков, мотивируют нетривиальность поставленной в настоящем исследовании задачи. « ... проанализированные здесь морфосинтаксические признаки причастий не соотносятся друг с другом тривиальным образом...». «Проведенное исследование позволяет установить новые связи между семантикой лексических единиц и их взаимодействием с отрицанием. Предлагается новое системное объяснение... Работа предлагает новые подтверждения обоснованности фундаментальной классификации предикатов...». «...предложено новое понимание соотношения понятий «мертвого» и «живого» языка не как бинарной эквивалентной оппозиции, а как континуума состояний языка». «Поставленный вопрос позволяет переосмыслить оппозицию живого и мертвого языка. Традиционная модель предполагает... Но по нашему мнению, этот подход не вполне продуктивен. Нам кажется более предпочтительной модель ... . Таким образом, на наш взгляд более продуктивен подход, воспринимающий оппозицию живого и мертвого языка, которая традиционно понималась как эквивалентная, как оппозицию градуальную».

Как пример эталонного представления в смысловой и композиционной структуре динамики перехода от известного к новому, авторскому знанию может быть приведена следующая структура статьи. В вводном сегменте, в абсолютном начале формулируется идея, которая разворачивается языковыми средствами в проблемный вопрос, постановку проблемы и фокусирование авторской точки зрения на фоне традиционных, известных подходов (выделение жирным шрифтом мое – В. Ч.):

*«Основная идея этой статьи состоит в том, что за поверхностно выделяемой словами восьмью или девятипадежной системой в осетинском языке стоят две грамматические категории падежа ... . Многие языки, в том числе в кавказском ареале (Кибрик 1990), регулярно различают прямую и косвенную основы, и поэтому противопоставление прямого падежа всем косвенным на морфологическом уровне является распространенным явлением. В осетинском языке ... это противопоставление выходит за рамки собственно морфологии ... . В статье **показано**, что только постулирование двух полноценных, синтаксически релевантных категорий падежа, позволяет дать всем этим случаям нестандартного падежного маркирования **непро-***

творческое объяснение. В этом мой анализ принципиально отличается от разложений падежа, предлагавшихся для разных языков Р. О. Якобсоном и его продолжателями (4 ссылки) ... Кроме того, важной особенностью постулируемых грамматических категорий является то, что они различаются по своему формальному выражению ... Такое сосуществование двух формально различных падежных категорий в рамках одного языка поднимает вопрос о правомерности существования типологии падежных форм, рассматриваемой групповые и флективные системы как объекты одного рода» (ВЯ, № 6, 2014, с. 31–32).

В дальнейшем изложении в системе своей аргументации автор статьи поддерживает и усиливает поступательное развитие своей точки зрения на фоне чужого, уже существующего в научном обороте знания: «**При традиционном описании осетинской падежной системы неизбежно постулирование различных правил употребления падежей для разных зависимых лексем. Возможен, однако, альтернативный подход, при котором... Я предлагаю считать, что традиционная категория падежа в осетинском языке состоит из двух категорий, которые ...**» (там же, с. 44). Номинируются специальные исследовательские процедуры: «**Для описания используются правила контекстно-свободной грамматики; применяются лексические дефиниции, в которых ...**». Представление авторского результата неразрывно связано с аксиологической рефлексией и обоснованием избранного метода: «**В этом разделе будет предложена формализация описанного выше анализа в терминах лексико-функциональной грамматики ... ЛФГ выбрана мной потому, что эта модель представляется по своим основным принципам наиболее близкой типологически ориентированной традиции описания языков. Использование ЛФГ позволяет достичь ... Одним из центральных постулатов ЛФГ принято считать принцип лексикализма. Этот принцип гласит ...**» (там же, с. 49).

Изложение нацелено на «квантование» нового знания в смысловой структуре и облегчает понимание текста читателем и, как следствие, его вхождение в систему дисциплинарной экспертизы.

Такое эталонное представление авторской новизны в структуре статьи, однако, не прослеживается как строго и регулярно повторяющееся в сходных контекстах. Отмечены примеры статей, в структуре которых нет систематической рефлексии относи-

тельно авторской новизны, ее аксиологической и методологической выраженности. При интерпретации отобранных языковых единиц были отграничены и не рассматривались напрямую как маркер собственно нового авторского знания обобщенные рамочные номинации новизны исследовательского направления в целом, без развернутой содержательной квалификации авторского вклада. Например, «**Новый импульс проблеме взаимодействия синтаксиса и семантики дает когнитивный подход к изучению языка...**». «**В настоящее время многие языковые явления и проблемы получают новое освещение в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания**». «**Разработка новых психолингвистических подходов к изучению языкового материала оказала влияние на все сферы лингвистической науки**». Роль прагматического фокусирования нового авторского знания не выполняют, с одной стороны, общие характеристики наличного знания как «мало изученного», с генерализирующими конструкциями, типа «недостаточная изученность теории», «отсутствие общего подхода» без идентификации проблемы как таковой, ее номинации, расщепления на отдельные проблемные вопросы, открытые, дискуссионные участки теории и, с другой стороны, общие констатирующие характеристики предмета публикации как «активно изучаемого» в сочетании с речевыми шаблонами «всплеск интереса, пристальное внимание, сегодня, в последние годы» и т.п.

При оценке результатов учитывалось, что эталонная модель научного текста предполагает вариативность реализации в различных текстовых экземплярах. Вариативность, связанная с представлением проблемной ситуации, своего и чужого знания, может усиливаться в различных национальных традициях академического общения, см. подробнее [15 ; 16]. При этом выражение своего/авторского результата рассматривалось как центральный элемент познавательного процесса, предполагающий методологическую оформленность в текстовой структуре.

5. Выводы

Соблюдение каноничной стандартизированной формы научного текста является существенным при интеграции нового знания в дисциплинарную область. Принципиально значимо, что формулирование научного текста должно осознаваться автором как задача выбора оптимальной формы для выражения

мыслительного содержания. Речевое формулирование подразумевает различную степень прагматического фокусирования нового знания в текстах разного характера, преимущественно теоретического или же эмпирического, ориентированного на развитие понятия или изложения готового научного результата. При формулировании результата важно маркированное выдвижение тех фрагментов текста, которые актуализируют связь нового и наличного знания. Это предполагает осуществление автором текста стереотипных, распознаваемых реципиентом автоматически операций по формулированию своего текста.

Современная лингвистическая статья отражает в основном эталонную модель представления авторского результата как в той или иной мере нового, сопровождающиеся оценкой старого, нового знания и оценкой метода получения нового результата. В структуре текста вербализуется динамика познавательного процесса в его основных этапах проблемной ситуации / проблемы / идеи / гипотезы / аргументации / вывода.

При сохранении эталонной модели структурирования текста и выражения авторского знания, отмечено ослабление методологического аспекта в изложении, что выражается в ряде случаев в редукции описания методологического аппарата исследования, невыраженности номинаций подходов, методов, способов, приемов анализа, в редукции лингвистических конструкций, выражающих модальные отношения необходимости, предпочтительности, обоснованности коммуникативно-познавательных операций, предпринимаемых автором текста. Это может влиять на формирование смысла текстового целого и оценку результата специалистом, экспертом. В связи с этим существенная установка научного текста на оптимальную передачу процесса получения нового знания и его результата реализуется не в полном объеме. Нежелательным следствием может стать затрудненное вхождение научного результата в систему дисциплинарной экспертизы. Иными словами, увеличивается риск невнимания и вообще исключения публикации из научного оборота.

В гуманитарном исследовании в не меньшей степени, чем в естественнонаучных публикациях, требуется выверенная аналитическая работа и оптимальное структурирование информации, поддерживающие успех исследовательской работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляева Л. Н., Шубина Н. Л.* Научная статья как объект экспертной оценки // Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена. 2014. № 172. С. 5–12.
2. *Новиков А. С.* Научные открытия. Повторные, одновременные, своевременные, преждевременные, запоздалые. М. : URSS, 2003. 112 с.
3. *Giere R. N.* Scientific Cognition as Distributed Cognition // *The Cognitive Basis of Science* / Eds. P. Carruthers, St. Stich, M. Siegal. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. P. 285–299.
4. *Мирский Э. М.* Наука как социальный институт // *Философия науки* / Ред. С. А. Лебедев. М. : Академический проект, 2007. С. 307–370.
5. *Akopova M., Chernyavskaya V.* Evaluation of Academic Science : Perspectives and Challenges. Analyzing the Experience of St.-Petersburg State Polytechnical University // *Zeitschrift für Evaluation*. 2014. № 2. P. 348–357.
6. *Power M.* The Audit Society : Rituals of Verification. Oxford University Press, 1997. 200 p.
7. *Reinhart M.* Peer Review Practices : Epistemic and Social Aspects in the Assessment of Scientific Work // *Research Evaluation*. 2010. № 19 (5). P. 317–331.
8. *Simon D.* Selbststeuerung der Wissenschaft durch Evaluationen? Optionen und Grenzen institutioneller Forschungsbewertungen // *Evaluation wissenschaftlicher Institutionen. Wissenschaftsforschung Jahrbuch 2003* / Hrsg. Fischer Klaus, Parthey Heinrich. Berlin : Gesellschaft für Wissenschaftsforschung, 2004. S. 9–21.
9. *Лебедев С. А.* Проблема истины в естествознании и социально-гуманитарных науках // *Философия социальных и гуманитарных наук*. М. : Академический проект, 2008. С. 11–68.
10. *Ильин В. В.* Методология социально-гуманитарных наук // *Философия социальных и гуманитарных наук*. М. : Академический проект, 2008. С. 69–151.
11. *Баженова Е. А.* Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь : ПГУ, 2001. 272 с.
12. *Данилевская Н. В.* Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь, 2005. 360 с.
13. *Данилевская Н. В.* Чередование старого и нового знания как механизм развертывания научного текста (аскиологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006. 34 с.
14. *Чернявская В. Е.* Коммуникация в науке : нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М. : УРСС, 2011. 240 с.
15. *Cherniavskaia V.* Interkulturelle Differenzen von wissenschaftlichen Texten // *Fach – Translat – Kultur. Interdisziplinäre Aspekte der vernetzten Vielfalt* / ed. K.-D. Baumann. Bd. 2. Berlin : Frank & Timme, 2011. S. 1241–1270.
16. *Cherniavskaia V.* Kommunikation in der Wissenschaft : Ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit // *Alman*

Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur. 2014. Bd. 2. S. 5–15.

REFERENCES

1. Belyaeva L. N., Shubina N. L. Nauchnaya statja kak object ekspertnoy ocenki [Research paper as an object of evaluation]. *Izvestia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Issues of Herzen State University]. 2014, no. 172, pp. 5–12.
2. Novikov A. S. *Nauchnye otkrytiya* [Scientific Discoveries]. Moscow, 2003. 112 p.
3. Giere R. N. Scientific Cognition as Distributed Cognition. *The Cognitive Basis of Science*. Eds. P. Carruthers, St. Stich, M. Siegal. Cambridge, 2002, pp. 285–299.
4. Mirsky E. M. Nauka kak socialnyi institute [Science as a Social Institution]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science. Ed. S. A. Lebedev]. Moscow, 2007, pp. 307–370.
5. Akopova M., Chernyavskaya V. Evaluation of Academic Science: Perspectives and Challenges. Analyzing the Experience of St. Petersburg State Polytechnical University. *Zeitschrift für Evaluation*. 2014, no. 2, pp. 348–357.
6. Power M. *The Audit Society: Rituals of Verification*. Oxford, 1997. 200 p.
7. Reinhart M. Peer Review Practices: Epistemic and Social Aspects in the Assessment of Scientific Work. *Research Evaluation*. 2010, no.19 (5), pp. 317–331.
8. Simon D. Selbststeuerung der Wissenschaft durch Evaluationen? Optionen und Grenzen institutioneller Forschungsbewertungen. *Evaluation wissenschaftlicher Institutionen. Wissenschaftsforschung Jahrbuch 2003*. Hrsg. K. Fischer, H. Parthey. Berlin, 2004, pp. 9–21.
9. Lebedev S. A. Problema istiny v estestvoznanii i socialno-gumanitarnykh naukah [The Problem of Truth

in natural and social sciences]. *Filosofiya socialnykh i gumanitarnykh nauk* [Philosophy of natural and social sciences]. Moscow, 2008, pp. 11–68.

10. Ilyin V. V. Metodologiya socialnykh i gumanitarnykh nauk [The Methodology of Social Sciences and Humanities]. *Filosofiya socialnykh i gumanitarnykh nauk* [Philosophy of natural and social sciences]. Moscow, 2008, pp. 69–151.
11. Bazenova E. A. *Nauchnyi tekst v aspekte politekstualnosti* [Scientific Text in the Aspect of Politectionality]. Perm, 2001. 272 p.
12. Danilevskaya N. V. *Rol ocenki v mehanizme razvertyvaniya nauchnogo teksta* [Evaluation in the Scientific Text Production]. Perm, 2005. 360 p.
13. Danilevskaya N. V. *Cheredovanie starogo i novogo znaniya kak mehanizm razvertyvaniya nauchnogo teksta (aksiologicheskii aspekt)* [Interchange of old and new knowledge in scientific text production (axiologic aspect)]. Dr. philol. Sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2006. 34 p.
14. Cherniavskaia V. E. *Kommunikaciya v nauke: normativnoe i deviantnoe. Lingvisticskiy i sociokulturnyi analiz* [Communication in the Science: Norm and Deviation. Linguistic and Sociocultural Aspects]. Moscow, 2011. 240 p.
15. Cherniavskaia V. Interkulturelle Differenzen von wissenschaftlichen Texten. *Fach – Translat – Kultur. Interdisziplinäre Aspekte der vernetzten Vielfalt*. Ed. K.-D. Baumann. Bd. 2 Berlin, 2011, pp. 1241–1270.
16. Cherniavskaia V. Kommunikation in der Wissenschaft: Ein Plädoyer für Mehrsprachigkeit. *Alman Dili ve Edebiyatı Dergisi – Studien zur deutschen Sprache und Literatur*, 2014, bd. 2, pp. 5–15.

Статья поступила в редакцию 21.02.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Чернявская В. Е. Научно-исследовательская статья как вербализация нового научного результата (на материале лингвистики) // *Жанры речи*. 2016. №1. С. 56–64. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64.

FOR CITING

Chernyavskaya V. E. Scientific result in research paper in linguistics. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 56–64. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-56-64. (in Russian).

УДК 811.161.1'27+811.112.2'27
ББК 81.2Рус-5+81.2Нем-5
DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77

Е. Г. Которова
Зелёна-Гура, Польша

E. G. Kotorova
Zielona Góra, Poland

**МОДЕЛЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ «ПРОСЬБА»
В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

**THE SPEECH BEHAVIOR PATTERN
OF «REQUEST» IN RUSSIAN AND GERMAN:
A CONTRASTIVE STUDY**

***Аннотация.** В статье представлен анализ модели речевого поведения ПРОСЬБА в русском и немецком языках. В первой части статьи иллокуция ПРОСЬБЫ определяется в терминах Естественного Семантического Метаязыка. Контрастивное исследование проводится с трёх точек зрения. Во-первых, с точки зрения структуры, выделяются основные языковые модели реализации ПРОСЬБЫ. Во-вторых, с точки зрения прагматики, рассматривается, различаются ли ситуации, в которых русские и немцы выражают ПРОСЬБУ, и если да – то как. Показано, что для сопоставления русского и немецкого языков важным являются различия между симметричной и асимметричной, а также значительной и незначительной ПРОСЬБОЙ. В третьих, на основе методики коммуникативно-прагматического поля описываются возможности выражения ПРОСЬБЫ в русском и немецком языках. Выявляются особенности организации поля в этих языках. Исследование базировано на существующих корпусах немецкого и русского языков.*

***Ключевые слова:** речевое поведение, просьба, межкультурная коммуникация, контрастивная лингвистика, русский, немецкий.*

***Abstract.** The paper presents the analysis of the speech behavior pattern of REQUEST in Russian and German. In the first part of paper the illocution of REQUEST is defined in terms of Natural Semantic Metalanguage. The contrastive research is carried out from three different angles. Firstly, from the structural viewpoint, main language patterns of the realization of REQUEST are described. Secondly, from the pragmatic viewpoint, it is considered whether and how the situations in which Germans and Russians express REQUEST are different. It is shown that the difference between symmetric and asymmetric REQUEST, as well as between big and small REQUEST proves to be very important for the Russian-German comparison. And thirdly, the possibilities of expressing REQUEST in Russian and German are described using the method of communicative-pragmatic field. The peculiarities of field organization in these languages are revealed. The study is based on the existing corpora of the German and the Russian.*

***Key words:** speech behavior, request, intercultural communication, contrastive linguistics, Russian, German.*

***Сведения об авторе:** Которова Елизавета Георгиевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лексикологии и прагмалингвистики.*

Место работы: Зеленогурский университет (Польша), Институт германской филологии.

***E-mail:** e.kotorova@gmail.com*

***About the author:** Kotorova Elizaveta Georgievna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Lexicology and Pragmalinguistics.*

Place of employment: University of Zielona Góra (Poland), Institute for German Studies.

Введение

Предлагаемая вниманию читателя статья является составной частью исследования коммуникативного поведения носителей русской и немецкой культур. Целью данного комплексного исследования является выявление сходств и различий в функционировании высказываний, выражающих прагматическую интенцию основных моделей речевого поведения (таких как СОГЛАСИЕ, ОТКАЗ, БЛАГОДАРНОСТЬ, СОВЕТ, ИЗВИНЕНИЕ и др.), а также определение прототипических и периферийных средств, реализующих данные модели в названных двух языках. Инновативная методология исследования базируется на синтезе идей о прототипической

структуре категорий и возможности представления разного рода лингвистических феноменов в форме поля. Цель коммуникативного акта или его иллокуция рассматриваются как доминанта, которая обеспечивает возможность объединения всех речевых актов с данной иллокуцией в определённом языке в поле. Такое поле носит название коммуникативно-прагматического поля. Набор речевых высказываний, образующих каждое из полей, определяется социо-прагматическими, культурными и лингвистическими факторами, специфическими для каждого из сопоставляемых языков (см. [1 ; 2]). Данная статья содержит анализ модели речевого поведения ПРОСЬБА в русском

и немецком языках, использующий методика сопоставления коммуникативно-прагматических полей.

1. Определение модели речевого поведения ПРОСЬБА

Речевой акт ПРОСЬБЫ является побудительным речевым актом, направленным на то, чтобы склонить Адресата к совершению определённого действия, лежащего в интересах Говорящего. При этом исполнитель предполагаемого действия может свободно выбирать, будет ли он его выполнять или нет (ср. [3 : 212 ; 4 : 45–46]). Просьба может также заключаться в побуждении Адресата к отказу от какого-либо запланированного действия.

По признаку «свободы выбора» ПРОСЬБА, в отличие, например, от ПРИКАЗА, относится к группе не облигаторных (не категоричных) побудительных речевых актов, а именно, к группе РЕКВЕСТИВОВ, для которых характерна бенефактивность действия для Говорящего. Кроме просьбы, к этой группе относятся также МОЛЬБА, ЗАКЛИНАНИЕ, УПРАШИВАНИЕ [ср. 5 : 131]. По мнению других исследователей, однако, нет необходимости проводить различие между названными реквестивными речевыми актами, они все могут быть рассмотрены как разновидности речевого акта ПРОСЬБЫ [ср. 6 : 180–181 ; 7 : 27].

Иллокутивная цель речевого акта ПРОСЬБЫ (REQUEST) была сформулирована в ранних работах А. Вежбицкой [8 : 129 ; 9 : 129] в терминах Естественного Семантического Метаязыка в самом общем виде так:

(a) I assume that you can do it or not do it (Я полагаю, что ты можешь сделать или можешь не делать этого)

(b) I want to cause you to do it (Я хочу побудить тебя сделать это)

(c) I say: want you to do X (Я говорю: хочу, чтобы ты сделал X)

По нашему мнению, было бы важно в определении этой модели речевого поведения (далее МРП) учесть также два «подготовительных правила», сформулированных Дж. Сёрлем в отношении побудительных актов: 1) H is able to do A. S believes H is able to do A (С(лушающий) в состоянии совершить A(кт). Г(оворящий) полагает, что С(лушающий) в состоянии совершить A(кт)). 2) It is not obvious to both S and H that H will do A in the normal course of events of his own accord (Ни для Г(оворящего), ни для С(лушающего) не очевидно, что С(лушающий) при нормальном ходе событий со-

вершил бы A(кт) по собственной инициативе) [10 : 66–67].

В соответствии с этим определение Вежбицкой следует расширить следующими двумя пунктами:

(d) I assume that you are able to do it (Я полагаю, что ты в состоянии совершить это)

(e) I know that X cannot happen if someone doesn't do something to cause it to happen (Я знаю, что X не может произойти, если кто-либо не сделает что-либо для того, чтобы это произошло).

Действительно, как правило, не просят о том, чего явно сделать нельзя, например, достать звезду с неба. Равным образом, нет смысла просить о том, что совершается само по себе, например, передвигать ноги при ходьбе.

Следует отметить, что Вежбицкая в своём семантическом словаре английских речевых глаголов [11] даёт разные семантические дефиниции отдельным английским глаголам (*ask, request, beg* etc.), объединяемых ею в группу ASK₁. В русском языке всем этим глаголам в большинстве случаев соответствует глагол *просить*. Поэтому для русского иллокутивного глагола, являющегося центром МРП ПРОСЬБЫ, следует сформулировать единую обобщённую дефиницию.

Важно также учесть замечание М. Я. Гловинской, которая предлагает формулировать пресуппозицию данной речевой модели не как «X хочет, чтобы Y сделал P», а как «X хочет, чтобы было P» [6 : 181]. Это позволяет охватить случаи, когда желаемое действие выполняется третьим лицом, например:

(1) *По щучьему веленью, по моему хотенью – ступайте, ведра, сами домой!*

(2) *Ich bitte dich, das Kind dazu zu bringen, gesund zu essen.*

Обобщая всё выше сказанное, мы предлагаем определить иллокуцию МРП ПРОСЬБЫ следующим образом:

(a) Я исхожу из того, что ты можешь сделать или можешь не делать этого.

(b) Я хочу побудить тебя сделать это.

(c) Я полагаю, что ты в состоянии сделать это.

(d) Я знаю, что X не может произойти, если кто-либо не сделает что-либо для того, чтобы это произошло.

(e) Я говорю: хочу, чтобы произошло это.

Наряду с просьбой сделать что-либо (позитивная просьба), существует также и просьба не предпринимать чего-либо (негативная просьба). Определение негативной просьбы содержит наряду с отрицанием со-

ответствующих глаголов (Я хочу побудить тебя не делать этого; Я говорю: не хочу, чтобы произошло X) также один дополнительный компонент:

(f) Я полагаю (вижу), что ты это сделаешь (делаешь) (ср. [7 : 23]). Действительно, нет смысла просить не делать того, чего собеседник и не собирается делать, напр.: *Не бросай меня в терновый куст!* Иначе такая просьба может подействовать как подстрекательство.

Таким образом, иллюстрацию негативной просьбы можно сформулировать следующим образом:

(a) Я полагаю (вижу), что ты это сделаешь (делаешь).

(b) Я полагаю, что ты можешь сделать или можешь не делать этого.

(c) Я хочу побудить тебя не делать этого.

(d) Я полагаю, что ты в состоянии не делать этого.

(e) Я говорю: не хочу, чтобы произошло это.

ПРОСЬБА не является гомогенной моделью речевого поведения, в составе данной модели можно выделить определённые подтипы. Для анализа форм реализации МРП ПРОСЬБЫ важны два различия – между симметричной и асимметричной просьбой с одной стороны и между значительной и незначительной просьбой с другой.

Просьба считается асимметричной в том случае, если Адресат в сходной ситуации может обратиться с аналогичной просьбой к Говорящему. В таком случае возможность просьбы является взаимной. При асимметричной просьбе такая возможность исключена (ср. [12 : 83 ; 13 : 498]). Примером может послужить просьба одолжить ручку или карандаш (симметричная) и просьба об отпуске (асимметричная).

Значимость просьбы зависит, в основном, от двух факторов: от личных отношений между Говорящим и Слушающим и от весомости (важности) действия, о котором просит Говорящий. Чем весомее желаемое действие и чем больше дистанция между собеседниками, тем выше значимость просьбы (ср. [14 : 65]). Под незначительной просьбой понимается такая, выполнение которой не связано с риском, либо же с серьёзными временными затратами и усилиями. Значительная просьба предполагает всё выше названное в большей или меньшей степени. С точки зрения просителя, значимость просьбы обусловлена также важностью ожидаемого результата. Так,

например, просьба к вышестоящему подписать заявление о внеочередном отпуске (крайне важном для просителя) является для значительной для Говорящего, хотя и не требует особых усилий со стороны Адресата. Категория значимости просьбы не является бинарной, она представляет собой непрерывную переменную, подверженную влиянию ряда различных факторов.

2. Структура модели речевого поведения ПРОСЬБА

ПРОСЬБА реализуется в обоих языках чаще всего в следующих трёх моделях:

(a) модели с императивными конструкциями: *Принеси, пожалуйста, сегодняшнюю газету; Bitte kauf mal Brot auf dem Heimweg;*

(b) эксплицитно перформативные модели с модализацией и без: *Прошу Вас больше не опаздывать; Ich möchte dich bitten, die Übersetzung bis morgen zu machen;*

(c) имплицитно перформативные модели, преимущественно в форме вопросительных предложений: *Вы не можете мне город? Könntest du mir ein Foto von dir schicken?*

Степень прототипичности каждой из моделей отличается в сопоставляемых языках, как будет показано в пункте 4 данной статьи.

2.1. Модели с императивными конструкциями

Выражения с глаголом в императиве употребляются в немецком языке преимущественно для реализации незначительной просьбы (ср. [15 : 72]), в то время как в русском языке эта форма может применяться в личном общении как при незначительной, так и при значительной просьбе. Императив обозначает действие, выполнение которого желательно для Говорящего:

(3) *Наташа, мне нужна твоя помощь. Присмотри, пожалуйста, завтра за моими детьми, пока я на работе.*

(4) *Bitte machen Sie mal die Tür auf!*

Особенностью немецкого языка является возможность употребления инфинитива вместо императивной конструкции, обычно в сочетании с разговорной частицей *bitte*. Такого рода конструкции в немецком языке весьма употребительны:

(5) *Alle Fahrgäste, bitte aussteigen!* = ‚Alle Fahrgäste, steigen Sie bitte aus!‘

(6) *Und bitte nicht böse sein, wenn ich einen Fehler gemacht habe!* = ‚Und bitte seien Sie mir nicht böse, wenn ich einen Fehler gemacht habe!‘

Русские соответствия могут содержать инфинитивы только в сочетании с существительным *просьба*:

(5а) *Просьба к пассажирам освободить вагоны!*

Или же в корреспондирующих высказываниях употребляются императивные формы:

(6а) *И пожалуйста, не сердитесь на меня, если я сделаю ошибку.*

При выражении негативной просьбы в русском языке глагол обязательно употребляется с отрицанием, при этом часто встречается двойное отрицание. В немецком языке глагол отрицается только в том случае, если он стоит в фокусе высказывания, в противном случае негативное значение имеют другие члены предложения:

(7) *Не говори никому о том, где я был вчера.*

(7а) Sage *niemandem*, wo ich gestern gewesen bin.

(8) *Rauche bitte nicht, mich stört das.*

Следует обратить внимание на то, что негативная просьба в русском языке выражается, как правило, с помощью глагола несовершенного вида. Если в позитивной просьбе был употреблен перфективный глагол, то при её отрицании вид глагола должен быть изменён (ср. [7 : 24–26]):

(9) *Положи, пожалуйста, книгу на полку, мне она больше не нужна.*

(9а) *Не клади, пожалуйста, книгу на полку, она мне ещё нужна.*

При этом просьба без отрицания за определённым видом не закреплена: *люби / полюби – не люби, пиши / напиши – не пиши*. Употребление глагола совершенного вида в отрицательной форме характерно не для просьбы, а для предупреждения: *Не напиши ей каких-нибудь глупостей!*

2.2. Эксплицитно перформативные модели с модализацией и без

Прототипически в перформативной формуле МРП ПРОСЬБА употребляются иллокутивные глаголы *просить* и, соответственно, *bitten*. В случае необходимости усиления иллокуции могут быть использованы также глаголы *умолять*, а также *заклинать* в русском и *flehen / anflehen*, и, соответственно, *beschwören* в немецком. Именной вариант перформативной формулы образуется исключительно с существительным *просьба* и *Bitte*.

Полная структура перформативной формулы включает четыре компонента (ср. [16 : 48]):

(а) соответствующий перформативный глагол (компонента действия);

(b) обозначение Говорящего (компонента Говорящего);

(с) обозначение Адресата (компонента Адресата);

(d) характеристика содержания просьбы (компонента пожелания).

Компонента действия маркирует МРП с помощью перформативного глагола. Немецкому глаголу *bitten* соответствует в данном случае русский глагол в обеих залоговых формах *просить / попросить*:

(10) *Wir bitten Sie, den Fehler zu entschuldigen.*

(11) *Я прошу тебя только об одном – умерить гнев свой и не говорить ни слова.*

В немецком языке перформативный глагол может быть модифицирован с помощью префикса *-er*, что оказывает влияние на семантику и стилистику глагола: *erbitten* относится к высокому стилю и означает, вежливо просить о чём-либо, настойчиво требовать:

(12) *Ich erbitte nun Ihre Aufmerksamkeit für die letzte Rednerin in dieser Debatte.*

Компонента Говорящего, как правило, выражается с помощью местоимения первого лица единственного или множественного числа, употребление которого является для немецкого языка обязательным, а для русского факультативным:

(13) *Перестань же плакать, прошу тебя.*

При вариациях грамматической формы компоненты Говорящего, а именно, употреблении 3л. ед. или мн. числа: *Администрация просит всех сотрудников сохранять спокойствие*, либо же употреблении безличных форм: *Просьба к пассажирам пристегнуть ремни*, высказывание может считаться речевым актом и, соответственно, реализацией МРП ПРОСЬБЫ только в условиях соответствующей коммуникативной ситуации. При этом семантически субъект, как и в предыдущих случаях, соотносится с первым лицом – Говорящим, который обращается к слушателям от группы лиц, либо же говорит о себе в третьем лице.

Компонента Адресата употребляется в русском языке при глаголе *просить / попросить* в винительном падеже:

(14) *Мы просим вас ответить на вопросы нашей анкеты.*

(15) *Я попрошу Вас расстегнуть манжеты.*

В немецком языке при глаголах *bitten*, *flehen / anflehen* и *beschwören* компонента Адресата также стоит в винительном паде-

же, при глаголе *erbitten* она вводится с помощью предлога *von*:

(16) *Ich bitte, ich beschwöre dich, Geliebter, kehre zurück und erwarte den Major.*

(17) *Ich flehe dich um drei Tage Zeit* (Friedrich Schiller).

(18) *Ich flehe dich an, Bodo, höre diesmal nicht auf deine Frau Bianca.*

(19) *Ich erbitte von Ihnen eine klare Auskunft, warum Sie meine Fragen in der Vergangenheit nicht beantwortet haben.*

Компонента пожелания может выражаться с помощью существительного, инфинитива / инфинитивной группы или же придаточного предложения. Именная компонента как в русском, так и в немецком языке реализуется в форме предложного объекта с предлогом *о*+ *предложный падеж* в русском и *ит*+*винительный падеж* в немецком:

(20) *Прошу о продолжении знакомства, а я уж никогда не забуду самых приятнейших дней, проведённых с вами.*

(21) *Ich bitte um Respekt für die Privatsphäre meiner Frau und meiner Kinder.*

В русском языке существительное может также употребляться в родительном падеже без предлога:

(22) *Прошу вашего разрешения вернуться в полк.*

Употребление инфинитивных конструкций и придаточных предложений в функции компоненты пожелания конкурирует в обоих языках с употреблением предложного, либо же беспредложного объекта: *Я прошу внимания / Я прошу быть внимательными / Я прошу о том, чтобы Вы были внимательными / Ich bitte um Aufmerksamkeit / Ich bitte, aufmerksam zu sein / Ich bitte, dass Sie aufmerksam sind*, ср. также:

(23) *Мы просим вас принять участие в нашем опросе, который посвящен изучению образа жизни современного человека.*

(24) *Ich bitte Sie, das Gelände zu verlassen. Es ist erst ab acht Uhr freigegeben.*

Как в русском, так и в немецком языках, компонента Адресата может опускаться:

(25) *Тогда я прошу разрешения задать и другой вопрос.*

(26) *Wir bitten um Hilfe und Unterstützung.*

Компонента пожелания находится в фокусе перформативного высказывания, поскольку она отражает содержание просьбы, поэтому её употребление обязательно.

2.3. ИмPLICITно перформативные модели в форме вопросительных предложений

ИмPLICITная модель реализуется в обоих языках чаще всего в форме вопроситель-

ных предложений. Такие вопросы содержат, как правило, модальные глаголы *мочь* – *können* в изъявительном или сослагательном наклонении:

(27) *Вы могли бы перед собранием повторить все то, что рассказали нам?*

(28) *Können Sie bitte nach der Patientin am Fenster schauen, sie hat Beschwerden am Arm?*

В русском языке в данном случае употребляются преимущественно вопросительные предложения с отрицанием. В немецком отрицание модального глагола возможно, но не типично:

(29) *Ты не мог бы приехать ко мне?*

(30) *Könnten sie nicht einfach sofort zur Sache kommen?*

Просьба может быть выражена также вопросительным предложением без модального глагола, в русском также и в негативной форме:

(31) *Извини, — говорю Клаве, — ты не одолжишь мне двадцать пять рублей?*

(32) *Ob du mir was über das Penny Lane erzählst?*

3. Ситуативно-прагматические факторы

МРП просьба является прототипическим побудительным актом и, таким образом, одним из наиболее часто употребляющихся актов «угрожающих общественному лицу» (*face threatening acts*). Согласно теории Браун и Левинсона [17], такие речевые акты могут ограничивать или ущемлять такие потребности общественного лица собеседника, как право свободы выбора, независимость, право быть непо потревоженным. Для того чтобы избежать этого, Говорящий применяет определённые стратегии с целью смягчить возможную угрозу.

Ситуации, в которых вследствие акта просьбы возникает подобная угроза лицу собеседника, а также степень этой угрозы, являются культурно обусловленными и различаются в русском и немецком коммуникативном сообществе. В русской коммуникации акт просьбы можно наблюдать нередко в таких ситуациях, в которых в немецкой культуре просить не принято, поскольку немцы предпочитают самостоятельно решать возникшие проблемы, если это возможно. Например, для русских является обычным делом одолжить у соседей какую-либо мелочь, которая срочно понадобилась, особенно при приготовлении пищи (соль, яйца, лук и т.п.) вместо того, чтобы идти в магазин.

Подобные ситуации нередко упоминаются в русской беллетристике: *Медсестра пришла к маме, соседка зашла за картошкой* (Ольга Сульчинская); *Кто там пришел?* – донесся из комнаты голос Лукашина. – *Соседка зашла за луковицей!* – отозвалась мать (Эльдар Рязанов).

Выше названные различия базируются на особенностях каждой из культур. Так, Р. Ратмайр полагает, что русская культура в большей мере ориентирована на солидарность, в то время как немецкая культура – на дистанцирование [18 : 178–185]. Поэтому в русской культуре благодаря меньшей дистанции между собеседниками акт просьбы не воспринимается как существенная угроза и является, как следствие, обычным и частым действием, которое воспринимается Адресатом в большинстве случаев с пониманием и готовностью выполнить просьбу (ср. также [3 : 131]). Е. А. Земская, однако, справедливо замечает, что каждый народ стратифицирован в социальном и психологическом отношении, то есть в каждой культуре есть личности, которым более близка стратегия сближения, и такие, которые предпочитают дистанцирование [ср. 19 : 577]. По этой причине выше названные характеристики русской и немецкой культуры должны рассматриваться как статистически ожидаемые. Кроме того, общие изменения стиля жизни оказывают влияние на психологические установки и коммуникативное поведение русских. Прежние обычаи и нормы этикета вытесняются новыми, вследствие глобализации постепенно стираются культурные различия: *Вокруг повзростали высотные дома, поменялись соседи – уже по-простецки «соли попросить» не зайдешь...* (Сергей Трофимов).

Более тесная дистанция между коммуникантами в русской культуре влияет также и на восприятие степени значимости просьбы. То, что русским представляется незначительной просьбой, воспринимается немцами нередко как значительная просьба, что влечёт за собой употребление иных языковых средств для её выражения:

(33) *Нина, ты не могла бы поменяться со мной дежурством в субботу?* – незначительная просьба.

(33a) *Nora, ich möchte dich um einen Gefallen bitten: Könntest du vielleicht am Sonabend mit mir den Dienst tauschen?* – значительная просьба.

В остальных отношениях различия в выражении значительной и незначительной

просьбы в русском и немецком языках сопоставимы (см. пункт 4 данной статьи).

Прагматические факторы социальной дистанции и возраста лежат в основе противопоставления симметричной и асимметричной просьбы. Как в русском, так и в немецком языках в случае асимметричных отношений «снизу вверх» широко употребляются средства для ослабления угрозы лицу, ср.:

(34) Яша (Любови Андреевне): *Любовь Андреевна! Позвольте обратиться к вам с просьбой, будьте так добры! Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, сделайте милость* (Антон Чехов). – асимметричная ПРОСЬБА «снизу вверх»

(35) Любовь Андреевна (Трофимову): *Я могу сейчас крикнуть... могу глупость сделать. Спасите меня, Петя. Говорите же что-нибудь, говорите...* (Антон Чехов) – асимметричная ПРОСЬБА «сверху вниз»

В случае симметричной просьбы выбор средств выражения зависит от весомости желаемого действия и степени близости коммуникантов:

(36) Сусанна Николаевна, усевшись, вдруг поспешно опустила стекло в дверце кареты и крикнула Аграфене Васильевне: — *Вы будьте так добры, как-нибудь посетите нас; мы будем вам очень рады* (А. Писемский). – симметричная ПРОСЬБА при дистанцированных отношениях

(37) *Kannst du mal die Musik anmachen?* – симметричная ПРОСЬБА при близких, доверительных отношениях

К прагматическим особенностям ситуативно-коммуникативного поведения относятся также различия в выборе дискурсивных стратегий [о дискурсивных стратегиях см. 20 : 347 ; 21 : 71]. В отношении МРП просьбы при сопоставлении немецкого и русского языков следует обратить внимание на различия в применении следующих двух стратегий:

1) Ориентация на Говорящего vs. Ориентация на Адресата

В русском языке обе стратегии употребляются параллельно при реализации просьбы, при этом Говорящий не видит никакого прагматического различия между ними (ср. [3 : 182]):

(38) *Ты не мог бы дать мне на время свой велосипед? = Я могу взять на время твой велосипед?*

В немецком же преимущественно употребляется стратегии Ориентации на Адресата:

(39) *Könntest du mir bitte dein Fahrrad leihen?* и значительно реже *Könnte ich bitte dein Fahrrad leihen?*

2) Прямая аргументация vs. Косвенная аргументация.

Сопоставительные исследования русского и немецкого языков показывают, что в России и в настоящее время речевой акт просьбы употребляется чаще и без особого опасения причинить ущерб общественному лицу собеседника. Необходимость минимизировать угрозу лицу выражена в значительно меньшей степени, чем в немецком языке. Поэтому формулировка просьбы в русском языке, чаще всего, более прямая, чем в немецком. Например, если пассажир в переполненном вагоне хочет пройти к выходу, то в русском языке он формулирует свою просьбу чаще всего прямо: *Разрешите/позвольте пройти* или *Пропустите, пожалуйста, я выхожу*, реже с помощью вопроса: *Вы выходите на следующей?* В немецком языке в большинстве случаев употребляется нейтральный косвенный вопрос: *Darf ich bitte durch?* Говорящий избегает прямой просьбы, даже эквивалент русского вопроса *Вы выходите на следующей остановке?* – *Steigen Sie an der nächsten Haltestelle aus?* представляется немцам слишком личным.

Эти особенности дискурсивного поведения влияют также на распределение центральных и периферийных средств выражения иллокуции ПРОСЬБЫ (см. пункт 4 данной статьи).

4. Формы выражения коммуникативно-прагматического поля

4.1. Сопоставление центральных форм реализации

Наиболее распространённым среди лингвистов является утверждение, что в русской коммуникации для выражения ПРОСЬБЫ чаще всего используется императив [ср. 3 : 222 ; 22 : 74 ; 15 : 70 ; 23 : 274 ; 24 : 30–31]. Однако, согласно последним данным, приведённым в работах Е. Огерманн [25 : 209], при формулировании просьбы в русском языке всё чаще используются косвенные речевые акты. Следует, однако, учитывать, что информантами автора были исключительно студенты московских университетов. Для этой социальной группы характерны высокий уровень образованности и тесные международные контакты, что могло оказывать влияние на их ответы. Опрос, проведённый Огерманн, показывает, на наш взгляд, что формулирование просьбы в русской культуре меняется в связи с процессами глобализации. Однако результаты этого опроса так-

же демонстрируют, что число императивных конструкций в ответах русских респондентов намного выше, чем в ответах немецких респондентов: 5% в немецком языке и 35% в русском [ibid.]. Поэтому в нашем исследовании мы исходим из того, что императив является прототипическим средством выражения ПРОСЬБЫ в русском языке:

(40) *Ребёнок, принеси мне верхний ящик моего комода, – попросила она.*

В немецком же предпочтительным средством реализации МРП ПРОСЬБЫ являются вопросительные предложения [ср. 15 : 71 ; 25 : 209]. Следовательно, они образуют центр коммуникативно-прагматического поля ПРОСЬБЫ в немецком языке:

(41) *«Könnten Sie bitte noch etwas warten, meine Oma kann nicht so schnell laufen», bat er.*

Эти коммуникативные предпочтения должны быть учтены при переводе - русско-му высказыванию в императиве, выражающему просьбу, соответствует, как правило, немецкое вопросительное предложение:

(42) *Помогите мне, пожалуйста, положить чемодан на полку.*

(42a) *Könnten sie mir bitte helfen, den Koffer auf das Regal zu legen?*

Это, однако, не означает, что императив в немецком языке не относится к средствам реализации МРП ПРОСЬБЫ. Он используется для выражения незначительной просьбы, преимущественно в приватной коммуникации. В этом случае использование императива часто сопровождается частицами *mal* и *doch*, которые указывают на то, что речь идёт о небольшой услуге:

(43) *«Bring mir doch noch einen Gin Tonic», ruft Meta Huber ihrem Sohn Markus zu.*

В русском языке незначительность просьбы, а также неформальность отношений партнёров по коммуникации маркируются с помощью частицы *-ка*, которая присоединяется к глаголу. Такая форма реализации возможна при симметричной просьбе, либо же в том случае, если статус Говорящего выше статуса Адресата: (ср. [23 : 257]):

(44) *«Лёля, выйди-ка на минутку», — сказала она.*

Смысловый глагол может сопровождаться частицей *давай-ка*:

(45) *Давай-ка быстренько напиши мне официальную бумагу, что вот он окончил школу, что он тут делал первые шаги в цирке и т. д.*

Значительная просьба как в русском, так и в немецком языках реализуется прототипически в форме модализированного вопро-

са, часто в сочетании с введением, обоснованием или пояснением [26 : 257–258]:

(46) *У меня к вам не совсем обычная просьба. Вы не могли бы организовать мне встречу с Натальей Ольховцевой?*

(47) *Ich hätte eine Bitte an Sie, Herr Pfarrer: Könnten Sie vielleicht in Ihren Archiven nachschauen, ob eventuell Kinder von August Högn in Wallersdorf getauft wurden? Mir geht es vor allem um Geburtsdaten.*

В русском языке вопрос с глаголом *мочь* в функции просьбы, как правило, стоит в сослагательном наклонении и в отрицательной форме. Вопросы в утвердительной форме воспринимаются скорее не как просьба, а как непосредственный вопрос о возможности реализации действия [ср. 23 : 268]:

(46а) *Вы могли бы организовать мне встречу с Натальей Ольховцевой?*

На вопрос в (46а) Адресат, скорее всего, сообщит Говорящему, знаком ли он с упомянутой персоной и в состоянии ли он организовать такую встречу. Отрицательный вопрос в (46) оба эти условия предполагает как само собой разумеющееся.

Эксплицитно перформативные высказывания также относятся к центральному средствам выражения ПРОСЬБЫ, однако, ни в русском, ни в немецком языках они не находятся непосредственно в ядре поля. Наиболее частотным перформативным средством является глагол *просить* – *bitten*:

(48) *Я прошу тебя, говори потише. Разбудишь кого-нибудь.*

(49) *Ich bitte dich, mir meinen Wunsch zu erfüllen.*

Так же, как и другие перформативные глаголы, *просить* и *bitten* могут сочетаться с модальными модификаторами, в данном случае почти исключительно с глаголом *хотеть* – *mögen* в индикативе или конъюнктиве:

(50) *Хочу тебя попросить позвонить Асе и помочь ей разобраться с поступлением на работу.*

(51) *Ich möchte Sie bitten, die Situation noch einmal zu überdenken.*

В немецком языке употребление *wollen* глагола в названном выше контексте придаёт ПРОСЬБЕ категоричность и вследствие этого сближает её с ТРЕБОВАНИЕМ:

(52) *Ich will Sie bitten, an dieser Stelle keine falschen Debatten zu führen.*

В русском языке эта семантика выражается с помощью не модализированных перфективных либо же конъюнктивных форм глагола *просить*:

(53) *Только вот что, Феликс, я Вас прошу никогда больше не называть меня этим именем.*

(54) *Я попросил бы прекратить эти намеки, – решительно сказал он.*

Как в русском, так и в немецком языке, высказывания, содержащие императив, звучат более доверительно, чем высказывания с перформативными глаголами (ср. [23 : 264]). Вследствие этого перформативные высказывания чаще употребляются в официальной коммуникации (ср. [27 : 36]), напр.:

(55) *Принеси мне в субботу книги, которые ты брал.*

(55а) *Я прошу тебя принести мне в субботу книги, которые ты брал.*

Пример (55а) маркирует отношения между коммуникантами как менее личные и доверительные, чем в примере (55).

Именная перформативная формула образуется исключительно с существительным *просьба* – *Bitte*:

(56) *Есть у меня к тебе просьба, если получишь мою посылку, то сохрани все, что там будет.*

(57) *Ich wende mich an Sie mit der Bitte, mich auf dem Laufenden zu halten, was mit meinem Vater passiert!*

Сочетание существительного *просьба* с инфинитивом, обозначающим желаемое действие, характерно в русской культуре для официальной коммуникации и может рассматриваться как вежливое категоричное требование:

(58) *Убедительная просьба к туристам не мусорить на маршруте и на местах своих стоянок.*

4.1.1. Смягчающие модификаторы

Поскольку просьба относится к актам, угрожающим общественному лицу собеседника, в обоих языках применяются определённые речевые стратегии для смягчения давления на Адресата. При этом, как уже упоминалось, в немецкой культуре это давление воспринимается более ясно, остро и болезненно, что оказывает влияние на выбор языковых средств.

В немецком языке для цели смягчения угрозы применяются, прежде всего, индикаторы, сигнализирующие о сомнениях Говорящего в том, что он вправе обращаться с подобной просьбой, такие как *eventuell*, *vielleicht*, *ausnahmsweise* и пр.:

(59) *Könntest Du vielleicht auch Tina und Mario heimfahren?*

Для русского языка употребление аналогичных индикаторов в вопросах с иллюзией просьбы не характерно:

(59a) *Ты мог бы пожалуй отвезти домой также Тину и Марио?

Вместо этого вопрос ставится в отрицательной форме, ср. адекватный перевод примера (59) на русский язык:

(59b) Ты не мог бы отвезти домой также Тину и Марио?

Ослабление угрозы нередко реализуется в немецком языке также с помощью разговорной частицы *bitte*. Русское *пожалуйста*, однако, не может употребляться в вопросах о возможности реализации желаемого действия, ср. пример (60) и его русский перевод:

(60) *Wenn du zur Bibliothek gehst, kannst du bitte dieses Buch für mich abgeben?*

(60a) Если ты пойдёшь в библиотеку, не мог бы ты сдать за меня книгу?

Употребление русского эквивалента немецкой разговорной частицы в данном контексте не конвенционально:

(60b) *Если ты пойдёшь в библиотеку, мог бы ты, пожалуйста, сдать за меня книгу?

Для цели уменьшения давления на Адресата в русском языке применяются уменьшительные формы. Они употребляются при этом не только в личной доверительной, но и в других формах коммуникации:

(61) *Подай, деточка, старенькой маменьке ложку сахара на пропитание.*

(62) Мастер звал его помочь: «Поддержка, сынок, нашу лодочку, а я молоточком пройдусь».

В русском языке часто употребляются также различные ситуативные модификаторы, направленные на снижение значимости желаемого действия [ср. 3 : 223 ; 25 : 204], такие как *чуть-чуть, капельку, на пару дней, до завтра* и пр.:

(63) *Удели мне, пожалуйста, несколько минут.*

(64) *Дайте мне хоть немного выпить, Марлен Михайлович, налейте хоть капельку.*

(65) *Я буду в апреле в Москве, не мог бы я остановиться у вас на пару дней?*

В немецком языке применение аналогичных модификаторов также возможно, но менее частотно.

Значительной просьбе нередко предшествует превентивное введение, которое имеет более или менее конвенционализированные формы. Определённое «оправдание» просьбы может также быть внедрено в высказывание:

(66) *Владимир Юрьевич, сделайте одолжение, не оставьте в беде, посмотрите больную своим алмазным оком!*

(67) *Vielleicht könnten wir ja mal – wenn es Ihnen nichts ausmacht – irgendwie so über mein Gehalt sprechen?*

Незначительные просьбы также могут комментироваться и «оправдываться»:

(68) *Как говорится, не в службу, а в дружбу, откройте-ка на минуточку входную дверь.*

(69) *Würden Sie bitte so liebenswürdig sein und einen Schritt zur Seite treten.*

4.1.2. Усиляющие модификаторы

Средствами усиления просьбы являются, прежде всего, градационные наречия *очень – sehr* при перформативном глаголе и прилагательные *большая / огромная – große* при перформативном существительном:

(70) *Wir bitten sehr, den Fehler zu entschuldigen.*

(71) *Огромная просьба, товарищи, ведите себя сдержанно и корректно!*

Используются и другие лексические интенсификаторы, такие как наречия *убедительно, настоятельно, dringend, ausdrücklich* и др., маркирующие тот факт, что желание Говорящего о совершении определённого действия является очень сильным. Названные интенсификаторы применяются как при симметричной, так и при асимметричной просьбе:

(72) *Я настоятельно прошу передать, чтобы эта женщина не смела показываться на похоронах.*

(73) *Ich bitte ausdrücklich um Entschuldigung, wenn wir Sie nicht mit auf die Anmeldeleiste gesetzt haben.*

(74) *Убедительно прошу Верховный Совет освободить меня для того, чтобы я мог плодотворно и честно работать на благо Родины.*

(75) *Ich bitte dich dringend, keine weiteren Provokationen dieser Art vorzunehmen.*

Нередко Говорящий апеллирует к чувствам собеседника, что находит отражение в таких выражениях как *окажите любезность, сделай милость, войди в моё положение, будь моим спасителем, Христом-богом молю, seien Sie so lieb, seien Sie so freundlich, lass mich nicht im Stich, um Gottes Willen* и других.

Это приводит во многих случаях к употреблению двойного императива. Степень вежливости таких выражений выше, чем выражений с одинарными императивами [3 : 233]:

(76) *Христом Богом молю – не выдавай-те, а я все, все по совести расскажу*

(77) *Seien Sie bitte so freundlich und neh-*

men Sie sich einen Augenblick Zeit, um noch einmal in die Begründung zu schauen.

Следует обратить внимание на то, что в русском языке выражение *будьте любезны*, произнесённое в определённых ситуациях и с определённой интонацией, может использоваться для выражения категоричного требования и воспринимается в этом случае как «сверхвежливое» [ср. 3 : 231]:

(78) *Никакие объяснения в расчет не принимаются. Заключен контракт – будьте любезны его выполнять.*

4.2. Сопоставление периферийных форм реализации

К периферийным формам выражения МРП просьбы могут быть отнесены некоторые виды вопросов, утвердительные и желательные высказывания, а также эллиптические именные конструкции [ср. 23 : 269–272 ; 7 : 31–34 ; 22 : 90–91 ; 15 : 91].

4.2.1. Вопросы о возможности совершения действия в будущем

В обоих языках МРП ПРОСЬБЫ может реализоваться с помощью вопросительного предложения, выясняющего, намерен ли Адресат совершить желаемое действие. Эта модель характерна, прежде всего, для незначительной просьбы:

(79) *Hilfst du mir bei der Renovierung?*

(80) *Ты мне принесёшь завтра лекарство?*

В немецком языке такое вопросительное предложение может быть введено союзом *ob*:

(81) *Ob du mit mir nach Leipzig fahren wirst?*

В русском языке эти вопросительные предложения могут стоять в отрицательной форме. Факультативно может также употребляться частица *ли*, которая в сочетании в отрицании придаёт высказыванию высокую степень вежливости:

(82) *Ты не поддержишь минуточку моё пальто?*

(89) *Не одолжите ли Вы мне эти записки на некоторое время?*

Р. Ратмайр указывает на тот факт, что дословное соответствие русскому отрицательному вопросу в немецком языке выражает повторное требование, сопряжённое с раздражением Говорящего [23 : 269], ср.:

(90) *Ты не сходишь за молоком?* – ПРОСЬБА ИЛИ ЖЕ ВЕЖЛИВОЕ ПОБУЖДЕНИЕ

(90а) *Wirst du nicht Milch holen gehen?* – ВОЗМУЩЕНИЕ ИЛИ ЖЕ ПОВТОРНОЕ ТРЕБОВАНИЕ.

4.2.2. Вопросы о пожеланиях и планах Адресата

Эта модель чаще употребляется в немецком языке и является общепринятой разновидностью косвенной просьбы:

(91) *Möchten Sie mir bitte etwas Aufmerksamkeit widmen?*

В русском языке такая реализация ПРОСЬБЫ возможна, однако часто воспринимается как ироническое высказывание, выражающее огорчение или раздражение Говорящего в связи с невыполнением желаемого действия:

(92) *Ты не хочешь (вообще-то) за хлебом сходить?*

4.2.3. Вопросы о наличии предмета

В определённых ситуациях вопрос о наличии какого-либо предмета у Адресата однозначно воспринимается как просьба одолжить этот предмет, либо же сообщить некую информацию об этом предмете:

(93) *Hast du ein Feuerzeug?* = ‚Kannst du mir dein Feuerzeug geben?‘

(94) *Извините, у Вас есть часы?* = ‚Не скажете, который час?‘

4.2.4. Желательные высказывания

Просьба может быть выражена также с помощью высказывания, в котором выполнение желаемого действия характеризуется как полезное, выгодное или приятное для Говорящего. Такие желательные предложения стоят, как правило, в сослагательном наклонении, они могут быть как утвердительными, так и отрицательными, употребляются также безличные предложения:

(95) *Ich würde jetzt sehr gern die Meinung der Herren Kollegen hören* = ‚Bitte sagen Sie mir Ihre Meinung‘

(96) *Я был бы рад пойти с тобой в театр* = ‚Пригласи меня тоже в театр‘

(97) *Не мешало бы молока купить* = ‚Сходи за молоком‘

4.2.5. Ассертивные высказывания

Следующей возможностью выразить просьбу является такое описание некоего положения дел, из которого Адресат должен заключить, что он должен совершить определённое действие для изменения данной ситуации:

(98) *Du hast doch noch Bier im Kühlschranks!* = ‚Gib mir ein Bier‘

(99) *Ой, я совсем у вас замёрзла* = ‚Включите отопление‘

4.2.6. Эллиптические именные конструкции

В непринуждённой беседе иллюстрацию ПРОСЬБЫ могут выражать предложные конструкции или же отдельные изолированные существительные (реже прилагательные или наречия). В русском языке такие существительные стоят в винительном или же родительном падеже.

(100) *Ohne Zucker bitte!* = ‚Bringen Sie mir bitte Kaffee / Tee ohne Zucker‘

(101) *Воды!* = ‚Принесите воды‘

(102) *Карету мне! Карету!* = ‚Подайте мне карету!‘ (Александр Грибоедов)

5. Выводы

Анализ модели речевого поведения ПРОСЬБА выявил следующие особенности её реализации в русском и немецком языках:

1) Русские часто обращаются к собеседнику с просьбой в таких коммуникативных ситуациях, в которых носитель немецкого языка скорее воздержится от просьбы. Этот связан с тем, что дистанция между интерактантами в русской культуре более близкая, чем в немецкой.

2) В русском языке ядро коммуникативно-прагматического поля составляют императивные высказывания либо в полной, либо в усечённой форме. В немецком языке ядро поля содержит преимущественно вопросительные высказывания, как правило, в форме модализированного вопроса.

3) Эксплицитные перформативы могут быть охарактеризованы как центральные средства реализации просьбы как в русском, так и в немецком языках. Однако в обоих языках они не относятся непосредственно к ядру поля.

4) В обоих языках периферийные формы реализации ПРОСЬБЫ охватывают определённые типы вопросов, утвердительные и побудительно-желательные высказывания, а также эллиптические номинальные конструкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Kotorova E. G.* Describing cross-cultural speech behavior: a communicative-pragmatic field approach // *Procedia. Social and Behavioural Sciences*. Vol. 154, 2014. P. 184–192. URL: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/18770428/154> (дата обращения 30.06.2015).
2. *Гладров В., Которова Е. Г.* Контрастивное изучение моделей речевого поведения // *Жанры речи*. Саратов, 2015. № 2(12). С. 15–19.
3. *Ларина Т. В.* Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Языки славянской культуры, 2009. 512 с.
4. *Blankenhorn R.* Pragmatische Aspekte des Bittens im Russischen // *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)*. Bd. 1. München: Verlag Otto Sagner, 1998. S. 45–53 (=Die Welt der Slaven : Sammelbände. Bd. 2).
5. *Петрова Е. Б.* Катологизация побудительных речевых актов в лингвистической прагматике // Вестник Воронежского Государственного Университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2008, № 3. С. 124–133.
6. *Гловинская М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект* : сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Земской, Д. Н. Шмелёва. М. : Наука, 1993. С. 158–218.
7. *Ermakova O.P.* Bitten als Sprechakt im Russischen // *Potsdamer Forschungen*, 1990, Reihe A, Heft 106. S. 21–42.
8. *Wierzbicka A.* Act of Speech // *Wierzbicka A. Semantic Primitives*. Frankfurt am Main : Athenäum Verlag, 1972. P. 122–149.
9. *Wierzbicka A.* Genry mowy // *Tekst i zdanie. Zbiór studiów* / Red. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław : Ossolineum, 1983. S. 125–137.
10. *Searle J. R.* Speech acts. An essay in the philosophy of language. Cambridge : Cambridge university press, 1970. 203 p.
11. *Wierzbicka A.* English Speech Act Verbs : A semantic dictionary. Sydney : Academic Press, 1987. 397 p.
12. *Önnerfors O.* «Kleine Bitte» und Deklarativsatz – ein Vergleich Schwedisch-Deutsch // *Satz und Illokution* / ed. I. Rosengren. Bd. 2. Tübingen : Niemeyer, 1993. S. 79–108.
13. *Hindelang G.* Auffordern. Die Untertypen des Aufforderns und ihre sprachlichen Realisierungsformen. Göttingen : Kümmerle, 1978. 572 S.
14. *Hindelang G.* Einführung in die Sprechakttheorie. Tübingen : Niemeyer, 2004. 119 S.
15. *Kantorczyk U.* Pragmatik von Aufforderungshandlungen im Deutschen. Szczecin / Rostock : PRINT GROUP, 2008. 228 S.
16. *Pisarek L.* Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы). Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995 (= Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensis; 89). 173 с.
17. *Brown P., Levinson S.* Gesichtsbedrohende Akte // *Verletzende Worte. Die Grammatik sprachlicher Missachtung* / Hrsg. von S. K. Herrmann, S. Krämer H.Kuch. Bielefeld : transcript Verlag, 2007. S. 59–88.
18. *Rathmayr R.* Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich // *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart* / Hrsg. von I. Ohnheiser. Innsbruck : Verlag des Instituts für Sprachwissenschaft der Universität Innsbruck, 1996. S. 174–185.
19. *Земская Е. А.* Категория вежливости : общие вопросы и национально-культурная специфика русского языка // *Земская Е. А. Язык как деятельность* : Морфема. Слово. Речь. М. : 2004. С. 579–601.
20. *House J.* Contrastive Discourse Analysis and Misunderstanding: the Case of German and English // *Contrastive sociolinguistics* / eds. M. Hellinger,

U. Ammon. Berlin: Mouton de Gruyter, 1996. S. 345–361.

21. House J. Kontrastive Pragmatik und interkulturelle Kompetenz im Fremdsprachenunterricht // Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zur Sprachvergleich und Übersetzung. Hrsg. von W. Börner, K. Vogel. Tübingen: Narr, 1998. S. 62–88.

22. Лысакова И. П., Веселовская Т. М. Прагматика побудительных речевых актов в русском языке. Щецин / Росток : PRINT GROUP, 2008. 239 с.

23. Rathmayr R. Pragmatische und sprachlich konzeptualisierte Charakteristika russischer direkter Sprechakte // Slavistische Beiträge / Hrsg. von H. R. Mehlig. Bd. 319. München : Verlag Otto Sagner, 1994. S. 251–278.

24. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 1991. 502 p.

25. Ogiermann E. Politeness and indirectness across cultures : A comparison of English, German, Polish and Russian requests // Journal of Politeness Research 5. 2009. P. 189–216.

26. Buscha J., Freudenberg-Findeisen R., Forstreuter E. et al. Grammatik in Feldern. Hueber : Ismaning, 1998. 336 s.

27. Формановская Н. И. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994, № 5–6. С. 34–40.

ИСТОЧНИКИ

Национальный корпус русского языка – <http://www.ruscorpora.ru>

IDS-Korpora – <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>

LIMAS-Korpus – <http://www.korpora.org/Limas/>

REFERENCES

1. Kotorova E. G. Describing cross-cultural speech behavior: a communicative-pragmatic field approach. *Procedia. Social and Behavioural Sciences*. Vol. 154, 2014, pp. 184–192. Available at: <http://www.sciencedirect.com/science/journal/18770428/154> (accessed 30 June 2015).

2. Gladrow W., Kotorova E. G. Kontrastivnoe izuchenie modelej rechevogo povedeniya [Contrastive study of speech behavior patterns]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 2(12), pp. 15–19.

3. Larina T. V. *Kategorija veshlivosti i stil' kommunikacii. Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij* [Category of politeness and style of communication. Comparison of the English and Russian linguo-cultural traditions]. Moscow, 2009. 512 p.

4. Blankenhorn R. Pragmatische Aspekte des Bittens im Russischen. *Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik (POLYSLAV)*. Bd. 1. München, 1998, pp. 45–53 (=Die Welt der Slaven: Sammelbände. Bd. 2).

5. Petrova E. B. Katologizatsiya pobuditel'nykh rechevykh aktov v lingvisticheskoj pragmatike [Classification of directive speech acts in linguistic pragmatics]. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya»* [Voronezh State University Reporter. Linguistics and Intercultural Communication Series]. 2008, no. 3, pp. 124–133.

6. Glovinskaja M. Ja. Semantika glagolov rechi s točki zrenija teorii rechevykh aktov [Semantics of speech verbs with regard to speech acts theory]. *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmatscheskij aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative-pragmatic aspect. Ed. by E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev]. Moscow, 1993, pp. 158–218.

7. Ermakova O. P. Bitten als Sprechakt im Russischen. *Potsdamer Forschungen*, 1990, Reihe A, Heft 106, ss. 21–42.

8. Wierzbicka A. Act of Speech. *Wierzbicka A. Semantic Primitives*. Frankfurt am Main, 1972, pp. 122–149.

9. Wierzbicka A. Genry mowy. *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Ed. T. Dobrzyńska, E. Janus. Wrocław, 1983, ss. 125–137.

10. Searle J. R. *Speech acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge, 1970. 203 p.

11. Wierzbicka A. *English Speech Act Verbs: A semantic dictionary*. Sydney, 1987. 397 p.

12. Önnarfors O. «Kleine Bitte» und Deklarativsatz – ein Vergleich Schwedisch-Deutsch. *Satz und Illokution*. Ed. I. Rosengren. Bd. 2. Tübingen, 1993, ss. 79–108.

13. Hindelang G. *Auffordern. Die Untertypen des Aufforderns und ihre sprachlichen Realisierungsformen*. Göppingen, 1978. 572 s.

14. Hindelang G. *Einführung in die Sprechakttheorie*. Tübingen, 2004. 119 s.

15. Kantorczyk U. *Pragmatik von Aufforderungs-handlungen im Deutschen*. Szczecin / Rostock, 2008. 228 s.

16. Pisarek L. *Rechevye dejstviya i ih realizacija v russkom jazyke v sopostavlenii s pol'skim (jekspressivny)* [Speech actions and its realization in the Russian language in comparison to Polish (expressives)]. Wrocław, 1995 (= Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensis; 89). 173 s.

17. Brown P., Levinson S. Gesichtsbedrohende Akte. *Verletzende Worte. Die Grammatik sprachlicher Missachtung*. Hrsg. von S. K. Herrmann, S. Krämer, H. Kuch. Bielefeld, 2007, ss. 59–88.

18. Rathmayr R. Höflichkeit als kulturspezifisches Konzept: Russisch im Vergleich. *Wechselbeziehungen zwischen slawischen Sprachen, Literaturen und Kulturen in Vergangenheit und Gegenwart*. Hrsg. von I. Ohnheiser. Innsbruck, 1996, ss. 174–185.

19. Zemskaya E. A. Kategorija veshlivosti: obshhie voprosy i natsional'no-kul'turnaya spetsifika russkogo yazyka [The category of politeness: general questions and national-cultural specifics of the Russian language]. *Zemskaya E. A. Yazyk kak deyatel'nost'*:

Morfema. Slovo. Rech' [Language as activity: Morpheme. Word. Speech]. Moscow, 2004, pp. 579–601.

20. House J. Contrastive Discourse Analysis and Misunderstanding: the Case of German and English. *Contrastive sociolinguistics*. Eds. M. Hellinger, U. Ammon. Berlin, 1996, ss. 345–361.

21. House J. Kontrastive Pragmatik und interkulturelle Kompetenz im Fremdsprachenunterricht. *Kontrast und Äquivalenz: Beiträge zur Sprachvergleich und Übersetzung*. Hrsg. von W. Börner, K. Vogel. Tübingen, 1998, ss. 62–88.

22. Lysakova I. P., Veselovskaya T. M. *Pragmatika pobuditel'nykh rechevykh aktov v russkom yazyke* [Pragmatics of directive speech acts in Russian]. Szczecin / Rostock, 2008. 239 p.

23. Rathmayr R. Pragmatische und sprachlich konzeptualisierte Charakteristika russischer direkter Sprechakte. *Slavistische Beiträge*. Hrsg. von H. R. Mehlig. Bd. 319. München, 1994, ss. 251–278.

24. Wierzbicka. A. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin; New York, 1991. 502 p.

25. Ogiermann E. Politeness and indirectness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests. *Journal of Politeness Research* 5. 2009, pp. 189–216.

26. Buscha J., Freudenberg-Findeisen R., Forstreuter E. et al. *Grammatik in Feldern*. Hueber, 1998. 336 s.

27. Formanovskaya N. I. Pragmatika pobuzhdeniya i logika yazyka [Command pragmatics and the logic of language]. *Russkij yazyk za rubezhom* [The Russian language abroad]. 1994, no. 5–6, pp. 34–40.

SOURCES

Russian national corpora –
<http://www.ruscorpora.ru>
 IDS-Korpora – <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>
 LIMAS-Korpus – <http://www.korpora.org/Limas/>

Статья поступила в редакцию 1.07.2015.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Которова Е. Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках : сопоставительное исследование // Жанры речи. 2016. №1. С. 65–77. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77.

FOR CITING

Kotorova E. G. The speech behavior pattern of «request» in russian and german: a contrastive study. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 65–77. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-65-77. (in Russian).

УДК 811.161.1'27'42

ББК 81.2Рус-67

DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-78-86

Е. З. Киреева
Тула, РоссияE. Z. Kireeva
Tula, Russia

ЖАНРЫ ПОДЗАКОННОГО ДИСКУРСА

GENRES OF SUBLEGISLATIVE DISCOURSE

Аннотация. Статья посвящена проблеме систематизации и структурирования жанров подзаконного дискурса. Предпосылкой послужило положение М. М. Бахтина об исходной диалогичности речевого сознания. Четкая система жанров сформировалась под влиянием целей и стратегий дискурса, характера институционального взаимодействия, многообразия социальных и коммуникативных событий.

Основаниями для структурирования жанров послужили: 1) характер ведущей интенции и общность функционального назначения. В соответствии с ними выделяются жанры, которые оформляют волеизъявление автора документа (жанры предписаний, рекомендаций, просьб), информационные жанры, жанры обязательств; 2) уровень абстракции. На этом основании сложность структуры послужила основанием считать конечный перечень распорядительных документов гипержанрами. С учетом содержательных и формальных критериев создана модель поля жанров, характеристиками которого являются двудерный центр и четкие границы.

Ключевые слова: речевой жанр, официальный документ, подзаконный дискурс, прагматика, имя жанра.

Abstract. The issue of classifying and structuring genres of sublegislative discourse is under consideration. The premise is found to be M.M. Bakhtin's proposition of dialogic imagination. The well-defined system of genres was developed under the influence of goals and strategies of discourse, the character of institutional interaction, variety of social and communicative events.

Structuring genres was based on:

1) character of the leading intention and community of functional purpose. According to them, there are genres representing the declaration of author's intention (genres of charge, recommendation, application), informational genres, genres of liability; 2) level of abstraction. According to it, there is a list of orders with complicated structure considered as hypergenres.

The model of the field of genres subject to criteria of form and content has been developed. It is characterized by the two-core center and distinct bounds.

Key words: speech genre, official document, sublegislative discourse, pragmatics, name of genre.

Сведения об авторе: Киреева Елена Закировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры документоведения и стилистики русского языка
Место работы: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
E-mail: L89107032507@yandex.ru

About the author: Kireeva Eleana Zakirovna, Associate Professor, Department of documentation and stylistics of the Russian language.
Place of employment: Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University

Исследование посвящено проблеме систематизации и структурирования жанров подзаконного дискурса. Новизна работы обусловлена фрагментарностью изучения подзаконных актов – официальных документов, основанных на законе и не противоречащих ему. Их функция – управление различными сферами общественной жизни путем творчества (создания правовых норм) и реализация законов. Авторами подзаконных актов являются органы государственной власти и местного самоуправления.

Материалом послужили документы регионального законодательства, включенные в

справочно-правовую систему Консультант-Плюс, и данные Словаря видов и разновидностей современной управленческой документации [1]. Этот словарь является первым и единственным российским словарем в области управления документами за последние 40 лет. В нем нашла наиболее полное отражение терминосистема в области управления документами на настоящее время (400 терминов) [Там же : 4]. Цель словаря – «установление однозначно понимаемой терминологии для использования ее в нормативных и методических документах, научной и учебной литературе при обозна-

чении видов и разновидностей управленческих документов» [там же : 3].

Жанры подзаконного дискурса как фактор институционального взаимодействия

Диалогичность в подзаконном дискурсе определяется экстралингвистическими факторами. Здесь не наблюдается развертки взаимных действий, как в судебном дискурсе [2 : 146–151 ; 3], невозможна и полемичность, как в политическом [4]. Целью подзаконного дискурса является правовое регулирование общественных отношений. Взаимодействие между властью и обществом представляет собой вопросно-ответное единство: вопросы задает жизнь и социум, а ответы продуцируются официальным дискурсом власти посредством издания правовых актов. Даже если документы имеют стратегический, программный характер, их цель – не попытка предвосхитить вопросы, которые возникнут, а решение давно назревших проблем. Так, анализ 1594 названий областных, муниципальных, ведомственных программ Тульской области (1995–2013 гг.) отражает характер этих проблем и ответные действия органов власти (в табл. 1 показан фрагмент этого взаимодействия; таблицы приводятся в конце статьи).

Диалогичность документа определяется также системностью и иерархичностью права, преемственностью связей по вертикали управления: подзаконный акт не должен противоречить закону, а региональный документ – федеральному. Многочисленные внесения изменений в документы демонстрируют эту связь. Для приведения подзаконного акта в соответствие с вновь принятым федеральным законом разработчик документа вносит изменения в этот акт: это замена, исключение или дополнение структурных единиц документа, слов, цифр, приостановление или продление действия документа. Диалогичность находит отражение и в ссылках на другие документы, в том числе на прецедентные, ср. преамбулы распорядительных документов: *На основании Трудового кодекса, в целях реализации Федерального закона ...*

Диалогичность определяется «активной ролью другого в процессе речевого общения» [5 : 439]. Документ характеризуется подчеркнутой адресностью. Так, ответ на нормативные предписания «остаётся за кадром», но всегда должен быть одинаков, поскольку предопределен конвенционально (табл. 2).

Жанры подзаконного дискурса рассчитаны на «активное ответное» [5 : 438] понимание быстрого действия в распорядительных документах (постановление, указ) или постоянного действия в документах, устанавливающих нормы поведения (порядок, регламент, положение, инструкция).

Система речевых жанров подзаконного дискурса

РЖ в прагматической концепции выделяются по ряду оснований. К релевантным для подзаконного дискурса мы относим основания по функциональной структуре жанрового пространства, субъектно-адресатным отношениям, событийной локализации [4], по действиям участников дискурса [2], по целям общения [6].

1. По функциональной структуре жанрового пространства для дискурса характерны в первую очередь ориентационные жанры, воплощаемые в текстах предписательного и информационного характера. Идея общности власти и общества выражается в стратегических, программных документах и отчетах, агональность выражается только в запросах и обращениях депутатов.

2. Перечень жанров с точки зрения субъектно-адресатных отношений закрыт (табл. 3).

3. Дифференциация по событийной локализации. Событие как факт жизни социума бывает предсказуемо, но все же неожиданно (например, события на Украине, которые вызвали поток беженцев и, как следствие, необходимость решений об их расселении, ср.: *Постановление правительства Тульской области от 24.07.2014 N 368 «Об обеспечении временного социально-бытового обустройства граждан Украины и лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории Украины, прибывших на территорию Российской Федерации в экстренном массовом порядке и находящихся в пунктах временного размещения» или Постановление правительства Тульской области от 27.06.2014 N 307 «Об организации пунктов временного расселения граждан, прибывающих с территории Украины»; засуха 2010 г., которая повлекла принятие документов о компенсациях сельхозпроизводителям, ср. *Постановление администрации Тульской области от 22.11.2010 N 1108 «О государственной поддержке сельскохозяйственных товаропроизводителей, пострадавших в результате засухи и гибели посевов сельскохозяйственных культур в Тульской области в 2010 году»*), как факт жизни*

институциональной – запланировано и циклично (очередное заседание Думы, собрание депутатов). В первом случае можно классифицировать комплексы жанров, необходимые для разрешения социальной проблемы. Это направление имеет методологический характер и как следствие большую юридическую значимость. Во втором случае мы имеем дело со сложным коммуникативным событием [4], в которое входит свой «комплект» жанров.

4. Действия участников дискурса [7 : 185–197 ; 2] определяются стратегиями дискурса, к которым относятся:

1) определение путей развития региона. Руководящие идеи планирования отражены в таких жанрах документов, как Концепция, Основные направления, Стратегия, Генеральный план;

2) изучение проблем общественной жизни и предложение путей их решения, которые реализуются в программах;

3) регулирование общественно-социальных, экономических, гражданских, политических, правовых отношений путем издания правовых актов (здесь представлен самый «пестрый репертуар» [5 : 429] жанров);

4) контроль за исполнением управленческих решений и деятельностью подотчетных и подчиняющихся органов (акты);

5) отчеты о проделанной работе, которые реализуются в жанре отчета.

Стратегии подзаконного дискурса коррелируют с коммуникативной стратегией жанров. Коммуникативная стратегия жанров состоит в органической интеграции двух доминирующих линий: директивной и информационной.

5. Вид деятельности в соответствии с целями общения. В соответствии с целями общения и функциями выделяются предписание, ходатайство и информирование как виды частных деятельностей [6 : 70]. Предписание реализуется в документах директивного жанра; ходатайство представлено в запросах Думы, обращениях депутатов, в формах документов, однако в целом нетипично для законодательства; информирование воплощено в документах стратегического, программного и отчетного плана.

В общем случае выбор жанра определяется речевой волей говорящего [5 : 448]. Как было показано (табл. 3), автор документа при выборе жанра жестко ограничен рамками законодательства. Жанры являются своеобразным «прокрустовым ложем» для автора, поскольку в их рамках нужно решить многообразные задачи, учитывая субordi-

национные отношения между автором и адресатом (отношения подчиненности, подотчетности, подведомственности). Из этого вытекает несоответствие жанрообразующих РА интенции документа.

Так, особенностью распорядительных документов (постановления, указа, распоряжения и др.) является конкуренция иллокутивных модальностей РА в рамках одного высказывания: *постановляю... рекомендовать/просить/предложить*. Властное веление может иметь рекомендательный характер, если исполнитель неподотчетен автору документа. Иллокутивная цель определяется семантикой инфинитивов, актуализирующих сему 'необязательность, желательность'. Это перформативные инфинитивы со значением:

1) **предложения:**

<...>администрация города Тулы постановляет:

6. **Предложить** ЗАО «Тулагоргаз» (Большов В. Н.) *принять необходимые меры по обеспечению устойчивой и безопасной работы газового оборудования в жилищно-коммунальном хозяйстве города.* (Постановление администрации г. Тулы от 17.05.2013 N 1260 «О подготовке городского хозяйства к отопительному сезону 2013–2014 годов»);

2) **просьбы:**

<...>администрация города Тулы постановляет:

3. **Просить** УМВД России по городу Туле:

3.1. *Запретить 15.04.2012 с 5.00 до 16.00 движение всех видов транспорта, кроме автобусов, работающих в режиме «экспресс» <...>.* (Постановление администрации г. Тулы от 09.04.2012 N 889 «Об организации движения транспорта к Смоленскому кладбищу 15.04.2012»);

3) **рекомендации:**

<...>правительство Тульской области постановляет:

4. **Рекомендовать** органам местного самоуправления Тульской области *оказывать необходимое содействие в осуществлении мероприятий по подготовке и проведению единого государственного экзамена в Тульской области в 2013 году* (О проведении единого государственного экзамена в Тульской области в 2013 году : Постановление правительства Тульской области от 21.05.2013 N 218. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2196480> (дата обращения 07.02.2016)).

Рекомендательный характер противоречит статусу распорядительного документа

как обязательного для исполнения. Однако интерпретация языковых элементов в документе отличается от принятого в узусе: задания должны быть выполнены. Достигается это понимание знанием негласных правил институционального взаимодействия, без опоры на текст документа.

Требуют ли жанры подзаконного дискурса интерпретативной активности адресанта? Традиционно считается, что понимание документа должно быть однозначным. Однако приведенный пример (такие формулировки – не исключение, они характерны для текстов распорядительных документов) демонстрирует обратное.

Представленные классификации в целом не направлены на раскрытие состава речевых жанров. Они раскрывают сущность РЖ в ее многообразии, а не конкретную специфику. Как структурирована система жанров?

Структура жанров подзаконного дискурса

При структурировании жанров критериями послужили: 1) характер ведущей интенции и общность функционального назначения; 2) уровень абстракции.

1) **Характер ведущей интенции.** На этом основании выделяются:

а) **жанры, которые оформляют волеизъявление автора документа.** Степень волюнтаристичности в них различна. К ним относятся:

– **жанры предписаний.** В документах этого жанра устанавливаются нормы права и содержатся требования к правилам поведения: Административный регламент, Регламент, Порядок, Кодекс (например, этики), Требования, Правила, Инструкция, Положение, Методика, Стандарт. Сюда же относятся постановления, распоряжения, решения, указы, приказы без приложений;

– **жанры рекомендаций:** памятка, инструкция и рекомендации (для неподотчетных, неподведомственных и неподчиненных лиц);

– **жанры просьб:** обращение (депутатов), депутатский запрос;

б) **информационные жанры:** Концепция, Программа, Стратегия, План, Прогнозный план, Декларация (например, Инвестиционная декларация, которая устанавливает основные приоритеты развития и поддержки инвестиционной деятельности в Тульской области), Основные направления (например, бюджетной и налоговой политики), отчет;

в) **жанры обязательств:** соглашение, договор (например, о сотрудничестве).

Представление о жанровой структуре подзаконного дискурса было бы неполным без рассмотрения жанров форм документов. Ориентация автора на взаимодействие проявляется в моделировании коммуникации с адресатом путем включения в приложение к тексту форм документов. Под формами понимаются шаблоны для заполнения с пробелами для внесения переменной информации адресатом/представителем института. Они рассчитаны на широкий круг пользователей в целях неоднократного применения; при их оформлении соблюдаются правила юридической техники, т.е. они обладают характеристиками нормативно-правового акта (табл. 4).

Модели жанров в формах кристаллизуются, поскольку они являются результатом унификации и позволяют получить представление о структуре, синтаксических конструкциях, языковых клише жанра. Выбор жанрообразующих РА обусловлен интенцией этих жанров: для информационных жанров это асертивные РА, для императивных – директивные РА с перформативами разной степени волюнтаристичности от *приказываю до прошу*, для жанров обязательств – комиссивные РА.

2. Уровни абстракции.

С точки зрения первичности-вторичности жанра различие между ними может быть:

– **функциональным.** Различие основывается на концепции права: жанры подзаконного дискурса вторичны по отношению к жанру закона: в них последовательно воплощаются правовые решения, принятые на законодательном уровне;

– **«генетическим»**, т.е. сложившимся в генезисе (по М. М. Бахтину). Документный текст, как и художественный, является вторичной моделирующей системой, сформированной «на основе общенародного языкового субстрата» [8 : 29]. Рассматриваемые РЖ подзаконного дискурса, воплощенные в документах, относятся к сложным, т.е. состоят «из различных трансформированных первичных жанров» [5 : 470], в основе которых лежит диалог: жанрам прений, обсуждений, дебатов во время слушаний, заседаний.

Понятие «речевой жанр» осмысливается с позиций двух противоположных тенденций: расширительной и сужающей, см. обзор [9 : 143–149]. Для настоящего исследования актуально понятие гипержанра, под которым понимается «коммуникативно-речевое явление, структура которого имеет жанровую природу, но РЖ относятся к данному феномену»

как его структурные элементы, т.е. вступают с ним в отношения «часть-целое» [10 : 14–15, цит. по 9 : 149]. Коммуникация между органами власти и гражданами осуществляется через конечный перечень жанров, которые имеют устойчивые модели и являются системообразующими в подзаконном дискурсе (табл. 3). Следует различать, однако, постановление, решение и пр. как документ, жанр и как гипержанр. Без приложений эти документы используются достаточно редко, и в этих случаях в них воплощается жанр предписаний. Как правило, структура текстов этих документов усложнена утверждаемыми документами, которые представляют собой тексты разных жанров. Проблема самостоятельности / производности подзаконного акта заключается в том, что разработчик документа признает документы отдельных жанров (инструкция, положение, правила) несамодостаточными, производными и потому утверждаемыми (постановлениями, приказами). Утверждаемые документы образуют симбиозы «инструкция + постановление» и под., что нарушает правила законодательной техники [11]. Так, в Тульской области инструкции принимаются постановлениями, распоряжениями, приказами; правила – постановлениями, решениями, ср.: *Рассмотрев внесенный комиссией по регламенту и депутатской этике проект Правил депутатской этики в Тульской областной Думе, в соответствии с Законом Тульской области "О статусе депутата Тульской областной Думы" Тульская областная Дума постановляет:*

1. *Утвердить Правила депутатской этики в Тульской областной Думе (прилагаются).* (О Правилах депутатской этики в Тульской областной Думе :Постановление Тульской областной Думы от 26.03.1998 N 24 / 643 // Вестник Тульской областной Думы, 1998, № 3(28) – № 4(29).

Являясь несамостоятельной, производной конструкцией, приложение к подзаконному акту является его структурным компонентом и составляет с ним единое целое. Сложность структуры послужила основанием считать конечный перечень распорядительных документов гипержанрами. Постановление как гипержанр включает в себя собственно текст постановления (включающий преамбулу и распорядительную часть) и текст утверждаемого документа, оформленного в качестве приложения. Утверждаемый документ представляет собой его ядерную часть. Кроме того, сами приложения могут структурироваться (табл. 5).

Постановление объединяет большинство структурирующих дискурс жанров в большой, почти энциклопедический жанр, аналогичный жанру романа в художественной литературе.

Семантика имен речевых жанров

Жанровая организация документа имеет первостепенное методологическое значение, поскольку позволяет организовать обучение. Следует ли отождествлять жанр документа с его видом, т.е. названием документа, определяющим его назначение, структуру текста и состав реквизитов (например, приказ, регламент, правила)? В результате анализа выявлено следующее.

1) Один жанр воплощается в нескольких видах документов. Это отчетливо проявляется в документах инструктивно-методического характера. Цель таких документов, как **Кодекс / Общие принципы / Правила этики и служебного поведения муниципальных служащих** заключается в регламентации правил служебного поведения членов института власти. Их жанровая организация идентична, совпадают и жанрообразующие признаки: кто, кому, зачем, о чем и как говорит, учитывая то, что было и что будет в общении [12 : 63]. Объяснение этому дублированию видится в уровне компетентности представителей органов власти;

2) Название документа не соответствует интенции. Так, обязательны для исполнения *рекомендации* (например, Методические рекомендации по оформлению наградных документов при представлении к награждению государственными наградами Российской Федерации), несмотря на коннотацию единицы 'необязательность для исполнения'. Пример демонстрирует различие между узальным и юридическим значением единицы;

3) Официальные наименования могут дополняться оценочными категориями (*методические, примерные, временные* и др.) [11]. Так, временными могут быть инструкция, положение, правила, рекомендации, порядок, регламент. В имя жанра эти определения не входят;

4) Жанр как типическая форма высказывания [5 : 458–459] сформирован [12 : 63], имеет свой строго регламентированный порядок следования жанрообразующих РА, однако его имя не признается видом документа на терминологическом уровне. Так, при анализе подзаконных актов, включенных в СПС КонсультантПлюс, выделяется группа названий документов и их форм, которые представляют собой существительные, об-

разованные от перформативных глаголов: самым известным из них является приказ. В таких названиях перформативная природа жанров документов проявляется наиболее отчетливо (табл. 6).

Обращает на себя внимание, что формы документов, названные по имени перформатива, имеют небольшой синтаксический объем (как правило, не более 1 стр.). Возможно, их вспомогательный характер и второстепенное значение в организации дискурса стали причиной того, что не все названия форм документов, представленные в справочно-правовой системе Консультант-Плюс, вошли в словари и справочники. Так, *разъяснение, подтверждение, согласие (например, на обработку персональных данных), поручение, предписание* не могут быть оценены как юридически корректные из-за отсутствия таких наименований в авторитетном словаре [1]. Причина этой проблемы кроется в «заблуждениях относительно формы и содержания» документов (например, разъяснение используется как самостоятельная форма) [11].

Итак, четкого соответствия между именем жанра и видом документа нет.

Полевая организация жанрового пространства

Проведенный анализ демонстрирует жанровую неоднородность подзаконного дискурса как разновидности юридического. При моделировании поля были учтены содержательные и формальные критерии.

К содержательным мы относим: 1) соответствие жанра общей интенции дискурса [4] – правовому регулированию общественных отношений; 2) стратегическую значимость документов определенного жанра. В подзаконном дискурсе (как и в законодательном) заложена идея прогресса, и общество воспринимается как находящееся на пути позитивных изменений. Цель создания правовых норм – не только построение системы запретов и разрешений, но и улучшение общей ситуации в стране в целом и регионе в частности, поскольку основная цель законодательства – благо для человека [13 : 2]. Принимались во внимание также следующие формальные критерии: 1) учет уровней абстракции (жанр – гипержанр); 2) учет субъектно-объектных отношений, т.е. нормативность. Для дискурса характерны жанры, воплощаемые в документах, которые распространяются на неопределенный круг правоприменителей и рассчитаны на неоднократ-

ное применение; 3) документ это или форма документа; 4) частотность употребления.

На основании этих критериев жанры подзаконного дискурса группируются в виде поля с двудерным центром: первое ядро образуют жанры предписаний; второе – информационные жанры. Приядерные слои образуют жанры форм документов соответственно предписательного и информационного характера. Периферия представлена жанрами с интенцией просьбы, рекомендации и их формами; дальняя периферия формируется жанрами обязательств и их форм (рис. 1):

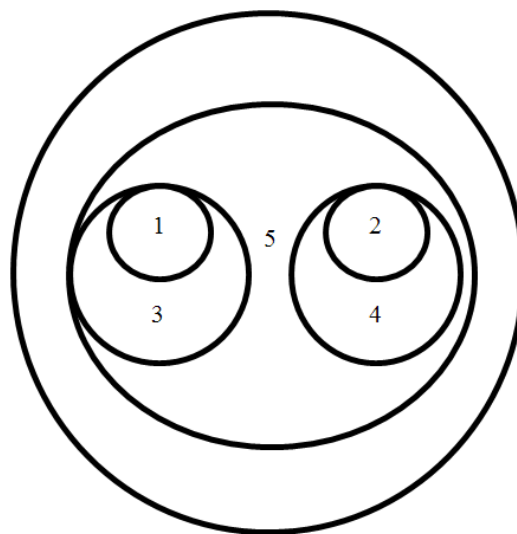

Рис. 1. Полевая структура жанрового пространства подзаконного дискурса

- 1-е ядро – жанры предписаний
- 2-е ядро – информационные жанры
- Приядерные слои:
- 3 – жанры форм документов предписательного характера
- 4 – жанры форм документов информационного характера
- Периферия:
- 5 – жанры просьб, рекомендации и их формы
- 6 – жанры обязательств и их формы

Границы поля четко очерчены: все жанры вступают в отношения часть – целое с гипержанрами постановления, решения, указа, распоряжения, приказа. В них «упаковано» все жанровое многообразие и содержание подзаконного дискурса.

Итак, жанровое многообразие подзаконного дискурса обусловлено его диалогичностью, которая определяется следующими вектора-

ми взаимодействия: подзаконный дискурс ↔ жизнь и социум, подзаконный дискурс ↔ законодательный дискурс, подзаконный адресант ↔ адресат. Эти векторы пересекаются в официальном документе как «лингвистическом корреляте действительности» [14 : 288]: документ как ответ на нестабильность жизни социума; как проявление системности и иерархичности права; как зона контакта с адресатом. Точного соответствия между именем жанра и видом документа нет.

Четкая система жанров сформировалась под влиянием целей и стратегий дискурса, характера институционального взаимодействия, многообразия социальных и коммуникативных событий.

Основаниями для структурирования жанров послужили: 1) характер ведущей интен-

ции и общность функционального назначения, в соответствии с которой вычленяются жанры, которые оформляют волеизъявление автора документа (жанры предписаний, рекомендаций, просьб), информационные жанры, жанры обязательств; 2) уровень абстракции. На этом основании сложность структуры послужила основанием считать конечный перечень распорядительных документов гипержанрами. С учетом содержательных и формальных критериев создана модель поля жанров, характеристиками которого являются двудерный центр и четкие границы. В ограниченный перечень гипержанров «упаковано» все жанровое многообразие и содержание подзаконного дискурса.

Таблица 1

Отражение диалогичности дискурса по линии *дискурс ↔ социум*

Тематика вопроса	Название документа (программы) как ответ на вопрос
Здравоохранение	Развитие здравоохранения и совершенствование организации медицинской помощи населению муниципального образования Куркинский район на 2009-2011 годы Неотложные меры борьбы с туберкулезом в муниципальном образовании Дубенский район на 2011-2013 годы
Правопорядок	Профилактика правонарушений и усиление борьбы с преступностью на территории города Тулы на 2007-2010 годы Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в Тульской области на 2009-2016 годы

Таблица 2

Отражение диалогичности дискурса по линии *адресант ↔ адресат*

Директивная интенция автора документа	Ответная активная позиция адресата
Приказ, требование, рекомендация, предложение, просьба	Исполнение задания или нормативное поведение

Таблица 3

Жанровая дифференциация по типу институционального субъекта – автора документа

Ветвь власти	Орган власти	Вид подзаконного акта
Законодательная власть	Областная Дума	постановление
	комитеты и комиссии как структурные подразделения областной Думы	приказ
Исполнительная власть	Губернатор	указ, распоряжение
	Правительство	постановление, распоряжение
	Министерства	приказ
Местное самоуправление	Представительные органы:	
	Собрание представителей (депутатов МО)	решение
	Глава администрации муниципального образования	постановление распоряжение
	Исполнительно-распорядительный орган: администрация муниципального образования	постановление распоряжение

Таблица 4

Жанры форм документов

Информационные жанры	Императивные жанры		Жанры обязательств
	Предписание агента дискурса	Ходатайство клиента дискурса	
Акт, протокол, расписка, сведения удостоверения, характеристика, заключение, справка подтверждения, согласие, извещение, сообщение, уведомление, доверенность	Задание, заказ, поручение, ордер, предписание, требование, разрешение, гарантийное письмо	Исковое заявление, жалоба, заявка, заявление, представление, претензия, предложение, ходатайство	Присяга, обязательство (в т.ч. гарантийное), акт, подписной лист, договор, соглашение

Таблица 5

Пример структуры гипержанра постановления

Постановление правительства Тульской области от 26.06.2012 N 285 «Об утверждении административного регламента предоставления государственной услуги «Предоставление гражданам и юридическим лицам земельных участков для целей строительства без предварительного согласования места размещения объекта» («Тульские известия». 05.07.2012. N 95)	
	Приложение к Постановлению « Административный регламент... »
	Приложение N 1 к административному регламенту « Форма заявления о формировании и выставлении на торги земельного участка для строительства»
	Приложение N 2 к административному регламенту « Форма согласия на обработку персональных данных»
	Приложение N 3 к административному регламенту « Форма заявки на участие в аукционе»

Таблица 6

Соответствие жанрообразующего перформатива виду документа

Жанрообразующий перформатив	Вид документа или его формы
Ассертив	Сообщение, извещение, подтверждение, разъяснение, пояснение, уведомление
Директив	Приказ, требования, предписание, поручения, указание, разрешение, рекомендации, предложение, заявка, заявление, ходатайство
Комиссив	Обязательство, согласие, соглашение

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь видов и разновидностей современной управленческой документации. М. : ВНИИДАД, 2014. 81 с.
2. Палашевская И. В. Жанровая организация юридического дискурса : социолингвистический подход // Вестник УдмГУ. 2012. №5-2. С. 146–151.
3. Дубровская Т. В. Судебный дискурс : речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). М. : Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. 351 с.
4. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 431 с.
5. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Литературно-критические статьи. М. : Худож. лит., 1986. 543 с.
6. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта ; Наука, 2006. 696 с.
7. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград ; Саратов : Перемена, 1998. С. 185–197.
8. Юрислингвистика–1 : проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 1999. 186 с.
9. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
10. Седов К. Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 14–15.
11. Боино С. В. Нормативный правовой акт в условиях современной российской теории и практики // Ваш налоговый адвокат. 2008. № 11 [Электронный ресурс]. – Доступ из локальной сети (дата обращения: 30.10.2013)
12. Шмелева Т. В. Речевой жанр : Опыт общепилологического осмысления // Collegium. Киев, 1995. № 1–2. С. 57–65.
13. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от

30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)

14. Кушнерук С. П. Современный документный текст : проблемы формирования, развития и состава. Волгоград : Волгоградское научное издательство, 2005. 337 с.

REFERENCES

1. *Slovar vidov i raznovidnostey sovremennoy upravlencheskoy dokumentatsii* [Dictionary of types and subtypes of modern management documents]. Moscow, 2014. 81 p.

2. Palashevskaya I. V. Zhanrovaya organizatsiya yuridicheskogo diskursa: sotsiolingvisticheskiy podkhod [Genre organization of legal discourse: socio-linguistic approach]. *Vestnik UdmGU* [Bulletin of Udmurtiya university]. 2012, no. 5–2, pp. 46–151.

3. Dubrovskaya T. V. *Sudebnyy diskurs: rechevoye povedeniye sudi (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov)* [Judicial discourse: speech behaviour of a judge (on the material of Russian and English language)]. Moscow, 2010. 351 p.

4. Sheygal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse. Dr. philol. sci. diss.] Volgograd, 2000. 431 p.

5. Bakhtin M. M. *Problema rechevykh zhanrov. Literaturno-kriticheskiye statii* [The problem of speech genres. Literary review articles]. Moscow, 1986. 543 p.

6. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language. Ed. by M. N. Kozhina]. Moscow, 2006. 696 p.

7. Karasik V. I. O kategoriyakh diskursa [On the category of discourse]. *Yazykovaya lichnost: sotsiolingvisticheskie i emotivnyye aspekty* [Language

personality: socio-linguistic and emotional aspects]. Volgograd; Saratov, 1998, pp. 185–197.

8. *Yurislingvistika–1: problemy i perspektivy: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Juridical linguistics–1: interuniversity collection of scientific works. Ed. by N. D. Golev]. Barnaul, 1999. 186 p.

9. Demytyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p.

10. Sedov K. F. Psikholingvisticheskiy aspekt izucheniya rechevykh zhanrov [Psycholinguistic aspect of speech genres study]. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Speech genres anthology: everyday communication]. Moscow, 2007, pp. 14–15.

11. Boshno S. V. Normativnyy pravovoy akt v usloviyakh sovremennoy rossiyskoy teorii i praktiki [Regulatory legal act in contemporary Russian theory and practice]. *Vash nalogovyy advokat* [Your tax lawyer]. 2008, no. 11. Available from the local network (accessed 30 October 2013).

12. Shmeleva T. V. Rechevoy zhanr: Opyt obshcheyfilologicheskogo osmysleniya [Speech genre: an experience of philological view]. *Collegium*. Kiyev, 1995, no. 1–2, pp. 57–65.

13. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) (s uchetom popravok. vnesennykh Zakonami RF o popravkakh k Konstitutsii RF ot 30.12.2008 N 6-FKZ, ot 30.12.2008 N 7-FKZ, ot 05.02.2014 N 2-FKZ, ot 21.07.2014 N 11-FKZ) [The Constitution of the Russian Federation].

14. Kushneruk S. P. *Sovremennyy dokumentnyy tekst: problemy formirovaniya, razvitiya i sostava* [The text of contemporary documents: problems of formation, development and composition]. Volgograd, 2005. 337 p.

Статья поступила в редакцию 14.12.2015.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Киреева Е. З. Жанры подзаконного дискурса // Жанры речи. 2016. №1. С. 78–86. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-78-86.

FOR CITING

Kireeva E. Z. Genres of sublegislative discourse. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 78–86. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-78-86. (in Russian).

УДК 811.161.1'27'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-87-93

Т. В. Ицкович
Екатеринбург, Россия

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ В ЖАНРОВОМ АСПЕКТЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. Исследование посвящено описанию жанровой системы религиозного стиля. Основанием предлагаемой классификации жанров служит конструктивный принцип прототекстуальности, отражающий такие экстралингвистические факторы, формирующие указанный стиль, как религиозное сознание и религиозная деятельность. Прототекстом в христианстве является Евангелие, текст которого содержит жанровые образцы, канонизированные инвариантные жанровые модели – протожанры. Фундаментальным основанием современной системы жанров служит триада протожанров (молитва, проповедь, житие). В современной жанровой системе каждый протожанр является содержательным и структурным основанием группы производных от него жанров – современных жанровых типов. Каждый жанровый тип на родо-видовой основе делится на жанры и субжанры.

Жанровый тип современного функционального религиозного стиля можно представить как понятийное поле. Ядро каждой жанровой подсистемы составляют жанры, используемые в богослужебной сфере, они максимально близки к протожанру в формально-содержательном отношении. Периферию жанровой подсистемы составляют жанры, функционирующие в небогослужебной сфере, они отличаются некоторой авторской свободой и в то же время сохраняют связь с каноническим прототекстом.

Жанровые подсистемы, генетически восходящие к протожанрам молитвы, проповеди и жития, имеют общую коммуникативную рамку (субъекты религиозной коммуникации принадлежат к разным мирам; общение характеризуется благоговейной тональностью по отношению к Богу и другим представителям сакрального мира), однако различаются по направлению коммуникации и способу текстуальной обработки содержания.

Ключевые слова: религиозный функциональный стиль, конструктивный принцип, жанр, система жанров, прототекст, прототекстуальность, протожанр, молитва, проповедь, житие.

T. V. Itskovich
Ekaterinburg, Russia

RELIGIOUS FUNCTIONAL STYLE IN THE GENRE ASPECT: PROBLEM STATEMENT

Abstract. This article is devoted to the description of genre system of religious style. The basis of the proposed classification of genres advanced by the author is the constructive principle of pretextuality reflecting such extralinguistic factors forming the style as religious consciousness and religious activities.

The principle of pretextuality ensures succession preservation of religious concepts.

The prototext in Christianity is the Gospel, which contains the genre samples, canonized invariant genre models which are offered to call protogenres.

The fundamental basis of the modern genre system is the triad of protogenres (prayer, sermon, life). In the modern genre system every protogenre is a meaningful and structural basis of the group's derivative genres – modern genre types. Each genre type is divided into genres and subgenres according to generic-specific basis. The genre type of modern functional religious style can be presented as the conceptual field. The genres used in the liturgical sphere are the center of each genre subsystem, they are closest to a protogenre in the formal and substantial relation. The periphery of a genre subsystem is made by the genres functioning in non-liturgical sphere, they differ in some author's freedom and at the same time retain the connection with the canonical prototext.

Genre subsystems, genetically ascending to protogenres of a prayer, sermons, and lives, have a common communicative frame (the subjects of religious communication belong to different worlds; the communication is characterized by a reverential tone toward God and other members of the sacred world), but differ in the direction of communication and method of processing textual content.

Key words: religious style, functional styles, structural principle, genre, system of genres, prototext, pretextuality, protogenre, prayer, sermon, life.

Сведения об авторе: Ицкович Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторки и стилистики русского языка.

Место работы: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина.

E-mail: Tatiana.Itskovich@urfu.ru

About the author: Itskovich Tatyana Viktorovna, Candidate of Philology, associate professor of rhetoric and stylistics of Russian.

Place of employment: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

Введение

Религиозный стиль соответствует религии как форме общественного сознания и занимает особое место в парадигме функ-

циональных стилей русского литературного языка [1 ; 2].

Лингвистическое описание религиозного функционального стиля обычно сводится к

Работа выполнена при поддержке РГНФ: грант 15-04-00239а «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика».

© Ицкович Т. В., 2016

характеристике отдельных жанров (прежде всего это проповедь, молитва, послание, житие) [3–5]. Осмысление современного религиозного стиля как целостной жанровой системы до сих пор не ставилось в качестве самостоятельной цели научного исследования. Накопленный опыт лингвистической интерпретации отдельных жанров требует обобщения и развития.

Основная часть

Важнейшая особенность религиозного стиля связана со спецификой религиозного сознания и религиозной деятельности – главных экстралингвистических оснований функционального стиля. Религия характеризуется признанием сакрального мира, противопоставленного миру реальному, профанному. Признание абсолютного идеала в субъектах сакрального мира, отличительный признак религиозного сознания, воплощается в религиозном функциональном стиле в особой *благоговейной тональности*, являющейся доминантной характерологической чертой религиозного стиля. Двоемирие определяет специфику религиозной деятельности, направленной на достижение земным человеком сакрального мира, то есть спасение, или Обожение. Эти идеи зафиксированы в Священном Писании и Священном Предании христиан. Двоемирие (со спасением как главной интенцией религиозной деятельности) предлагается считать онтологическим принципом религиозного стиля. Следствием реализации данного принципа в речевой (текстовой) деятельности является собственно лингвистический конструктивный принцип данного стиля речи – прототекстуальность, под которой понимается константная опора любого религиозного текста на канонический текстовый источник, или прототекст. Принцип прототекстуальности обеспечивает преемственность и сохранность религиозной концепции. Под *прототекстом* понимается *целостный завершенный, закрытый канонический текст, передающий мысли Бога или пророков и содержащий в концентрированном виде ценностно-смысловые установки религиозной конфессии*. Данный термин присваивается текстовому первоисточнику на том основании, что все последующие религиозные тексты воспроизводят и развивают исходный канонический образец. В христианстве, по общим законам религиозной практики, совокупным прототекстом является Священное

Писание, основной прототекст православия – Евангелие.

Прототекстуальность проявляется также в преемственности способов текстуальной обработки выдвигаемых концептов мировоззрения. Прототекст содержит жанровые образцы, исчерпывающие потребности субъектов религиозной деятельности применительно к основным ситуациям религиозной коммуникации. Канонизированные инвариантные жанровые модели, представленные в совокупном прототексте Евангелия, называем *протожанрами*.

Анализ текста Евангелия в сопоставлении с открытой текстосферой современного религиозного стиля позволяет выделить в качестве эталонных три протожанра: проповедь (основной прототекст в составе Евангелия – Нагорная проповедь), молитву (основной прототекст в составе Евангелия – «Отче наш»), и житие (прототекст Евангелия в целом как жизнеописания Иисуса Христа). Самостоятельность данных протожанров определяется уже анализом прагматической рамки, позволяющим установить направление религиозной коммуникации на основе принадлежности адресанта и адресата речи сакральному или профанному миру.

Триада протожанров лежит в основе **дедуктивной модели** развития современной жанровой системы религиозного стиля: жанровая подсистема – жанр – субжанр. При этом жанровый тип современного функционального религиозного стиля можно представить как понятийное поле. Ядро каждой жанровой подсистемы составляют жанры, используемые в богослужбной сфере, они максимально близки к протожанру в формально-содержательном отношении. Периферию жанровой подсистемы составляют жанры, функционирующие в небогослужбной сфере, они отличаются некоторой авторской свободой и в то же время сохраняют связь с каноническим прототекстом.

Остановимся на сказанном подробнее.

Одним из оснований для классификации жанров в религиозном функциональном стиле служит категория адресата. Исследователями уже отмечалась двунаправленность религиозной коммуникации [3 ; 6], когда в диалоге участвует Бог и человек. Выделяются следующие типы религиозной коммуникации: человек обращается к Богу; Бог обращается к человеку; человек обращается к человеку.

Жанры «человек → Бог»

В этих жанрах человек (священнослужитель или мирянин) обращается к Богу, к миру сакральному лично и/или коллективно. Все эти жанры развились из протожанра молитвы: собственно молитва, канон, кондак, акафист, величание, тропарь и др. Они объединены прежде всего направлением коммуникации из мира профанного в мир сакральный и образуют на этом основании разветвленную подсистему жанров, имеющих своим основанием протожанр молитвы.

Распространение христианства, расширение сферы религиозной коммуникации привели к дифференциации молитвенных обращений и формированию различных жанров, объединенных такой специфической особенностью, как диалог между мирами. Отметим, что тексты протожанров молитвы *Отче наш*, *молитва мытаря* и другие продолжают функционировать в современной религиозной коммуникации.

Основанием для выделения жанров в данной жанровой подсистеме служат потребности профанных участников религиозной коммуникации, которые основаны на субъектно-деятельностном принципе. В православном богословии выделяется три цели молитвы, понимаемой в широком смысле слова как беседа, диалог с Богом: просьба (с покаянием), благодарность, хвала. Порядок молитв обусловлен, в частности, тем, что просительные молитвы не будут услышаны без предварительного покаяния [7 : 38].

Все жанры религиозной коммуникации, входящие в подсистему протожанра молитвы, соотносятся с указанными тремя целями. Анализ различных жанров показывает, что в каждом из них присутствуют все три цели, но доминирование одной из них или характер их сочетания формирует определенный жанр. Так, основная интенция акафиста, кондака, тропаря, величания – хвала и благодарность, канона – покаяние и просьба, в жанре молитвы представлены все три цели. Жанры, входящие в подсистему протожанра молитвы, реализуются как в пространстве церкви во время Богослужения, так и вне церкви в личном обращении. Соответственно, оказываются задействованы категории места (церковь / не церковь), времени (Богослужение/ не Богослужение) и количества молящихся (коллективная / личная молитва).

В современной действительности протожанр не может существовать как нечто целостное, он существует как набор жанров.

В свою очередь, жанры, образующие данную подсистему, членятся на субжанры по разным основаниям. Назовем следующие основания субжанрового членения жанра собственно молитвы.

Деление молитвы на общественную и личную [7 : 40–41], основанием которого является соответствие текста молитвы соборному духу Церкви, позволяет предложить следующую классификацию:

1. Молитвы общественные, церковные произносятся во время богослужения; священнослужитель является обязательным участником коммуникации; тексты канонические существуют в письменной форме, во время богослужения читаются или поются по книге или наизусть. Для общественной молитвы – Литургия, вечерня, молебен, панихида, лития и др. – характерно объединение жанров различной интенции. Общественная молитва – это коммуникативное событие, соотносимое с комплексом жанров. Тексты разных жанров: молитвы, тропари, кондаки, псалмы и т.п. – в определенном порядке, закрепленном канонически и прописанном в богослужебных указаниях на каждый год, образуют целостное богослужение.

2. Молитвы личные, келейные, произносимые помимо общественного богослужения (отметим, что во время общественного богослужения запрещается отвлекаться на личную молитву), произносятся мирянином без посредника – священнослужителя и зачастую имеют свободную форму, не закрепленную канонически. В личной молитве мирянин не может использовать жанровые комплексы общественной молитвы в полной форме, но существуют жанры, рекомендуемые к использованию в личной молитве: канон, акафист, тропарь, кондак, величание. Также рекомендуется в личной молитве использовать тексты молитв, написанные святыми и утвержденные Церковью: закрепленный комплекс молитв утренних и молитв на сон грядущим, правило ко Святому Причащению.

В зависимости от адресата выделяются субжанры молитвы: к Богу, к Святой Троице, к Богородице, к небесным силам, к святым. Субжанровое членение может быть многоуровневым. Так, молитвы к Богу делятся на молитвы к Богу-Отцу, к Богу-Сыну, к Святому Духу. Молитвы к небесным силам делятся на молитвы к конкретным ангелам, архангелам. Молитвы к святым делятся на виды в зависимости от лика святости и, далее, к конкретному святому.

Относительно времени произнесения выделяются молитвы утренние и на сон грядущий.

Относительно события различают молитвы: перед и после какого-либо дела (принятия пищи, учения, начала всякого доброго дела, чтения священных книг).

Ведущим основанием выделения субжанров молитвы является прагматическое: благодарственные, хвалебные, просительные, покаянные молитвы. Дедуктивное субжанровое членение зачастую является многоуровневым. Так, просительные молитвы, в свою очередь, делятся на группы в зависимости от конкретной потребности человека. Приведем только список молитв об исцелении от телесных недугов: о терпении болезней и несчастий; от разных недугов и болезней; от головных болезней; грудных болезней; глазных болезней; зубной боли; болезни сердца и т.п.

Протожанр *молитвы* является генетическим основанием для целого ряда жанров, функционирующих в современной религиозной коммуникации. Ядром современного жанрового типа являются жанры, используемые в богослужебной сфере и написанные в соответствии со строгими церковными канонами. Современная ситуация в религиозной сфере требует создания новых богослужебных молитвенных текстов, поэтому ядро является открытым и пополняется новыми каноническими текстами богослужебных жанров молитвы, акафиста, канона и др. Периферией жанрового типа молитвы являются тексты неканонические, в которых усилено личностное начало, предъявлена индивидуальная интерпретация прототекста. Это жанры личной устной и письменной молитвы, молитвы, создаваемые в русле художественного стиля, неканонические акафисты, написанные в честь еще непрославленных людей. Тексты, функционирующие на периферии жанрового типа молитвы, отличаются от канонических изменением либо формы (композиции), либо содержания (соответствия соборному духу Церкви).

Основанием для выделения жанров внутри данного жанрового типа служит критерий интенциональности адресанта, доминирование той или иной интенции и группировка интенций из числа свойственных религиозному стилю является жанрообразующим фактором. Собственно церковная молитва является базовым жанром и может включать в себя все названные интенции в различном соотношении. Композиционное

структурирование текста молитвы определяется интенцией и мотивированными ею речевыми действиями адресанта.

Жанры «Бог → человек»

В этих жанрах Бог обращается к человеку, лично, как это происходит в прототексте, или через посредника – священнослужителя, как это происходит во время богослужения. Такие жанры образуют подсистему, имеющую генетическим основанием протожанр проповеди. Данная подсистема объединяет жанры, главная цель которых – распространение вероучительных истин. Это собственно церковная проповедь, послание, беседа, которые составляют ее ядро. В периферию подсистемы входят гибридные жанры романа, повести, рассказа, статьи, посвященные изъяснению христианского мировоззрения.

Деление проповеди на жанры обусловлено особенностями коммуникативной ситуации (местом, временем, целями, количеством участников).

Жанры, составляющие подсистему протожанра проповеди, делятся на субжанры в зависимости от ряда стилиобразующих факторов, в числе которых цель, тема, адресат, адресант, форма речи.

Например, так выглядит систематика жанра послания:

1. Цель: информационные, дидактические и эпидейктические послания;
2. Тема: послания к праздникам церковного годового круга, знаменательным событиям в жизни Церкви, государства, человека;
3. Адресат: «внутрицерковные» «внецерковные» послания;
4. Адресант: единичный и групповой. При этом послания, имеющие единичного адресанта, дифференцируются на субжанры: 1) патриаршие послания; 2) митрополитские послания; 3) архиепископские послания; 4) епископские послания; 5) архимандритские послания; 6) игуменские послания; 7) иеромонашские послания; 8) протоиерейские послания; 9) иерейские послания.

Церковная проповедь как жанр также членится на субжанры. Еще в середине XVI-го века профессор богословия Марбургского университета Гиперий, отделяя гомилетику от риторики («светская риторика учит тому, как нужно составлять речь и действовать оратору, а гомилетика излагает то, что проповедник должен предлагать народу: там форма – главное, а здесь – материя» [цит. по: 9 : 39]), намечает следующие виды проповеди: учительная, обличительная, наста-

вительная, исправительная, утешительная. Уже среди восточнославянских проповедей XI–XII веков обнаружены апологетико-вероучительные и похвальные слова, торжественные праздничные проповеди-панегирики, нравообличительные и аскетические поучения, катехизические и огласительные проповеди и поучения, обличительные проповеди [10].

Современная гомилетика предлагает несколько классификаций проповеди на различных основаниях. Так, епископ Аверкий (Таушев), выделяя в качестве основания источники, из которых проповедник может черпать содержание для своих поучений, предлагает выделять четыре вида проповеди: омилия, или изъяснительная беседа, которая ставит своей целью изъяснение Священного Писания; слово, которое берет свое содержание из идеи церковного года; катехизическое поучение, которое излагает элементарные уроки веры, нравоучения и богослужения; публицистическая проповедь, которая отвечает на вопросы современности и исходной точкой для себя имеет современные воззрения, модные веяния и болезни века [9]. Епископ Феодосий по содержанию выделяет следующие виды проповеди: экзегетические, посвященные изъяснению Священного Писания; катехизические, в которых слушателям преподаются начала религиозной жизни, элементарные уроки христианской веры и нравственности; догматические, содержащие вероучительные истины, связанные с личностью и искупительным подвигом воплотившегося Сына Божия Господа Иисуса Христа; нравоучительные, раскрывающие правила христианской жизни и деятельности; апологетические, всесторонне обосновывающие истинность христианского учения и защищающие его от нападок и несправедливой критики; миссионерские, общающиеся людям Евангельское учение, возвещающие о Христе [11]. Наиболее полный обзор существующих классификаций жанровых разновидностей проповеди содержится в монографии О. А. Прохвятиловой «Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи» [3], в которой автор сначала описывает существующие в синхроническом и диахроническом аспектах классификации, а затем предлагает собственную классификацию по семи основаниям (время, место произнесения, адресат, содержание, цель, способ изложения и форма). Исследование жанрового своеобразия догматической проповеди осу-

ществляется в работах современных лингвистов [12].

Жанры, входящие в ядро, сохраняют основные жанрообразующие признаки протожанра проповеди: коммуникативная ситуация – храм во время богослужения, адресант – священнослужитель, символически замещающий Бога, адресат – паства, аудитория разной степени подготовленности, цель – донесение Истины, эксплицитное назидание. Жанры, составляющие периферию, отличаются, во-первых, коммуникативной ситуацией – вне богослужения, во-вторых, типом адресанта – в конфессиональных СМИ и интернет-общении с монологом могут обращаться не только священнослужители, но и миряне; цель научения, назидания может быть предъявлена имплицитно. Степень свободы проявления индивидуальности в богослужебных жанрах проповеди в целом выше, чем в канонических молитвах, но существенно уступает уровню свободы самовыражения в текстах, функционирующих на периферии жанра.

Жанры «человек → человек»

Оба участника коммуникации находятся в профанном мире, хотя в религиозной коммуникации Бог всегда незримо присутствует среди земных участников: «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф., 18: 20). Данную подсистему образуют жанры, произошедшие из протожанра жития, цель которого – задать читателю образец поведения, показать путь спасения, обоже-ния. Подсистема включает в себя жанры собственно жития, биографии, автобиографии, а также жанры романа, повести, очерка, если они посвящены изображению человека – носителя христианских ценностей.

Житие как современный жанровый тип представляет собой целостное образование. Его источником является Евангелие в целом, жанр жития опирается не на текст, включенный в Евангелие, а на текстовую модель жизнеописания Иисуса Христа, представленную в Евангелии. По этому образцу и подобию строятся все последующие житийные тексты, сохраняющие прототекстуальное композиционно-тематическое решение и организацию хронотопа. Даже авторская интенция жизнеописания не меняется существенно в связи со сменой субъекта текста: житие тоже отражает идеал достижения главной цели христианина – обоже-ния. В рамках данного жанра повышенную значимость приобретает категория хроното-

па, непосредственно связанная с композиционным решением текста.

В богослужебной сфере данный жанр делится на субжанры, выделяемые на экстралингвистических основаниях: по лику святости. Периферию жанра жития составляют небогослужебные жанры биографии, автобиографии, жизнеописания, романа, повести, рассказа, при условии, что в последних эксплицирована ведущая цель данного жанра – показать образец поведения человека, способствующий достижению спасения.

Вывод

Все три подсистемы религиозного стиля прошли процесс развития, каждая на своей прототекстовой основе. Молитва, проповедь и житие продолжают свое активное существование в виде жанровых групп современного религиозного стиля. Названные жанровые типы сохраняют центральное местоположение в жанровой системе религиозного функционального стиля. Наряду с этим активно формируется периферия стиля, образуемая жанрами, не выполняющими собственно богослужебных функций и находящимися на пересечении с другими функциональными стилями. Периферию образуют создаваемые с допустимой для религиозного православного сознания степенью свободы тексты, относящиеся к различным видам религиозной деятельности и обеспечивающие существование Церкви как социального института общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крылова О. А. Существует ли церковно-религиозный (церковно-проповеднический) функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Вопросы теории и образовательных технологий: тез. докл. Екатеринбург : Издательство УрГУ, 2000. С. 107–117.
2. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура / памяти Т. Г. Винокур. М., 1996. С. 135–138.
3. Прохвятилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 1999. 364 с.
4. Бугаева И. В. Язык православной сферы : современное состояние, тенденции развития : дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2010. 454 с.
5. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 59 с.

6. Войтак М. Религиозный стиль в генетической перспективе // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. Пермь : Пермский государственный университет. Вып. 6. 2003. С. 323–338.

7. Ицкович Т. В. Жанровая система религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 387 с.

8. Слободской Серафим, протоиерей. Закон Божий для семьи и школы. Репринт. изд. СПб : Кифа, 2006. 724 с.

9. Аверкий (Таушев), архиепископ. Руководство по гомилетике. Москва : Издательство ПСТБИ, 2001. 144 с.

10. Левшун Л. В. Проповедь как жанр средневековой литературы (на материале проповедей в древнерусских рукописных и старопечатных сборниках) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 20 с.

11. Феодосий епископ Полоцкий Глубокский. Гомилетика. Теория церковной проповеди. Сергиев Посад, 1999. 385 с.

12. Салимовский В. А., Сулова К. С. Экспликация догмата как жанра догматической проповеди // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4. Саратов : Колледж, 2005. С. 280–292.

REFERENCES

1. Krylova O. A. *Suschestvuet li tserkovno-religioznyiy (tserkovno-propovednicheskii) funktsionalnyiy stil v sovremennom russkom literaturnom yazyike? [Is there a religious (Church-preaching) functional style of the modern Russian literary language?]. *Kulturno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii. Voprosy teorii i obrazovatelnykh tehnologii: tez. dokl.* [Cultural and speech situation in modern Russia. Issues of theory and educational technologies: speech thesis]. Ekaterinburg, 2000, pp. 107–117.*
2. Kryisin L. P. *Religiozno-propovednicheskii stil i ego mesto v funktsionalno-stilisticheskoy paradigme sovremennogo russkogo literaturnogo yazyika [Religious-style preaching and its place in functional-stylistic paradigm in the modern Russian literary language]. *Poetika. Stilistika. Yazyik i kultura* [Poetics. Stylistics. Language and culture]. Moscow, 1996, pp. 135–138.*
3. Prohvatilova O. A. *Pravoslavnyaya propoved i molitva kak fenomen sovremennoy zvuchashey rechi [Orthodox sermon and prayer as a phenomenon of modern-sounding speech]. Volgograd, 1999. 364 p.*
4. Bugaeva I. V. *Yazyik pravoslavnoy sfery: sovremennoe sostoyanie, tendentsii razvitiya [The language of the Orthodox sphere: modern state, tendencies of development. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2010. 454 p.*
5. Bobyireva E. V. *Religioznyiy diskurs: tsennosti, zhanry, strategii (na materiale pravoslavno veroucheniya) [Religious discourse: values, genres, strategy (on the material of the Orthodox faith). Dr. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2007. 59 p.*
6. Voytak M. *Religioznyiy stil v genologicheskoy perspektive [Religious style genres in the future]. *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste: mezvuz. sb. nauch. tr.* [Stereotypes and creativity in a text: interuniversity collection of scientific works]. Iss. 6. Perm, 2003, pp. 323–338.*

7. Itskovich T. V. *Zhanrovaya sistema religioznogo stilya na kommunikativno-pragmaticheskom i kategorialno-tekstovom osnovaniyah* [The genre system of religious style on the communicative-pragmatic and categorical-text reason. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Ekaterinburg, 2016. 387 p.

8. Slobodskoy Serafim, protoierey. *Zakon Bozhiy dlya semi i shkolyi* [God's law for family and school]. St.-Petersburg, 2006. 724 p.

9. Averkiy (Taushev), arhiepiskop. *Rukovodstvo po gomiletike* [A manual of homiletics]. MMoscow, 2001. 144 p.

10. Levshun L. V. *Propoved kak zhanr srednevekovoy literaturyi (na materiale propovedey v drevnerusskih*

rukopisnyih i staropechatnyih sbornikah) [The sermon as a genre of medieval literature (on the material of sermons in old Russian manuscripts and early printed collections). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 1992. 20 p.

11. Feodosiy episkop Polotskiy Glubokskiy. *Gomiletika. Teoriya tserkovnoy propovedi* [Homiletics. The theory of the Church sermons]. Sergiev Posad, 1999. 385 p.

12. Salimovskiy V. A., Suslova K. S. *Eksplikatsiya dogmata kak zhanra dogmaticheskoy propovedi* [Explanation of dogma as dogmatic sermons genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 280–292.

Статья поступила в редакцию 31.05.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ицкович Т. В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы // Жанры речи. 2016. №1. С. 87–93. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-87-93.

FOR CITING

Itskovich T. V. Religious functional style in the genre aspect: problem statement. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 87–93. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-87-93. (in Russian).

УДК 811.161.1'42

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-94-99

В. А. Маслова
Витебск, Беларусь

V. A. Maslova
Vitebsk, Belarus

**ПОКАЯНИЕ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА,
ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ КОНЦЕПТ
ИЛИ ЖАНР?**

**REPENTANCE: HUMAN LIFE,
ACTIVITY CONCEPT OR GENRE?**

Аннотация. Анализируется феномен «покаяние» с точки зрения разных наук: коммуникативной лингвистики, лингвокогнитологии, генристики, теолингвистики.

Покаяние – искреннее признание своей вины, ошибки, греха, сожаление по поводу содеянного. С этим пониманием связано бытовое раскаяние – сильное эмоциональное переживание, с которым соотносимо чувство стыда за себя и свои поступки (светский подход к данному феномену). В центре внимания оказываются связи и пересечения когнитивно-деятельностного концепта покаяния с жанром покаяния и диалогом. Таким образом репрезентируется цельное знание об объекте.

В статье показано, что особенно ярко сущность покаяния проявляется при реконструкции духовных ценностей (грех, стыд, вина и др.), концептов (сожаление, совесть, нравственность), которые, в свою очередь, становятся ядром соответствующих жанров речи.

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика, лингвокогнитология, генристика, теолингвистика, жанр, концепт.

Abstract. The phenomenon of «repentance» has been analyzed from the perspective of various sciences: communicative linguistics, linguocognitology, genristics, theolinguistics.

Repentance is a genuine recognition of the fault, error, sin, regret at the offense. This understanding is related to a domestic repentance – a strong emotional experience, which is correlated with a sense of shame for him/herself and his/her actions (a secular approach to this phenomenon).

In the spotlight is the intersection of the repentance concept with the repentance genre and dialogue. Thus the whole knowledge about the object has been represented.

The article shows that the essence of repentance is most clearly manifested in the reconstruction of spiritual values (sin, shame, guilt, etc.), concepts (sorry, conscience, morality), which, in turn, become the core of the respective speech genres.

Key words: communicative linguistics, linguocognitology, genristics, theolinguistics, genre, concept.

Сведения об авторе: Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания.

Место работы: Витебский государственный университет имени П. Машерова.

E-mail: mvavit@tut.by

About the author: Maslova Valentina Avraamovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics.

Place of employment: Vitebsk State University.

Почти любое исследование в области гуманитарных наук не лишено субъективизма. Установление истины нередко зависит от интуиции исследователя в большей степени, нежели от количественного анализа собранных данных. Рассматриваемый в статье феномен «покаяние» сложен и многогранен. Как всякое сложное явление, он может исследоваться в разных сферах научного знания: в богословии, теолингвистике, философии, психологии, генологии, когнитивистике и др., наполняясь в каждой из названных областей своим содержанием, которое оказываются в состоянии дополнительности (по Н. Бору) с данными, полученными в других науках.

Цель статьи – проанализировать феномен «покаяние» с позиций разных областей науки, демонстрируя тем самым, что наступило время цельного знания, которое влечет за собой изменение параметров научного мышления. Отсюда следует, что пересечение интересов разных наук в одном объекте – веяние времени. С точки зрения сказанного, было бы уместным поставить вопрос о связях и пересечениях когнитивно-деятельностного концепта покаяния с жанром покаяния и диалогом.

Покаяние – искреннее признание своей вины, ошибки, греха, сожаление по поводу

содянного; такое понимание прочно сидит в народном языковом сознании, доказательством этому является значительное количество фразеологизмов, пословиц, поговорок: *пустить душу на покаяние; не согрешишь – не покаешься; супротив греха и покаяние; виноватый в вине, правый в правде, а всякому греху покаяние* и др.

Тесно связано с ним бытовое **раскаяние** – сильное эмоциональное переживание, с которым соотносимо чувство стыда за себя и свои поступки. Это светский подход к данному феномену: «*Наутро в красном уголке собрание. Комиссия, выговоры, речи, покаяния. Недосмотрели*» (Ю. О. Домбровский). Светский подход прослеживался нами на основе корпусных текстов, которые позволили выявить бытовое, политическое, семейное, этническое и другие виды раскаяния. Примером этнического раскаяния может быть следующая фраза из статьи Веллера: «*Вчерашние колонизаторы стали рвать на себе волосы и наперебой пытаться сделать хорошее для бывших колонизированных. И стали принимать их к себе, селить, давать гражданство и обеспечивать всем*». Э. Фромм считал, что светское раскаяние (покаяние) – единственная форма человеческого опыта, которая может воспрепятствовать повторению совершенного проступка.

Слово «покаяние» родилось как толкование греческого термина «metanoia», что означает «перемену сознания», или даже «выход за рамки разума, ума» [1]. Согласно словарю В. И. Даля, покаяние – это *исповедание грехов, раскаяние, отречение от прежней греховной жизни* (т. 3, с. 238). В русском и ряде славянских языков, согласно Словарю М. Фасмера, оно связано с глаголами *порицать, упрекать, отомстить* (т. 2, с. 216). Согласно В. В. Колесову, покаяние – старославянская калька с греческого и буквально значит ‘перемена мыслей’ [2 : 45].

Этимологически русское покаяние связано с глаголом *каять* – ‘бить, ругать, проклинать’. Эту связь показывает нам и жест, часто сопровождающий покаяние – *бить себя в грудь; разбивать лоб, кланяясь*.

Покаяние рассматривается в данной статье с позиции теории коммуникации и когнитивистики, богословия и генологии.

Сама коммуникация, как известно, сложный феномен – это одновременно и среда, и канал, и средство существования, и трансляция культуры. Американские ученые Ф. Дэнс и К. Ларсон еще в прошлом веке проанализировали 126 дефиниций опреде-

ления термина «коммуникация» [3]. Не вдаваясь в их анализ, примем дефиницию В. В. Красных: «коммуникация – это канал и способ, посредством которого сообщество себя являет, транслирует и трансформирует» [4 : 11]. Современное общество становится все более зависимым от коммуникации, общение с Богом – это тоже коммуникация, в которой необычный адресат.

Покаяние можно рассмотреть с точки зрения **коммуникативного поведения** – понятия, введенного И. А. Стерниным: это «совокупность норм, традиций общения определенных групп людей» [5 : 8]. Цель коммуникативной деятельности – организация и сам процесс коммуникации, т.е. взаимодействие коммуникантов. В данном случае один из коммуникантов – Бог, а в самом акте покаяния мы видим экстериоризацию речевого поведения. Но особенность коммуникативного поведения здесь еще и в том, что происходит перемена сознания (отвращение от зла), т.е. здесь два адресата – Бог и Я Сам. Здесь происходит общение с Богом, который понимается нами как творец всего мира, пребывающий вне мира и заботящийся о нем. Это центр мира, без Бога ничто не может ни существовать, ни быть познано.

Н. Д. Арутюнова, исследуя диалог, в соответствии с иллюкативным критерием выделяет следующие жанры диалогического взаимодействия: 1) информативный диалог, 2) прескриптивный диалог, 3) обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины, 4) диалог, имеющий целью установление или регулирование межличностных отношений, 5) праздноречивый диалог [6 : 65]. Согласно данной классификации покаяние есть диалог с Богом, к которому мы обращаемся с просьбами и мольбами о прощении грехов, при искреннем покаянии надеемся на прощение, т.е. регулируем межличностные отношения. А это 4 тип, по Н. Д. Арутюновой. Такой диалог с Богом имеет перлюкативный эффект: речевые действия говорящего направлены на достижение конкретного результата – прощение грехов. Причем второй собеседник Бог выступает молчаливым участником диалога.

Без покаяния невозможно начать новую жизнь, поэтому В. Муравьев писал о том, что «покаяние черпает будущее в прошлом». Н. Бердяев считал характерной чертой русских то, что они легко чувствуют себя грешниками и более других народов склонны к покаянию.

Рассмотрим покаяние с точки зрения когнитивной лингвистики, которая работает не столько с моделями языка, сколько с моделями ментальных процессов и их презентаций в языке. Правомерность такого подхода к феномену покаяния объясняется его принадлежностью не к реальному миру, а миру разума, т.е. когнитивной деятельности.

На сегодняшний день проблема классификации концептов еще не получила однозначного решения. Как известно, форма лексической единицы имени концепта влияет на ментальное представление, поэтому в когнитивной лингвистике в соответствии с ономаσιологическими представлениями концепты могут быть предметными, событийными и признаковыми. Мы предлагаем также выделить **деятельностный концепт**, который формируется на периферии событийного и поведенческого концептов.

Под деятельностным концептом мы понимаем модель деятельности, отраженную в сознании языковой личности, которую можно описать в терминах социального взаимодействия (мотив, цели, стратегии, жанры и т.д.). Деятельностный подход важен и для понимания культуры, которая есть «исторически выработанный способ деятельности» (Э. С. Макарян). Поэтому мы можем говорить, что деятельностный концепт является одновременно культурным концептом.

Э. Р. Лассан говорит о том, что произошло «искажение первоначального содержания терминов когнитивистики, пришедших в научный обиход из ее американских истоков» [7 : 10], вероятно, упуская из вида тот факт, что значение терминов, как и других лексических единиц, довольно быстро изменяется. Например, если жанр ранее понимался как вид литературы или фольклора, то теперь это многомерная и универсальная категория, которая попадает в сферу исследовательских интересов различных научных направлений: литературоведения, журналистики, жанроведения (генологии) и др.

Концепт содержит более глубокие знания о сущности, нежели слово, поскольку отражает богатство зафиксированного словом опыта, т.е. значение соотносится с классами предметов и явлений, а концепт – с ситуациями человеческого опыта. Так, концепт *покаяние* связан с ситуацией, но в ней нет временных пределов: это вся человеческая жизнь, хотя ситуация конкретного акта покаяния имеет обычные коммуникативные параметры – время, место и др.

Покаяние как концепт имеет полевою структуру. В ядре – *покаяние*, а также синонимы – *раскаяние, признание своей вины*. Покаяние – ментальное образование, состоящее из деятельностной основы (*просить, раскаиваться, признать свою вину, смирение, прощение грехов*), из эмоционально фона (*любовь, совесть, слезы*), признаковой части (*милосердие, грех, благодать*). Можно выделить также интерпретационную зону: *врачевство души, отвержение от себя греха*.

Как встроить в когнитивно-деятельностную парадигму наших рассуждений жанр, который, как нам кажется, почти не учитывает психо-когнитивную составляющую речевой деятельности? Еще М. М. Бахтин писал, что мы говорим только определенными жанрами: «Речевые жанры даны нам почти так же, как дан родной язык» [8 : 160]. Поскольку покаяние – важнейшее понятие христианства, это не только исповедь в церкви, но и вся жизнь человека в покаянии, наше сознание не может не располагать соответствующими жанрами для его проведения.

Жанр – это набор изменяющихся культурных конвенций, поэтому, как считает А. Вежбицкая, «различные культуры могут быть рассмотрены через призму характерных для них жанров речи» [9 : 228].

Мы отдаем себе отчет, что столь широкое понимание жанра не укладывается ни в «анкету» речевого жанра (в понимании Т. В. Шмелевой), ни даже в жанроид (по В. В. Дементьеву). Однако такого типа широкие околожанровые пространства существуют в русской лингвокультуре (как и в других национальных лингвокультурах), и они не могут быть обойдены вниманием лингвистов в силу их особой значимости для русской души. Анализируя покаяние, нам удалось установить следующие жанрообразующие признаки – сакральность, персональность (личностность), духовность.

В основе почти любого жанра лежит концепт. Если считать, что жанр не только категория формы, но и категория содержания, то ядром такого содержания является концепт, например, концепт «донос» является ядром жанра доноса. В основе жанра благодарности лежит концепт «благодарность». У них сходный понятийный и этимологический слои, но разные образные и ценностные характеристики. Таким образом, отличительной чертой и событийных, и деятельностных концептов является то, что они лежат в основе какого-то жанра и они ритуализованы в культуре (*прошу тебя, Господи...*).

Концепт Покаяние как концепт коммуникативного поведения лежит в основе жанра раскаяния. Ментальное представление о деятельности покаяние может соответствовать речевому жанру и представляться мотивом, целью, стратегиями с учетом тактик раскаяния, просьбы и др. Вопрос о том, что является жанром, каковы его обязательные (инвариантные) и факультативные признаки, на сегодняшний день не имеет однозначного ответа. Если считать жанр набором конвенций, шаблонов [10 : 39], которые помогают носителям лингвокультуры решать конкретную коммуникативную задачу – уговорить Господа простить грехи, то покаяние, бесспорно, – жанр религиозной коммуникации. В произносимых кающихся текстах реализуется один из вариантов шаблона, который может быть в значительной степени уникален. Порожденный конкретным верующим текст является формой участия в сакральном действии, предполагающей конкретного адресата – Бога.

В этом смысле жанр выступает как категория, которая организует коммуникативную деятельность и создает наборы конвенциональных способов высказывания на каждую область деятельности. В покаянии степень конвенционализации структуры текста невелика, тематическая ориентированность текста разнообразна, т.к. различаются грехи каждого человека. Существует определенный шаблон, обусловленный исторически и хранящийся в языковом сознании верующих. Это и есть подход с позиции генологии.

Таким образом, особенно ярко сущность покаяния проявляется при реконструкции духовных ценностей (*грех, стыд, вина* и др.), концептов (*сожаление, совесть, нравственность*), которые, в свою очередь, становятся ядром жанров, и в этом проявляется их интегративность.

Рассмотрим сущность покаяния с позиций *теолингвистики*. Оно имеет несколько граней – 1) это таинство, недоступное нашему разумению, 2) праведный образ жизни, 3) исповедь и молитва. Третья грань как раз и предполагает определенные линии и приемы речевого поведения, создаваемые с учетом соответствующей цели – очищение от греха, с определенными правилами отбора единиц языка, формами миропонимания.

Покаяние как признание ошибок имеет глубокие корни в православной морали. Покаяние нужно отличать от покаянного чувства, которое сопровождает верующего всю

жизнь. По данным Библейской энциклопедии Брокгауза, покаяние – это одно из ключевых понятий христианства, одно из таинств церкви. Это можно назвать, скорее, покаянным чувством.

Истинное православное покаяние невозможно без церковного таинства исповеди, которое также может быть рассмотрено и как жанр, и как концепт. Покаяние тесно связано также с такими концептами, как *пост, молитва, смирение*. Второй круг – периферия: *очищение, прощение, терпение, смирение, исповедь, оправдание*. В течение всей жизни мы обращаемся к Богу с просьбами и мольбами о прощении грехов. Мы оплакиваем их и стараемся искупить. Искупать их можно с помощью *милосердия, любви* и т.д. В покаянии происходит сложное взаимодействие различных духовных сущностей: плоды покаяния – прощение и исцеление, а само покаяние – плод молитвы, но покаяние и рождает молитву. Покаяние связано и с другими сущностями, например, *совестью*. Совесть – это голос Божий, указывающий путь ко спасению. Голос совести пробуждается на покаянии, это внутренний, тайный голос Божий в нас. Совесть притупляется грехами. Таинство и то, как через покаяние и причастие к нам возвращается благодать, которую мы получили при крещении. На поверхности – перечисление грехов, в глубине – сокрушение сердца, т.е. глубокое раскаяние и слезы. Сердечное сокрушение о своих грехах рождает слезы, это не просто перечисление грехов. Если есть самооправдание грехов, то это не истинное покаяние.

Сокрушаться сердцем – скорбеть о содеянных злых делах, плакать о грехах – это самое важное. Схигомен Савва в книге «Плоды истинного покаяния» пишет: «...не плач происходит от слез, а слезы от плача» [11 : 28]. При плаче человек кающийся со всей остротой осознает свою душевную немощь, понимает, что своими силами не сможет освободиться от язв греховных. Это великая скорбь, после которой грешник получает утешение и радость – единение души с Богом. Это и есть плоды покаяния. Плоды покаяния – это добрые дела. Евангелист Лука пишет: «Сотворите же достойные плоды покаяния» (Лк. 3, 8). Но есть плоды духовные: *любовь, долготерпение, милосердие, благодать, кротость, смиренномудрие*. Сх. Савва писал: «Если мы благодушно, без ропота, без озлобления и раздражения принимаем и благодарим Бога за все, молимся за обидчиков и

не изменяем к ним своего доброго расположения, то это значит, мы приносим плоды истинного покаяния» [11 : 62].

Покаяние – это особый ритуал. Святитель Амвросий Медиоланский писал, что «истинное покаяние невозможно без церковного Таинства Исповеди» [12 : 18]. Следовательно, покаяние – это таинство, которым очищаются грехи, совершенные после Крещения, совершенные словом, делом, помышлением. Это очищение совести от греха.

Покаяние как образ жизни состоит в постоянном сокрушении духа, в борении с помыслами и ощущениями, в обуздании телесных чувств и чрева, в смиренной молитве, в частой исповеди. Иоанн Лествичник писал, что Душа, зная, что она обязана исповедовать свои грехи, этой самой мыслью, как бы уздой, удерживается от повторения прежних согрешений.

Святитель Игнатий Брянчанинов утверждал: «Нет греха, который бы устоял против лица покаяния. Покаянием очищается, изглаживается всякий грех» [13]. В Евангелии от Марка сказано: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие. Покайтесь и веруйте в Евангелие» (Мк. 1, 15). Это были первые слова проповеди Христа.

В покаянии как лингвотеологическом феномене можно выделить три момента: 1. Испытание совести. 2. Сокрушение сердца. 3. Словесное исповедание своих грехов. Отсюда следует, что покаяние теснейшим образом связано с грехом, любовью, милосердием, совестью, благодатью, смирением, прощением грехов и т.д. Гармония здесь не в отсутствии противоположностей, а в их равновесии.

Таким образом, особенно ярко сущность **покаяния** проявляется при реконструкции духовных ценностей (*грех, стыд, вина* и др.), концептов (*сожаление, совесть, нравственность*), которые, в свою очередь, становятся ядром жанров, и в этом проявляется их интегративность. Исследования покаяния с позиции современной лингвистики (во всех ее ипостасях) имеет большой «эвристический ресурс»: расширение предметной области жанра и лингвоконцепта может идти по пути изучения междискурсной, межконцептуальной, речежанровой и идиостилевой вариативности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аleshковский П. Перемена сознания // «Русский репортер», № 1 (1), 17–24 мая 2007.

2. Колесов В. В. и др. Словарь русской ментальности. СПб. : Златоуст, 2014. 1184 с.

3. Dance F., Larson C. *The Functions of Human Communication : A Theoretical Approach*. N. Y. : Holt, Rinehart & Winston, 1976. 206 p.

4. Красных В. В. Жанры речи сквозь призму многомерности бытия человека говорящего // *Жанры речи*. 2015. №1(11). С. 9–14.

5. Стернин И. А., Ларина Т. В., Стернина М. А. *Очерк английского коммуникативного поведения*. Воронеж : Истоки, 2003. 184 с.

6. Арутюнова Н. Д. *Язык и мир человека*. М. : Языки русской культуры, 1998. 895 с.

7. Лассан Э. «Прощание – скорбное слово», прощание – жанр, концепт – речевой акт? // *Вестник РУДН, сер. Лингвистика*. 2015. №3. С. 7–22.

8. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. *Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х начала 1960-х годов*. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.

9. Wierzbicka A. Akty i gatunki mowy w różnych językach i kulturach // *Język – umysł – kultura*. Warszawa : Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999. S. 228–269.

10. Войтак М. Генология обиходных текстов // *Жанры речи*. 2015. №1(11). С. 38–50.

11. Сх. Савва. *Плоды истинного покаяния*. М. : Неугасимая лампада, 2016. 64 с.

12. Медиоланский А. *О Покаянии*. М. : Сибирская Благозвонница, 2013. 160 с.

13. Святитель Игнатий Брянчанинов. *Собрание творений в шести томах / Репринт. изд. Том IV. Аскетическая проповедь*. М. : Правило веры : Дон. монастырь, 1993. 541 с.

REFERENCES

1. Aleshkovskiy P. *Peremena soznaniya* [The change of consciousness]. *Russkiy reporter* [Russian reporter], no. 1 (1), 17–24 May 2007.

2. Kolesov V. V. et al. *Slovar' russkoy mental'nosti* [The dictionary of Russian mentality]. St.-Petersburg, 2014. 1184 p.

3. Dance F., Larson C. *The Functions of Human Communication: A Theoretical Approach*. New York, 1976. 206 p.

4. Krasnykh V. V. *Zhanry rechi skvoz' prizmu mnogomernosti bytiya cheloveka govoryashchego* [Speech Genres through the Prism of the Multidimensionality of Homo Loquens]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 1 (11), pp. 9–14.

5. Sternin I. A., Larina T. V., Sternina M. A. *Ocherk angliyskogo kommunikativnogo povedeniya* [A study of English communicative behavior]. Voronezh, 2003. 184 p.

6. Arutyunova N. D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and the world of the human]. Moscow, 1998. 895 p.

7. Lissan E. «Proshchaniye – skorbnoye slovo», proshchaniye – zhanr, kontsept – rechevoy akt? [Fare-

well – a sorrowful word (farewell – a genre, a concept, a speech act?). *Vestnik RUDN, ser. Lingvistika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia]. 2015, no. 3, pp.7–22.

8. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov. [Problem of speech genres]. M. M. Bakhtin. *Sobraniye sochineniy: v 5 t. T. 5. Raboty 1940 – nachala 1960-kh godov* [Works. Vol. 5. Works of 1940 – beginning of 1960]. Moscow, 1996, pp. 159–206.

9. Wierzbicka A. Akty i gatunki mowy w różnych językach i kulturach. *Język – umysł – kultura*. Warszawa, 1999, pp. 228–269.

10. Wojtak M. Genealogiya obikhodnykh tekstov [Genealogy of usual texts]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 1 (11), pp. 38–50.

11. St. Savva. *Plody istinnogo pokayaniya* [The fruits of true repentance]. Moscow, 2016. 64 p.

12. Mediolanskiy A. *O Pokayanii* [About repentance]. Moscow, 2013. 160 p.

13. St. Ignatius Bryanchaninov. *Sobraniye tvoreniy v shesti tomakh. Tom IV. Asketicheskaya propoved'* [Collected works in six volumes. Vol. IV. The ascetic sermon]. Moscow, 1993. 541 p.

Статья поступила в редакцию 6.06.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Маслова В. А. Покаяние : жизнь человека, деятельностный концепт или жанр? // *Жанры речи*. 2016. №1. С. 94–99. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-94-99.

FOR CITING

Maslova V. A. Repentance: human life, activity concept or genre? *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 94–99. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-94-99. (in Russian).

УДК 811.161.1'27'38

ББК 81.2Рус-67

DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-100-112

В. К. Харченко
Белгород, РоссияV. K. Kharchenko
Belgorod, Russia**БОЛЬНИЧНЫЙ ДИСКУРС:
НАРРАТИВЫ, РЕПЛИКИ, ДИАЛОГИ****HOSPITAL DISCOURSE:
NARRATIVES, REMARKS, DIALOGS**

Аннотация. Исследование осуществлено на основе личных наблюдений и записей автора в период пребывания в хирургическом отделении городской больницы с 21 ноября по 4 декабря 2015 г. Преимущественно берутся следующие пары коммуникантов: врач – пациент, медсестра – пациент, медсестра – медсестра, пациент – родственник, пациент – пациент. В статье рассматриваются проблемы интероцепции, вслед за разработчиком теории интероцепции (на материале англоязычной художественной прозы) А. В. Нагорной. В центре внимания автора концепт «боль», актуальный для изучения больничного дискурса. Подчеркивается важность сбережения стёртых метафор. Исследуются особенности использования доменов: тело как дом, тело как механизм и др. Анализируются больничные нарративы и больничный хронотоп, образность и экспрессия реплик и диалогов, больничные юмор, диминутивы и значимые отсутствия.

Ключевые слова: дискурс, больница, пациент, реплика, диалог, нарратив, тело, интероцепция, экспрессия, черный юмор.

Abstract. The research is based on personal observations made while staying in municipal hospital and notes taken at the surgery of the mentioned hospital from November, 21 till December, 4 of 2015. The focus is on the following pairs of communicators: the doctor – the patient, the nurse – the patient, the nurse – the nurse, the patient – the family member, the patient – the patient. The article deals with a problem of interception, following A.V. Nagornaya, who based her research on English literary texts. The author focuses on the concepts of pain for studying hospital discourse. The importance of preserving felicitous ancient metaphors is stressed. The article deals with the use of domains: the body as house, the body as device etc. Hospital narratives and hospital chronotope, and expression of remarks and dialogs, hospital humor, diminutives and «significant absence» are under study.

Key words: discourse, hospital, patient, remark, dialog, narrative, body, interception, expression, black humor.

Сведения об авторе: Харченко Вера Константиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии.

Место работы: Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

E-mail: wera_kharchenko@mail.ru

About the author: Kharchenko Vera Konstantinovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the Philology

Place of employment: Belgorod National Research University.

Введение

Больничный дискурс издавна становился предметом художественного отражения. Известны имена писателей, посвятивших свои опыты проблематике той или иной болезни, пребыванию героя произведения в больнице, его переживаниям за диагноз. Этот классический материал детально исследован в монографии К. А. Богданова «Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII-XIX вв.» [1]. Последующие XX и первые десятилетия XXI века также подарили отечественному социуму немало произведений, в которых художественно проработан тематический блок болезни, диагноза, больницы. Это повести,

подчас относимые авторами к более престижному жанру романов: «На что жалуетесь, доктор?» Ю. Крелина (хирургия), «Болезнь» В. С. Ивановой (поликистоз и процедура пожизненного гемодиализа), «Перелом» И. Грековой (будни травматологического отделения), «Делос» Сухановой (родильное отделение), «Меня зовут женщина» М. Арбатовой (абортарий), «Небесная неотложка» Ю. Жидкова (больница в глухой провинции, санавиация), «Бессмертная Варька» А. Мелихова (будни хосписа). Выделился специфический блок текстов онкологической тематики: «Раковый корпус» А. И. Солженицына, «Приговор» В. А. Солоухина, «Высокая вода венецианцев» Д. И. Рубиной, «По-

жар» Е. Михайловой, «Мара & Марик» Т. Янковской – что позволяет говорить об онкологическом дискурсе в режиме художественного его отражения. Выдающимся произведением последнего периода является удостоенный премии роман Е. Водолазкина «Лавр» о судьбе средневекового врача, неоднократно противостоявшего «мору». Ещё больше представлено современных художественных произведений, где болезнь сюжетобразующим феноменом не является, однако вплетена в повествование как значимый или даже роковой эпизод: «Затмение Марса» С. Н. Есина (дифтерит у ребёнка), «Хутор» Марины Палей (отравление девочки), «Докторская колбаса» Ю. Шубика (врач-альпинист сталкивается с обострением болезни при подъёме в горы). Мы перечислили лишь вершину айсберга художественной литературы заявленной направленности, чтобы и на таком (не малочисленном!) перечне показать, что больничный дискурс можно исследовать в зеркале художественного слова. В отечественной лингвистике такое направление исследований успешно реализуется. Так, Е. А. Пономаренко в докторской диссертации представлена весьма основательная концепция речевых жанров медицинского дискурса, сформировавшаяся на материале произведений писателей-врачей XIX и XX вв.: А. Чехова, В. Вересаева, М. Булгакова, Ф. Углова, Ю. Крелина и Н. Амосова [2 ; 3 : 117–121].

Разумеется, набирают обороты лингвистические исследования таких концептов, как БОЛЬ, БОЛЕЗНЬ, БОЛЬНИЦА, при этом авторами делается упор помимо контекстов из художественных произведений на свидетельстве национального паремического фонда, причём нередко с учётом альтернативы здоровья и с проекцией на иные культуры. Отдавая должное состоявшимся исследованиям, усомнимся, насколько репрезентативно сейчас обращение, например, к пословицам, большинство которых современниками соотечественниками практически не используется. *Где красиво, там глаза, где больно – там рука. Болезнь нас не спрашивает. Боль врача ищет. Болезнь приходит пудами, уходит золотниками. Битая посуда два века живёт.*

Вместе с тем ежегодные эпидемии, состояние здоровья, сокращение продолжительности жизни, диагнозы, лекарства, процедуры и прочие составляющие больничного дискурса требуют повышенного внимания специалистов самых различных областей

знания, с одной стороны. А с другой – исследование разговорной речи не может ограничиваться высказываниями «здоровых говорящих», оно должно проникать и в иные дискурсивные практики, в том числе в больничный дискурс.

Материал исследования

Собственно, само название статьи: нарративы, реплики, диалоги – отражает не идею (гипотезу) исследования, а сам материал с его подразделением по содержанию. Показательно, что в больничном общении значимость реплики в устах, например, медсестры может превышать значимость нарратива в устах рядом лежащего. Лингвист, оказавшись на больничной койке, вынужденно сталкивается с новым для себя объектом исследования, материалом, который существенно отличается от типичных художественных отражений. Так, Т. Б. Щепанская отслеживала родовый дискурс, что представлено в серии публикаций, в частности в [4 : 236–265]. Материал, сосредоточенный в данной статье, почерпнут нами в период двухнедельного пребывания (21.11.2015 – 04.12.2015) в хирургическом отделении Первой городской больницы г. Белгорода. Положение прооперированного (кроссэктомия под местной анестезией, восходящий варикотромбофлебит) позволяло «сослушивать» и фиксировать услышанное: реплики, диалоги, нарративы соседей по палате, медсестёр, санитарок, врачей, родственников больных. Приоритет отдавался точности записи, по памяти мало что воспроизводилось, хотя ранее приобретённый навык исследования разговорной речи [5] не мог не способствовать запоминанию реплик при условии последующей их записи. Несмотря на полностью исписанные блокноты, мы не могли избавиться от «субъектной» асимметрии. Диалоги в парах: врач – врач, медсестра – санитарка, родственник – родственник и нек.др. – оставались за семью печатями. Превалировали другие субъектные пары, а именно: пациент – пациент, врач – пациент, медсестра – пациент, медсестра – медсестра, санитарка (она же раздатчица в столовой) – пациент. «Случайные» респонденты были разных возрастов с явным преобладанием лиц 60-80 л. Профессиональная привязка пациентов также была различной: пенсионерка, в прошлом сестра-хозяйка профилактория на Чукотке, воспитательница детского сада, бывшая мед-

сестра, сотрудница таможни, зав. складом, бухгалтер, пенсионерка, в прошлом товаровед, зам.директора райторгбазы. Для нескольких человек род занятий остался невыясненным.

В отношении материала главный вопрос заключался в следующем: насколько валидна картотека записей больничного хронотопа «объёмом» в две недели отслеживания, при том что зафиксировать «всё» было практически невозможно. В своё оправдание скажем, что, во-первых, мы уповали на точность и плотность записей, что при пустотном времени и закрытом пространстве соблюсти было несложно. А во-вторых, уже позднее интерпретируя собранное, мы уповали на методологическую мысль о том, что современная лингвистика и может, и должна работать в режиме самого разного масштабирования. Лингвистика может и должна распространять свой анализ не только на диссипативные тысячные (а с привлечением РНК и миллионные!) величины, но и на малообъёмные, но предельно концентрированные, плотные авторские картотеки. Признаемся и в одном личном выигрыше: наблюдателю и участнику лечебных процессов привычка улавливать и фиксировать, избранная позиция антенны и принтера помогала выдерживать долгие боли от полифлебита, отягощённого ранее не леченным диабетом.

Больничные нарративы и больничный хронотоп

В известной триаде типов текста: повествование, описание, рассуждение – повествования, или нарративы всё более привлекают внимание исследователей [6]. В нашем случае не обошлось без повествований и пребывания на больничной койке. Правда, комментируя записи, мы выявляем и некоторые противоречия, весьма характерные для больничного нарратива. Первое противоречие касается хронотопа повествования. Термин «хронотоп» традиционно применяют при описании фольклорных и художественных текстов, однако непосредственное отношение он имеет и к акустической, изустной культуре и, в частности, к больничной нарратологии. Итак, с одной стороны, говорящие (пациенты) ностальгируют ПО ДАВНО ПРОШЕДШЕМУ, вспоминая события давних лет, что отчасти объясняется солидным возрастом респондентов.

[В больничной палате женщина лет 70 вспоминает:] *Внучка спрашивает: а сколько машин было*

на свадьбе. Я смеюсь: одни дрожки. Сегодня праздник архангела Михаила. Я в этот день кончила отмечать свадьбу! Раньше неделю и больше! Сейчас в столовую сходят, и всё! А раньше сначала сундук везут, потом застолье, напиваются, и в воскресенье, и в понедельник, и во вторник. А потом по гостям... (21.11.2015).

[Женщина 80 л. вспоминает Чукотку, где работала:] *Там люди другие! Там как брат и сестра! У тебя есть, нет? На! И сын говорит: там лучше. Он нервный стал. А на Чукотке? 18 человек ко мне приходили – я лежала! А здесь никто! Я ж и шила им, и сидела когда, я такой человек беззлобный. <...> Совсем другие люди, поверчивые (sic!) все. А сюда приехали – совсем другие люди. Как куркули. Закрытые все!*. (24.11.2015).

[Женщина 76 л. вспоминает детство в Казахстане:] *Шевле Василий Михайлович! Как он интересно рассказывал! Я из-за него полюбила литературу, полюбила писать сочинения. Он ни разу в книжку не заглядывал, ходил по классу и рассказывал всё наизусть. Маленький, худенький, седенький. И историю вёл, и географию. А русский язык потом другая вела. Мама у меня неграмотная, даже расписаться не могла. Работала в сельпо, я её и не видела! И грузчиком, и продавцом, и учётицей. Жили в комнатушке в Южном Казахстане. Дверь сразу на улицу. Вместо света – фитилёк. А я читала запоем. В школе была библиотека. Я всю библиотеку прочтала, никто не заставлял. Но я была очень впечатлительная. Книгу прочту – и живу в ней. А ему (Шевле) из Москвы присылали посылки с книгами. Я одна была у мамы. А она сама дочь «кулака» (Столыпинское переселение?). Школа была строгая... <...> Этого Шевле Сталин заслал туда. Он там и помер. Приезжал сын, похоронил его в казахстанских степях. Семилетку мы с ним закончили. Я в 5 классе читала уже «Жизнь» Мопассана. Положу сверху тетрадь по математике. Книжки (в библиотеке) замызганные были, старые* (28.11.2015).

С другой стороны, толчком к возникновению больничного нарратива уже безотносительно к возрасту говорящих становится ТОЛЬКО ЧТО ПРОШЕДШЕЕ: события, приведшие если не к операции, то к госпитализации. Не случайно нарративная часть нередко и начинается с глаголов *начать (начаться), стать*.

[Женщина 80 л. о соседях:] *Адские боли! Каталась по полу. Сбежались все. Что делать? Что делать? Полис забыла...* (23.11.2015). [Медсестра знакомой под капельницей:] *А в палате женщину прооперировали. Такой бульжник в мочевом пузыре (светла большой и указательный палец в кольцо). Она в областной: всё нормально. А ей хуже! А*

здесь неделю подлечили, острый панкреатит ставили, ещё и сахар подскочил. А потом операция (25.11.2015). [В палате:] **Начались боли в желудке, а оказалось: по наследству поликистоз печени и почек. Зонд очень больно один делает...** (01.12.2015). [Под капельницей:] **Я не знала, что у меня сахар. Стало печь ноги. Не дай Бог! Я дотронушь пальчиками до табуретки – тогда всё. И мужу кричу: не дотрагивайся!** (24.11.2015). [В коридоре женщина 74 л.:] **У меня тромб в лёгочной артерии. Начинает повышаться давление. Такая боль! Я говорю дочке: вызывай скорую! Меня сюда. Но пока все анализы... А капельницу поставили – легче стало...** (26.11.2015).

Приведённый блок пролонгированных высказываний, приближающихся к нарративам, раскрывает общую тематическую привязку больничных повествований: болезнь, предшествующие недомогания. Здесь срывает презумпция сочувствия слушающих. Когда вопрос об операции ещё не решён, тема боли актуализирует и иные повествования, как в следующем примере.

[В палате женщины 56 и 78 л. из пригорода:] **Я кур и гусей попоптрашивала... А баба так плакала, когда козу резали. У неё внук родился, а коза почти по литру давала. А траву подожгли, а коза была привязана, и вымя всё обгорело! Так жалко! Зачем привязывали? А те или не видели, что там коза пасётся?** (21.11.2015).

Особый для повседневного общения, но типично больничный нарратив связан с концептом **ЧУДОДЕЙСТВЕННОГО ВЫЗДОРОВЛЕНИЯ**, причём фиксируется он у посетителей, знакомых пациентов. Сами больные в этом отношении более сдержанны.

[Посетительница 54 л.:] **Кто-то лежал в больнице, рассказывал. А рядом – с раком горла. И случайно взял стакан и вытил перекись. Все в ужасе. А у него и рак прошёл, а то ел через трубочку! И живёт уже 19 лет <...> Говорит Авдеева, подруга Иры. Тромб в голове. А только сын родился. Как жить? А недавно видела издали – жива-здоровая! А 25 лет прошло! <...> Врач ему (брату, снимая гипс): вы должны связать два свитера. Да я не умею! Но связал – и чудо! Рука, действительно, стала как здоровая!** (23.11.2015).

В больничных нарративах наблюдаются **следы речевых жанров**, таких как сентенция и разговор по душам. Сентенцией может завершаться рассказ: **«В общем, дурят нашу страну, милень!»** (25.11.2015). И наоборот: развёрнутые сентенции для убе-

дительности нередко сопровождаются или завершаются нарративами, как в следующем примере.

[Женщина 76 л.:] **Когда скорую вызывали, врач сказал, то ноги долго на подушках нельзя, так как повышается давление. Я вечерами около часу хожу около университета и зарядку делаю. Довольно сложные упражнения. А теперь заново надо начинать. Мальчишек заставляю делать зарядку – не хотят. Но утром я заставляю одного на роликах, другого на велосипеде. Но Глебу ролики не нравятся – он на скейте! Кирилла отдали в секцию каратэ, и сейчас как-то вырисовывается фигурка такая крепенькая. А был щупленький. Зарядка. Я специально для себя придумывала, а время я не засекаю. Во всяком случае, то, что я делаю, дети моложе меня – они сделать не могут. Это у меня пристрастие с самого детства. Мною никто не занимался, не было такой возможности. Была худенькая, как тростиночка, гибкая. Вот сделать мостик и подняться я уже двоих детей родила, а могла подняться! Единственное, что не могла, – это шпагат. Когда взрослее стала, стало «полуполучаться», но мне не понравилось что-то, я не стала делать. А дети мои выросли, никто не занимается этим делом. А зарядку только утром. Я встаю рано всегда, оботреть, все эти процедуры гигиенические сделаю...** (02.12.2015).

Именно в сентенциях просвечивает актуальный для больницы концепт СМЕРТЬ.

[Невестка о свекрови 80 л. с болезнью Альцгеймера:] **Да что, она лежит, она вообще никакая! Кости одни. А подумают, что я её не кормлю. А ест больше, чем мужчины с животами. Там дырка в кишках** (25.11.2015). [Врач сначала родственнице, потом другой пациентке:] **А мы ничего такого не делаем. Она может умереть на столе. 80 лет – это не 18. А нас так за это ругают! <...> В 19-м веке был такой доктор Кохер. У него была концепция: этого я могу спасти, а этого нет! А сейчас 21-й век. А мы...** (25.11.2015). [В коридоре разговор женщины 80 л. и мужчины о его друге 60 л.:] **Бандаж купите! – Да не хочет он бандаж. Если увидят на работе, что он с бандажом, – сразу уволят. – А так всё равно смерть!** (25.11.2015).

Если в речи больных сентенции актуализированы переживаниями страха, боли, непривычной слабости, то в речи медперсонала сентенции опираются на импликационал профессионального опыта.

[В палате женщины из пригорода:] **У меня соседка, у её муж водитель. Она говорит: ни в коем случае нельзя о плохом! Сами нагнетаем. Вот, говорит, кружку воды наберу, переkreщу и вслед ему плесну. И иду свои дела делать** (21.11.2015). [В

палате:] *Как на пенсию пойдёшь – всё! Рассыпается, рассыпается. Пока работаешь – ещё ничего! – Да, энтузиазм какой-то. – А если пенсия и ещё дома, то всё... (22.11.2015). [Больная:] Да, терпеть надо. Бабушка говорит: чем мы лучше? (23.11.2015). [В палате пациент и санитарка:] Ну на ночь я кефирчика вытью! – Ну, не знаю. На ночь лучше не экспериментировать. – Ну там такая диета при остром панкреатите... (25.11.2015).*

Что касается разговора по душам, то тут тоже не обходится без некоторых противоречий. С одной стороны, новые условия, отдаление от семьи, от привычной жизни и особенность русского национального менталитета, отражённая в сентенции *Русское сердце любит делиться!* – провоцируют большую открытость. Как сказала автору соседка по палате: *Милюн, чужим можно всё говорить! Своим – нет!* (24.11.2015). Однако, с другой стороны, непрекращающиеся боли, тревожность диагноза, сомнения в эффективности лечения препятствуют душевным движениям и замыкают уста. Не способствует этому и быстрая сменяемость соседей по палате (неделя, от силы десять дней – и выписка), поскольку в так называемые urgentные дни приток поступивших исчисляется десятками. [Пациентка и медсестра:] *Много у вас? В понедельник было 78, а сейчас 100. У нас же очень большое отделение, скучать не приходится. Хорошо, что тяжёлых нет* (27.11.2015).

Повсеместное использование сотовой связи не позволяет больному надолго отрываться от проблем семьи и более плотно общаться с окружающими (кстати, некоторые записи в нашей картотеке состоялись исключительно благодаря «мобильникам!»). Однако ситуация больницы побуждает осмысливать главное, взглянуть по-новому на ценность семьи и, несмотря на боли и внутренние страхи и скорби, о семье и рассказывать.

В своей концепции В. В. Дементьев выстраивает систему параметров разговора по душам, выделяя важнейшие смысловые компоненты РпД. На первое место вынесен следующий признак: это «разговор о важном, даже главном, когда говорящий открыто, охотно, в полном объеме делится с собеседником важной для себя информацией» [7 : 18]. Непродолжительность пребывания на больничной койке, случайность знакомства, наличие не одного слушателя, а целой палаты слушателей – всё это ограничивает больничные РпД, однако наиважнейшая тема семьи, тем не менее, подчас

весьма способствует доверительному общению, несмотря на весь спектр отмеченных осложнений.

[В палате:] *Кирилл он худенький. А Глеб он первенький, он рослый, при теле. Глеб немного, как сказать, с хитрецей. А Кирюша он простоват, он маме помогает, салат сделает. Как челночок бегаёт. Так что двойняшки, но они разные. У нас папы нету, а к маме они оба близки. Мы их не разделяем, два воробушка наши... <...> А Глеб и Кирилл, как пообедают, сразу за уроки. Ко мне подходят, рассказывают по истории, стихи, что задали. «Бабушка, как?» Да ты знаешь, пока не очень. «Ладно, я ещё поучу!» Так привыкли. Мы с Ирой уговариваем: отдохните полчаса, порисуйте! Нет, сначала уроки! Но школа не строгая... (28.11.2015). Я же старой закалки: как это, безотцовщина?! Но говорю: рожай, поднимем. А когда сказали, что двойня, два мальчика, я говорю: ну и хорошо! Все наши будут! Я снег чищу, на санях дети – Дятченко (бывший ректор, выделивший квартиру) обязательно подойдёт, поговорит. Простой был (29.11.2015).*

Применительно к больничному дискурсу весьма значима принципиально новая идея В. В. Дементьева о метафорических значениях разговора по душам на основе «непрямых» / несобственных употреблений [7 : 17]. Для больничного РпД это, во-первых, адресация к «чужому», малознакомому лицу; во-вторых, монологичность «разговора»: при непосредственном контакте от собеседника ожидается всего лишь понимание и сочувствие, а не ответные монологи о его семье; наконец, в-третьих, это дистанционность общения с родственниками, использование сотовой связи для РпД.

[Женщина во время тихого часа отцу невестки по сотовому:] *Ну, я их и не бачу, они – мэнэ! Сват, не смеши людей! Кто сейчас кого понимает? Твои дюже к тебе бегают? Вот когда заколотило, старый хрыщ, вот и не нужен! Не плачь, сват, раз уж пережил операцию, то будем надеяться на лучшее. Сейчас здоровых людей немало никого, у каждого что-то болит. А какой секрет? 67! Бачишь? Да, конечно, если б была ходяца, она бигала б! А оно одно за одно цепляется, сколько она? Годов семь уже не ходит. Чего нельзя? Сейчас все разговаривают. Сейчас у всех есть телефоны, все разговаривают. Спасибо, сват. Буду выздоравливать. Бабе Вере приветы (27.11.2015).*

В свете идеи метафоричности РпД, мы отмечаем в больнице не «следы» РпД, как первоначально предполагалось, а присутствие в больничном дискурсе исповедально-го жанра. Как одна из форм внутрибольнич-

ного общения «разговор по душам» метафорически приобретает черты исповеди. Косвенным подтверждением этому является не столько продолжительность монолога, сколько его откровенность и внутрисемейная злободневность.

[В палате о внуке:] *И она пришла. Ну, нормальная. На мордышку! Но! У неё две девки. Игорь ругает: давай женись! А куда жениться: две девки! И я её выгнала, а потом началось! То Наташка, то Таташка. Славка тогда меня ещё боялся...* (25.11.2015).

Категория хронотопа предполагает равновесный учёт взаимодействия времени и пространства. Пространство больницы (а хирургическое отделение, пожалуй, ярче других отделений олицетворяет больничную жизнь!) – это полное отрешение от привычных звуков, картин, запахов, температур. Пациенты погружены в новую жизнь, как в космос. Здесь «безмолвие» привычного, с одной стороны, и укрупнение реального времени и реального пространства, с другой. Отсюда особый строй реплик и диалогов.

Больничные реплики и диалоги

Лечение, тем более оперативное, не позволяет витать в облаках. И первое, что лингвисту бросается в глаза, точнее в уши, – это особый синтаксис построения высказываний, а именно: преобладание, преваширование, обилие побудительных и ситуативно неполных предложений. На уровне лексических средств дают о себе знать семантические стяжения, конденсаты и метонимические замены. Причём говорится всё это с интонацией, явно не допускающей разглагольствования.

[Врач о капельнице:] *Света, ты сооруди сток нормальный, чтоб не перекручивалось* (23.11.2015). [Медсестра и мужчина лет 50 в коридоре:] *И моча, и кровь – это всё завтра. – Можно спать спокойно?* (25.11.2015). [В палате перед капельницей:] *Свет включи? – Нет, всё видно! У неё ж не в вену будут колоть, а в «бабочку»* (25.11.2015). [Раздатчица медсестре:] *Один у меня ещё не обедал по девятому столу!* (01.12.2015). [Медсестра:] *В процедурке...* (о процедурном кабинете) (24.11.15). [Медсестра:] *Печать поставить! Может, на приёмке? Давай я схожу!* (23.11.15). [Медсестра больному, потом практикантам:] *Мне завтра! нужна! ксерокопия полиса! Девочки, уйдите в «переливание»!* (24.11.15).

Кстати, сами больные подчас начинают копировать телеграфный стиль врачебных и

сестринских реплик – он подчас проецируется и на общение по сотовой связи.

[Пожилая женщина:] *У нас на Харьковской горе врач, ехал на работу, а трюб оторвался, и всё!* (23.11.15). [В палате:] *Она из Харькова приехала, мама, и остановку переехала. Выскочила: бабах! и под колёса. Перелом шейки бедра* (24.11.15). [Дочери по телефону:] *УЗИ сделали – ничего там не понятно, что написано. Я отнесла (врачу). Читал он, не читал?* (22.11.2015).

Если сотовый телефон – веяние времени, то устойчивым к изменениям оказалось по-прежнему типичное для врачебного общения употребление 1 лица мн.ч. при обращении к пациенту. Врачебная модель «мы» (в значении «она», «он») копируется родственниками, ухаживающими за больным.

[Дежурный врач:] *Так, как дела у нас? Обезбавиться на ночь надо?* (22.11.15). [Медсестра прооперированному:] *Давайте, давайте, побыстрому. Не перекадываемся, а просто передвигаемся. Вот всё! Полотенце свалилось* (22.11.15). [Медсестра:] *Что вокруг шеи намотано? Это крестик. Да никто его не возьмёт! Сегодня людей много! Лежим! Вот умничка!* (23.11.15). [Раздатчица:] *На ужин идём! На ужин!* (01.12.2015). [Невестка о свекрови 80 л.:] *А что за болезнь? – Болезнь Альцгеймера. Она не помнит, сколько ей лет. Заслуженная учительница математики. – А если мочиться захочет? – А мы в памперсе!* (25.11.15).

Больничные реплики содержат щедрый материал по актуальному членению предложений («профессиональным» инверсиям), а также по обозначениям пациентов как непосредственно (обращения), так и «за глаза». Во избежание путаницы весьма частотным оказывается обращение и именование пациента по фамилии. В момент знакомства и перед выпиской, вынося вердикт, врач обращается по имени-отчеству, но чувствуется, что и для него это скорее исключение, нежели правило. Из-за частой сменяемости пациентов и острого дефицита времени общения это весьма неудобно. Медсестры и санитарки при обращениях и именовании весьма часто используют семейные аналоги: *бабуля, дедуля, ба*, а в ответ иногда звучит: *доча*. Нарушение такой больничной традиции может вызвать комический эффект: [Раздатчица и медсестра:] *В 13-й там бабушка дедушку кормит. – Это не бабушка дедушку, а профессор профессора!* (смеются) (29.11.2015).

[Медсестра:] Харченко, антибиотик! (29.11.2015). [Медсестра:] Тоцкий! 11-я палата! – Зайду! (24.11.15). [Врач во время обхода:] Люда, напиши перевязку со мной! (28.121.2015). [Санитарка:] Из холодильника продукты, если есть, заберите! Я размораживать буду! (29.11.2015). [Медсестра:] Градусник не брали, девочки, нет? Сейчас (померяем) (23.11.15). [Медсестра:] Бабушку уложите. Ей капельницу! Она не лежит... (23.11.15). [Медсестра:] Галина Дмитриевна! Возьмите анализ её общий! (23.11.15). [Врач:] Тебе ж больничный нужен? Ты же работаешь. Больничный – по сегодню, а завтра – к труду! (30.11.15).

Интероцепция в репликах, диалогах и нарративах

Вслед за отечественными и зарубежными учеными под интероцепцией мы понимаем внутрителесные ощущения, свойства которых могут быть описаны как единство пяти «не»: ненаблюдаемость, нестабильность, неконтролируемость, неverifiedируемость и неразделимость [8 : 12]. Особое место в больничном дискурсе, естественно, занимает язык боли как сигнала о разыгравшихся, подчас роковых внутрителесных событиях. Впрочем, и другие проявления недомоганий: головокружение, сухость во рту, тошнота, жжение, зуд – занимают приоритетное место в тематике больничного общения.

[В палате женщина 67 л. советует соседке 77 л.:] Чего вы? Не стесняйтесь! Чего ж мучаться будете! При полной больнице врачей! Цэ ж позор! Скажи, что у меня невралгия, сегодня весь день боль адская. – Давайте я пойду! – Да она быстрее сбегает, а то я боюсь: до обеда не вытерплю. Межрёберная невралгия, стрелы прямо пронизывают, а нога – это сопутствующее... <...> Подействовал укол? – Подействовал. Там где-то в глубине отдаётся, а острой боли нет. Надо было раньше. А я терпела! – А чего ж терпеть? Это ж больница! – Да не хотела! У них и так много работы. Стеснительный я человек, это очень плохо! (27.11.2015). [По сотовому телефону дочери во время тихого часа:] Ой! Слушай, Ирина, ты ж не представляешь, какая у меня боль была ночью и утром. Я каталась, хорошо, что с матраса не упала. Это не передать! (28.11.2015). [В палате:] Во рту сохнет, тошнит ужасно. И так хочется чего-то жевнуть... (23.11.2015). [Соседке по палате:] Тошило? – Я чувствовала: рвота идёт, идёт рвота, но не тошило (23.11.2015). [Под капельницей:] Я сама регулирую! Вчера как пустила струйно, меня затошило сразу! (23.11.2015). [В палате, отходя от раковины:] Они зонд толкали, всё попрыгивали там... кровит. А кому скажешь? Я смочила, а оно через минуту пересыхает...

(23.11.2015). [Молодая женщина по сотовому об аппендиците:] Всё, мам, давай, не будем причитать. Хоть ты меня пожалей. Ты плохо причитаешь. Он чешется, этот шрам, хочешь почесать – и не могу (30.11.2015).

При изучении аналоговых моделей интероцепции зарубежные учёные выделяют целый ряд выразительных проекций. Тело – дом, тело – механизм, тело – биологический организм, тело – социум, тело – компаньон [8 : 95–112].

Применительно к больничному дискурсу проекцию **тело как дом** (вместилище, хранилище) можно проиллюстрировать такими высказываниями, как:

[Соседке по палате:] Константиновна, знаешь, как больно ходить, когда кишечник натуженный! Ни пол не помыть, ни сварить... (25.11.2015). [В палате:] Валентина Ивановна, а как укол сделали, когда вам легче становится? – Да ещё нелегко. Ой, не знаю! Иногда укол сделают – она уходит куда-то, а сейчас ещё «работает» (28.11.2015).

Осознание тела как дома, вместилища вызывает в ситуациях сильнейшей боли желание избавиться от того, что внутри.

[В палате:] Ой, как болит! Как боли-ит. Хочется нож взять и рассечь, вынуть там всё. А иногда ничего, отпускает. И ночью может этот приступ, и днём. Плохо стареть... (21.11.2015).

Восприятие **тела как механизма** отражено в репликах: [Женщина 77 л.:] Сердце. А как стрелы стреляет. <...> Она такая ноющая, тяжёлая боль. От неё и повернуться нельзя (28.11.2015). [Новенькая в палате 56 л.:] Артерии мне надо протолкнуть, ноги мёрзнут. – Ноги? – И ноги, и спина, и (показывает на руки) <...> Ноги-подшвы как приклеенные. Тяжесть в ногах. Вена-рус пошла... (03.12.2015).

Проекцию **тело – биологический организм** отражают реплики:

[Больная о грыже:] Ой, повылазила опять! Горит вся... (23.11.2015). [В палате:] Что, что это? Хватает тошнота меня. В обед тошило... (23.11.2015). [В палате по сотовому телефону:] Помнишь, я тебе начала говорить, тогда ещё сердце начало отдавать. Мне в поликлинике сказали: у вас здесь ещё, здесь. В общем, она сказала, что это хондроз, вот он и взял своё! (28.11.2015).

Проекция **тело – социум** с его иерархией, административным центром отражена в высказываниях:

[Медсёстры:] *Аппендицит был огромный, королевский!* (29.11.2015). [Больная и медсестра:] *В час ночи привезли. Приступ. Есть хочется, желудок не выдержит. – Желудок всё выдержит, а вот организм... Три дня поголодаете – стройнее будете!* (26.11.2015). [Женщина лет 35 в коридоре:] *Он говорит: это аллергия? А я знаю? Но у меня дыхание не прихватывало. Она говорила: это такая болезнь, её до конца жизни не узнаешь! А мне приходится крутиться, как челнок в станке ткацком* (30.11.2015).

Однако больше всего примеров наряду с «домом» даёт проекция **тело как компаньон**.

[Соседке по палате:] *Постирать надо, сварить. А у меня руки не работают, режут прямо...* (23.11.2015). [Под капельницей женщина лет 65:] *Слабеют ноги. Они ж у меня, как связанные были. А то расслабит – опять, расслабит – опять сахар. В три ночи 3 был, потом – 7, а то 14!* (23.11.2015). [В палате утром:] *Как у вас, болит? – Можно жить! Оно уже всё болит!* (28.11.2015). [В коридоре:] *Ну, как? – Вот иду, вот досюда живёт шевелится, а дальше изморозь какая-то по телу. – А вы свечку ставили, что я дала?* (30.11.2015). [В палате:] *Чулки и бинты эластичные надо надевать! Бинтовать надо лёжа, задрать ногу и нежно разглаживать вниз. Потому что когда ты ногу поднимаешь, вены расправляются и кровь идёт туда, куда нужно. И потом вы фиксируете это...* (01.12.2015).

Все приведённые высказывания, согласимся, выглядят несколько (если не сказать: весьма) натянуто, и в этом проявляется ещё одна специфика «больничной интероцепции». Боль и болезнь, хирургическое вмешательство и болезненная процедура гастроскопии в подтексте реплик демонстрируют, что тело, оказывается, плохой дом, плохой компаньон, плохой механизм, коль скоро его обладатель оказывается в больнице. А как биологический механизм и как социум тело во время болезни выходит из-под контроля, диктуя «хозяину» свои права заболевшего.

При том, что за две недели наблюдений и фиксации интероцептивных высказываний накоплено сравнительно немного, тем не менее и они дают возможность пронаблюдать в интероцепции не только вышеуказанные проекции на дом, механизм, биологический организм, но также следы доменов.

То, что ранее подводилось под понятие тематических групп слов, становящихся сырьём метафоры, в современной лингвистике получает расширенную интерпретацию. Авторы используют **категориальное понятие**

ДОМЕНОВ. Это домен «экстероцептивное взаимодействие с окружающей средой», включающий в себя субдомены: «орудия», «живые существа», «природные явления». Анализируется также домен «движения» с параметрами: траектория, интенсивность, скорость, вес и пр. [8 : 160–219 ; 9 : 31–36].

На наш взгляд, здесь мы сталкиваемся с интересным феноменом допуска, презумпции метафоры. Так, в собранном материале метафора «ураган» («шторм», «буря») отсутствует, однако у больной диабетом зафиксирована реплика: сахар бушует, сахар всё рушит. [Под капельницей:] **Когда сахар бушует – в организме всё рушит. Он всё рушит в организме. Сколько единиц вам дают? – 14. – Это немного. Мне 70** (28.11.2015). Нет в собранной картотеке и номинанта «человек» или, к примеру, «заяц», но есть высказывание с олицетворением: сахар подпрыгнул. [Под капельницей:] *А у меня от нервов. Двое детей под машину попали. Из Днепропетровска их привезла. Вот сахар и подпрыгнул!* (23.11.2015). Едва ли не единственным примером, действительно содержащим метафору, оказывается уже приводимая реплика «со стрелами», иллюстрирующая субдомен «орудия», в котором на функциональной основе объединены орудие и, как в этой реплике, оружие. В признаниях пациентов: «раскалывается голова» субдомен «орудие» представлен в скрытом виде. Вторая «реальная» (гидрологическая) метафора, точнее творительный сравнения: *волной стекает*. [Во время визита коллеги:] *Боль такая сильная – лежишь – ничего, а встанешь – она волной стекает по ноге. Я терпела. Не знала, что это вены. – Если б я поняла, что это невыносимая боль, это бывает только при венах! Когда оно толкает – это вены!* (01.12.2015). Метафорический глагол «толкает» – это уже намёк на орудие.

Идея орудия может распространяться и на систему лекарств, как в следующем высказывании. [Родственница по телефону о диабете:] *Это до-олго. Да эти клетки поджелудочной пока раскошегарить...* (26.11.2015).

Медицинский инструментарий тем более осмысливается как орудие боли.

[В палате медсестре:] *Она начала пхать. А надо же аккуратно! – Да если аккуратно – не протолкнёшь!* (24.11.2015). [В палате:] *А сама в трёх очках! Но я её не люблю: грубая. Самолюбивая. Она мне так тпыранула в глаз! Самой под 80, а и ночью дежурит* (24.11.2015). [Медсестра медсестре:] *Дед*

говорит: *лучше умереть, чем этот зонд!* (29.11.2015). [Пациентка юрист о практиканте, делающем укол:] *Какой молоденький! Как старательно делает! А сёстры привыкли, как дротиком! А эти так стараются!* (30.11.2015).

На первый взгляд, в приведённых высказываниях собственно интероцепция отсутствует, но, согласимся, подразумевается. Пытаясь уяснить причины недомоганий и болей, само переживание и характеристика боли пациентом, автором реплики переносится в подтекст. Приведём ещё одну цитату из монографии, ставшей для нас своего рода учебником изучения интероцепции. А. В. Нагорная, цитируя Д. Биро, пишет: «Метафоры, по его словам, устаревают и, подобно антибиотикам, приобретают резистентность, которая лишает их описательной и объяснительной силы. Сказать, что у вас раскаляется голова, уже недостаточно; фраза стала настолько банальной, что она не позволяет нам действительно увидеть это ощущение. Эффективная коммуникация перцептивного опыта требует постоянной работы над оживлением стёртых и стирающихся образов» [Цит. по: 8 : 157]. Прокомментируем идею замены стёршихся метафор.

В обществе есть языкотворцы, создающие свой язык и использующие любую возможность высказаться поинтереснее, и есть носители обычного языка, для которых яркое «индивидуально-авторское» слово, скорее, исключение, нежели правило. Полагаем, что Д. Биро имел в виду первую категорию людей, тем более писателей, творцов собственного стиля. Мы же полагаем, что так называемые стёртые метафоры сохраняются в языке не случайно. При сплошной фиксации используемых говорящими «банальных» глагольных метафор они составляют если не весомый, то, во всяком случае, заметный процент. Многие высказывания, посвящаемые боли, содержат интенсив, гиперболу, яркий перцептивный образ: *как рванёт, глаза плачут, голова прямо лопается, горит огнём, печёт...*

[Соседке о грыже, трогает её:] *Слышишь, если б ты тут попробовала, здесь температура, наверное, сорок! Всё горит огнём!* (23.11.2015). [Мать 80 л. и сын 51 г.:] *А это у меня схватила грыжа, горит огнём. Боли не описать, какие! – Чего ты в 55 лет не вырезала? Сейчас ты старая, тебе не будут делать!* (25.11.2015). [В палате:] *Мама бедная так мучалась, у неё печёт. Я забегу: она вся скрюченная. А я на работе!* (28.11.2015). [Женщина по сотовому в коридоре:] *Это вот плохо! Боль в горле.*

Глаза прямо плачут! Это, знаешь, у меня такое состояние: голова прямо лопается. Да ела я нормально, я не отказываюсь, таблетки я регулярно пила (29.11.2015). [Женщина лет 35 в коридоре:] *Попрошу на ночь укол, а то как рванёт!* (30.11.2015).

Благодаря боли человек вспоминает, что у него, оказывается, есть тело и это тело требует заботы и сбережения.

«Стёртые» метафоры потому и не уходят из языка, что обслуживают роковые для человека моменты острейшей боли, когда говорящему не до разнообразия используемых средств. Другое дело лёгкие, «непонятные» недомогания, требующие «авторского» описания, но такой материал сосредоточен не в отделении хирургии. Подобные интероцептивные контексты можно найти в уже упомянутом романе А. И. Солженицына «Раковый корпус».

Образность и экспрессия больничных реплик

Эпитеты, гиперболы, сравнения, метафоры в речи медперсонала нацелены, с одной стороны, на управление ситуацией, а с другой – на выражение эмпатии, сопереживания.

[Во время операции, проводившейся под местным наркозом, врач ассистенту-иностранцу, что-то не так сделавшему:] *Нежно касайся, ласково. Да тебя за это **расстрелять надо!*** (21.11.15). [Постовая медсестра практиканткам:] *Девочки, ну вы находитесь в больнице **или на стадионе?*** Шум, гам! (23.11.2015). [Медсестра знакомой под капельницей:] *А в палате женщину прооперировали. **Такой бульжник в мочевом пузыре** (светла большой и указательный палец в кольцо)* (25.11.2015).

Коррекция случившегося и сопереживание могут быть фокусироваться в одном и том же высказывании с гиперболой и метафорами: [Медсестра:] *Зачем вы, **котик**, выдернули? Мне же ещё укол вам! **Вас за это убить надо, золотце!** Я б пришла, всё сделала...* (23.11.15).

При обрисовке и расцветивании общей картины больничного дискурса у нас образовались два полюса: полюс боли и полюс юмора, однако между ними есть и переходные зоны больничного позитива, противостоящего концептам БОЛЬ и СМЕРТЬ. Следы такого позитива с юмористическим элементом можно увидеть в сравнениях, «анафорах», в предложениях, обращениях, комплиментах, грамматических формах, в

фактах словотворчества, в отзеркаливании словоформы.

[Перед выпиской женщина 66 л.:] *Всё, готова, как пионер!* (28.11.15). [Медсестра:] *Только ляжу – укол! Только ляжу – укол! Только ляжу – температуру там (мерить)! За ночь часа два и спала* (22.11.15). [Медсестра, заходя в палату:] *Ну, как рисуется, пусть на укол идёт!* (27.11.2015). [На посту весело:] *Все попрिएрлись! В 7-15 пришли! – Не хочу работать! – Это естественное желание в полвосьмого утра...* (24.11.15). [Весело медсестре:] *Ларисочка, цыплёнок, это где?* (24.11.15). [В коридоре мужчина медсестре:] *Спасибо за помощь, девушка! Блондиночка!* (25.11.15). [Медсестра:] *Сейчас мы уколемся и идём какаться. Укол? Новокаин, обезболивающее* (23.11.15). [Медсестра после суточного дежурства о кошке Соне:] *Мне надо домой! У меня кошак голодный!* (23.11.15). [Больная перед УЗИ и медсестра:] *Я капуста поела, ничего? – Да может, и чего. Там спросите!* (24.11.15).

Экспрессия позитива хорошо заметна в диминутивных формах, многие из которых в речи медсестер стали стандартными: *пузико, кефирчик, промидольчик* и др.

[Медсестра:] *Здравствуйте, барышни! Подставляйте пузики, попы!* (28.11.2015). [Медсестра:] *У нас валерьяночки нету, у нас хирургия – не кардиология. Промидольчик на ночь? Что? Уколот в попу!* (24.11.15). [Медсестра:] *Вы ж сами не кушайте! – А с чего начать? – А начать с кефирчика* (25.11.15). [Медсестра:] *Всё, ложитесь. Я сейчас к вам приду, там один кубилёчек (кубик)* (25.11.15). [Медсестра пожилому мужчине:] *Это уже вечер у нас! Утречком прокапали и... Иду к вам! У вас бабочка или вена?* (25.11.15). [Медсестра:] *Так, Харченко, Щербаченко, готовьте попочки!* (27.11.15). [Санитарка-раздатчица:] *На ужин идём! На ужин! Кашечка жиденькая-жиденькая!* (01.12.15). [Об инсулине:] *Вы мне дозу уменьшите! – Да там и так такая пендирюшечка!* (04.12.15).

Разумеется, экспрессия речи может быть вызвана и негативом. [Медсестры:] *Девочки, потише, Лен! – Как что, одна Лена! Он же тоже разговаривает. Типа я одна виновата?* (24.11.15).

Больничный юмор. В аспекте профессиональной метафоры в речи врачей на материале трёх языков чёрный юмор исследовала О. С. Зубкова, используя скрытый диктофон и прибегая к посредничеству экспертов. Был собран уникальный материал [10]. У нас не было возможности отслеживать юмор врачей в их профессиональных диалогах, но и медсестры, и сами больные, как

оказалось, не лишали себя возможности пошутить, сосрить, припомнить смешное.

[Медсестры:] *Какие слова ты знаешь на букву А? На букву Д? Дурак! А на В такое вкусенькое, сладкое... Ты «варенье» не знаешь? Да, а папино варенье – водка (смеются)* (22.11.15). [Медсестра коллеге:] *Привет-привет! На пиво нет? У меня дедушка так отвечает!* (22.11.15).

Материал позволил выделить больничный юмор двух типов: комизм ситуации и комизм интерпретации. В первом случае смех может быть вызван самой ситуацией. Особенность КОМИЗМА СИТУАЦИИ в том, что этот комизм может оказаться... незамеченным. Мы сами иногда не сразу улавливали этот комизм, олицетворяя героя анекдота: «Зайца съели, а потом до жирафа дошло и он засмеялся!».

[Больная и санитарка:] *Я нагреть никак не могу! – Это у нас градусник один такой, всё 35 показывает!* (23.11.15). [Медсестра о практикантах:] *Господи, как хорошо, когда есть хотя бы студенты! Хоть чемодан отнести куда!* (23.11.15). [Дед и медсестра:] *Я войну прошёл! – Какую войну? Вам 80, а войне 75. Вы что, всё помните?!* (23.11.15). [Пациентка 80 л. и врач:] *Мне камни удаляли. 182 камня. – Кто считал? – Хирург, кто удалял. Но это давно. – Тогда у врачей было время!* (смеются) (24.11.15). [Раздатчица весело о мужчине с диабетом:] *Гля! Киселя налил, три куска белого забрал, а у него девятый (стол)!* (27.11.2015). [Раздатчица:] *Гля! Шоколадку взял и смылся! А ему ж гепарин колот!* (27.11.2015). [Медсестра:] *Температуру желающие есть мерить? У меня один градусник, правда...* (02.12.15). [Медсестры в процедурном:] *Десять миллилитров! – Да мне не жалко. – Но вы должны знать! А то есть дедушки 80-90 лет: вы у меня всю кровь повыбрали!* (смеётся) (25.11.2015).

Комизм ситуации может быть обусловлен социальными и историческими изменениями, возрастной амплитудой, когда серьёзное для одного участника диалога может восприниматься как комическое для другого.

[Соседке 80 л.:] *А что вы любите читать? – Ленина люблю. Восемь томов, а два здесь на почте по благу (достала). Но прочтала только первый том. Как мать заставляла 15 минут ждать после чая...* (24.11.2015).

В отличие от комизма ситуации КОМИЗМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ незамеченным быть не может. С позиций медперсонала это желание веселее осмысливать происходящее, чтобы выдерживать профессиональные нагрузки,

которые зашкаливают. [Больная 80 л. и медсестра:] *Вы весёлые, молодцы! – А иначе здесь не выдержишь!* (25.11.2015). Комизм интерпретации в устах пациентов – это возможность выдерживать боли, страхи и прочие «прелести» пребывания в хирургии.

[В приёмном отделении:] *Но я же так хорошо себя чувствую! Как огурчик! – Зелёный, пупырчатый!* (21.11.15). [Перед операцией врачи:] *Привезли анализы? – Да, ждём, ждём. Это плановый?* (25.11.15). [Утром в палате:] *А когда втроём храпели, это был духовой оркестр, хор Пятницкого! – А когда я проснулась половина третьего – у меня своя фисгармония началась* (28.11.15). [Пожилой мужчина протягивает большое красное яблоко медсестре:] *Это своё. Из собственного сада. Без червячка. Как только прилетает (мошка) – я по морде!* (25.11.15). [В палате:] *Там было полно камней. Та они такие жёлтенькие. Они в кулёк сложили и принесли мне. Хоть ожерелье вешай и носи!* (26.11.15). [В столовой:] *А ты мне банан взял? – А ты не просил! – А ко мне обезьяна сегодня придёт!* (04.12.15). Реже юмористическая интерпретация имеет место в устах знакомых, особенно молодых: [Больная лет 27 о знакомом:] *Ну, говорит, ты лётчица: из одной больницы в другую!* (30.11.15).

Особенность КОМИЗМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ заключается в том, что и реплики пациентов, и реплики медсестер нередко становятся типовыми. В больничном дискурсе наблюдаются привычные юмористические метафоры: *Мерседес, лимузин* – о коляске, на которой везут больных на УЗИ; *компот, десерт* – о третьем флаконе в капельнице; *шашлык, вино* – о каше на ужин, *допинг* – о лекарстве.

[Медсестра везёт на каталке больного в палату, смеётся:] *Как на метро!* (27.11.2015). [Женщина 77 л. по телефону дочери:] *Меня возили (на УЗИ) на каталке. На лимузине сегодня ехала!* (02.12.15). [Больная больной о лекарстве:] *Ну что, допинг приняли?* (29.11.15). [Мужчина лет 70 перед забором крови:] *Сколько на кровь сегодня! Кровяную колбасу будут делать* (смеётся) (23.11.15). [Медсестра знакомой:] *Вы десять дней будете лежать? Полялялкаем. Вы в 10-й будете лежать? – Ещё не знаю! – Ещё вас не утрамбовали?* (24.11.15). [В столовой мужчина шутливо девушке:] *Вам половину пустую или половину полную?* (25.11.15). [Санитарка в палате:] *Стул вот так поставить (спинкой к кровати) Чтoб не убежали!* (27.11.2015).

Значимые отсутствия

До сих пор мы анализировали, что представлено в больничном дискурсе. Теперь за-

кономерен вопрос об отсутствиях и их объяснении. Зафиксировать «отсутствия» легко – сложнее убедительно их объяснить. Проф. А. А. Кретов (г. Воронеж) в частной беседе в 2000 г. высказал интересную мысль, что, какой бы ни была мелкочейистой сеть, всегда найдётся рыбёшка, способная уйти от преследования, и потому уверенно говорить об отсутствиях в языке недопустимо. Тем не менее, мы попробовали взять на себя смелость и посмотреть, чего в картотеке записей нет или почти нет. Если ранее примеры на обращения (метафоры, гиперболы, диминутивы, инверсии etc.) в данной статье отражали множественность аналогов, то сейчас мы представим полностью, «законченным» списком высказывания, своим мизерным количеством подтверждающие заявленные «отсутствия».

Отсутствуют интертексты (1 запись).

[Соседка по палате:] *У вас главное – диабет. Это на всю жизнь диета, «вечный бой», как у моделей, спортсменов!* (27.11.2015).

Отсутствует образная персонификация, референции (2 записи).

[Хирург спрашивает у ассистента-иностранца во время операции:] *Ты про Понтия Пилата что-нибудь читал?* (21.11.2015). [Соседка по палате:] *Ну этот ваш лечащий врач, он как Стёпа, ну, детская книжка, дядя Стёпа то есть* (23.11.2015).

Значимое отсутствие крылатых слов и образов персонификации, которая, по мысли Г. Г. Хазагерова, становится для социума предельно суженной [11 : 132–145], высвечивает такую особенность интертекстом, как психологический позитив для их воспроизводства. Крылатым словам, оказывается, необходимо... хорошее настроение, уверенность в завтрашнем дне, с чем весьма проблематично в ситуациях острой боли и пребывания в больнице.

Отсутствуют пословицы (всего 2 записи), но и ранее, при комплексном отслеживании разговорной речи мы фиксировали малочисленность паремий.

[Постовая медсестра в ответ весело:] *Не было печали, так баба порося завела. Так и у нас!* (30.11.2015). [В столовой мужчина без руки:] *Привет, соседка! Меня в понедельник, наверное, выпишут. ... Пока шевелится – буду жить! Мне в душе 25. Оно и на старуху бывает...* (28.11.2015).

Отсутствуют, что неожиданно, фразеологизмы, большинство которых направлено на

оценку окружающих. Прооперированным не до критики?

Не зафиксированы обращение по профессиональному признаку: *доктор*.

В грамматическом строе отсутствует такой регистр, как возможное, то есть отсутствует привычная для здорового человека множественность будущего. Мы начали характеристику больничного дискурса с хронотопа и нарративов, но больничный хронотоп проявляется и в репликах, и в диалогах, в частности как исчезновение веера возможного. В статье «Хроноцид» М. Н. Эпштейн пишет о богатстве жизни, зависящей «от разнообразия её возможностей больше, чем от степени их реализации. ... В этом и состоит поэтическая сторона прогресса, – пишет учёный, – которая обычно заслоняется её практической стороной» [12 : 167]. У пациентов с серьёзным диагнозом «поэзия возможного» оборачивается поэзией... невозможного, что хорошо демонстрирует вкусовой модус больничной перцепции.

[В палате женщина лет 75 с панкреатитом:] *Ой, так семечек хочется, а нельзя! Брат умеет жарить, он их всё время перемешивает, у него вкусные, а мне лень. Ругает, говорит: подпалила (21.11.2015). [В палате под капельницей:] Ни солёного! Ни кислого! Ни печёного! – А мне нравится: ну яйцо и яйцо, взбиваешь... (25.11.2015). [Под капельницей:] Я весила уже 120 кг, я задыхалась, а дома села (о пенсии) – ещё добавила. Пожрёшь – и ложишься. А пожрать было что. Рёбрышки не-обрезные запечёшь... Ночью меряю: 220 на 200 и пульс 75! (25.11.2015). [В палате о журнале «Веста»:] Что вы прочитали, Людмила Ивановна? – Да тут интересного много. Тут и про готовку много, и про любовь! – Про готовку – это только нам! (смеётся) Рулетки... (27.11.2015).*

Диалектика учит, что потери всегда связаны с не сразу замечаемыми приобретениями. Отсечение возможного оборачивается на порядок большим вниманием к реальности сиюминутного, ответственностью «сегодня» за «завтра». Повторим одну запись: [Соседке по палате:] *У вас главное – диет. Это на всю жизнь диета, «вечный бой», как у моделей, спортсменов!* (27.11.2015). Как было уже отмечено, «вечный бой» единственная интертекстема в картотеке зафиксированных реплик.

Заключение

«Всё сказано на свете, / несказанного нет. / Но вечно людям светит / Несказанного свет». Теоретически мы постарались выжать

максимум из собранного материала. Однако целый круг вопросов вынужденно провисает. Так, например, выразительной темой могут стать эвфемизмы в речи врачей: [После УЗИ врач пациентке об онкологии:] *Зла у вас нет!* (25.11.2015). Дополнительного исследования требует феномен речевого выравнивания пациентов, относящихся к разным стратам (в начале статьи мы не случайно перечислили профессии респондентов). Далее, в исследуемый период в отделении проходили практику студенты и университета, и медицинского училища, однако речевые особенности практикантов нам схватить не удалось. Эти и многие другие частные вопросы должны в идеале венчаться исследованием дискурса в различных отделениях больницы с последующим сопоставлением и обобщением данных. О нет, мы не поторапливаем коллег по цеху, лучше подольше не попадать на больничную койку, но если жить по принципу Фугидида: «То, что случилось уже, нельзя не случившимся сделать», то рядом протекающая повседневность неожиданно может одарить новым материалом, ждущим своего собирателя и интерпретатора.

Благодарение

Автор выражает сердечную признательность врачам и всему медицинскому персоналу Первой городской больницы г. Белгорода за вовремя сделанную операцию по удалению тромба и последующее квалифицированное лечение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели : Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М. : ОГИ, 2005. 504 с.
2. Пономаренко Е. А. Жанровая организация речевого общения врача и пациента (на материале художественных произведений писателей-врачей) : дис. ...д-ра филол. наук. Симферополь, 2014. 405 с.
3. Пономаренко Е. А. Классификация речевых жанров институционального (медицинского) дискурса на материале произведений русских писателей-врачей // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 117–121.
4. Щепанская Т. Л. К культуре эмоций (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е. А. Белоусова. М. : Российский гуманитарный ун-т, 2001. С. 236–265.
5. Харченко В. К. Мозаика разговорной речи : новые аспекты исследования, электронная база высказываний. М., 2013. 192 с.

6. Сошников А. О. Специфика структурно-семантической организации спонтанных текстов повествования и рассуждения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2013. 22 с.

7. Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // *Жанры речи*. 2015. № 2 (12). С. 9–28.

8. Нагорная А. В. Дискурс невыразимого : вербалика внутрителесных ощущений. М. : ЛЕНАНД, 2014. 316 с.

9. Нагорная А. В. Вербальная репрезентация интросептивных ощущений в современном английском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. 2015. 51 с.

10. Зубкова О. С. Лингвосомиотика профессиональной метафоры : дис. ... д-ра филол. наук. Курск, 2011. 326 с.

11. Хазазеров Г. Г. Персоносфера русской культуры // *Новый мир*. 2002. № 1. С. 132–145.

12. Эпштейн М. Н. Хроноцид // *Октябрь*, 2000, №7. С. 157–171.

REFERENCES

1. Bogdanov K. A. *Vrachi, patienty, chitateli: Patographicheskiye teksti russkoy kultury XVIII – XIX vv.* [Doctors, patients, readers. Pathographic texts of Russian culture of XVIII – XIX centuries]. Moscow, 2005. 504 p.

2. Ponomartnko E. A. *Janrovaya organizatsiya rechevogo obshcheniya vracha i pacienta (na material hudozhestvennykh proizvedeniy pisatelei-vrachei)* [Genres organization of speech communication of doctor and patient (based on works by russian writers-doctors) Dr. philol. sci. diss.]. Simpheropol, 2014. 405 p.

3. Ponomartnko E. A. Klassifikatsiya rechevyykh zhanrov institucionalnogo (meditsinskogo) diskursa na material proizvedeniy russkiykh pisatelei-vrachei [The classification of speech genres used in the sphere of institutional (medical) discourse (based on works by Russian writers-doctors)]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 1(11), pp. 117–121.

4. Shchepanskaya T. L. K culture emotsiy (emotsionalnaya samoregulyatsiya v culture maternstva) [On the culture of emotions (emotional self-regulation in motherhood culture)]. *Rodini, deti, povituhi v traditsiyah narodnoy kultury* [Birth, children and midwives in traditional culture]. Moscow, 2001, pp. 236–265.

5. Kharchenko V. K. *Mozaika razgovornoy rechi: novye aspekty issledovaniya, elektronnyaya baza vyskazyvaniy* [Mosaic of colloquial speech: new aspects of research, electronic database of utterances]. Moscow, 2013. 192 p.

6. Soshnikov A. O. *Specifika strukturno-semanticheskoy organizatsii spontannykh tekstov povestvovaniya i rassuzhdeniya* [Peculiarities of structural-semantic organization of spontaneous texts of narration and reasoning. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Tver, 2013. 22 p.

7. Demytyev V. V. Intertekstualnyi aspekt rechevyykh zhanrov [Intertextual aspect of speech genres]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2015, no. 2 (12), pp. 9–28.

8. Nagornaya A. V. *Discurs nevyrazimogo: verbalizatsiya vnutritelesnykh oshchushcheniy* [Discourse of inexpressible: verbalisation of inner sensations]. Moscow, 2014. 316 p.

9. Nagornaya A. V. *Verbalnaya reprezentatsiya interoceptivnykh oshchushcheniy v sovremennom angliyskom yazuke* [Verbal representation of interoceptive sensations in modern English language. Dr. philol. sci. thesis diss.]. Moscow, 2015. 51 p.

10. Zubkova O. S. *Lingvosemiotika professionalnoy metafory* [Lingvosemiotics of professional metaphor. Dr. philol. sci. diss.]. Kursk, 2011. 326 p.

11. Khazagerov G. G. Personosfera russkoy kultury [Personal sphere of Russian culture]. *Noviy mir* [New world]. 2002, no. 1, pp. 132–145.

12. Epshtein M. N. Khronozid. *Oktyabr* [October]. 2000, no. 7, pp. 157–171.

Статья поступила в редакцию 22.02.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Харченко В. К. Больничный дискурс: нарративы, реплики, диалоги // *Жанры речи*. 2016. №1. С. 100–112. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-100-112.

FOR CITING

Kharchenko V. K. Hospital discourse: narratives, remarks, dialogs. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 100–112. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-100-112. (in Russian).

УДК 811.161.1'22'27

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-113-119

Е. А. Пономаренко, Ю. А. Герасименко
Симферополь, Россия

E. A. Ponomarenko, Y. A. Gerasimenko
Simferopol, Russia

СИМПТОМ И/ИЛИ ЖАЛОБА: СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

SYMPTOM AND/OR COMPLAINT: SEMIOTIC ASPECT

Аннотация. Статья посвящена вопросу экспликации функционирующих в медицинском дискурсе понятий «речевого жанра жалобы» и «симптома». Коммуникативная система медицинского дискурса определяется как система комбинированного типа, что обусловлено результатом взаимодействия нозологической и клинической парадигм. В аспекте семиотического подхода симптом рассматривается как знаковое средство, которое обнаруживает черты трёх основных типов знака в их относительной иерархии. Отмечается, что организм человека представляет собой систему, в том числе знаковую, обладающую денотативной направленностью, где одним из сигнификатов патологии выступает боль, референцией которой в речи является жалоба пациента.

Ключевые слова: симптом, жалоба, медицинская семиотика, боль, признак, сигнал, индекс.

Abstract. This article considers the explication of the notions «complaint speech genre» and «symptom» in medical discourse. Communicative system of medical discourse is defined as a combined-type system due to the interaction of nosological and clinical paradigms. In the aspect of a semiotic approach a symptom is treated as a sign means that shows characteristics of three major types of a sign in their relative hierarchy. The article states that human organism represents a system, which includes a sign system, having denotative directionality where pain is one of pathology significant. The reference of pain in patient's speech is complaint.

Keywords: medical discourse, symptom, complaint, medical semiotic, pain, sign, signal, index.

Сведения об авторе: Пономаренко Елена Аликовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Место работы: Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского.

Герасименко Юрий Анатольевич, преподаватель кафедры русского языка.

Место работы: Медицинская академия имени С.И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского.

E-mail: altai2005@yandex.ru; yuange@yandex.ru

About the Author: Ponomarenko Elena Alikovna, Ph.D., Associate Professor of Department of Russian Language. Place of employment: Crimean State Medical University named after S. I. Georgievsky.

Gerasimenko Yuriy Anatolievich, Assistant of philology of the Department of Russian Language.

Place of employment: The Federal state autonomous educational establishment of higher education V.I. Vernadsky Crimean Federal university, Medical Academy named after S. I. Georgievsky.

Проблематикой этой статьи мы обязаны ряду соображений, высказанных проф. В. В. Дементьевым в личной беседе. Речь шла о том, существуют ли различия между жалобой (как первичным и неинституциональным речевым жанром в повседневном бытовом общении) и между жалобой как РЖ медицинского дискурса – институциональным жанром – и симптомом.

А. Б. Соломоник в «Очерке общей семиотики», говоря о медицинской семиотике, которая «является одним из разделов диагностики» и «ставится на уровень симптоматики», рассматривает её как «частную семиотику», однако замечает при этом, что её «знаки (признаки, симптомы)» касаются только медицинских показателей и никак не связаны с общими законами о знаках и знаковых систе-

мах вообще: «они работают только внутри медицинских рамок и никак не покоятся на наработках, которые формируют общее понимание семиотики, одинаковое для всех наук» [1 : 8]. Таким образом, если следовать логике А. Б. Соломоника, систему медицинского дискурса нецелесообразно рассматривать с точки зрения общесемиотических типологий. А. Б. Соломоник также отмечает, что в медицине «нигде не используются чисто семиотические категории и понятия» [1 : 8] и сомневается в необходимости семиотической экспертизы в данном аспекте.

С нашей точки зрения, коммуникативную систему медицинского дискурса правильнее было бы рассматривать как систему комбинированного типа, поскольку «в семиотике принята своя классификация знаков на

симптомы и признаки конкретных болезней», что, в соответствии с нашим исследованием, можно считать результатом взаимодействия нозологической и клинической парадигм. Признаки болезней (в косской школе они именовались *semeion*) составляют предмет нозологии, симптомы – предмет клиники. А. Б. Соломоник по этому поводу заметил, что «в XVII–XVIII веках предложили отличать симптомы от признаков: симптомами стали называть субъективные впечатления пациента, высказываемые им врачу, а признаками считались показатели заболевания, выясненные в результате осмотра и анализов» [1 : 6]. К сожалению, автор отмечает это как некое конвенциональное разграничение и совершенно не связывает его причины с историей науки и сменой научных парадигм в конце XVII века [2 : 609–613].

Неясно, релевантна ли, с точки зрения А. Б. Соломоника, такая дифференциация (симптом vs признак) для медицинской семиотики новейшего времени. Если да, то понимание симптома как «субъективного впечатления пациента, высказываемого им врачу», мы и примем в качестве постановки проблемы.

Симптом (от греч. *simptoma* – совпадение) в медицинской науке традиционно понимается как «признак болезни» [3 : 421 ; 4 : 389], а также как «характерное проявление или признак различных болезненных состояний» [3 : 421]. Некоторые колебания данного термина отмечаются в Большой медицинской энциклопедии (БМЭ) под редакцией Н. А. Семашко (притом, что энциклопедизм этого издания даёт основание обращаться к нему как наиболее авторитетному источнику): «может быть правильнее было бы считать симптомами <...> признаки динамические, но не анатомические изменения <...>, которые представляют реальные проявления болезненного процесса <...>. Однако в более широком клиническом понимании симптомами считаются все признаки, характеризующие болезненные состояния» [3 : 421]. Такое понимание позволяет предположить, что в симптоме следует видеть знак-признак, согласно семиотической классификации.

Проблема определения симптома вытекает из содержания самого термина «семиотика». В изначальном (собственно медицинском) смысле семиотикой называется «учение о признаках (симптомах) болезней и патологических состояний» [5 : 347]; наравне с термином «семиотика» употребляется синонимичный ему термин «симптоматика» (где симптом – материально выраженный при-

знак болезненного состояния, относящийся как естественное, произвольное следствие к своей причине – патологии). В семиотике как отдельной научной дисциплине о знаках и знаковых системах знакам-признакам не уделяется особого внимания именно ввиду их естественной закономерности и произвольности выражения. Признавая за признаком характер знаковости, семиотика, тем не менее, относится к признаку как к «неполноценному» знаку. Знак-признак гипотетически лишён закодированной информации, неотъемлемо присущей другим видам знака. Однако так ли это?

Расширяя понятие симптома, мы должны констатировать, что при этом имеет место трансгрессия термина «медицинская семиотика»: выход за границы собственно симптомологии и интеграция в систему общей семиотики. Так, БМЭ под ред. Н. А. Семашко определяет медицинскую семиотику: «собрание, выявление, изучение и оценка проявлений, признаков, симптомов различных болезненных состояний» [6 : 89] – как видим, перечисленные факты не вполне однородны, а присутствие таких процедур, как изучение и оценка, позволяет говорить о наличии десигната и интерпретанты, следовательно – о семиозисе. Также отмечается, что «содержание семиотики составляют преимущественно симптомы, устанавливаемые расспросом, а также познаваемые непосредственным наблюдением» [6 : 89], а сама семиотика признаётся «важной составной частью диагностики» [7 : 76]. Определяя сущность и методы диагностики, медицинская энциклопедия под редакцией Н. А. Семашко относит к данным, определяющим диагноз, «жалобы больного, указания окружающих, данные наследственности, условия жизненной обстановки, вообще анамнез данного заболевания (*anamnesis morbi*), анамнез жизни (*anamnesis vitae*), объективные исследования и всё, что выясняется при общении с больным (разрядка наша. – Е. П., Ю. Г.)» [6 : 89]. Этим обусловлено деление симптомов на две основные группы: субъективные и объективные, при этом нет оснований утверждать приоритет одних над другими. «Многие склонны придавать главное значение симптомам объективным, между тем как в действительности так называемые субъективные симптомы <...> имеют не меньшее или даже большее значение» [3 : 422].

Итак, под симптомом понимается два различных типа знака: признак (объектив-

ный симптом), относящийся к сфере невербальной семиотики, и вербальный знак (субъективный симптом) и даже синтаксическая последовательность таких знаков, выраженная посредством речи – речевого жанра – медицинского дискурса. Речь, в свою очередь, «представляет собой высшую форму символически-выразительных функций; более элементарными проявлениями этих выразительных функций служат аффективные возгласы, мимика и жестикуляция» [8 : 806], то есть симптом в речи не менее информативен благодаря средствам невербальной коммуникации, а в отдельных случаях может переходить в знак-символ (мифологические структуры в языке типа: *сыпь кинулась, нутро жжёт, икота напала, живот схватило и под.*).

Отмечается, что медицинская семиотика «имеет большей частью решающее значение для распознавания, предсказания и лечения, а потому в порядке клинического вопроса и обследования должна быть поставлена на первое место», с оговоркой, что «собираение симптомов <...> во всяком случае не может ограничиваться жалобами больного» [6 : 89]. Таким образом, при другой стороне диагностики (сбор объективных симптомов) план выражения патологического процесса определяют знаки-признаки в свойственной им синтактике. Эти симптомы разделяются на четыре подгруппы и выявляются соответственно: 1) «непосредственным восприятием при общем обследовании больного», 2) «непосредственным наблюдением» врача, 3) особыми техническими приёмами системного клинического исследования больного», 4) «сложными способами исследования, как графический метод, эндоскопия, лучи Рентгена, <...> лабораторные исследования [3 : 422]. Парадоксально, но и в этом случае объективный симптом получает выражение в разных типах знака. С одной стороны это естественные произвольные признаки: изменение в окраске, изменение температуры, звуковые симптомы («расстройство речи, произношения, голоса, дыхания, стоны, кашель с его звуковыми особенностями и т.п.») [3 : 422–423]. С другой стороны рентгенограммы, кардиограммы, энцефаллограммы, графические изображения (диаграммы, картограммы, картодиаграммы) и т.п. представляют собой иконический знак симптома. Таким образом, в плане выражения симптом обнаруживает черты трёх основных типов знаков (по Ч. Пирсу) в их относительной иерархии, видоизменяясь

в зависимости от факторов, преобладающих в той или иной знаковой ситуации.

В наследии функционализма присутствует дифференциация знаков-сигналов и знаков-индексов (см. труды Л. Прието [9]). Знак-индекс понимается как индикационный знак, в котором денотат и сигнификат связаны причинно-следственными отношениями. Критерием дифференциации служит связь знака с коммуникативным актом. В качестве примера знака-индекса Ч. Пирс приводил ускорение пульса как возможный симптом жара, то есть объективный симптом в чистом виде (как объект медицинской семиотики = симптоматики). Знак-индекс «лишён коммуникативной интенции, обязательной для сигнала» [11 : 19], а сигнал требует «декодирования», однозначного для всех, владеющих данным языковым кодом. В связи с этим симптом, потенциально значимый для коммуникации, представляет собой знак-сигнал. Совокупность сигналов образует «код» (Шеннон, Уивер) либо «субкод» (Р. Якобсон), как правило, однозначный по содержанию и выражаемый информативным высказыванием. В этом качестве он становится частью минимальной структуры РЖ и текста. Именно коммуникативная интенция, на наш взгляд, является фактом трансгрессии – редукции индекса и доминировании сигнала в ситуации медицинского семиозиса.

Взгляд А. Б. Соломоника на симптом как «субъективное впечатление пациента, высказываемое им врачу», исходя из вышесказанного, являет собой симплификацию проблемы и не учитывает множество семиотических нюансов.

Следует обратить внимание на некорректность употребляемой А. Б. Соломоником лексемы «впечатление» по отношению к субъектам медицинского дискурса. В научной психологии «впечатление» давно уже считается «метафорическим словом» [12] для обозначения сложного процесса воздействия объектов внешней действительности посредством передачи мозгу информации от чувствительных нервов и дальнейших когнитивных процессов в сознании. Корректнее было бы говорить об «ощущении» и «самочувствии», знаковость которых обусловлена отнюдь не сигналами извне, а имманентной структурой человеческого организма, представляющего собой систему (в т.ч. знаковую), обладающую денотативной направленностью. Сигнификатом патологии, отклонения от нормы в медицинской семиотике в большинстве случа-

ев является боль, референцией которой в речи (высказывании) выступает жалоба пациента.

Несмотря на то, что в медицине *боль* определяется как основной симптом, реакция, функция или даже «своеобразное психофизиологическое состояние человека» [13], с точки зрения семиотики «ощущение боли <...> обретает семиозисную природу: оно становится знаком» [14 : 496].

Рассмотрим *боль* как словесный знак на лексематическом уровне языка. Специфической чертой *боли* как знака является превалирование сигнификата над денотатом, вследствие чего данный «словесный знак имеет чисто сигнификативное значение и служит названием абстрактного понятия» [15 : 103].

Типологически *боль* относится к такому семиологическому классу слов как *характеризующий знак* [15 : 90–94], виды которого взаимообусловленно сосуществуют в подклассах имён существительных, глагольных лексем, имён прилагательных и наречий. Словообразовательные модели, транспонированные из моделей семантических, свидетельствуют о широкой синтактике *боли* как основного симптома патологического состояния. Предикация патологического состояния выражается таким типом словесных знаков как субъектные глаголы (*болеть, простудиться, неметь, чихать, кашлять*), в синтактике переходящие в субъектно-объектные и объектно-субъектные [15 : 136–143], а далее – в дискурсивный дейксис (discourse deixis).

Исследуя концептосферу слова *боль*, И. В. Песоцкая отмечает, что «лексема *боль* в сознании носителей языка формирует представление о двух типах страдания: физическом и душевном. Концепт «*боль*», включаясь в концептосферу русского языка посредством понятий «*болеть*», «*болезнь*», «*больной*», «*больница*» и других дериватов, с одной стороны, воссоздает в обыденном сознании носителей языка ассоциативную связь с языческими компонентами о боли как о привнесённом в организм зле. С другой стороны, ощущение боли, будучи патологическим, отражает ненормативную сторону бытия, а, следовательно, и требует необычного понимания. В русской наивной картине мира концепт «*боль*» в силу особенностей культуры приобретает знаковость именно за счёт понимания физической и душевной боли как взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимодополняющих феноменов. Отсюда и

приобретение словом *боль* и его дериватами амбивалентности по отношению к описанию физической и душевной боли» [16 : 266].

А. А. Уфимцева отмечает, что «иногда референтом словесного знака в речи, в отдельных ситуациях или в определённых целях может оказаться предмет, никоим образом не связанный с понятием о данном классе предметов... <...> Сигнификат как компонент знакового значения разных типов слов выступает в разном обличье» [15 : 102].

Симптом в речи выражается отнюдь не употреблением слова *боль* и других слов данного лексико-семантического поля (ещё Л. Ельмслев говорил, что лексическое значение есть «не что иное, как искусственно изолированное контекстуальное значение» [17 : 303]).

Не последняя роль в сигнификации *боли* принадлежит такому явлению как голосовая эмиссия (*gemitus infirmorum*, стоны больных) [14 : 182, 193–194], лексически выражаемая междометиями, выполняющими экспрессивную функцию. В литературе встречается немало примеров такой сигнификации: – *О-ооо!.. О-ооо!.. – протяжно стонал больной, дрожа и вытягиваясь во весь рост* (Вересаев, *Без дороги*); – *О-ой! Моченьки... нет... нет моей моченьки!.. Я не вытерплю!* (Булгаков, *Крещение поворотом*); – *Тьма египетская в глазах... О...оо... – слабым басом отозвался мельник* (Булгаков, *Тьма египетская*); *Во рту громко хрустнуло. И солдат коротко взвыл: – Ого-о* (Булгаков, *Пропавший глаз*); *Ещё несколько раз выкрикнула женщина, отворачивая от маски лицо. Глухо забормотала: – Га-а... Пусту!.. А!..* (Булгаков, *Крещение поворотом*).

Отметим, что план выражения симптоматики в речи характеризуют «особая структура, грамматические формы или особые обороты, или формулы, отражающие коммуникативную цель» [18 : 73–74], что определяется А. Ж. Греймасом и Ecole de Paris как *жанр*. Не разделяя тезис Парижской школы о жанре как *типе дискурса*, мы вынуждены скорректировать это в целом верное понимание жанра и свести к термину *речевой жанр* (РЖ), принимая во внимание теории М. М. Бахтина, В. В. Деметьева, В. И. Карасика, Ф. С. Бацевича и др. [19]. Благодаря тому, что РЖ в языковом воплощении связан с определёнными схемами репрезентации, когнитивными структурами (фреймами) и их лексематическим наполнением, мы можем констатировать то, как предикация симптома означает структурные единицы дискурса

(РЖ). Так, лексема *боль* обнаруживается при анализе лингвистической литературы (см. работы А. Вежбицкой, М. Я. Гловинской; И. В. Песоцкой), а также отдельных словарных статей, посвящённых слову *жалоба*. Так, в четырёхтомном Академическом «Словаре русского языка» и в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» Н. Ю. Шведовой зафиксировано: «*Жалоба* – 1. Выражение неудовольствия, печали, сетование по поводу неприятностей, *боли* (выделено нами. – Е. П., Ю. Г.) [13 : 228].

Указание в первую очередь на «душевный дискомфорт» присутствует и в рассуждениях А. Вежбицкой. Применяя семантическую теорию элементарных смысловых единиц (“semantic primitives”) (при помощи последовательности простых предложений, выражающих мотивы, интенции и другие ментальные акты говорящего), исследователь предлагает использовать следующие формулы определения жалобы: «*Жалоба 1. говорю: у меня происходит нечто плохое; чувствую себя плохо по этой причине; говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне сочувствовал. Жалоба 2. говорю: по вине кого-то у меня происходит нечто плохое; чувствую себя плохо по этой причине; говорю это, потому что хочу, чтобы ты сделал этому кому-то нечто плохое*» [21 : 105]. Принимая во внимание рассуждения А. Вежбицкой, Н. А. Емельянова отмечает, что цель речевого действия жалобы – оказать какое-либо воздействие на адресата или других людей, а именно побудить адресата исправить создавшееся нежелательное положение, найти у него понимание или сочувствие, или дать волю своим чувствам (если нет конкретного адресата) [22]. Основываясь на опыте лингвистических изысканий и лексикографических источников, мы рассматриваем лексему *жалоба* в значении ‘выражение неудовольствия по поводу боли’, при этом определяя понятие *боли* как одновременно физического и душевного страдания (именно так она понимается и в современной медицине).

Выделяют два типа жалоб: актуальные («жалобы, которые беспокоят больного, и он активно их предъявляет») и актуализированные («жалобы, полученные путём детального расспроса по органам и системам, согласно схеме общего анамнеза») [23 : 28]. В первом случае (актуальная жалоба) РЖ *жалобы* характеризуется прямой сигнификацией *боли*, от названной выше голосовой

эмиссии (стонов) до мифем, отражающих в языке архаические представления о природе патологических состояний (например: *Лихорадка замучила. Каждый день, как двенадцать часов, голова начинает болеть, потом жар как пойдёт... Часа два потреплет и отпустит* (Булгаков, Тьма египетская)). Пациент выступает инициативным актантом, продуцирующим РЖ *жалобы*. Во втором случае (актуализированная жалоба) превалируют вопросно-ответные единства, нацеленные на сбор анамнеза, оформляющие РЖ *жалобы* в соответствии с логикой клинической диагностики, а тематическую роль в диалоге актуализации выполняет РЖ *специализированного вопроса* врача. *Пришёл провериться. Я ведь помогал оснащать лаборатории – вот вы меня и посмотрите при помощи тех самых приборов и аппаратов. – Что вас беспокоит? Сердце? Рано. Вы ещё молодой человек. Наверное, пятьдесят с небольшим? – Так точно, Фёдор Григорьевич. Да ведь какие нагрузки! Много лет я был начальником Главленинградстроя. А сейчас председатель горсовета. Сами понимаете... – Да, конечно. Так что вас беспокоит? – Появились сжимающие боли в области сердца, в левой руке и лопатке. Временами одышка* (Углов, Под белой мантией). Инициативным актантом выступает доктор, провоцирующий РЖ *жалобы*.

Таким образом, проанализировав понятия *симптома* и *жалобы* с позиций знаковости, мы можем заключить, что по содержанию дефиниция А. Б. Соломоника более всего соответствует понятию «жалоба», которое дискурсивно и в виде структуры может быть выражено речевым жанром.

Жалобу мы в данном случае понимаем как базовую форму субъективного симптома, выраженную посредством высказывания. Её отношение к симптому (как основному вопросу медицинской семиотики) требует осмысления и разработки в терминах логики знаковых систем. Полагаем, это позволило бы внести не только вклад в лингвистическую семиотику, но и доказать, что, вопреки мнению А. Б. Соломоника, медицинская семиотика не является «вещью в себе» и основана на общих законах о знаках и знаковых системах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соломоник А. Б. Очерк общей семиотики. Минск : МЕТ, 2009. 192 с.

2. Пономаренко Е. А., Герасименко Ю. А. Исторические и методологические предпосылки возникновения и развития медицинского дискурса // Молодой учёный, Казань : Изд-во «Молодой учёный», 2015. № 20 (100). С. 609–613.

3. Большая медицинская энциклопедия : 35 т. / гл. ред. Н. А. Семашко. М. : Советская энциклопедия, 1929. Т. 30. С. 421–425.

4. Малая медицинская энциклопедия : 6 т. / гл. ред. В. И. Покровский. М. : Советская энциклопедия, 1991. Т. 5. С. 389.

5. Малая медицинская энциклопедия : 6 т. / гл. ред. В. И. Покровский. М. : Советская энциклопедия. 1991. Т. 5. 1991. С. 347.

6. Большая медицинская энциклопедия : 35 т. / гл. ред. Н. А. Семашко. М. : Советская энциклопедия, 1929. Т. 30. С. 89.

7. Большая медицинская энциклопедия : 35 т. / гл. ред. Н. А. Семашко. М. : Советская энциклопедия, 1929. Т. 9. С. 76–91.

8. Большая медицинская энциклопедия : 35 т. / гл. ред. Н. А. Семашко. М. : Советская энциклопедия, 1929. Т. 29. С. 806–818.

9. Prieto L. J. Messages et signaux. Paris, Presses universitaires de France, 1966.

10. Пирс Ч. Начала прагматизма : в 2 т. СПб. : Алетей, 2000. Т. 2. С. 40–74.

11. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 616 с.

12. Соловьев Вл. Впечатление // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907.

13. Покровский В. И. Энциклопедический словарь медицинских терминов. Медицина, 2005. 1591 с.

14. Эко У. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации. М. : Академический проект, 2016. 559 с. (Философские технологии).

15. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков / изд. 3-е. М. : Едиториал УРСС, 2011. 208 с. (Лингвистическое наследие XX века).

16. Песоцкая И. В. Концептосфера слова «боль» в русском языке // Материалы XI Конгресса международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 2007. Т. 4. С. 265–269.

17. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М. : URSS, 2006. 248 с. (Лингвистическое наследие XX века).

18. Мартин Б., Рингем Ф. Словарь семиотики. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 256 с.

19. Пономаренко Е. А. Речевые жанры в медицинском дискурсе (в произведениях русских писателей врачей). Симферополь : Дом Писателей им. Домбровского, 2011. 208 с.

20. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М. : «Азбуковник», 2008. 1175 с.

21. Вежибицкая А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Колледж, 1997. С. 99–112.

22. Емельянова Н. А. Речевой жанр «жалоба» в различных типах дискурса в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 15 с.

23. Один В. И., Тыренко В. В. Логика клинического диагноза. СПб. : ЭЛБИ-СПб, 2011. 80 с.

REFERENCES

1. Solomonik A. B. *Ocherk obschey semiotiki* [Essay about General Semiotics]. Minsk, 2009. 192 p.

2. Ponomarenko E. A., Gerasimenko Y. A. *Istoricheskiye i metodologicheskiye predposilki vzniknoveniya i razvitiya medicinskogo discursa* [Historical and methodological presupposition for the origin and development of medical discourse]. Kazan, 2015, no. 20 (100), pp. 609–613.

3. *Bolshaya medicinskaya encyclopediya: 35 t.* [The Great Medical Encyclopedia: in 35 vol. Ed. by N. A. Semashko]. Moscow, 1929. Vol. 30, pp. 421–425.

4. *Malaya medicinskaya encyclopediya: 6 t.* [Little Medical Encyclopedia: in 6 vol. Ed. by V. I. Pokrovsky]. Moscow, 1991. Vol. 5, p. 389.

5. *Malaya medicinskaya encyclopediya: 6 t.* [Little Medical Encyclopedia: in 6 vol. Ed. by V. I. Pokrovsky]. Moscow, 1991. Vol. 5, p. 347.

6. *Bolshaya medicinskaya encyclopediya: 35 t.* [The Great Medical Encyclopedia: in 35 vol. Ed. by N. A. Semashko]. Moscow, 1929. Vol. 30, p. 89.

7. *Bolshaya medicinskaya encyclopediya: 35 t.* [The Great Medical Encyclopedia: in 35 vol. Ed. by N. A. Semashko]. Moscow, 1929. Vol. 9, pp. 76–91.

8. *Bolshaya medicinskaya encyclopediya: 35 t.* [The Great Medical Encyclopedia: in 35 vol. Ed. by N. A. Semashko]. Moscow, 1929. Vol. 29, pp. 806–818.

9. Prieto L. J. *Messages et signaux*. Paris, Presses universitaires de France, 1966.

10. Peirce Ch. S. *Nachala pragmatism: v 2 t.* [Issues of Pragmatism: in 2 vol.]. St.-Petersburg, 2000. Vol. 2, pp. 40–74.

11. Bart R. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989. 616 p.

12. Solovyov V. *Vpechatleniye* [Sense-perception]. *Enciklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron's Explanatory Dictionary]. St.-Petersburg, 1890–1907.

13. Pokrovski V. I. *Enciklopedicheskiy slovar' medicinskih terminov* [The encyclopaedic dictionary of medical terminology]. Moscow, 2005. 1591 p.

14. Eco U. *Ot dreva k labirintu. Istoricheskiye issledovaniya znaka i interpretatsii* [Dall'albero al labirinto. Studi storici sul segno e l'interpretazione]. Moscow, 2016. 559 p.

15. Ufimtseva A. A. *Tipi slovesnih znakov* [The types of verbal signs]. Moscow, 2011. 208 p.

16. Pesotskaya I. V. *Konceptosfera slova bol' v russkom jazyke* [Sphere of concept «pain» in the Russian language]. *Materialy XI Kongressa mezhdunarodnoy associacii prepodavateley russkogo yazyka i literatury* [Materials of XI Congress of international association of Russian language and literature teachers]. Varna, 2007. Vol. 7, pp. 265–269.

17. Yelmslev L. *Prolegomeny k teorii yazyka* [Prolegomena to a theory of language]. Moscow, 2006. 248 p.

18. Martin B., Ringhem F. *Slovar semiotiki* [Dictionary of Semiotics]. Moscow, 2010. 256 p.

19. Ponomarenko E. A. *Rechevye zhanry v medicinskom discurse (v proizvedeniyah russkikh pisateley-vrachey)* [Speech genres in medical discourse (in the works of Russian writers had been doctors)]. Simferopol, 2011. 208 p.

20. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vklucheniem svedenij o proishozhdenii slov* [The Explanatory Dictionary of the Russian language inclusive information about origin of the words]. Moscow, 2008. 1175 p.

21. Wierzbicka A. *Rechevye zhanry* [Speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss . 1. Saratov, 1997, pp. 99–111.

22. Emelyanova N. A. *Rechevoy zhanr «zaloba» v razlichnih tipah discursa v angliskom yazike* [The speech

genre of complaint in different types of discourse in English language. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2004.

23. Odin V. I., Tyrenko V. V. *Logica klinicheskogo diagnoza*. [The logic of clinical diagnosis]. St.-Petersburg, 2011. 80 p.

Статья поступила в редакцию 12.04.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пономаренко Е. А., Герасименко Ю. А. Симптом и/или жалоба : семиотический аспект // Жанры речи. 2016. №1. С. 113–119. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-113-119.

FOR CITING

Ponomarenko E. A., Gerasimenko Y. A. Symptom and/or complaint: semiotic aspect. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 113–119. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-113-119. (in Russian).

УДК 811.161.1'27

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-120-127

Т. И. Петрова
Владивосток, Россия

T. I. Petrova
Vladivostok, Russia

КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО
МЕЖДУГОРОДНОГО СООБЩЕНИЯ
В ЖАНРОВОМ АСПЕКТЕ

COMMUNICATIVE SPACE OF INTERCITY
TRAFFIC IN A GENRE ASPECT

Аннотация. В статье предпринята попытка представить коммуникативное пространство междугородного сообщения в аспекте жанровой дифференциации. В центре внимания понятие малого письменного жанра как текста-примитива, функционирующего в сфере дорожной коммуникации. Дается описание системы малых жанровых форм (объявлений, вывесок, плакатов, указателей), специфика которых обусловлена рядом экстралингвистических факторов: «место коммуникации», «время коммуникации», «ролевые отношения коммуникантов». Обращается внимание и на региональную маркированность исследуемых текстов.

Ключевые слова: коммуникативное пространство, речевой жанр, малый письменный жанр, текст-примитив, локус дороги, объявление, вывеска, плакат, указатель, региональный маркер.

Abstract. The article attempts to present communicative space of intercity traffic in the aspect of genre differentiation, focusing on a small written genre as a primitive text of road communication. This article covers a system of small written genres (advertisements, signboards, posters, signs), their specificity is conditioned by a number of extralinguistic factors. Attention is drawn to the regional marks of the studied texts.

Key words: communicative space, speech genre, small written genre, text primitives, road locus, advertisement, signboard, poster, sign, regional marker.

Сведения об авторе: Петрова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного. Место работы: Дальневосточный федеральный университет.

E-mail: petrova27@mail.ru

About the author: Petrova Tatiana Ivanovna, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian as a foreign language. Place of employment: Far Eastern Federal University.

Введение

Исследование коммуникативного пространства повседневной жизни предполагает обращение и к аспекту его жанровой организации. Речевой жанр в таком случае рассматривается со стороны текстовой реализации ситуаций общения, в своей совокупности образующих ту или иную коммуникативную сферу. К числу практически еще не изученных (в отличие, например, от семейного общения, уличной коммуникации) относится такая сфера, как коммуникативное пространство междугородного сообщения. Это различные ситуации общения в зоне дорог, соединяющих города и другие населенные пункты: обслуживание автомобильного транспорта, купля-продажа, предоставление услуг (питание, отдых, развлечения) и т.п.

Особое место в сфере дорожной коммуникации занимают малые письменные жанры, активное развитие которых исследователи

отмечают как одну из «тенденций жанрового развития городского общения» [1 : 116]. Под малыми письменными жанрами (далее МПЖ) понимаем письменные тексты малой формы, обладающие определенной иллокутивной направленностью и использующиеся в открытой городской коммуникации (плакаты, вывески, граффити, объявления, наклейки на автомобилях, различные надписи на асфальте и т.п.); данный термин уже используется в ряде исследований: например [1–3] и др. Подобные текстовые структуры «с полным (или почти полным) отсутствием привычных для нормы специальных средств связности» Л. В. Сахарный назвал текстами-примитивами, отметив, что явления такого рода «не укладываются» в традиционную теоретическую лингвистику и требуют иного подхода к ним: не «от формы», а «от содержания»; в связи с этим особенно значимым оказывается понятие цельности текста [4]. Речевые образова-

Исследование осуществляется при поддержке гранта РГНФ: проект «Полевые исследования живой русской речи в дальневосточном регионе (на материале Приморского края)» (№ 16-04-18021е).

© Петрова Т. И., 2016

ния малого объема, по словам Л. А. Капаназе, являются «жанром времени», когда «производство языка структурируется, делится на все более мелкие и мелкие части», «зримо и вещно обнаруживаясь в сфере речевых жанров» [5 : 302].

Наше исследование выполнено на материале Приморского края: для наблюдения послужили письменные тексты малых жанровых форм (вывески, объявления, указатели, плакаты), зафиксированные в зоне междугородного сообщения по направлениям «Владивосток – Находка» и «Владивосток – Спасск-Дальний». Статья посвящена описанию коммуникативно-прагматических и текстовых особенностей МПЖ в сфере дорожного речевого общения.

Экстралингвистические характеристики МПЖ в сфере дорожной коммуникации

В контексте анализа жанровой дифференциации коммуникативной сферы «междугородное сообщение» актуализируются прежде всего три экстралингвистических признака: 1) место коммуникации, 2) время коммуникации, 3) партнеры коммуникации.

Место коммуникации – это локус дороги, объединяющий все порождаемые им письменные тексты малой формы в речевой континуум целостной коммуникативной сферы. Именно локусом дороги обусловлена информативная функция большинства текстов: тексты указателей информируют проезжающих о расположении населенных пунктов (*Южно-Морской 12* – то есть до указанного поселка 12 километров), тексты вывесок содержат информацию о профиле придорожных объектов (*Быстро. Комнаты отдыха. Закусочная; АЗС «Сервис-Порт». Шиномонтаж*), мини-тексты дорожных объявлений информируют о предлагаемых товарах (*Молоко. Картошка. Парниковая редиска; Продается земля* <номер телефона>). Наблюдается прикрепленность отдельных текстов к определенным участкам дороги: например, на развилке двух ключевых дорожных направлений размещено объявление *Эвакуатор* <номер телефона>; в лесопарковой пригородной зоне – объявление *Спил деревьев* <номер телефона> и др. Влияние локуса обнаруживается и в текстах плакатов, «соотносимых с целеориентированной коммуникацией» [1 : 117]. Так, на протяженных участках дорог, проходящих по лесному массиву (каких в Приморье немало), часто встречаются плакаты с призывом

беречь лес: *Берегите лес от пожаров; Не допустите!* <зрительный ряд: олененок на фоне горящего леса>; *Берегите лес – наше здоровье* и т.п. Менее характерная для дорожных МПЖ фатическая функция также обусловлена локусом. Например, на придорожной скале в пригороде Владивостока мы обнаружили текст приветствия: *Здравствуйте, красивая девушка-субаровод!* <рядом смайлик с улыбкой>. Он адресован незнакомой девушке, водителю автомобиля марки «Subaru», которая, вероятно, понравилась автору текста.

Локус дороги определяет и общую **временную характеристику** МПЖ в сфере междугородного сообщения, где коммуникация чаще всего происходит в условиях высокой скорости движения (текст воспринимается из окна движущегося автомобиля или автобуса), поэтому время взаимодействия минимальное. Мимолетность коммуникации можно считать причиной главной особенности описываемых жанровых форм – их минимального объема. Это тексты-примитивы, которые, по словам Л. В. Сахарного, входя в «парадигму текстов», максимально свернуто передают «инвариант содержания (то есть структуру цельности)», следствием чего является «относительность содержательной структуры» таких текстов, несмотря на их автономию [4 : 223]. Ярко выраженной оказывается их ситуативная обусловленность. В качестве примера приведем два текста объявлений. Первый размещен на лобовом стекле большегруза: *Евгений* <номер телефона>; инвариант содержания может быть представлен в развернутой форме, например, так: *Принимаю заказы на перевозку крупногабаритных грузов. Звонить по номеру <...>. Спросить Евгения*. Вторым написан на куске картона, прикрепленного к автомобилю, стоящему на обочине дороги (вблизи моря): *КРАБ*; развернутый вариант текста может быть такой: *Продается свежельовленный краб. Цена по договоренности* (продавец находится в машине). Как правило, подобные тексты создаются частными лицами в ситуациях стихийной торговли или предложения бытовых услуг (объявление на придорожном дереве, вблизи дачного поселка: *ПЕЧНИК* <номер телефона> и т.п.). С временным признаком непосредственно связан и фактор сезонности: некоторые МПЖ функционируют в сфере дорожной коммуникации лишь в определенное время года. Например: в летнее время часто встречаются объявления (на стоящем у обо-

чины автомобиле) типа *Заправка кондиционеров от 600 р.* <имеются в виду автомобильные кондиционеры>; в весеннее время в зоне дачных поселков на небольших грузовиках, припаркованных на обочине, размещаются объявления *Перегной. Земля; Навоз. Земля*, а в конце лета на участках дорог вблизи сел – *Горячая кукуруза* и т.п.; накануне саммита АТЭС в 2012 году по трассе, соединяющей аэропорт с Владивостоком, были размещены щиты с плакатным текстом *Вместе мы еще сможем их спасти!* <зрительный ряд: изображение уссурийского тигра и дальневосточного леопарда>, адресованным участникам саммита (текст был дан на двух языках: русском и английском) с целью привлечь их внимание к проблеме защиты редких животных.

Еще одна экстралингвистическая характеристика – **партнеры коммуникации** – также обусловлена локусом дороги. Адресатом письменных текстов малых жанровых форм являются проезжающие по дороге. Но эта ситуативная роль уточняется в каждом конкретном случае в зависимости от ролевых отношений коммуникантов: продавец – проезжающий-покупатель, работник службы автомобильного сервиса – проезжающий-водитель, государственные службы (дорожная служба, ГАИ, пожарная охрана и т.п.) – проезжающий-гражданин и т.д. Типом ролевых отношений, как известно, определяется характер коммуникации: взаимодействие «по вертикали» (общение государственных служб с гражданами) и взаимодействие «по горизонтали» (общение граждан между собой). Каждому из типов взаимодействия соответствует определенный набор жанров. По характеру коммуникации в локусе дороги МПЖ дифференцируются следующим образом:

1) жанры коммуникативного взаимодействия «по вертикали»: дорожные указатели (*Федеральная автомобильная дорога М60; Хабаровск 742; Водоохранная зона*) и плакаты (*Соблюдайте чистоту! Уважайте труд дорожных работников; Берегите лес от пожаров*);

2) жанры коммуникативного взаимодействия «по горизонтали»: вывески (АЗС *«НикаОйл»*. *Автомойка. Закусочная «Ласточка»*; *Кафе «Транзит»*; *Мотель «Эдельвейс»*. *Круглосуточно*) и дорожные объявления (*Продаю землю ИЖС <указан номер телефона>*; *Гостиница «Art-hotel»*. *Бронирование номеров <указан номер телефона>*).

Однако жесткой границы в этой дифференциации нет: например, в дорожной ком-

муникации встречаются (хотя и реже) официальные объявления, как правило, регулирующего типа (*Внимание! Аварийно-опасный участок; Внимание! Работают самосвалы; Внимание! Видеофиксация нарушений ПДД*); тексты указателей иногда используются и частными лицами (*Корма 300 м <стрелка указывает направление>*; *Шашлык <стрелка указывает направление к расположенной у дороги палатке, где готовят шашлык>*).

Для сферы функционирования дорожных МПЖ характерно отсутствие переключения ролей по коммуникативной активности.

Кстати, в повседневной городской коммуникации последних лет нередко наблюдается использование МПЖ в спонтанных диалогах. Например, на грязной машине, стоящей у подъезда, кто-то написал: *Вымой меня*. Хозяин машины стер надпись, после чего появилась ответная реплика: *Нет вымой меня всю*. На входной двери в подъезде появилась надпись (на листке): *Не закрывайте дверь! (У нас домофона нет)*. После чего кто-то из жильцов закрыл дверь и написал на том же листке: *Это ваши проблемы*.

В локусе дороги коммуникация мимолетно-временная, с ситуативными ролевыми отношениями, предполагающая возможность лишь невербальной реакции: объявление о продаже чего-либо – покупка предлагаемого, указание направления – правильное ориентирование при движении по дороге, побуждение к соблюдению норм поведения на дороге – соблюдение этих норм и т.п. Таким образом, МПЖ в сфере междугородного сообщения – это жанры практической, целеориентированной коммуникации (используем термины из [1]). Тексты фатического содержания если и встречаются в дорожной коммуникации, то, как правило, в качестве сопроводителя целеориентированного текста. Например, текст вывески АЗС *«Трио» Счастливого пути!* выполняет прежде всего функцию информирования, пожелание является факультативным, хотя и очевидно его контактоустанавливающее предназначение. Еще один пример: при подъезде к поселку Штыково размещена растяжка с пожеланием *Желаем Вам доброго пути! Штыковские двери* <указан номер телефона и адрес компании>. Указан адресант – известная в Приморье компания по производству межкомнатных дверей, офис которой находится в этом поселке, что позволяет говорить о проявлении рекламного дискурса в тексте фатического – на первый взгляд – плаката.

Коммуникативно-прагматические и текстовые особенности МПЖ дорожного локуса

В рамках практической коммуникации, являющейся основой дорожного общения, конкретизируются коммуникативные цели адресантов, чем обусловлена жанровая дифференциация данной коммуникативной сферы. Актуальными для коммуникативного пространства междугородного сообщения оказываются названные уже МПЖ: указатель, объявление, вывеска и плакат. Далее кратко охарактеризуем каждый из них.

Указатель является наиболее значимым жанром в сфере междугородного сообщения, поскольку он подчинен коммуникативной цели информировать проезжающих о нахождении определенных объектов, помочь им в ориентировании во время движения. Большая часть дорожных указателей оформлена юридически и относится к сфере официального общения. Это указатели направлений, указатели расстояний, а также наименования административно-территориальных объектов (городов, районов, сел, рек и т.п.), встречающихся на пути следования.

Жанр указателя в полной мере демонстрирует признаки текста-примитива, причем текста креолизованного, информативная цельность которого создается вербальными и иконическими элементами. В качестве иконического элемента в тексте указателя используется стрелка (близким ей по функции можно считать и цифровое обозначение расстояния), вербальный же элемент – название объекта – составляет смысловое ядро текста, необходимое для передачи информации. Максимально свернутая содержательная структура текста указателя при его декодировании в локусе дороги легко разворачивается в полноценный текст. Например: *Находка 50* <стрелка указывает вправо> – инвариант содержания этого текста может быть передан развернутой структурой *Город Находка расположен в пятидесяти километрах от места нахождения указателя. Необходимо повернуть направо.* В условиях дорожного общения прагматически оправданным является именно текст-примитив, содержание которого неразрывно связано с местом коммуникации.

В коммуникативном пространстве дороги встречаются и неофициальные указатели, созданные владельцами различных объектов (питания, отдыха, автосервиса, торговли) с целью привлечения внимания потенциальных клиентов. Например: *Закусочная*

<стрелка направления>; *Сауна. База отдыха* <стрелка направления и номер телефона>; *Автомастерская. Шиномонтаж* <стрелка направления>; *Автоматазин «Форсаж» 200 м* <стрелка направления>; *Ремонт стекол. Триплекс 30 м* <стрелка направления>; *Щебень* <стрелка направления> и т.п. Такие указатели, расположенные на кустарно выполненных материальных носителях, функционируют в сфере стихийно возникающих рыночных отношений и не являются долговечными. Однако в отдельных случаях они могут приобретать статус официальных. Например, на одном из дорожных участков в Приморье несколько лет назад стихийно появился неофициальный указатель *Штыковские пруды* <со стрелкой направления> (произвольная надпись на куске фанеры), установленный как ориентир при движении к одному из популярных в Приморье мест отдыха; с развитием внутреннего туризма и возрастающим интересом в том числе и к данному туристическому объекту возникла необходимость в установке официально закрепленного указателя.

Дорожные указатели «горизонтальной» коммуникации обладают общими жанровыми характеристиками: это креолизованные тексты минимальной содержательной структуры с постоянным функциональным иконическим элементом – стрелкой направления, с использованием в вербальной части нейтральной лексики, называющей указываемый объект прямо (*автомастерская, автоматазин, закусочная, сауна, база отдыха* и т.п.) или метонимически (*замена масла, ремонт стекол, щебень, песок, уголь, дрова, шашлык, корма* и т.п.).

Одним из частотных МПЖ в коммуникативном пространстве междугородного сообщения стали **объявления информативного характера**, функционирующие в сфере стихийной придорожной торговли и предоставления тех или иных услуг. Тематически разнообразные, дорожные объявления соответственно можно объединить в две основные группы:

1) объявления о продаже: продуктов (*Молоко. Домашний картофель. Яйцо; Мед; Живая рыба*), строительных материалов (*Пиломатериалы; Щебень. Песок. Окол*), домашних животных (*Поросята; Поросята. Кролики; Перепелки*), недвижимости (*Продается усадьба; Земельный участок 16 га*), необходимого для рыбалки (*Орудия лова; Черви*) и т.п.;

2) объявления о предоставлении услуг: автосервиса (*Техосмотр от 600 руб.; Ремонт автостекол; Автошины; Эвакуатор*), сферы отдыха (*Гостиница «Art-Hotel». Бронирование номеров; База отдыха «Арчер». Баня. Домики*) и развлечений (*Небесные фонарики* <на дороге в пригороде Владивостока продавались воздушные змеи>; *Конные прогулки*), бытовых услуг (*Плотник; Печник*) (рис. 1):

Рис. 1

Тематика дорожных объявлений обусловлена конкретной зоной локуса дороги. Так, объявления о продаже продуктов и домашних животных актуальны для зоны сельских районов; объявления о продаже строительных материалов, а также об услугах печников и плотников чаще всего встречаются в зоне активного строительства дач и коттеджей; объявления о развлечениях – в пригородной зоне; объявления о продаже меда в летнее время часто появляются в зоне расположения пасек и т.п.

Обязательным компонентом текста этого МПЖ является максимально концентрированная информация об объекте объявления (*Печник; Эвакуатор; Краб* и т.п.), факультативным – контактная информация (номер телефона) в случае, если объявление расположено на расстоянии от места продажи или предоставления услуги (*Поросята* <номер телефона>; *Конные прогулки* <номер телефона>; *Ремонт автостекол* <номер телефона>; *База отдыха «Арчер». Баня. Домики* <номер телефона>). Для дорожных объявлений, обладающих максимально свернутой содержательной структурой, характерна такая прагматическая особенность, как опора на общность апперцепционной базы адресанта и адресата: содержание текста *Черви* окажется понятным лишь рыбакам, кому и адресовано объявление, расположенное на дороге по направлению к морю (или реке).

Вследствие исключительно информативного наполнения, свойственного объявлениям, основу таких текстов составляет нейтральная лексика, лишенная каких-либо коннотативных оттенков. При этом в отдельных текстах обнаруживаются проявления рекламного дискурса. Так, используются оценочные – в контексте ситуации продажи – определения предлагаемых товаров (как правило, продуктов), подчеркивающие их качества, ожидаемые покупателем: *Высококачественный мед. Молодая картошка; Горячая кукуруза; Домашнее яйцо; Живая рыба* и т.п. (рис. 2):

Рис. 2

Рекламный компонент может быть представлен имплицитно: например, в одном из мест дорожной торговли, стихийно возникающей в период созревания овощей, встретился текст, размещенный около грузовика с арбузами и дынями, – *Спасск* (развернутой содержательная структура текста-примитива могла бы выглядеть так: *Продаются арбузы и дыни, выращенные на полях Спасского района*). Ключевым в данном случае оказывается смысловой компонент «местный, экологически чистый продукт» – в противоположность к «привезенный из Китая, неблагоприятный для здоровья», данное противопоставление используется как средство манипулирования, поскольку весьма актуально для жителей Приморья.

В нашем исследовании анализируются и **тексты вывесок** как МПЖ, функционирующий именно в коммуникативном пространстве междугородного сообщения. Термином «вывеска» условно называют текст названия того или иного городского объекта, располо-

женный непосредственно на данном объекте (для обозначения одного из МПЖ этот термин используется, например, в [1 ; 3]). Если говорить о называемом объекте, то типология вывесок в локусе дороги довольно ограничена: это названия автозаправочных станций (АЗС) и других объектов автообслуживания, названия объектов питания, названия гостиниц. Часто текст придорожной вывески оказывается комплексным, включая названия сразу нескольких объектов, например: *Бистро. Комнаты отдыха. Закусочная; Шашлык. Кафе-бар. Гостиница. Музыка в дорогу* <надпись на киоске>; АЗС «Сервис-Порт». *Шиномонтаж; Мотель «Находка». Бар. Баня; «Веселый Роджер». Кафе. Гостиница* и т.п.

Преобладают в данной сфере вывески с обозначениями объектов автообслуживания. Названия автозаправочных станций включают два компонента: общее аббревиатурное АЗС и индивидуальное (АЗС «Сервис-Порт», АЗС «НикаОйл», АЗС «Арими», АЗС «Баск», АЗС «Трио»); но могут быть и однокомпонентными метонимическими – по названию компаний, занимающихся производством и продажей автомобильного топлива: *Роснефть, НК «Альянс», Дальнефтепродукт*. Метонимическими являются названия и других объектов автосервиса (по названию оказываемых услуг): *Автомойка 24 часа; Шиномонтаж грузовой и легковой; Автосервис. Кузовной ремонт* и т.п. Для идентификации редких на дорогах Приморья гостиниц используется, как правило, только общее название: *Гостиница* (в единичных случаях *Комнаты отдыха*); «экзотизмом» в локусе приморской дороги можно считать номинацию *мотель* (*мотель «Эдельвейс»* <на воротах надпись «Осторожно! Злая собака»>, *мотель «Находка»*).

Более разнообразными оказываются тексты вывесок на придорожных объектах питания. Именно в них проявляются типичные для данного МПЖ особенности: в частности, многомерность текста, который, с одной стороны, информирует об объекте и его профиле, с другой – воздействует на потенциального потребителя средствами рекламного дискурса. По словам Н. В. Михайлюковой, в условиях конкуренции в сфере городских номинаций активно развивается такая тенденция, как «стремление к максимальной дифференциации» [3 : 123]. В дорожном локусе это обнаруживается, например, в вариативности общих названий: наряду с привычными *кафе* и *закусочная* для обозначения

небольших объектов появляются номинации *бистро, тайм-стоп, pit-stop, stop-line, fast-food*, распространение которых сопровождается прибавлением индивидуального названия (*бистро «Люкс», бистро «Ням-Ням», бистро «Ван»*) или собственно рекламного компонента (*Бистро 24 часа; Fast-Food. Быстро. Вкусно; Fast-Food. Горячие обеды; Pit 24 Stop. Вкусная еда; Тайм-стоп. Быстро остановись перекуси*). Выраженной аттрактивной функцией обладают индивидуальные названия дорожных кафе и закусочных, имеющие яркую мотивированность; типичны следующие мотивации: «дорога» (*кафе «Попутчик», кафе «Перевал», закусочная «Транзит»*), «загородная зона» (*кафе «Деревня», закусочная «Пикничок», кафе «Пикник»*), «зона леса» (*кафе «Лесная фея», кафе «У лешего»*), «близость моря» (*кафе «Якорь», кафе «Ласковый берег», гостиница «Гавань»*) <по трассе, проходящей по удаленным от моря районам, мы не встретили ни одного «морского» названия>. См., напр., рис. 3:

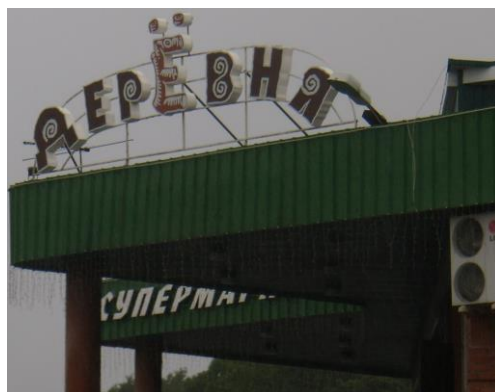

Рис. 3

В локусе дороги встречаются и уникальные случаи мотивирования, например: *бистро «Кипарис»* (расположено в зоне поселка Кипарисово); *кафе «Мимино»* (расположено по дороге вблизи аэропорта); в лесной зоне недалеко от города Уссурийска находится придорожное кафе «Бабр» (*бабр* – устаревшее название уссурийского тигра [6]). Безусловно, это факты лингвокреативной деятельности имядателей, имеющей различные проявления. Так, популярное в сфере дорожного движения название «*Минутка*» (что объясняется его способностью рекламировать принцип работы «быстрое обслуживание») получает самые разнообразные вариации: «*Новая минутка*», «*Пятиминутка*», «*Минуточка*», «*Минутка*

плюс», «5минутка», при этом используются и средства креолизации (выделение части слова, введение иконических элементов и т.п.) (рис. 4):

Рис. 4

Используются и словообразовательные возможности русского языка: наряду с метонимической номинацией «Шашлык» встречаются «Шашлычок», «Шашлычная», «Шашлычка». Наблюдается динамика текста дорожной вывески: например, однословный текст названия удаленного от населенных пунктов дорожного кафе «Green» со временем креолизовался (использована иллюминация зеленого цвета), а еще позднее был дополнен информацией рекламного характера: *Кофе в дорогу на вынос. Латте. Эспрессо. Американо* (в качестве средства аттракции использованы крупные фотографии на «кофейную» тему).

Самым малочисленным МПЖ в коммуникативном пространстве междугородного сообщения является **плакат**, обслуживающий сферу официального – «вертикального» – общения. На участках дорог, проходящих вдали от населенных пунктов, размещаются плакаты, выполняющие «регулятивную функцию» (термин из [1 : 117]); чаще всего, в них отсутствует креолизация. По нашим наблюдениям, это тексты двух тематических групп, содержащие прямую прескрипцию: 1) призывы беречь лес (*Берегите лес от пожаров; Берегите лес – наше здоровье!*) и 2) призывы к соблюдению чистоты на дорогах (*Пожалуйста, не бросайте мусор вдоль дорог; Соблюдайте чистоту! Уважайте труд дорожных работников*). В нашем материале есть и факт дорожного плакатного текста в рекламной функции: *Дороги будущего для Приморья. Примавтодор*. В пригородной

зоне плакатов на дороге становится больше – то есть плакат оказывается своеобразным маркером приближения к городу. На таких дорожных участках преобладают тексты коммерческой рекламы, но встречаются также плакаты иной направленности: социальные (*Пьяный за рулем – преступник на дороге; Будь внимательней! Это могут быть твои дети* <зрительный ряд: дети на дороге>) и – ближе к городу – фатические (*С днем рождения, любимый Уссурийск!*).

О региональной маркированности малых письменных жанров

Исследование жанровой организации коммуникативного пространства предполагает обращение к конкретному региональному материалу, поэтому тексты МПЖ, функционирующие в сфере междугородного сообщения, оказываются в той или иной степени регионально маркированными.

Объектом наблюдения стали дорожные тексты, собранные по двум различным направлениям Приморья: «Владивосток – Находка» – дорога к морю, «Владивосток – Спасск-Дальний» – дорога в сельскохозяйственные районы края. Данное обстоятельство нашло отражение в пропозициональном компоненте жанров, актуализированном временным признаком.

В «сельскохозяйственном» направлении – на дорогах в зоне сел – в летнее время преобладают стихийные информативные объявления о продаже продуктов сельского хозяйства: *Свежий мед, молодая картошка; Арбузы; Кукуруза; Домашнее молоко. Яйца* и т.п. На лесных участках дорог в мае часто встречаются продавцы папоротника-орляка, из которого готовят одно из традиционных в Приморье блюд; чаще свой товар они представляют невербально, держа собранный папоротник в руках, но иногда используют и письменный текст (нами зафиксирован вариант с написанием: **ПАПАРОТНИК**). Дорожные объявления «морского» направления отражают близость Приморья к морю: во-первых, это объявления о продаже необходимого для рыбалки (*Черви. Япония; Черви из ЯПОНИИ; Черви. Опарыш; Морские черви; Орудия лова* <номер телефона>), во-вторых, это находящиеся в непосредственной близости к морю (или реке) объявления о продаже продуктов улова (*Живая рыба; Краб; Писуч. Корюшка. Навага*) (часто на машинах, стоящих на обочине дороги).

Безусловно, региональная специфика проявляется в топонимах, представленных в

локусе дороги на официальных указателях, а также в некоторых текстах других МПЖ. Например, вывеска перед въездом на территорию известного в Приморье парка диких зверей: *Сафари-парк. Парк тигров открыт*. Показателен и плакат фатического содержания, размещенный при въезде в город Уссурийск, который находится недалеко от приграничного китайского города Суйфэньхэ: *СУЙФЭНЬХЭ город, говорящий по-русски, ждет Вас в гостях!* <внизу небольшой текст по-китайски>; участие креолизации (яркая фотография русских девушек с покупками на красивом фоне обозначенного города) указывает на рекламную функцию текста.

Заключение

Коммуникативное пространство междугородного сообщения имеет ряд характеристик, обуславливающих специфику дискурса этой сферы и получающих текстовую реализацию в определенном наборе малых письменных жанров. Это прагматически оправданные в локусе дороги тексты-примитивы с максимально свернутой содержательной структурой, понятной в контексте дорожной коммуникации. При наличии общих коммуникативно-прагматических и текстовых признаков письменные мини-тексты обладают индивидуальными жанрообразующими признаками, которые и лежат в основе жанровой дифференциации дорожной сферы общения как особого проявления повседневности, имеющего региональную окрашенность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* Современное городское общение : типы коммуникативных ситуаций и их жанровая реализация (на примере Москвы) // Современный русский язык : Социальная и функциональная дифференциация / под ред. Л. П. Крыкина. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 103–126.
2. *Шарифуллин Б. Я.* Язык современного сибирского города // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : научно-методич. бюл. / под ред. А. П. Сковородникова. Вып. 5. Красноярск – Ачинск : Изд-во Красноярского ун-та, 1997. С. 8–27.
3. *Михайлюкова Н. В.* Тексты городских вывесок как особый речевой жанр (на материале языка г. Вла-

дивостока). Владивосток : Изд-во Дальневост. федерального ун-та, 2014. 190 с.

4. *Сахарный Л. В.* Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке : язык и порождение речи / под ред. Е. С. Кубряковой. М. : Наука, 1991. С. 221–237.

5. *Капанадзе Л. А.* Развитие речевых жанров в русском языке // Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы : избр. работы по русскому языку. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2005. С. 290–304.

6. *Ефремова Т. Ф.* Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М. : Русский язык, 2000. URL : <http://www.efremova.slovaronline.com/Б/БА/2720-BABR> (дата обращения: 04.05.2016).

REFERENCES

1. Kitaygorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Sovremennoe gorodskoe obschenie: tipy kommunikativnykh situatsiy i ih zhanrovaya realizatsiya* [Contemporary urban communication: types of communicative situation and their genre realization]. *Sovremenny russkiy yazyk: sotsialnaya i funktsionalnaya differentsiatsiya* [Social and stylistic differentiation of modern Russian. Ed. by L. P. Krysin]. Moscow, 2003, pp. 103–126.

2. Sharifullin B. Ya. *Yazyk sovremennogo sibirskogo goroda* [Language of the modern Siberian city]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshheniya: nauch.-metod. bjulleten* [Theoretical and applied aspects of verbal communication: scientific and methodological newsletter. Ed. by A. P. Skovorodnikov]. Iss. 5. Krasnoyarsk-Achinsk, 1997, pp. 8–27.

3. *Mihaylyukova N. V.* *Teksty gorodskikh vyvesok kak osobyj rechevoy zhanr* [The urban sign texts as a particular speech genre]. Vladivostok, 2014. 190 p.

4. *Sakharny L. V.* *Texty-primitivy i zakonomernosti ih porozhdeniya* [Text primitives and patterns of their generation]. *Chelovecheskiy faktor v yazyke: yazyk i porozhdenie rechi* [Human factor in language: linguistics and speech production. Ed. by E. S. Kubryakova]. Moscow, 1991, pp. 221–237.

5. *Kapanadze L. A.* *Razvitie rechevykh zhanrov v russkom yazyke* [The development of speech genres in Russian]. *Kapanadze L. A. Golosa i smysly: izbrannye raboty po russkomu yazyku* [The voices and meanings: selected works on the Russian language]. Moscow, 2005, pp. 290–304.

6. *Efremova T. F.* *Novyj tolkovo-slovoobrazovatelnyj slovar russkogo yazyka* [New Dictionary of Russian Language. Sensible and Word-Formation]. Moscow, 2000. Available at: <http://www.efremova.slovaronline.com/Б/БА/2720-BABR> (accessed 4 May 2016).

Статья поступила в редакцию 4.06.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Петрова Т. И. Коммуникативное пространство междугородного сообщения в жанровом аспекте // Жанры речи. 2016. №1. С. 120–127. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-120-127.

FOR CITING

Petrova T. I. Communicative space of intercity traffic in a genre aspect. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 120–127. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-120-127. (in Russian).

УДК 811.161.1'27

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-128-136

Т. В. Дубровская
Пенза, РоссияT. V. Dubrovskaya
Penza, Russia**ЖАНР «ПИСЬМО ИЗ УПАКОВКИ»:
ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ
АВТОРА И АДРЕСАТА****GENRE «LETTER IN THE PACK»:
DISCURSIVE CONSTRUCTION OF THE
ADDRESSER AND THE ADDRESSEE**

Аннотация. В статье исследуется жанр коммерческой сферы «письмо из упаковки», в частности, особенности дискурсивного конструирования автора и адресата. Опираясь на теорию речевых жанров и теорию социального конструкционизма, автор демонстрирует, как типизированный и категоризированный личный опыт автора проецируется на адреса и как выстраивается аксиологически нагруженная система отношений «автор – адресат». Модель анализа жанра включает обращение к коммуникативной цели жанра и соотнесение ее с социальными практиками, выявление репрезентаций и способов дискурсивного конструирования автора и адресата, рассмотрение аксиологических установок адресанта, объективированных в жанре. В результате анализа выявлено, что в жанре происходит смешение коммуникативных практик и отношения «автор – адресат» конструируются не в коммерческих, а в ценностных категориях. Следование общим ценностным ориентирам определяет принадлежность автора и адресата к одной группе «мы». Автор также приходит к выводу, что теория социального конструкционизма и жанров речи могут быть интегрированы для изучения языковых способов репрезентации и интерпретации социальной действительности.

Ключевые слова: жанр, коммерческий, автор, адресат, конструирование.

Abstract. The paper focuses on the commercial genre «letter in the pack», specifically on the discursive construction of the addresser and the addressee. Methodologically, the author draws on speech genre theory and social constructionism to demonstrate how the categorized and typified personal experience of the addresser is transmitted onto the addressee and how this results in the construction of the axiologically charged system «addresser – addressee». The analytical model embraces the consideration of illocutionary force in the context of social practices, representations and discursive techniques used to construct the addresser and the addressee, as well as the addresser's axiological views that are embodied in the genre. The analysis reveals that the genre mixes social practices and the relations «addresser – addressee» are constructed in axiological – not commercial – terms. Following similar axiological principles predetermines the representation of the addresser and addressee as belonging to the «us» – group. The author also claims that social constructionism and speech genre theory can be integrated to explore the linguistic ways employed to represent and interpret social reality.

Key words: genre, commercial, addresser, addressee, construction.

Сведения об авторе: Дубровская Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой «Английский язык».

Место работы: Пензенский государственный университет

E-mail: gynergy74@gmail.com

About the author: Dubrovskaya Tatiana Victorovna, Doctor of Philology, Head of the department «English language».

Place of employment: Penza State University

– Раз письмо – значит, к кому-то, – сказал Король, – писать никому пока не в обычае!

– А кому оно адресовано? – заинтересовался кто-то из присяжных.

– Никому, – сказал Кролик. – Я хочу сказать, снаружи ничего не написано <...>

Льюис Керролл. Алиса в стране чудес.

1. Введение

Категории автора и адресата давно полу-

чили статус жанрообразующих и закрепились в жанроведческой методологии, во многом благодаря модели речевого жанра (РЖ), предложенной Т. В. Шмелёвой [1]. Обозначенные исследовательницей как образ автора и образ адресата, эти категории применяются в анализе разных РЖ, в том числе в тех случаях, когда исследования нацелены и на другие аспекты жанра. Т. В. Шмелёва спра-

ведливо подчёркивает существование неразрывной связи между автором РЖ и его адресатом: «<...> Для образа автора РЖ едва ли не на первом месте стоят его отношения с адресатом, это, так сказать, “портрет на фоне”» [1 : 93–94]. Думаем, что можно говорить о взаимообуславливающих отношениях между адресатом и автором, взаимных «портретах на фоне», поскольку в жанре автор не только объективирует свои представления о себе и адресате, но и в определенной мере подстраивает речевые формы под горизонт ожиданий адресата, ведь «всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает» [2 : 260]. Более того, мы считаем возможным утверждать, что в ряде коммуникативных ситуаций адресант не просто ориентируется на конкретного или потенциального адресата, но и сам дискурсивно конструирует его.

В настоящей работе мы осуществим жанровый анализ, опираясь помимо собственно теории речевых жанров на теорию социального конструкционизма, в которой «любая ситуация как предмет исследования <...> рассматривается не как само собой разумеющееся, объективное и автохтонное образование, но как следствие процесса конструирования» [3 : 42]. Особая роль в конструкционизме отводится языку, который понимается как средство объективации и типизации личного опыта, а также социальных отношений. В своём известном труде о социальном конструировании реальности П. Бергер и Т. Лукман утверждают: «Общие объективации повседневной жизни поддерживаются главным образом с помощью лингвистических обозначений. Кроме того, повседневная жизнь — это жизнь, которую я разделяю с другими посредством языка. Понимание языка существенно для понимания реальности повседневной жизни» [4 : 27]. В понимании конструкционистов, язык может быть удалён от ситуации лицом-к-лицу, и тогда он непосредственно не выражает субъективности «здесь-и-сейчас». Такая способность позволяет языку обобщать личный опыт, превращая его в опыт общественный, имеющий смысл для других людей. «<...> Язык раздвигает свои рамки так гибко, что позволяет мне объективировать огромное множество переживаний на протяжении всей моей жизни. Язык также типизирует мои переживания и опыт, позволяя распределить их по более широким категориям, в терминах которых они приобретают значение не только для меня, но и для других людей» [4 : 28].

Взаимосвязь идей социального конструкционизма и таких теорий языка, в которых акцент делается на процессы коммуникации, на социальное взаимодействие коммуникантов, отмечалась в работах отечественных гуманитариев. В числе этих теорий называются, в частности, теория речевых актов и теория речевых жанров [5–7]. В то же время конструкционистские теоретические положения относительно конструирующей функции языка находят весьма ограниченное применение в отечественной теории речевых жанров. Отдельные исследования жанров конструкционистского толка, о которых нам известно, — это, главным образом, работы по политической лингвистике, написанные в русле критического дискурс-анализа, который теоретически базируется на положениях социального конструкционизма [8 ; 9]. Мы полагаем, что конструкционистский подход может осуществляться и при исследовании жанровых форм других сфер, поскольку положение о том, что «язык не просто репрезентирует мир, но отбирает, акцентирует, подавляет и организует различные аспекты наших переживаний и восприятия мира» [6 : 134], характеризует не только политические языковые практики, но и языковые практики повседневности.

Понятие категоризации социальной действительности и социальных акторов, занимающее одно из ключевых мест в дискурсивном анализе [10], лежит в основе дальнейшего анализа. Мы ставим **цель** на примере одного жанра продемонстрировать, как типизированный и категоризированный личный опыт автора РЖ проецируется на адресата, и тем самым дискурсивно конструируются не только «портреты» автора и адресата, но и сложная аксиологически нагруженная система социальных отношений между ними.

Мы намеренно не используем традиционные понятия «образ автора» и «образ адресата», поскольку их применение предполагает методологический подход, в соответствии с которым признаётся наличие объективно существующих коммуникантов, получающих объективное, непосредственное отражение в жанре. В настоящей работе автор и адресат рассматриваются не как такие объективные феномены, а как дискурсивные конструкты, интерпретация которых возможна только через интерпретацию текста, жанра.

Помимо введения статья включает описание материала и модели анализа (раздел 2), анализ материала с точки зрения конструирования социальных отношений между

адресантом и адресатом (раздел 3). Статья завершается выводами (раздел 4) и списком литературы.

2. Материал и модель анализа

Материалом для данной статьи стали тексты одного жанра, обозначенного как «письма из упаковки». О происхождении и источнике этих текстов следует рассказать подробнее. Отечественная компания SPLAT, производящая средства ухода за полостью рта, использует необычный маркетинговый ход: в упаковки с зубной пастой производитель вкладывает письма, в которых генеральный директор компании обращается к покупателю на самые разные общечеловеческие темы, включая любовь, семью, родину, работу и т.д. Такая маркетинговая стратегия выбрана вместо традиционных затрат на рекламу: по сведениям из ряда источников, у компании отсутствует рекламный бюджет. Генеральный директор компании Е. Дёмин утверждает: «Я ничего не имею против традиционных каналов рекламы. Просто не хочу выбрасывать деньги покупателей на ветер, ведь любые рекламные расходы заложены в цену продукта» [<http://www.4p.ru/main/theory/48354/>]. С 2007 года по настоящий момент было написано 105 писем. Значительная их часть размещена на сайте компании [www.splat.ru], где они обозначены как «письма из упаковки». Каждому письму присвоен порядковый номер. В качестве материала для статьи были использованы 18 писем, датированных в основном 2013–2015 гг.

Применяемая далее **модель анализа** жанра предполагает выполнение следующих задач:

1) установление коммуникативной цели жанра и соотнесение её с социальными практиками, в рамках которых функционирует жанр;

2) выявление способов дискурсивной саморепрезентации адресанта;

3) определение основных характеристик адресата и способов их дискурсивного конструирования;

4) рассмотрение аксиологических установок адресанта и их роли в конструировании отношений между адресантом и адресатом.

3. Анализ

3.1. «Вырванный» жанр: о коммуникативной цели и саморепрезентации автора

Традиционная модель анализа РЖ предполагает обязательное обращение к его

коммуникативной цели. Мы не отступаем от данной традиции и принимаем в качестве исходного положения утверждение о том, что коммуникативная цель представляет собой наиболее значимый жанрообразующий признак. Кроме того рассмотрение коммуникативной цели необходимо, поскольку эта категория самым непосредственным образом связана с автором высказывания, в котором он реализует свои интенции.

Определение коммуникативной цели «писем из упаковки» представляется, однако, непростой задачей, поскольку анализ выявляет противоречие между сферой социального взаимодействия коммуникантов и характером жанра. Сферой функционирования жанра является сфера коммерции, продажи: только купив товар, покупатель становится обладателем адресованного ему письма. Однако сам текст письма лишён очевидной коммерческой подоплёки; он не призывает к совершению новых покупок, не даёт информации о товаре или производителе в коммерческом понимании. Цель писем сам автор формулирует следующим образом:

(1) Тогда же мне очень захотелось рассказать людям, для которых мы так трудимся, кто мы и что нами движет. Почему мы бесконечно увлечены любимым делом, зачем так фанатично следим за качеством и какие ценности важны для нас. Вечером я написал первое письмо, утром его напечатали и вложили в упаковки (Письмо №100).

Желание рассказать о себе и своих ценностях выводится автором писем на первый план. Проблема ценностей самого автора, его компании, современного российского общества в целом поднимается в каждом обращении к покупателю, нередко в эксплицитной форме, с использованием соответствующих лексических единиц:

(2) Возвращаясь к своим ценностям каждый день, я получаю дополнительные силы (Письмо №68);

(3) Единственный якорь, шкала, опора и подсказка на все случаи жизни – простые, но настоящие ценности: любовь, семья, Родина, вера, честность, готовность помочь и отдавать больше, чем брать (Письмо №105).

Очевидно, что для рассматриваемого жанра характерна воспитательная направленность, которая типична для совсем иных социальных практик, в большей степени – для педагогического и философского дискурса. Появление в сфере коммерции жанра, реализующего воспитательную функцию, можно расценивать, на мой взгляд, как про-

явление феномена 'disembedded genre' (вырванный, перемещённый жанр), о котором пишет классик критического дискурс-анализа Н. Фэрклоф [11]. Это явление состоит в том, что жанры «вырываются из специфичной сети социальных практик, в которых они изначально сформировались, и становятся доступными в качестве некоей 'социальной технологии', преодолевающей различия между социальными практиками и различия в масштабах проявления» [11 : 69] (Перевод с английского здесь и далее мой. – Т. Д.). Перемещение жанров Н. Фэрклоф считает чертой «нового капитализма» с присущим ему смешением социальных и соответствующих языковых практик.

В данном случае коммерческая практика агрессивной рекламы товара заменяется задушевым монологом производителя, основанном на ценностных установках и содержащем мораль. Такой рассказ конструирует портрет автора не столько как коммерческого производителя, нацеленного на получение прибыли, сколько как собеседника и даже духовного наставника. Вероятно, одним из вариантов интерпретации «писем из упаковки» может быть понимание жанра как манипулятивного, хотя и более креативного, имиджмейкерства, привлечения покупателя к товару и самому производителю. И в этом случае жанр можно рассматривать в терминах не прямой коммуникации, для которой характерны «отсутствие точности и однозначности языкового знака как в тексте, так и в системе, непредсказуемость результирующего смысла высказывания<...>» [12 : 6]. Если же обратиться к перлокутивному эффекту жанра, то с одной стороны, он соответствует коммуникативному намерению, легко выводимому из языковой формы жанра и эксплицитно заявленному автором, а с другой стороны, свидетельствует о выполнении коммерческой задачи, привлечении покупателя. В одном из Интернет-блогов [<http://sergeykorol.ru/blog/splat-letters/>] покупатель зубной пасты пишет:

(4) *Пару дней назад я купил зубную пасту, и купил тюбик пасты Splat. Обычно мы пользуемся пастой R.O.C.S., но такой не было, а зубы чистить нужно. Собственно, вечером я раскрыл коробку с пастой, а оттуда вместе с тюбиком вывалился листочек бумаги.*

Я сонным взглядом начал читать, «Пуповина очень плотная и прочная...», думаю, ну нафиг, какая еще пуповина в зубной пасте в два часа ночи. А потом прочитал всё внимательно. Вы тоже прочитайте:<...> [<http://sergeykorol.ru/blog/splat-letters/>].

Далее выложен полный текст письма, содержание и идею которого блоггер суммирует одним абзацем:

(5) *Это личное письмо, в котором генеральный директор компании, производящей зубную пасту, рассказывает о том, как он помогал принимать роды своей второй дочке, как лично перерезал её пуповину, его размышления о жизни, семье, значимости. В конце он благодарит за письма, которые пользователи пасты присылают в компанию, и говорит о том, что лично собирает эти письма и рассылает всем сотрудникам. Всё это заканчивается его фотографией, подписью и личным почтовым ящиком [<http://sergeykorol.ru/blog/splat-letters/>].*

Примечательно, что адресат положительно оценивает как собственно содержание писем (*просто офигенно; интересно их читать*), так и маркетинговую стратегию компании (*какой бренд можно построить; зацепила сама идея; вся зубная паста одинаковая; отличается только та...*):

(6) *Это просто офигенно!*

Вот вроде кажется, зубная паста — это тебе не смартфоны с надкушенным яблоком. Кто вообще парится о зубной пасте, какой бренд можно построить на этом? Оказывается, можно! Мне вот уже даже всё равно, сам Евгений Дёмин пишет эти письма, действительно он пуповину перерезал и так далее — меня просто зацепила сама идея личных писем, мне интересно их читать!

Для меня вся зубная паста какая-то одинаковая. Отличается от всех теперь только та, у которой в коробке лежат личные письма [<http://sergeykorol.ru/blog/splat-letters/>].

Представляется, что такой перлокутивный эффект, отраженный и в отзывах других покупателей, свидетельствует по меньшей мере об отсутствии конфликта между фатической составляющей жанра и его маркетинговой составляющей, которая опознаётся адресатом, но не воспринимается как обман и насилие.

Обе составляющие жанра конструируются в том числе рядом **средств самопрезентации автора**. Как мы отметили выше, автор не делает акцент на своём предпринимательстве. Контексты, в которых он репрезентирует себя как бизнесмена, немногочисленны и выступают в качестве основы для рассуждений на другие темы. К примеру, в письме о ценности обещаний упоминаются деловые отношения и их элементы, объективированные в тексте лексикой деловой сферы:

(7) *Другой известный предприниматель долго договаривается с нами о важной сделке и в день, когда я*

еду к нему *подписать договор, звонит и говорит, что передумал* (Письмо №94).

Образ делового человека, живущего по плану и выполняющего ряд типичных для бизнесмена действий, конструируется и в следующем фрагменте:

(8) *Просматриваю список законченных дел на сегодня – и понимаю, что день был очень результативный. Почти все, что планировал, успел сделать: встретился, подписал, выслушал и договорился...* (Письмо №95).

Такие включения выполняют вспомогательную роль и невелики по объёму. Исключением представляется юбилейное послание, полностью посвященное непростому пути развития компании. Однако и в этом письме развитие компании рассматривается не в столько в терминах коммерции, сколько с точки зрения человеческих отношений, жизненного опыта и ценностей. Репрезентация собственно коммерческой успешности компании содержится только в одном абзаце и выражена атрибутами-прилагательными *отличная, крупнейшая*, а также указанием на широкий рынок сбыта:

(9) *Тогда мы еще не знали, что почти через 15 лет у нас будет отличная команда из 750 человек. Что мы будем крупнейшим российским производителем зубной пасты. Что кроме России наши продукты можно будет купить в 31 стране мира* (Письмо №100).

Отношения между адресантом и адресатом не конструируются как собственно коммерческие. Причём в отличие от рекламы, где производитель товара также может продемонстрировать тёплые чувства к покупателю и желание сделать его жизнь более приятной / удобной / успешной с помощью продвигаемого товара, в «письмах из упаковки» товар как предмет продаж практически не упоминается. Основным средством саморепрезентации адресанта является не «картинка» производимого товара, а личная история, жизненный нарратив:

(10) *Так случилось, что отец мой погиб, когда мне было 7 лет, и маме приходилось успевать делать все: работать на двух работах, проверять мои уроки, улаживать хозяйственные дела и как-то замечать мне мужское воспитание...* (Письмо №95);

(11) *Сегодня день рождения моей любимой. Мы знали друг друга с двенадцати лет. Жили в одном городе, ходили одними дорогами, плавали в одном море и даже не предполагали, что можно быть так близко и так далеко* (Письмо №101).

Личный нарратив в ряде случаев комбинируется с опосредованным нарративом, то есть пересказом чужого опыта, чужих жизненных историй, что раздвигает рамки собственного существования, привязывает личные переживания и опыт к переживаниям и опыту окружающих:

(12) *Один мой друг решил найти няню для своего ребёнка, поскольку оба родителя работают. У него были три прекрасные кандидатки на выбор, и когда он решил получить рекомендации от прежних работодателей, выяснилось, что все три семьи уехали навсегда из нашей страны. В субботу у нас в гостях был близкий мне человек, и мы чуть не передрались, обсуждая тему «Можно ли остаться и что-то изменить в России или уже нет?»* (Письмо №88).

В приведенном примере история эмиграции из частной жизни типизируется (*все три семьи уехали*) и переходит в стадию обобщения (*можно ли остаться и что-то изменить*). Представляется, что именно типизация личного опыта служит основным способом дискурсивного конструирования автором своих отношений с адресатом, а также самого адресата.

3.2. Адресат коммерческий и дискурсивный

Прежде чем рассмотреть механизмы типизации опыта, которые применяются для дискурсивного конструирования связи между автором и адресатом, необходимо определить, кто же выступает в качестве адресата. Как и в случае с вопросом о коммуникативной цели рассматриваемого жанра, ответ неоднозначен, так как адресата можно рассматривать в двух различных перспективах: коммерческой (прагматической) и дискурсивной. **Коммерческий адресат** – это объективно существующий потенциальный покупатель, вероятно, человек среднего класса, т.к. продукция компании относится к диапозону средних цен. **Дискурсивный адресат** – это, собственно говоря, дискурсивный конструкт, который формируется из всей совокупности «писем» в их интертекстуальной взаимосвязи. Поскольку написание писем продолжается уже несколько лет и автор каждый раз добавляет новые характеристики к портрету адресата, на наш взгляд, можно говорить об определённой гибкости и нестабильности дискурсивного конструкта «адресат». Однако пристальное изучение диахронических изменений данного конструкта не входит в наши задачи, и мы выделим основные характеристики адресата на основе

имеющегося материала за последние 3 года.

Отметим, что автор пишет о себе, а не об адресате. Адресат же конструируется за счет создания автором некоторой общей виртуальной среды существования, за счет упоминания таких жизненных обстоятельств и реалий, которые должны быть близки и понятны как автору, так и адресату. Итак, основные характеристики социального статуса адресата включают:

1. Место жительства: городской житель:

(13) *Мы живем в городах, где все наше время четко распределено между ответственностью, обязательствами и 15 минутами свободного времени далеко за полночь* (Письмо №103);

2. Возраст: молодой, активный, но достаточно зрелый:

(14) *<...> мы с удивлением обнаруживаем, что обращение «молодой человек» все реже звучит по отношению к нам* (Письмо №104);

Это люди, уже создавшие свои семьи, с детьми. Тема семьи и детей активно обсуждается как актуальная:

(15) *Не успеваем почитать детям книгу в будни, успокаивая себя тем, что будут же выходные* (Письмо №75);

3. Образование: высшее. В текстах неоднократно упоминаются университет, диплом, научный симпозиум и другие реалии системы высшего образования и науки:

(16) *Это поможет получить престижный диплом и отличную работу* (Письмо №105);

(17) *Для реализации самых амбициозных проектов всегда несколько стран собираются вместе. Объединяя лучшие силы, ведущих ученых, обмениваясь разработками и сокращая затраты* (Письмо №96);

4. Занятость: человек много и упорно работающий:

(18) *Может быть, наша миссия и состоит в том, чтобы быть здесь, где пока все не просто и легко, помогая своим трудом и добрыми делами менять мир к лучшему* (Письмо №67);

5. Материальная обеспеченность: хорошо обеспечен, может позволить себе хорошее жилье, автомобиль, путешествия, отдых за границей, няню для детей:

(19) *Лучшие агенты по недвижимости всегда советуют покупать даже самую простую квартиру, но в хорошем районе* (Письмо №97);

(20) *Не пить с утра в дьюти-фри, или не объедаться и не хамить на курорте all-inclusive* (Письмо №88);

(21) *В машине очень вкусно пахнет свежим хлебом, а пробка движется так медленно* (Письмо 103).

Общая социальная среда автора и адресата часто лингвистически выражается инклюзивным «мы» (примеры (13), (14)) или формами глагола в 1 лице множественного числа (пример (15)). Такие грамматические формы, однако, не являясь неизменным условием конструкции общих социальных характеристик автора и адресата. Общие суждения о жизни безотносительно к автору или адресату также выполняют эту функцию. Самым эксплицитным способом построить предикацию, «приписав» адресату некие действия в типичной социальной ситуации, представляется использование побудительных предложений, обращенных непосредственно к адресату, но такие примеры единичны:

(22) *Пристегни ремень. Вызови такси, если позволил лишнее* (Письмо №93).

Обращение на «ты» в данном примере также создаёт эффект адресата как социальной ровни автору.

3.3. Аксиологический аспект системы «автор – адресат»

Адресат конструируется не только посредством присвоения ему ряда характеристик социального статуса, но и за счёт создания общей аксиологической системы, объединяющей автора и адресата. Личные истории автора писем трансформируются в некий обобщенный социальный опыт прежде всего потому, что они категоризируют личный опыт с точки зрения общественно значимых ценностей.

По утверждению отечественного философа А. А. Ивина, в аксиологической традиции «ценностью объявляется предмет некоторого интереса, желания, стремления и т.п., или, короче говоря, объект значимый для человека или группы лиц <...> Позитивно ценной является такая ситуация, какой она должна быть в соответствии с существующим в данном обществе образцом или стандартом объектов рассматриваемого рода, или в соответствии с представлениями субъекта о совершенстве таких объектов» [13 : 67].

Каждая история автора носит не просто описательный характер, но и имеет аксиологическую «привязку», т.е. оценивает кон-

кретный фрагмент жизненного опыта в соответствии с «нормативными» представлениями. К примеру, истории об эмиграции из России, приведенные выше в примере (12) – это, с одной стороны, истории обыденности, повседневности. С другой стороны, они позволяют актуализировать ценностные установки автора о патриотизме.

Общее жизненно-ценностное пространство автора и адресата конструируется дискурсивно. Общность опыта маркирована существительным *каждый*; типичность ситуации подчёркивается и формулировкой *что-то подобное*, допускающей отклонения от описываемой ситуации, но тем не менее помещающей похожие ситуации в одну категорию:

(23) *Думаю, каждый слышит и видит вокруг что-то подобное. И если не на уровне действий, то разговоров уж точно* (Письмо №88).

Эти типичные для автора и адресата ситуации повседневности рассматриваются в аксиологическом контексте. Автор переводит рассмотрение ситуаций эмиграции с бытового уровня на уровень социальных ценностей и по сути констатирует ценность патриотизма:

(24) *Например, мы с радостью пишем: «Сделано в России с любовью». Уверен, что в такой стране, где люди уважают друг друга, а государство ценит и уважает своих граждан, наши дети точно хотели бы жить* (Письмо №88).

Важен при этом масштаб обобщения. Как видим, в цитате использованы широкие категории *страна, люди, государство, граждане*, каждая из которых включает как автора, так и дискурсивного адресата. Стратегия эмоционализации, реализуемая посредством лексики со значением положительных эмоций (*с радостью, с любовью, хотели бы*), конструирует ситуацию верности своей стране как позитивную ценную, в противовес ситуации эмиграции.

Группе «мы», включающей автора и адресата как носителей ряда социальных ценностей, противопоставляется группа «других» с иными ценностями. Отстранённость этой группы акторов от автора и адресата маркирована формой нарратива от третьего лица, а также номинациями группы *новые соискатели, наши соотечественники* и др.

(25) *<...> Там, где все уже построено и роли распределены, жизнь понятна и предсказуема. Все вакансии заняты, и новых соискателей никто не ждет* (Письмо №67);

(26) *В списке стран, куда хотели бы переехать наши соотечественники, будь у них такая возможность, на первом месте стоит Австралия, затем идут Германия и Италия* (Письмо №67).

Список ценностей, актуальных для аксиологически нагруженной системы «автор – адресат», представлен самим автором в одном из писем (см. выше пример (3)). Напомним, что к ним автор относит любовь, семью, Родину, веру, честность, взаимовыручку, готовность отдавать и др., и каждое из писем построено на обращении к одной или нескольким из этих ценностей. Нашей задачей не является решение вопроса о степени универсальности перечисленных ценностей – это вопрос социо-философский. В контексте данной статьи и рассмотрения механизма, дискурсивно конструирующего взаимоотношения между автором и адресатом, важно отметить следующее. Помимо того что ценности выступают как средство категоризации общей социальной действительности автора и адресата, адресату – наряду с автором – приписывается следование одинаковым ценностным установкам, что и объединяет их в одну группу:

(27) *Каждый из нас сегодня своим примером создает будущее. И пусть нам будет легко смотреть в глаза нашим детям за этот пример. У нас есть прекрасный, идеально подходящий для жизни мир, и мы должны сделать все, чтобы встретить будущее у ручья с питьевой водой, а не в руинах технологических катастроф* (Письмо № 102);

(28) *Мы можем подавать пример окружающим, сделав первый шаг, проявив инициативу или протянув руку помощи* (Письмо №67).

С точки зрения языкового выражения, положительно оцениваемые действия приписываются адресату посредством ассертивов в настоящем времени (*каждый создаёт, у нас есть*), а также модальных форм (*пусть будет, должны, можем*).

4. Выводы

Представленный выше анализ позволяет сделать ряд выводов о специфике рассмотренного жанра, а также предложить некоторые заключения методологического характера.

Рассмотренный жанр «письмо из упаковки» является примером «вырванного» жанра, т.е. жанра, сфера формирования которого отлична от той, в которой он функционирует в настоящее время. Смешение сфер социального взаимодействия и коммуникативных практик приводит к перемещению и

заимствованию жанровых форм. Жанр личного письма с фатической коммуникативной направленностью нехарактерен для сферы коммерции, и появление и функционирование этого жанра в сфере продаж образует коммуникативный сдвиг. Этот коммуникативный сдвиг объективируется, прежде всего, в специфической, некоммерческой, системе отношений «автор – адресат», которая выстраивается дискурсивно во всей интертекстуальной совокупности рассматриваемых текстов.

Система отношений «автор – адресат» опирается не на коммерческие категории привлечения покупателя, получения выгоды и удовлетворения потребностей, а на ряд актуальных, по мнению автора, социальных ценностей. Указание на важные жизненные ценности в контексте личного или опосредованного нарратива лежит в основе саморепрезентации автора. Его жизненный опыт категоризируется в аксиологических терминах. «Портрет» адресата, конструируемый автором в письмах, также включает помимо прагматических характеристик (возраст, уровень дохода и др.) некоторые аксиологические характеристики (например, трудолюбие, способность создавать семью). Наконец, ряд продвигаемых автором ценностей представлен в письмах как общий контекст, разделяемый обеими сторонами коммуникации. Обе стороны дискурсивно репрезентируются как следующие ценностным ориентирам, которые перечисляются в письмах. Такие репрезентации не только определяют принадлежность автора и адресата к одной группе «мы», но и конструируют аксиологически нагруженную систему отношений между ними.

Что касается выводов методологического характера, то интеграция теории речевых жанров и теории социального конструкционизма представляется нам перспективным направлением в изучении и интерпретации языковых форм социального взаимодействия. Причем положения социального конструкционизма приложимы не только к области политической коммуникации, в рамках изучения которой уже сформировалось и успешно развивается направление критического дискурс-анализа. Конструкционистские идеи могут, на наш взгляд, успешно применяться для моделирования речевого взаимодействия в других институциональных и неинституциональных сферах. Принципы категоризации действительности коммуникантами и соответствующие языковые ре-

презентации могут исследоваться в связи с жанровыми конвенциями, которые также типизируют человеческий опыт и предлагают формы его интерпретации. Жанр может и должен рассматриваться не только как «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [14 : 11], но и как средство конструирования данной ситуации и идентичностей коммуникантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов : Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.
3. Кожемякин Е. А. Дискурсивный подход к изучению институциональной культуры. Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. 244 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
5. Улановский А. М. Теория речевых актов и социальный конструкционизм // Постнеклассическая психология. Социальный конструкционизм и нарративный подход. 2004. №1. С. 88–98. URL: http://narrativepsy.narod.ru/num1-2004_88.html (дата обращения 07.04.2016)
6. Улановский А. М. Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10. №4. С. 129–141.
7. Деревянко А. В. Парадигма конструирования в современной западной гуманистике и диалогический подход к языку М. М. Бахтина (Аналитический обзор) // Труды по психологическому консультированию и психотерапии. 2005. URL: <http://psyjournals.ru/cppp/2005/index.shtml> (дата обращения 07.04.2016)
8. Горбачева Е. Н. Стратегическая информативность в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2015. №3(53). С. 102–106.
9. Ярославцева Я. А., Дубровская Т. В. Конструирование межнациональных отношений в жанрах внешнеполитического дискурса (на примере России и США) // Политическая лингвистика. 2015. №3(53). С. 182–191.
10. Van Leeuwen T. The Representation of Social Actors // Texts and Practices : Readings in Critical Discourse Analysis. Eds. C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. London : Routledge, 2003. P. 32–70.
11. Fairclough N. Analysing Discourse : Textual Analysis for Social Research. London ; New York : Routledge, 2004. 270 p.
12. Дементьев В. В. Проблемы непрямого коммуникации // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2003. С. 5–16.
13. Ивин А. А. Современная аксиология : некоторые актуальные проблемы // Философский журнал. 2010. №1. С. 66–78.

14. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Вып. 27. Человек и текст. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. С. 9–20.

REFERENCES

1. Shmelyova T. V. Model rechevogo zhanra [Model of speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. E. Goldin]. Iss. 1. Saratov, 1997, pp. 88–98.
2. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of verbal art. 2nd ed.]. Moscow, 1986, pp. 250–296.
3. Kozhemyakin Y. A. *Diskursnyy podkhod k izucheniju institutsionalnoj kultury* [Discursive approach in the studies of institutional culture]. Belgorod, 2008. 244 p.
4. Berger P., Luckmann Th. *Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The social construction of reality. The treatise in the sociology of knowledge]. Moscow, 1995. 323 p.
5. Ulanovsky A. M. Teoriya rechevykh aktov i sotsialnyy konstruksionizm [Speech act theory and social constructionism]. *Postneklassicheskaya psikhologiya. Sotsialnyy konstruksionizm i narrativnyy podkhod* [Post-non-classic psychology. Social constructionism and narrative approach]. 2004, no. 1, pp. 88–98. Available at: http://narrativepsy.narod.ru/num1-2004_88.html (accessed 07 April 2016)
6. Ulanovsky A. M. Konstruktivistskaya paradigmy v gumanitarnykh naukakh [Constructivist paradigm in the humanities]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. 2006, vol. 10, no. 4, pp. 129–141.
7. Derevyanko A. V. Paradigma konstruirovaniya v sovremennoy zapadnoy gumanistike i dialogicheskij podkhod k yazyku M.M. Bakhtina (analiticheskij obzor) [Constructive paradigm in the modern Western humanities and M.M. Bakhtin's dialogical approach to language (analytical overview)]. *Trudy po psikhologicheskomu konsultirovaniyu i psikhoterapii* [Papers in counselling and psychotherapy]. 2005. Available at: <http://psyjournals.ru/cppp/2005/index.shtml> (accessed 07 April 2016)
8. Gorbachjova E. N. Strategicheskaya informativnost v politicheskom diskurse [Strategic informativity in political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2015, no. 3(53), pp. 102–106.
9. Yaroslavtseva Y. A., Dubrovskaya T. V. Konstruirovaniye mezhnatsionalnykh otnoshenij v zhanrakh vneshnepoliticheskogo diskursa (na primere Rossii i Soedinennykh Shtatov Ameriki) [Constructing international relations in the genres of foreign policy discourse in Russia nad the USA]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 2015, no. 3(53), pp. 182–191.
10. Van Leeuwen T. The Representation of Social Actors. *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. Eds. C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. London, 2003, pp. 32–70.
11. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York, 2004. 270 p.
12. Dementyev V. V. Problemy nepryamoj kommunikatsii [Problems of indirect communication]. *Pryamaya i nepryamaya kommunikatsiya: sb. nauch. statej* [Direct and indirect communication: collection of research papers]. Saratov, 2003, pp. 5–16.
13. Ivin A. A. Sovremennaya aksiologiya: nekotoryye aktualnyye problemy [Modern axiology: some topical issues]. *Filosofskij zhurnal* [Journal of Philosophy]. 2010, no. 1, pp. 66–78.
14. Sedov K. F. Anatomija zhanrov bytovogo obshchenija [Anatomy of genres in everyday communication]. *Voprosy stilistiki* [Issues of stylistics]. Vol. 27. Chelovek i text [Human and text]. Saratov, 1998, pp. 9–20.

Статья поступила в редакцию 17.03.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дубровская Т. В. Жанр «письмо из упаковки»: дискурсивное конструирование автора и адресата // Жанры речи. 2016. №1. С. 128–136. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-128-136.

FOR CITING

Dubrovskaya T. V. Genre «letter in the pack»: discursive construction of the addresser and the addressee. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 128–136. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-128-136. (in Russian).

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141

О. П. Ермакова
Калуга, Россия

O. P. Ermakova
Kaluga, Russia

ИНТЕНСИФИКАТОРЫ И ДЕИНТЕНСИФИКАТОРЫ В КОНТЕКСТЕ ИРОНИИ

INTENSIFIERS AND DEINTENSIFICATION IN IRONIC CONTEXTS

Аннотация. В статье рассматривается роль интенсификаторов и деинтенсификаторов (уменьшителей степени признака) в иронических контекстах. Предварительно анализируются особенности тех и других групп слов, выявляются их сочетаемостные различия, продуктивность и непопулярность интенсификаторов и непродуктивность деинтенсификаторов. Отмечается, что эти два типа слов, употребляющиеся в иронических контекстах, по-разному «служат» иронии: интенсификаторы, как правило, не являются обязательными (сами на иронию «не работают»: они лишь усиливают иронический смысл, но не обязательны и могут быть даже опущены), в то время как деинтенсификаторы, напротив, в иронических сочетаниях играют самую активную роль: часто именно они заключают в себе иронию, и опущение их возвращает значение к буквальному.

Особый вопрос, затрагиваемый в статье, – зависимость иронического значения от формы словосочетания, синтаксической функции и модальности высказывания. Так, форма компаратива и ирреальной модальности высказывания в равной мере противятся иронии. Очевидно, дело в том, что и то, и другое преобразование фактически отрицает признак как присущий субъекту, а насмешливое утверждение его присутствия и составляет суть иронии в таких высказываниях.

Ключевые слова: ирония, деинтенсификаторы, интенсификаторы, модальность, предикативность, контекст.

Abstract. The article discusses the role of intensifiers and deintensification (the minimised degree sign) in ironic contexts. Pre-analyzes the characteristics of both groups of words, identify their co-occurrence differences, the productivity and unpopular of intensifiers and unproductive of deintensification. It is noted that these two types of words used in ironic contexts, «serve» irony in different ways: intensifiers, as a rule, are not mandatory (they «do not work» for irony themselves, they only reinforce the ironic sense, but not mandatory, and may even be omitted), while deintensification, on the contrary, play an active role in ironic combinations: they often embody the irony, and their omission returns the meaning to the literal.

A particular issue raised in the article is the dependence of the ironic values on the form of collocations, syntactic function and modality of the utterance. Thus, the shape of comparative and unreal modality of statements are equally opposed to irony. Obviously, the fact that the one and the other denies the conversion actually a sign of how the subject peculiar and ironical approval of its inherence is the essence of irony in such statements.

Key words: irony, deintensification, intensifiers, and modality, predicativity, context.

Сведения об авторе: Ермакова Ольга Павловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского.

E-mail: Liter@kspu.kaluga.ru; ermakowa_olga@mail.ru

About the author: Ermakova Olga Pavlovna, Doctor of Philology, Professor of Russian language Department.

Place of employment: Kaluga State University K. E. Tsiolkovsky.

Известно, что ирония – категория семантическая – манипулирует значениями слов, рождает энантиосемию, иронические виды тропов – ироническую метафору, ироническое сравнение и т.д. Но она также категория прагматическая: ее структура отражает отношения между участниками

речевого акта – субъектом, объектом и наблюдателем.

К. Kerbrat-Orecchioni определяет иронию как троп семантико-прагматичный [1 : 112].

Известно также, что большинство иронических высказываний (хотя не все) опираются на контекст, фоновые знания, ситуацию,

вне связи с которыми иронический смысл может быть понят как буквальный. Так, высказывания он *душевный такой парень* воспринимается иронически только, если известно, что он подл и жесток. А слова Фамусова о Софье «*ведь я ей несколько сродни*» заключают в себе иронию, поскольку читатель оповещен, что Софья его дочь. Но наблюдения показывают, что ирония не всегда нуждается в контексте, ироническое высказывание может быть самодостаточным. Например: *он был немножко честным и чуточку порядочным*. Сочетания такого типа будут рассмотрены немного ниже.

Исследователями отмечено, что ирония предпочитает иметь дело с высокой степенью признака, не любит умеренности [2]. Эта высокая степень может быть в самом обозначении признака (*Гений! Прекрасно! Чудный!* и т.п.). Но часто выражается сочетанием с интенсификаторами – *Очень мило! Потрясающе интересный!*). Однако, нередко ирония использует и средства преуменьшения степени, так называемые анти- или деинтенсификаторы: он *чуточку завистлив* (*крошечку, капельку*), *немножко скуповат* – если известно, что ужасно завистлив, невероятный скряга и т.п.

В связи с этим выскажу предварительно некоторые общие замечания об уменьшителях и об увеличителях степени и отношении их к иронии.

При довольно большом количестве и разнообразии интенсификаторов в русском языке антиинтенсификаторы представлены несколькими словами: *немного, немножко, чуть-чуть, чуточку, капельку, крошечку*. Среди местоименных наречных слов нет уменьшителей степени проявления признака, но есть увеличители – *так, как, настолько, насколько. Молчалин прежде был так глуп* (А. Грибоедов. Горе от ума); *Он (переулок) так мал, по нем так редко ходят, он далек от центра и трамвая* (В. Инбер. Переулок моего имени). В сочетаниях с любым прилагательным *так* синонимично слову *очень* (или *ужасно, страшно* и т.п.). Аналогично, выражая значение степени, может употребляться и *как. Какой вы стали некрасивый, Петя, как постарели!* (А. Чехов. Вишневы сад).

В одной работе Н. Д. Арутюнова пишет: «Эмоции побуждают человека постоянно прибегать к преувеличениям и к преуменьшениям. Лексикон количественных значений легко метафоризируется. На его основе создаются риторические приемы: гипербола,

литота, эмфаза» [3 : 20]. Человек, очевидно, больше склонен преувеличивать, чем преуменьшать. Это наблюдается не только в самих интенсификаторах, но и, как правило, в таких тропах, как метафора и сравнение. Фактически все метафоры гиперболичны: сходство человека с животным или предметом всегда носит преувеличенный характер: *медведь, змея, спичка, щепка, бочка, калача* и др. Многие сравнения также: *бледный как мел, топают как слон* и т.п. А литота, как было замечено лингвистами – сплошь и рядом оборачивается гиперболой: ср. *клоп, блоха* и т.п. могут быть истолкованы как сильное преувеличение маленького размера. Этой психологической особенностью, большей склонностью человека к преувеличению, чем к преуменьшению, возможно, и объясняется различие в количестве интенсификаторов и их антонимов.

Интенсификация в русском языке выражается не только наречиями, но и прилагательными – *ужасная бедность, ужасно бедный*. Прилагательных деинтенсификаторов нет. Отметим также, что состав уменьшителей не пополняется, в то время как увеличители степени признака представляют собой продуктивную группу, прежде всего в жаргонно-разговорной речи. Ср. *супер, суперски, суперский, классно, классный, офигительный, офигительно*, и глагольными формами – *обалдеть! Умереть не встать! Зашибись!* И т.д.

Как отмечает Е. М. Вольф, интенсификация является оценочной категорией [4 : 138–140]. Естественно, и уменьшение степени признака – тоже. Как и оценка, количественная семантика бывает общей и частной. Среди интенсификаторов нейтральными, заключающими в себе общую оценку, можно считать слова *очень* и *совершенно*, выражающими чисто количественное значение «без примеси» другой семантики. Близки к ним *ужасно, страшно*, но они имеют некоторую эмоциональную окраску. Большая же часть интенсификаторов совмещает идею количества с другими семами: *неуловимо тонкий, необозримо широкий, потрясающе увлекательный, щемяще печальный* и т.д. Это подробно рассмотрено Е. Кржижковой [5 : 122–145].

Как показали наблюдения, многие интенсификаторы, значение которых осложнено другими семами, в сочетании с определяемыми имплицитно содержат причинно-следственные отношения [6 : 278–279 ; 7]. Ср.: *Он был возмутительно независим и*

богат – «так богат и независим, что это возмущало»; *Девушка за стойкой выглядела удручающе прекрасной* (Т. Устинова. Третий четверг ноября). Для уменьшителей степени признака такие отношения не характерны по самой их природе: следствие порождается высокой, превышающей норму степени признака.

Ирония, как уже отмечалось, может выражаться путем отрицания интенсификаторов (употребление с частицей *не*) Ср.: *Действительно, Варвара Петровна не совсем походила на красавицу: это была женщина высокая, желтая, костлявая, с чрезмерно длинным лицом, напоминавшим что-то лошадиное* (Ф. Достоевский. Бесы); *...когда рота по команде старшины заводит в сто глоток строевую песню, это, конечно, тоже многоголосие, но (как бы помягче выразиться) не вполне Верди* (Нов. газ. 11-13.10.04).

– *Экий ты младенец!* – *Сказала Пегготи* (речь идет о ее пожилем брате. – О. Е.)

– *Не очень-то я похож по виду на младенца.*

– *Не особенно, – согласилась Пегготи* (Ч. Диккенс. Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим пер. А. Кривцовой и Е. Ланна).

Деинтенсификаторы с *не* не употребляются.

Иронические высказывания с увеличителями и уменьшителями степени признака различаются интонационно. Предложениям с *чутьточку* и под. обычно не свойственна восклицательная интонация, которая очень характерна для иронии с выраженным или невыраженным интенсификатором.

– *Замечательно, – сказал Платон Лэгран таким тоном, каким обычно говорят: «Какой ужас!»* (Т. Устинова. Третий четверг ноября).

При некоторых отмеченных различиях у интенсификаторов и антиинтенсификаторов есть одна общая черта – они предельны: сами они не порождают других значений [3 : 274–276].

Наблюдения показывают, что интенсификаторы и их антонимы несколько отличаются в отношении к иронии. Интенсификаторы, как правило, усиливают иронический смысл, но на сами интенсификаторы ирония обычно не распространяется. Иронически переосмысливается только интенсифицируемый признак. Так, если иронически употребляются оценки *чрезвычайно интересный* (разговор, человек, спектакль и т.п.), *необыкно-*

венно увлекательный, ужасно веселый (вечер, роман, фильм) и т.п., интенсификаторы не приобретают значения невысокой степени признака. Ирония оставляет прежним значение интенсификатора, но в приложении к противоположным характеристикам: *чрезвычайно интересный – чрезвычайно неинтересный, ужасно веселый – ужасно скучный*. И опущение интенсификатора не изменяет иронии, хотя и несколько ослабляет иронический пафос. Именно поэтому при варьировании интенсификаторов иронический смысл остается неизменным: *Иван Грозный был очень душевным человеком (не очень душевным, довольно душевным, потрясающе, невероятно и т.д.)*. Но и без интенсификаторов ирония сохраняется, выражая значение противоположенное буквальному. Ср. также: *Как вы понимаете, сломанная нога сильно украсила мой отдых в Турции (не сильно украсила)* или – *Сломанная нога украсила мой отдых*.

Напротив, деинтенсификаторы часто заключают в себе весь иронический смысл. Ср. поговорку: *Бог не Ерощка, видит немножко; Яго был чутьточку завистлив и немножко коварен; Красавица была немножко прихотлива: сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен, и в лентах, и в чести, и молод был бы он – ну, чтобы все имел* (И. Крылов) и т.д. Опущение деинтенсификаторов возвращает текст к буквальному значению отрицательной характеристики лица.

Таким образом, наблюдения показывают, что в иронических контекстах интенсификаторы и антиинтенсификаторы «служат» иронии по-разному. И в некоторых случаях главную роль могут играть уменьшители степени проявления признака. Как можно заметить, деинтенсификаторы преимущественно употребляются с названиями признаков со знаком минус. Другие случаи – сочетание с обозначением признаков, не имеющих оценочных знаков: *Широкий – узкий, далекий – близкий, глубокий – мелкий, длинный – короткий* и др. Так в ситуации, когда женщина надевает платье, явно ей очень узкое, высказывание – оно тебе *чутьточку узко* звучит иронически и опущение *чутьточку* разрушает иронию. Но в этой же ситуации насмешливый комментарий – оно тебе *капельку широко* делает деинтенсификатор не обязательным.

Но есть иронические употребления, не требующие фоновых знаний. Само объединение смыслов в словосочетании с антиинтенсификаторами может быть только ирони-

ческим. Речь идет о прилагательных, называющих признаки, которые в сущности не могут градуироваться: *честный, порядочный, совестливый*. Человек или порядочный или непорядочный, честный или нечестный, но степени порядочности, как и честности, не бывает. Однако сплошь и рядом встречаются сочетания *очень порядочный, удивительно честный, ужасно совестливый* и т.п. Язык допускает избыточность. Ср., например, выражение *искренне любить*, хотя совершенно ясно, что неискренне любить нельзя. Но сочетания таких прилагательных с антиинтенсификаторами могут восприниматься только иронически: *он немножко добросовестный, чуточку порядочный, капельку честный*. Ср.: *Замечу лишь, что это был человек даже совестливый, то есть иногда* (Ф. Достоевский. Бесы). *Она хотела быть несколько доброй* (Ф. Достоевский. Бесы).

Разумеется, это не единственный пример того, когда ирония выражается сочетанием смыслов в пределах словосочетания и не нуждается в контексте. Ср., например, – *лицо не обезображенное интеллектом, элита второй свежести*, но предметом нашего внимания являются сочетания с антиинтенсификаторами.

Есть и другие случаи, когда в исходной форме семантика прилагательного логически допускает только интенсификацию признака и сочетание с деинтенсификаторами может быть только ироническим: *чуточку известен, капельку прославлен, немножечко знаменит* и под. Ср.: *В солидном учреждении имеется свой, почти настоящий, почти профессиональный и даже чуточку известный сочинитель* (В. Аксенов. Зеленые берега).

Можно было бы ограничиться тем, что перед нами несочетаемость смыслов, приводящая к иронии. Но на самом деле важно не только это. Сочетаемость тех же смыслов может совсем не быть ироничной. Ср.: *капелька честности в отношении партнеров была бы не лишней; хотелось бы видеть хоть чуточку порядочности в нашей жизни; Чуточку чуткости, капельку кротости – и цены бы им не было* (Д. Карапетян, В. Высоцкий. Воспоминания). Очевидно, что такое сочетание вне предикации, характеристики лица, само по себе не создает иронии. Кроме того, видимо, существует и парадигматическая ограниченность иронического значения. Рассмотрим такое ограничение. В отличие от интенсификаторов «уменьшите-

ли» сочетаются с компаративом (независимо от того, соотносится компаратив с прилагательным, наречием или безлично-предикативными словами): *Он чуточку (капельку, крошечку, немножечко) умнее брата, стал заниматься чуточку серьезнее, сегодня капельку теплее; Я не представлял себе, чтобы это можно было сыграть хоть крошечку лучше* (М. Булгаков. Театральный роман); *Швейцары обычно знают все и чуточку больше* (Е. Козырева. Дамская охота).

Сочетаемость с формами компаратива интенсификаторам не свойственна. Ср.: *Она очень красива, но не она очень красивее сестры; Совершенно удивительная ситуация, но не эта совершенно удивительнее той*. Исключение составляют слова *значительно, намного, несравненно* и некоторые другие, «привязанные» к сравнительной степени и не сочетающиеся с исходной формой прилагательного. Ср.: *намного умнее, но не намного умный. Они знали, что без нее не вытянут этого клиента. Да и никакого другого, даже значительно более простого, не вытянут* (Т. Устинова. Персональный ангел).

Замена прилагательного *порядочный* в сочетании *чуточку порядочный* компаративом снимает иронический смысл: *Был бы он чуточку порядочнее, все могло бы сложиться иначе; Он немножко совестливее брата*.

Уже лишено иронии – *он чуточку более знаменит, чем его брат, немножко более известен, чем сын* и т.п. Сопоставительная семантика компаратива и относительность степени признака снимает в этих случаях ироничность (в настоящее время не все лингвисты относят к компаративу конструкцию с *более*, но я разделяю точку зрения, традиционную в отечественном языкознании).

Очевидно, что для иронии не всегда важна только сочетаемость смыслов. Объяснение здесь заключается не в форме слова (если компаратив – форма), а в ее семантике. Относительное значение компаратива не содержит утверждение, что субъект обладает названным признаком и неизвестно, в какой мере обладает им его брат.

Кроме того, определенную роль может играть и модальность высказывания, уже вне связи с компаративом. Замена реальной модальности предположительной снимает ироничность высказывания: *Был бы он хоть капельку порядочным, не взялся бы за это дело*.

Форма компаратива и ирреальной модальности высказывания как будто не лежат на одной плоскости, но в равной мере противостоят иронии. Очевидно, дело в том, что и то, и другое преобразование фактически отрицает признак как присущий субъекту, а насмешливое утверждение его присутствия и составляет суть иронии в таких высказываниях.

Таким образом, то, что в исследуемом материале, на первый взгляд, представляется только сочетаемостью смыслов, оказывается в зависимости от формы прилагательного, его синтаксической функции или модальности высказывания.

Иначе говоря, некоторые иронические значения могут быть парадигматически и синтаксически ограничены.

Повторю основные положения статьи.

1. Ироничность высказывания может выражаться не только преувеличением степени признака, но и явным уменьшением его.

2. И для преувеличения, и для преуменьшения часто используются специальные средства – интенсификаторы и деинтенсификаторы.

3. Интенсификаторы, как правило, сами на иронию «не работают». Они лишь усиливают иронический смысл, но не обязательны и могут быть даже опущены. Деинтенсификаторы, напротив, в иронических сочетаниях играют самую активную роль. Часто именно они заключают в себе иронию, и опущение их возвращает значение к буквальному.

4. Неустойчивость иронического значения может быть связана с изменением формы словосочетания, синтаксической функции иронизма и модальности высказывания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Kerbrat-Orecchioni C. Ironia jako trop // Ironia. Archiwum przekładów Pamiętnika Literackiego / pod red. M. Głowińskiego. Gdańsk : Słowo/obraz. Teritoria, 2002. S. 109–145.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Т. 1. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ермакова О. П. Интенсификаторы и деинтенсификаторы в контексте иронии // Жанры речи. 2016. №1. С. 137–141. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141.

3. Арутюнова Н. Д. Проблема числа // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М. : Индрик, 2005. С. 5–20.

4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.

5. Кржижкова Е. Количественная детерминация прилагательных в русском языке (лексико-синтаксический анализ) // Синтаксис и норма. М. : Наука, 1974. С. 122–145.

6. Ермакова О. П. Переход качества в количество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка. М. : Индрик, 2005. С. 272–280.

7. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. №1–2(9–10). С. 74–80.

REFERENCES

1. Kerbrat-Orecchioni C. Irony as a clue. *Irony. Archive Diary Literary translations*. Ed. M. Głowiński. Gdańsk, 2002, ss. 109–145.
2. Wittgenstein L. *Filosofskiye issledovaniya* [Philosophical Investigations]. *Filosofskiye raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Moscow, 1994, pp. 75–319.
3. Arutyunova N. D. Problema chisla [The problem of number]. *Logicheskiy analiz yazyka. Kvantitativnyy aspekt yazyka* [Logical analysis of language. Quantitative aspects of language]. Moscow, 2005, pp. 5–20.
4. Wolf E. M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional evaluation semantics]. Moscow, 1985. 228 p.
5. Krzhizhkova E. *Kolichestvennaya determinatsiya prilagatel'nykh v russkom yazyke (leksiko-sintaksicheskiy analiz)* [Quantitative determination of adjectives in Russian language (lexical and syntactic analysis)]. *Sintaksis i norma* [Syntax and norm]. Moscow, 1974, pp. 122–145.
6. Ermakova O. P. *Perekhod kachestva v kolichestvo (o prirode intensifikatorov)* [Transition in the number of quality (the nature of intensifiers)]. *Logicheskiy analiz yazyka. Kvantitativnyy aspekt yazyka* [Logical analysis of language. Quantitative aspects of language]. Moscow, 2005, pp. 272–280.
7. Ermakova O. P. *Yavlyayetsya li ironiya rechevym zhanrom? (yeshche raz o nekotorykh osobennostyakh ironii)* [Is irony a speech genre? (Once again, about some features of irony)]. *Zhanry rechi* [Speech genres]. 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 74–80.

Статья поступила в редакцию 18.05.2016.

FOR CITING

Ermakova O. P. Intensifiers and deintensification in ironic contexts. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 137–141. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-137-141. (in Russian).

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 811.111

ББК 81.2 Англ

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-142-147

Т. Е. Водоватова
Самара, РоссияT. E. Vodovatova
Samara, Russia**РЕЧЕВОЙ ЖАНР
КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ
И ТАКТИК
(на материале британского речевого жанра
buffoonery)****SPEECH GENRE AS MEANS OF CREATING
THE COMMUNICATIVE
STRATEGIES AND TACTICS
(based on the genre of *buffoonery*
in British culture)**

Аннотация. Статья посвящена изучению одного из аспектов функционирования речевого жанра буффонады (*buffoonery*), который сложился и получил в последнее время значительное распространение в британской лингвокультуре.

В специальной литературе обсуждается вопрос о соотношении понятий речевого жанра, речевого акта, коммуникативной стратегии и тактики и подобных. Становится очевидным, что четкого и однозначного разграничения этих понятий не существует. Все названные понятия могут служить для обозначения одного и того же явления в зависимости от угла их рассмотрения или особенностей функционирования в тексте.

В настоящей статье на конкретном языковом материале рассматривается один из аспектов взаимоотношения понятий речевого жанра и коммуникативной стратегии. Как показывает анализ фактического материала, использование жанра буффонады в англоязычных художественных и публицистических текстах способствует реализации в них ряда коммуникативных стратегий, в частности, стратегий насмешливого отношения к происходящему, игры, самопрезентации, получения удовольствия от общения, которые, в свою очередь, воплощаются через соответствующие коммуникативные тактики.

Ключевые слова: речевой жанр, буффонада, коммуникативные стратегии и тактики, коммуникация.

Abstract. The article is devoted to the study of one of the aspects of the speech genre «*buffoonery*», which has been formed and become very popular lately within the British culture.

The problem of the relationship between the concepts of a speech genre, a speech act, a communicative strategy etc. are widely discussed in the linguistic literature. It gets obvious that there can be no clear and definite differentiation of these concepts. All the concepts mentioned can be designated by the same way according to the angle of their consideration and their functioning in the text.

One of the aspects in the relationships between the notions of a speech genre and a communicative strategy is being considered on the basis of text analysis in this article. The analysis shows that the speech genre «*buffoonery*» used in fiction and nonfiction texts contributes to realizing a number of communicative strategies, namely, the strategies of mocking the events happening, game, self-presentation, getting joy from the communication, which, in their turn, are presented in the text through communicative tactics.

Key words: speech genre, *buffoonery*, communicative strategies and tactics, communication.

Сведения об авторе: Водоватова Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой германских языков.

Место работы: ЧОУ ВО «Международный Институт Рынка».

E-mail: vodovatovaimi@mail.ru

About the author: Vodovatova Tatiana Yevgenyevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Germanic Languages.

Place of employment: Samara, International Market Institute.

Представления о том, что беседа или разговор являются не хаотичным, а упорядоченным явлением, отразились в многочисленных исследованиях речевого общения (Н. Д. Ару-

тюнова, А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин, И. А. Тарасова, Н. Sacks и др.). Такая упорядоченность достигается в том числе и за счет реализации в текстах общения определенных

стратегий и тактик. Как показывают наблюдения над языковым материалом, представленном в художественных произведениях и средствах массовой информации на английском языке, средством формирования коммуникативных стратегий могут служить речевые жанры, реализуемые в текстах. Цель настоящей статьи заключается в описании британского речевого жанра буффонады (*buffoonery*) как средства формирования коммуникативных стратегий. Буффонада является сложившейся в британской лингвокультуре жанровой формой и особенно активно развивается в наши дни. Этот жанр обладает самостоятельным статусом в системе речевых жанров англоязычного дискурса, поскольку реализуется в типичных коммуникативных ситуациях, воплощается в особом роде текста, является характеристикой определенного типажа – балагура, трепача, приколиста (*buffoon*) [1].

Коммуникативная стратегия в специальных исследованиях представляется как «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнера» [2]. Стратегия изначально накладывает определенные ограничения на возможный объем информации и отбор языковых средств. Если при использовании определенной стратегии достигается желаемый результат, или перлокутивный эффект, то это говорит об эффективности выбранной стратегии, и, таким образом, последовательность действий для достижения перлокутивного эффекта может быть описана следующим образом: *выбор цели > выбор стратегии > выбор тактики* [2].

Каждая стратегия реализуется в речи посредством тактик. Коммуникативная тактика и коммуникативная стратегия системно связаны как часть и целое (А. П. Сковородников), или как вид и род (Г. Г. Матвеева), и, следовательно, они определяются в соотноении друг с другом. Использование в акте коммуникации совокупности правильно подобранных тактик в рамках определенной стратегии ведет к успешному речевому взаимодействию при достижении поставленной коммуникативной задачи.

Понятия речевого жанра, речевого акта и коммуникативной стратегии являются по содержанию очевидно близкими, на что указывают лингвисты в специальных исследованиях. Так, К. Ф. Седов пишет о возможности квалификации тактики в качестве самостоя-

тельного жанра (обида, угроза, насмешка, возмущение, упрек, колкость, обвинение) и предлагает для обозначения тактики термин «субжанр» [3]. В ряде исследований размытость границ устанавливается по отношению к понятиям речевого жанра, коммуникативной стратегии (тактики) и речевого акта (действия) [4; 5]. Взаимоотношения между обсуждаемыми определяются следующим образом: «Тактика призвана обеспечить осуществление избранной коммуникативной стратегии и развертывание избранного жанра. С точки зрения членения речевого потока, развертывания речевого жанра, она является речевым действием – минимальной его единицей. С точки зрения ее роли как средства осуществления коммуникативной стратегии, она является приемом речевого поведения и может получить другие терминологические названия, отличные от названий речевых актов, имена тактик в этом случае – это имена «речевых поступков» или имена клише, посредством которых осуществляется данная тактика» [4].

Как видим, на данный момент отсутствует однозначное решение проблемы четкого разграничения указанных понятий. Не претендуя, разумеется, на окончательное решение вопроса о взаимоотношении понятий речевого жанра, речевого акта и коммуникативной стратегии и безусловно соглашаясь с цитируемыми авторами в том, что одним и тем же наименованием (например, «угроза» или «обвинение») можно, в зависимости от угла зрения, обозначить все три (а возможно, и больше) названные понятия, представим наши результаты анализа фактического материала, которые можно суммировать следующим образом: один из аспектов взаимоотношений понятий речевого жанра и коммуникативной стратегии заключается в том, что речевой жанр, функционируя в тексте, может способствовать формированию в последнем коммуникативных стратегий и, соответственно, тактик.

Анализ обсуждаемых языковых явлений проведен на материале англоязычных художественных и публицистических текстов, в которых представлен речевой жанр буффонады. Названный жанр в изучаемых видах текстов служит средством формирования следующих далее стратегий речевого поведения говорящих.

Стратегия создания насмешливого отношения к происходящему.

Основной характеристикой британского речевого жанра *buffoonery* является презен-

тация несерьезности современных ценностей и идеалов и их высмеивания. В этой связи стратегия формирования насмешливого отношения к происходящему представляется нам доминирующей в рассматриваемом жанре и реализуется посредством следующих коммуникативных тактик:

Тактика переворачивания морально-нравственных устоев. Современное общество относится к любым идеологиям иронически, наступила пора отрезвления, характеризующаяся скептическим и несколько циничным отношением к идейности. Прагматичность современного мышления диктует снисходительно-насмешливое отношение к идеалам, особенно к тем, которые себя не оправдали:

Emily Wotton: I hope I'm not interrupting your reminiscence?

Lord Henry Wotton: One charm of the past, is that it's the past.

Emily Wotton: Hmm... I hope you're not also a dreary old cynic?

Dorian Gray: What is there to believe in?

Emily Wotton: Our developments.

Dorian Gray: All I see is decay.

Emily Wotton: For the **religion**.

Dorian Gray: Fashionable substitute for believe.

Emily Wotton: **Art.**

Dorian Gray: **Formality.**

Emily Wotton: **Love.**

Dorian Gray: An Illusion.

Lord Henry Wotton: Bravo!

Emily Wotton: Wow... you both cut the world to pieces, don't you?

В данном случае речевое поведение коммуникантов ярко демонстрирует снисходительно-насмешливое отношение к таким незыблемым и вечным ценностям как религия, являющаяся лишь «модной заменой веры», любовь – «формальность», искусство – «иллюзия».

Тактика авторской оценки. В большинстве случаев тексты анализируемого жанра репрезентируют оценивающую тактику, реализация которой зачастую связана с необходимостью доказательности своей позиции. Реализуя данную тактику, коммуникант влияет на чувства и сознание собеседника, при этом демонстрируя свое отношение к обсуждаемой ситуации.

I apologize for the intelligence of my remarks. I've forgotten that you were a member of the Parliament. Выделена жирным шрифтом скрытая авторская оценка членов парламента как неумных и неинтеллигентных людей.

Для успеха речевого воздействия особенно важной представляется **стратегия самопрезентации**. Под самопрезентацией обычно понимается самоподача автора, демонстрация собственных качеств с целью формирования определенного впечатления о самом себе. Жанр и типаж тесно связаны: типаж порождает тексты предлагаемого речевого жанра, а жанр характеризует типаж [6]. Типаж *buffoon*, порождающий речевой жанр *буффонады*, представляет себя особым образом, сохраняя достоинство, глядя на реальность сверху вниз, с иронической позиции, в отличие, к примеру, от шута, который сам себя намеренно выставляет дураком.

В рамках данной стратегии реализуются по крайней мере две тактики:

Тактика ложной самокритики, при которой адресант нацелен на актуализацию своих отрицательных качеств, акцентируя внимание на достоинствах реципиента. Как представляется, в основе подобных высказываний лежат эгоцентрические высказывания, обладающие, как правило, кокетливой тональностью.

Mabel: You are very late!

Lord Arthur Goring: Have you missed me?

Mabel: Awfully!

Lord Arthur Goring: Then I am sorry I did not stay away longer. I like being missed.

Mabel: How very selfish of you!

Lord Arthur Goring: **I am very selfish.**

Mabel: Lord Goring, you are always telling me about your bad qualities.

Lord Arthur Goring: I haven't told you half of them as yet, Miss Mabel.

Mabel: Really? **Are the others very bad?**

Lord Arthur Goring: **Quite dreadful! When I think of them at night, I go to sleep at once.**

Выделен жирным шрифтом пример демонстрации адресантом своих плохих качеств (*bad qualities*), впечатление о которых усиливается восклицательной характеристикой (*Quite dreadful!* – Совершенно ужасны!). Однако, реципиент понимает, что самокритика фальшивая и подыгрывает фразой «Неужели они (качества) так ужасны?».

Тактика шутки, основными приемами которой являются смещение фокуса внимания, формирование эмоционального настроения, управление дистанцией между коммуникантами, также реализует стратегию самопрезентации. В следующем примере и адресант и реципиент общаются в шуточном ключе:

Lord Arthur Goring: My dear Mrs. Cheveley, I should make you a very bad husband.

Laura: I don't mind bad husbands. I've had two. They amused me immensely.

Стратегия получения удовольствия от коммуникации является ключевой для текстов анализируемого жанра, поскольку все остальные коммуникативные цели адресанта в речевом жанре *buffoonery* теряют для него всякий интерес, если он сам не наслаждается общением, в котором, несомненно, чувствует себя доминирующим.

Названная стратегия реализуется в нашем материале посредством ряда тактик.

Тактика ошеломления / удивления адресанта неожиданным ответом. Сильная реакция реципиента (положительная или отрицательная) – то, чего ждет коммуникант в речевом жанре *буффонады*.

Countess: Aren't you going to congratulate me?

Lord Arthur Goring: Congratulations.

Countess: Aren't you going to ask what for?

Lord Arthur Goring: What for?

Countess: I've made a great decision. I've decided to get married.

Lord Arthur Goring: My God! Who to?

Countess: **That part is yet to be decided.**

Пример ярко демонстрирует, как адресант нагнетает обстановку таинственности по поводу своего твердого решения сделать предложение и жениться наводящими вопросами типа «А не хочешь ли ты меня поздравить?» или «А почему ты не спрашиваешь, с чем?». Когда, наконец, он в этом преруспел и собеседник горит желанием узнать, кто невеста, тот ошарашивает его ответом «Об этом еще предстоит подумать».

Тактика проверки адресанта на наличие остроумного мышления. Основным приемом данной тактики нам видится легкая провокация со стороны адресанта с целью стимулировать реципиента продолжить коммуникацию в нетривиальном, остроумном ключе.

Sir Robert Chiltern: Anyway, **what's that saying about the sea and there being plenty of fish in it?**

Lord Arthur Goring: Ah, yes, but I couldn't possibly marry a fish. I'd be sure to land an old trout.

Выделена жирным шрифтом пословица, дословный вариант которой якобы не помнит адресант (There are plenty of fish in the sea. – В реке рыбы много). Говорящий при помощи этой пословицы делает намек на то, что выбрать невесту не представляет проблемы. Собеседник подхватывает шуточный

тон беседы и остроумно развивает метафору пословицы – «Конечно! Но я бы не смог жениться на рыбе!».

Игровая стратегия.

Речевой жанр *buffoonery* – жанр игрового дискурса, назначение которого – «освобождение человека от детерминизма природы и себе подобных, речевое лицедейство, опрокидывание устоявшихся стереотипов восприятия и поведения» [7].

В игровой природе жанра *buffoonery*, лежит театральное, карнавальное действие, коммуникант которого – это «актер», самостоятельно выбирающий себе роль или роли, свободно выражающий свое мнение, открыто демонстрирующий свою креативность, богатство фантазии. Как и карнавал, *буффонада* – это определенная форма существования, участники которой осознают некоторую «несерьезность» происходящего, что в ряде случаев реализуется в тактике использования языковой игры.

Языковая игра представляет собой «использование языка в особых – эстетических, социальных и т.п. целях, при которых языковая система наилучшим образом демонстрирует свою «мягкость»: языковые единицы, их классы и правила их функционирования получают тут большую степень свободы по сравнению с иными речевыми ситуациями» [8]. Языковая игра традиционно рассматривается исследователями как нарушение языковых норм (фонетических, грамматических, лексических, стилистических и т.д.), однако, по мнению Б. Ю. Нормана, «эти нарушения не бессистемны и случайны, а происходят по определенным правилам, подчиняются некоторым закономерностям» [8].

Языковая игра осознается и говорящим, использующим языковую игру в своих целях, и реципиентом, который в свою очередь стремится «вскрыть глубинное намерение автора», принимая игру. Языковая игра не ограничивается нарушениями норм языка, это может быть обыгрывание смысла, остроты, когда нетрадиционная форма выражения связана с глубоким выражением мысли говорящего.

Языковая игра в текстах предлагаемого жанра направлена на создание собственного «антимира», что совпадает с целями коммуниканта, который, участвуя в общении, как бы «переворачивает» реальность.

Карнавальный компонент, настрой на игру, провоцирует активное использование языковой игры в текстах британского речево-

го жанра *buffoonery*, что служит средством «языкового развлечения».

Игровая стратегия реализуется *тактикой удивления реципиента лингвопластической языком*. Термин «лингвопластика» отражает постоянную изменчивость, потенциальную возможность придания языку, слову, любой желаемой формы, что обеспечивает мощный эффект языковой креативности. Креативность проявляется в использовании языковой игры различного рода – обыгрывании смыслов, использовании косвенных речевых актов, парадоксов, в искажении цитаты, контрасте высокого и низкого стилей речи, обыгрывании формы, противопоставлении языковых и речевых единиц, оригинальных и неожиданных сравнениях, контрасте реализуемых в тексте функциональных стилей, аллюзиях, гиперболизации, контрасте ожидаемого и реального сообщения, повторе. Приведем пример.

I really don't see anything romantic in proposing. It is very romantic to be in love. **But there is nothing romantic about a definite proposal.** Why, one may be accepted (O. Wilde "The importance of being earnest").

Языковая игра в приведенном примере достигается применением парадокса: герой утверждает, что в предложении руки и сердца нет ничего романтического; кроме того, он утверждает, что любовь и предложение о браке ничего не связывает, это совершенно разные понятия: если первое полно романтики, то последнее ее полностью лишено.

Еще один пример, когда речевой жанр обусловливает формирование игровой стратегии:

Do you know, Arthur, **I** sometimes **wish I were you.** – Do you know, Robert, sometimes **I wish you were** too.

Языковая игра обусловлена здесь лексическим и синтаксическим повтором реплики-стимула в реплике-реакции и обыгрыванием языковой формы: «Я хотел бы, чтобы я был на твоём месте» в реплике-стимуле «Я тоже хотел бы, чтобы ты был».

Oh there is no use speculating on that subject. **Divorces are made in Heaven.** (Hugh Laurie for a British TV show "Only fools and horses").

В данном случае имеет место обыгрывание прецедентного текста: вместо известного выражения «Браки заключаются на небесах» ведущий британского телевизионного шоу произносит «Разводы происходят на небесах», обеспечивая высказыванию высокую креативность и оригинальность.

Распространённые метафорические высказывания типажа *buffoon* дают мощный креативный эффект за счёт повышенной информативности и обыгрывания смысла [9]. В следующем примере из британской публицистики жанр *буффонады* непосредственно связан с реализацией игровой тактики:

That **woman is the cancer** of my dreams and aspirations ("The Sunday Times").

Использованная здесь метафора «женщина как рак (членистоногое существо, способное намертво вцепиться? Опухоль, разъедающая орган?) мечтаний и устремлений мужчины» неоднозначна и предполагает множественность трактовок, однако несомненно, что она создает игровой эффект.

Таким образом, языковой материал подтверждает возможность предлагаемой трактовки отношений между понятиями речевого жанра и коммуникативных стратегий (тактик). Британский речевой жанр *буффонады* способствуют формированию в тексте определенных коммуникативных стратегий и тактик, непосредственно соотносящихся с содержанием жанра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Водоватова Т. Е., Ярышева П. А. Буффонада как речевой жанр британской лингвокультуры // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы междунар. науч. конф. Саратов : Издательский центр «Наука», 2012. С. 328–333.
2. Иссерс О. С. Стратегии и тактики русской речи. М. : УРСС, 2008. 263 с.
3. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1998. С. 9–20.
4. Сковородников А. П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистика», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика ↔ Лингвистика. Вып. 5 : сб. ст. Смоленск : СГПУ, 2004. С. 5–11.
5. Труфанова И. В. О разграничении понятий : речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика // Филологические науки. 2001. №3. С. 56–65.
6. Водоватова Т. Е., Мурдускина О. В. Аномалия и жанр как характеристики языковой личности // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 7. Саратов : Издательский центр «Наука», 2011. С. 107–116.
7. Шейгал Е. И., Иванова Ю. М. Игровой дискурс : игра как коммуникативное событие // Известия РАН. Серия языка и литературы. 2008. №001. Т. 67. С. 3–20.
8. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М. : Наука, 2006. 344 с.
9. Водоватова Т. Е. Метафорические высказывания в свете инференциальной теории смысла // Вест-

ник Самарского государственного экономического университета, 2007. №1. С. 181–183.

REFERENCES

1. Vodovatova T. E., Yarysheva P. A. Buffonada kak rechevoy zhanr britanskoy lingvokultury [Buffoonery as speech genre of British language culture]. *Kommunikatsia. Myshleniye. Lichnost: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Communication. Thought. Personality: materials of the international scientific conference]. Saratov, 2012, pp. 328–333.
2. Issers O. S. *Strategii i taktiki russkoy rechi* [Strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2008. 263 p.
3. Sedov K. F. *Anatomia zhanrov bytovogo obshcheniya* [Anatomy of speech genres in everyday life]. *Voprosy stilistiki* [Issues of Stylistics]. Iss. 27. Saratov, 1998, pp. 9–20.
4. Skovorodnikov A. P. O neobходимosti razgraničenja ponyatii « ritoricheskiy priyom », « stilisticheskaya figura », « rechevaya taktika », « rechevoy zhanr » v praktike terminologicheskoy leksikografii [About the necessity of distinction of « rhetorical device », « stylistic figure », « speech tactic », « speech genre » in terminological lexicography]. *Ritorika–Lingvistika* [Rhetoric and Linguistics]. Iss. 8. Smolensk, 2004, pp. 5–11.
5. Trufanova I. V. O razgraničeníi ponyatii: rechevoy akt, rechevoy zhanr, rechevaya strategiya, rechevaya taktika [About the distinction of conceptions: speech act, speech genre, speech strategy, speech tactic]. *Filologicheskiye nauki* [Philological studies]. Iss. 3. 2001, pp. 56–65.
6. Vodovatova T. E., Murduskina O. V. Anomaliya i zhanr kak harakteristiki yazykovoy lichnosti [Anomaly and genre as characteristics of linguistic personality]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Dementyev]. Iss. 7, 2011, pp. 107–116.
7. Sheigal. E. I., Ivanova Y. M. Igrovoy diskurs: igra kak kommunikativnoye sobytiye [Game discourse: game as communicative act]. *Izvestia RAN. Seria yazyka i literatura* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences]. Iss. 001. Moscow, 2008, pp. 3–20.
8. Norman B. Y. *Igra na granyah yazyka* [Games on the verge of language]. Moscow, 2006. 344 p.
9. Vodovatova T. E. Metaforicheskiye vyskazvaniya v svete inferentsialnoy teorii smysla [Metaphorical statements in the light of the theory of inferential meaning]. *Vestnik samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Samara State Economics University journal]. Samara, no. 1, 2007, pp. 181–183.

Статья поступила в редакцию 9.12.2015.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Водоватова Т. Е. Речевой жанр как средство формирования коммуникативных стратегий и тактик (на материале британского речевого жанра buffoonery) // Жанры речи. 2016. №1. С. 142–147. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-142-147.

FOR CITING

Vodovatova T. E. Speech genre as means of creating the communicative strategies and tactics (based on the genre of buffoonery in British culture). *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 142–147. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-142-147. (in Russian).

УДК 811.161.1'27

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-148-155

Л. П. Иванова
Киев, УкраинаL. P. Ivanova
Kiev, UkraineЖАНРОВЫЕ ОСНОВАНИЯ
ЛИНГВОИМАГОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗАGENRE BASE
OF LINGVOIMAGOLOGICAL ANALYSIS

Аннотация. Лингвоимагология – новое направление языкознания в рамках теории коммуникации, призванное отобразить образ, имидж (отсюда термин) одного народа или страны в языковом сознании другого народа; его вербализацию и исследует лингвоимагология. Предметом ее являются оценка, стереотип, ритуал, прецедентность, паралингвистическая ситуация.

Естественно, оценка и другие перечисленные явления предстают в текстах прежде всего как индивидуальные впечатления, однако с опорой на концепцию В. М. Солнцева можно утверждать, что эти индивидуальные впечатления, с одной стороны, являются вариантами по отношению к подобной рецепции другого автора, с другой стороны, они выступают вариантами по отношению к инварианту – национальному мировидению.

Естественно, к анализу должны привлекаться тексты наиболее ярких и талантливых представителей данного народа.

Достоверность наблюдений во многом обеспечивает текстовый материал, организованный в жанры. По нашим наблюдениям, наиболее адекватными для лингвоимагологического исследования являются письма, путевые заметки, некоторые публицистические статьи и даже художественные произведения. Ценность изучаемого материала обусловлена прежде всего талантом, объективностью и личностью автора.

В качестве примера реализации разных жанров рассмотрели образ Англии и англичан в записках Е. Р. Дашковой, письмах Д. И. Фонвизина, создающегося жанра писем путешественника, принадлежащих перу Н. М. Карамзина, а также в журнальных статьях А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя.

Ключевые слова: лингвоимагология, жанры (письма, записки, путевые заметки, журнальная публицистика), инвариант / вариант, Англия и англичане, Е. Р. Дашкова, Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь.

Abstract. Lingvomatology is a new branch of linguistic theory of communication it describes the image (hence the term) of one people or a country in the linguistic consciousness of other people; lingvomatology studies its verbalization. The subject of lingvomatology is an assessment, stereotypes, rituals, precedent phenomena, paralinguistic situations.

Naturally, assessment and other mentioned phenomena appear in the texts primarily as individual impressions, however, relying on V.M.Solntsev's concept, one can state that these individual experiences, on the one hand, are the variants in relation to a similar reception of another author, on the other hand, they are the variants in relation to the invariant - national worldview.

Of course, the texts of the brightest and most talented representatives of the people should be analysed in a research paper.

The reliability of studies in many ways is provided by the textual material organized in genres. Our data indicate that the most adequate texts for lingvomatology research are letters, travel notes, some publicist articles, and even works of belles-lettres. The value of the material is primarily stipulated by the talent and personality of the author.

As an example, the image of England and the Englishmen created in E. E. Dashkova's memoirs, D. Fonvizin's letters, N. Karamzin's traveler's letters, as well as A. Pushkin's and N. Gogol's publicist works are analysed in the article.

Key words: lingvomatology, genres (epistolary, memoirs, traveler's letters, publicist works), invariant/variant, England, Englishmen, E. Dashkova, D. Fonvizin, N. Karamzin, A. Pushkin, N. Gogol.

Сведения об авторе: Иванова Людмила Петровна, доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка

Место работы: Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова

E-mail: lupiv@mail.ru

About the author: Ivanova Lyudmila Petrovna, Doctor of philology, Professor of Russian language department
Place of employment: National Pedagogical Dragomanov University, Kiev

Лингвоимагология – новое направление современного языкознания, изучающее образ, имидж (отсюда термин) народа или страны в глазах другого народа. Лингвоимагология сформировалась на базе имагологии – направления сравнительно-исторического литературоведения. Имея в

принципе совпадающие цели, указанные направления различаются прежде всего следующим: 1) лингвистическое исследование ориентируется прежде всего на вербализацию оценки, поэтому предметом анализа является оценка, стереотип, ритуал, мифологемы, паралингвистическая ситуация,

прецедентность; 2) имагология опирается на зеркальное восприятие стран и народов, в лингвоимагологическом исследовании это не нужно. Например, Н. С. Гумилев в цикле стихов, посвященном Африке, описывает животный мир (331 упоминание), страны (10 упоминаний), водоемы (9 упоминаний), европейцев (6 упоминаний), Африку в целом, ландшафты (по 4 упоминания), растения и людей (по 3 упоминания), то есть предстает довольно полная картина, чего не скажешь об обратном – рецепции России африканцами, для них Россия – страна далекая и почему-то дикая. В стихотворении «Галла» поэт пишет:

*И таинственный город, тропический Рим,
Шейх-Гуссейн я увидел высокий,
Поклонился мечети и пальмам святым,
Был допущен пред очи пророка.
Жирный негр восседал на персидских
коврах
В полутемной неубранной зале,
Точно идол, в браслетах, серьгах и
перстнях,
Лишь глаза его дивно сверкали.
Я склонился, он мне улыбнулся в ответ,
По плечу меня с лаской ударя,
Я бельгийский ему подарил пистолет
И портрет моего государя.
Все расспрашивал он, много ль знают о
нем
В отдаленной и дикой России... [1 : 299].*

Понятно, что зеркальности в тот период быть не может; 3) главное различие в аспекте заявленной темы статьи – материал для анализа, организованный в жанры. Имагология прежде всего ориентируется на публицистику, хотя возможны мемуары. Лингвоимагология опирается на личные впечатления, как правило, они отражаются в путевых заметках, письмах, хотя не исключаются мемуары и даже художественные тексты. Особое место занимают публицистические статьи и заметки. Они, в зависимости от содержания, могут стать материалом для лингвоимагологического анализа. Однако впечатления не могут быть сиюминутными, подверженными, например, политической конъюнктуре, поэтому в лингвоимагологии актуальна журнальная публицистика, поскольку она предполагает вынашивание материала.

Попытаемся снять одно явное противоречие. В качестве объекта лингвоимагологии обозначен образ народа или страны в глазах другого народа, при выборе жанра материала

для анализа ориентируемся прежде всего на личные впечатления. Для объяснения данной антиномии обратимся к концепции вариантности / инвариантности В. М. Солнцева: «... инвариантом следует называть некоторый абстрактный предмет, характеризующийся абстрактными свойствами. Инвариант, следовательно, есть то общее, что объективно существует в классе относительно однородных предметов или явлений. Инвариант как абстрактный “предмет” конструируется мысленно путем извлечения общего из ряда предметов или явлений и отвлечения от несущественных для существования данного класса различий между предметами. Инвариант есть идеальный объект, который может быть использован для изучения общих свойств данного ряда предметов и любого предмета, входящего в этот ряд» [2 : 88].

В нашем случае инвариант – русское мировидение, во многом обусловленное русским языковым сознанием и русской языковой картиной мира. Вариант – индивидуальное видение. Наши наблюдения свидетельствуют о том, что оценка у разных авторов в целом совпадает, разнится ее языковое воплощение, что обусловлено степенью дарования автора, а также ее аспекты, связанные прежде всего со степенью его наблюдательности. Мы ориентируемся на тексты людей талантливых, поскольку именно они способны адекватно воспринять и описать увиденное.

Каждый из авторов воплощает вариант мировидения [2 : 89] по отношению к русскому мировидению (инвариант).

Подчеркнем, что в оценке важную роль играет хронологический фактор. Сравним для примера оценку Германии в XVIII, XIX, XX в. и в наши дни. Национальное мировидение, языковая картина мира – категории неизмеримо более стабильные, именно они диктуют общий подход к оценке народа или страны. По нашим наблюдениям, русские путешественники смотрят на мир внимательно, доброжелательно, эмоционально оценивая природу, быт и нравы других стран и народов.

Почему так важны эпистолярные и путевые заметки?

Одно из первых систематических впечатлений от путешествий находим в «Записках княгини Е. Р. Дашковой», сподвижницы Екатерины II, страстной умной путешественницы. Она подчеркивает: «У путешественника должны быть постоянно открыты глаза и

уши: потому что сцена изменилась и размышление, вызванное ею, исчезает вмѣстѣ съ ней»¹ [3 : 341]. Но наблюдение не должно быть пассивным, необходимо сформулировать цели, что Е. Р. Дашкова и делает в наставлениях сыну: «Предметы твоего наблюдения такъ разнообразны и многочисленны, что я укажу тебѣ только некоторые, главные. Сюда относятся свойство и форма правленія, законы, нравы, вліяніе, народонаселеніе, торговля; географическія и климатическія условія, иностранная и внутренняя политика, произведенія, религія, обычаи, источники богатства, дѣйствительные и мнимые средства общественнаго кредита, подати, пошлины и различныя условія различныхъ сословій. Эти изслѣдованія достойны вниманія философа и ни одинъ путешественникъ не долженъ пренебрегать ими, если только онъ не хочетъ остаться тупымъ и бессмысленнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ явленій, не способнымъ ни къ умственному, ни нравственному совершенству» [3 : 341–342].

Изучать жизнь чужих земель нужно с точки зрения пользы для родной страны: «...сравнивая иностранную жизнь съ жизнью своего отечества, стараясь исправить, что найдешь въ немъ дурнаго, учреждая, что сочтешь полезнымъ его благосостоянію – ты будешь другомъ и благодѣтелемъ своей страны» [3 : 344].

Еще один момент, ставший ключевым в курсе межкультурной коммуникации (в представлении С. Г. Тер-Минасовой): «...непростительно грубо и несправедливо судить объ одномъ народѣ по мѣркѣ другого» [3 : 344].

Итак, главная задача русского путешественника – глубокое и всестороннее изучение жизни другого народа и страны. Поскольку процесс познания всегда сопровождается оценкой (у писателей она непременно эмоциональна в силу специфики их мировидения), лингвоимагологический анализ предполагает прежде всего изучение вербального воплощения данной категории.

Подчеркнем, что указанная цель реализуется прежде всего в русской культуре. Для немцев, например, по утверждению Г. Белля, важнее другое: «они...так много путешествуют, ищутъ гуманнаго и социальнаго в другихъ местахъ, дивятся буднямъ другихъ странъ» [4 : 176]; «Лавину туризма,

эту горячку путешествій можно истолковывать и какъ бегство изъ страны...» [4 : 199]. Обратим внимание еще раз на роль хронологического фактора. Наши современники если не бегут изъ своихъ странъ, то и программу Е. Р. Дашковой тоже не выполняют, во главу угла сейчас ставится прежде всего знакомство с культурой и искусствомъ посещаемыхъ странъ.

Вернемся к заявленной в названии статьи проблеме и обратимся к характеристике русскими путешественниками **Англии** в текстах разных жанров с учетом времени их написания.

Итак, первой была Е. Р. Дашкова. Нам доступны ее записки – один из жанров эпистолярного стиля. Англию в целом она не характеризует, однако описывает впечатление от посещения Шотландии и Ирландии.

Русская путешественница демонстрирует прекрасное знание истории. Так, об Эдинбурге она пишет: «Въ Эдинбургѣ я наняла себѣ квартиру въ домѣ Голигодъ, въ древнемъ дворцѣ Шотландскихъ королевъ; здѣсь я часто вспоминала исторію легкомысленной и несчастной Маріи Стюартъ; печальная судьба ея напечатлѣвалась на каждомъ окружающемъ предметѣ» [3 : 137].

Е. Р. Дашкова весьма благожелательно обобщает черты ирландского характера: «Вечера наши всегда проходили въ умномъ и благовоспитанномъ обществѣ, одушевленномъ свободой манеры, свойственной Ирландскому характеру» [3 : 140].

Представление ирландцев о русских мягко высмеивается: «Ея желаніе было закономъ для меня; я составила арію въ четыре голоса; послѣ двухнедельнаго приготовленія она была пропѣта въ присутствіи многочисленнаго собранія, которое с любопытствомъ пришло послушать, на что способна Русская медвѣдица в музыкальномъ искусствѣ» [3 : 141].

Под впечатлениемъ этого события Давид Гаррик в письме (также эпистолярный стиль) к Е. Р. Дашковой написал: «...я боюсь, чтобъ не сбылось пророчество одного изъ нашихъ поэтовъ, что “Россия будетъ наставницею въ искусствахъ для Британскаго острова”. Продолжайте, ваше сіятельство, служить честью вашей родины и украшеніемъ нашей» [3 : 348].

Характеризуя образ правления Ирландией, Е. Р. Дашкова использует совершенно неожиданный образ, свидетельствующий о ее познаниях в естественных науках: «Какой чудной страной была бы Ирландія, еслибы

¹ Сохраняем графику, орфографию и пунктуацию первоисточника.

правители ея не были слишкомъ дальновидны, когда надо разсмотрѣть богатства, лежащія у нихъ подъ носомъ и слишкомъ близоруки, когда дѣло идетъ о томъ, что лежитъ отъ нихъ подальше. ... За всѣмъ темъ Англія такъ богата оптиками, что кто нибудь вѣрно изобрѣтетъ средство противъ дальнорзости и близорзости, а тогда все будетъ хорошо» [3 : 346]. Следовательно, благополучие Ирландии Е. Р. Дашкова видит под покровительством Англии.

Следующий автор, к письмам которого мы обращаемся, – Д. И. Фонвизин, автор «Бригадира» и «Недоросля», известный переводчик и государственный чиновник. Он ехал через всю Европу во Францию, где должны были вылечить и вылечили его жену. Письма адресованы родственникам, прежде всего сестре, а также шефу – П. И. Панину и другим современникам.

Письма содержат путевые впечатления о Европе XVIII в., они носят личный характер, хотя составитель, комментатор и редактор собрания сочинений Г. П. Макогоненко утверждал: «К письмам из Франции мы обязаны относиться как к художественному произведению, предназначавшемуся для печати» [5 : 631]. Есть все основания рассматривать письма Д. И. Фонвизина как жанр в рамках эпистолярного стиля.

До Англии автор не доехал, а на страну он смотрел с точки зрения дорогой его сердцу Франции: «*Англичанъ здесь терпеть не могут... напротивъ того, хороши и англичане. Заехавъ в чужую землю, потому что в своей холодно, презирают жителей в глаза и на все их учтивости отвечают грубостью. Всего смешнее говорят они по-французски. Американские их дела доходят до самой крайности, и они в таком отчаянии, что думать надобно, отступятъ от Америки и, следовательно, объявятъ войну Франции: ибо издревле всякий раз, когда ни доходила Англія до крайнего несчастья, всегда имела ресурсом и обычаемъ объявить войну Франции» [5 : 433].*

Таким образом, по сути повторяется мысль Е. Р. Дашковой о необходимости уважительного отношения к другим странам и народам, англичане осуждаются прежде всего за то, что этого правила не придерживаются. Д. И. Фонвизин посмеивается над французской речью англичан, тогда как всякий мало-мальски образованный россиянин в совершенстве владел французским, хотя данный факт порождал перекосы, при-

водящие к галломании, о чем с горечью писали Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и др.

Перу Н. М. Карамзина принадлежат вышедшие в свет в конце XVIII в. «Письма русского путешественника». В отличие от писем Д. И. Фонвизина, Н. М. Карамзин, вслед за Л. Стерном, создает новый для русской литературы жанр: «*Наши соотечественники давно путешествуют по чужим странам, до сих пор никто из них не делал этого с пером в руке» [6 : 93]. Письма составляются от лица некоего «молодого человека»: «Все интересует его: достопримечательности городов, мельчайшие различия в образе жизни их обитателей, монументы, воскрешающие в его памяти различные знаменательные события; следы великих людей, которых уже нет на свете; приятные ландшафты, вид плодородных полей и безбрежного моря» [6 : 193].*

Сам Н. М. Карамзин посетил Англию в 1790 году. Обратим внимание на два момента: во-первых, в русской литературе создается новый жанр, лежащий на пересечении публицистики, художественно-беллетристического и эпистолярного стилей – письма путешественника. От публицистики у писем открытая авторская позиция, незавуалированная оценочность, неслучайно в двухтомнике произведений Н. М. Карамзина они помещены в раздел «Критика»; от художественной прозы живописность и образность, от эпистолярной – сиюминутность впечатлений. Во-вторых, поскольку письма написаны от имени некоего третьего лица, формируется новая категория – образ автора, разработке которого так много внимания уделил В. В. Виноградов, а затем и его последователи.

Восприятие Англии русским путешественником в интерпретации Н. М. Карамзина противоречивое, что сказывается в микротексте, построенном на антитезах и оформленном параллельными сложными синтаксическими конструкциями: «*Мне <русскому путешественнику – Л.И.> нравится Англія, но я не хотел бы провести здесь всю мою жизнь. Мне нравится вид ее великолепных городов и веселых деревень, ее парки и лужайки; но мне не нравится ее унылый климат, ее вечные туманы, заволакивающие солнце. Мне нравится твердый характер англичан и даже их странности, но мне не нравится, что они угрюмы и флегматичны. Мне нравится их просвещенность и безукоризненная честность в делах; но мне не нравится ни их*

расчетливая скупость, желающая разорения всех других народов, ни их презрение к бедности, что возмущает мое сердце. Мне нравится, что они горды своей конституцией, но не нравится, что они торгуют местами в парламенте. Мне нравится крылатое красноречие Шеридана и Фокса, но не нравится ни их холодное действие, ни однообразная интонация их фраз. Мне нравятся трагедии Шекспира, но мне не нравится, как безвкусно их играют в Лондоне. Нравится мне также английская кухня, но вовсе не нравятся необычайно длинные трапезы, во время которых изрядно пьют и мало забавляются и, наконец, я больше люблю англичанок, чем англичан, потому что они в большинстве своем хорошо воспитаны, романтичны и чувствительны, что вполне отвечает моему вкусу. Я и в другой раз приехал бы с удовольствием в Англию, но выеду из нее без сожаления» [6 : 98].

Приносим свои извинения за величину цитаты, но пересказать ее, не утратив блеска первоисточника, мы не в силах. Обратим внимание на многообразие и широту охваченных в характеристике явлений.

Англичанки вызывают неизменное восхищение русского путешественника: *«Первое, что поражает ... в Англии, – красота английских женщин; нежная томность их взоров, выражение чувствительности на их лицах, которое, казалось бы, говорит: “я умею любить”» [6: 98].* Нечто подобное в стихотворении Н. С. Гумилева «Баллада»: *«И нежные задумчивые леди» [1 : 158].*

Об англичанине автор судит сурово, сопоставляя его с французом: *«...смешной каламбур радует его <француза – Л.И.> не меньше, чем скупого англичанина – открытие нового острова, ибо англичанин рассматривает весь свет и всех людей как объект спекуляции на лондонской бирже» [6 : 97].*

Характеристика «скупой» однозначно отрицательна, однако автор аргументирует ее с позиций геополитики.

Русский путешественник высоко ценит патриотизм англичан и негативно отзывается о звучании английского языка: *«Язык важен для патриота; и я люблю англичан за то, что они лучше хотят свистать и шипеть по-английски с самыми нежными любовницами своими, нежели говорить чуждым языком, известным почти каждому из них» [6 : 229].*

В этом случае англичане противопоставляются русским дворянам, практически пол-

ностью перешедшим в быту на французский язык.

Данный фрагмент взят нами из статьи «О любви к отечеству и народной гордости» – явная публицистика, что подтверждает стилистический синкретизм «Писем русского путешественника», соответствующих критериям и публицистики, и художественно-беллетристического, и эпистолярного стилей.

Таким образом, точка зрения русского путешественника на Англию и англичан под пером Н. М. Карамзина амбивалентна: что-то нравится, что-то нет, но все отрицательные характеристики не голословны, а, как правило, аргументируются.

Подводя первые итоги, отметим, что главные жанры, дающие надежную базу для лингвоимагологических исследований, – письма (личные и художественно-публицистические), заметки и записки, посвященные путешествиям.

Однако интересную и полезную информацию можно извлечь из публицистики и даже художественной речи, в частности поэзии. Примером такого рода текстов может служить творчество А. С. Пушкина.

Если Е. Р. Дашкова и Н. М. Карамзин бывали в Англии и опирались в основном на собственные впечатления, то с А. С. Пушкиным ситуация иная. По известным политическим причинам он ни разу не выезжал за границу, поэтому оценки его базируются прежде всего на литературных и публицистических английских источниках.

С указанных позиций рассматриваемый материал распадается на две части. Первая – видение А. С. Пушкиным Англии и англичан, зафиксированное в публицистике и эпистолярной; вторая – в главном произведении: романе в стихах «Евгений Онегин» (данные наблюдения отражены в нашем пособии «Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина “Евгений Онегин”)» [7].

Обратимся к первой части – критике и публицистике. В статье «Англия есть отечество карикатуры и пародии...» А. С. Пушкин пишет об Англии: *«Англия есть отечество карикатуры и пародии. Всякое замечательное происшествие подает повод к сатирической картине; всякое сочинение, ознаменованное успехом, подпадает под пародию, искусство подделываться под слог известных писателей доведено в Англии до совершенства. Вальтеру Скотту показали однажды стихи, будто бы им сочиненные. “Стихи, кажется, мои, – отвечал*

он смеясь. – Я так много и так давно пишу, что не смею отречься и от этой бессмыслицы!» [8 : 61–62].

Англия для русского поэта – место производства и торговли продукцией легкой промышленности: «...торгует Лондон щепетильный» («Евгений Онегин»), однако положение рабочих вызывает возмущение и горячее сочувствие: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство с одной стороны, с другой какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джаксона. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника, но посмотрите, что делается там при изобретении новой машины, избавляющей вдруг от каторжной работы тысяч 5 или 6 народу и лишаящей их последнего средства к пропитанию» [8 : 395].

Микротекст распадается на три части. Первая – предельно эмоциональная оценка положения английских рабочих: фразеологизм «волосы встают дыбом от ужаса», его конкретизация в синонимическом ряду «истязания», «мучения», «варварство», не менее суровые определения «отвратительное», «страшная», «холодное». Данный фактор соотносится с прецедентными символами жестокого подневольного труда – строительство пирамид.

Вторая часть – возмущение по поводу обычности и даже узаконенности такого рабского труда, что проявляется, во-первых, в обобщенных номинациях промышленной продукции «сукна», «иголки», во-вторых, в самых распространенных английских фамилиях Смит и Джаксон. Интересно синтаксическое оформление: первое предложение с бессоюзной связью и обобщающим словом «нет», второе предложение – присоединительная конструкция с союзом «и» и однородными членами предложения «не злоупотребления», «не преступления», затем противительный союз «но», утверждающий законность происходящего.

Третья часть – горькое удивление по поводу создающегося противоречия: машины, призванные избавить от «каторжной» ра-

боты, «лишают 5 или 6 тысяч народу последнего средства к пропитанию» (об одежде, духовной пище и т.п. речь даже не идет).

Говоря об англичанах, А. С. Пушкин подчеркивает их гордость и храбрость: «Что за аристократическая гордость позволять всякому уличному шалуни метать в тебя грязью! посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов gentleman и стреляться на кухонрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и боксировать на перекрестке с извозчиком. Это настоящая храбрость» [8 : 308].

Удивление оформлено восклицательной конструкцией с инициальным «что за...». Демократичность английского лорда эксплицируется посредством двоеточия в бессоюзной конструкции. Итоговая положительная оценка – «это настоящая храбрость».

К сожалению, объем данной статьи не позволяет проанализировать восприятие и оценку русскими поэтами вообще и А. С. Пушкиным в частности английской поэзии в целом и наиболее ярких ее представителей. Так, А. С. Пушкин писал о В. Шекспире, Д. Г. Байроне, Д. Мильтоне, В. Скотте, в романе «Евгений Онегин», «энциклопедии русской жизни», Англия представлена 9 именами: Байрон, Бентам, Гиббон, Прадт, Ричардсон, Сей, Скотт, Смит, Шекспир. Герои Шекспира стали в современной русской культуре коннотонимами (отсылаем к нашей статье «Освоение инокультурных онимов в русском языковом сознании», базирующейся на словаре Е. С. Отина «Словарь коннотативных собственных имен». – Донецк, 2004 [9]).

Последний жанр, к которому мы обращаемся, – научно-популярная статья. В данном случае речь идет о работе Н. В. Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» [10], в которой автор связал архитектуру, религию, географическое расположение страны. (Отсылаем к нашей статье «Синтез науки – архитектуры – религии как предмет лингвоиматологического описания (на материале публицистики Н. В. Гоголя» [11]). Англия русский писатель воспринимает прежде всего сквозь призму архитектуры: «В Англии все новые церкви строят в готическом вкусе. Они очень милы, очень приятны для глаз, но, увы, истинного величия, дышащего в великих зданиях старины, в них нет. Они, несмотря на стрельчатые окна и шпицы, не сохраняют в целом готического вкуса и уклонились от образцов» [10 : 49–50].

Поясним, что английская архитектура рассматривается на фоне древней египетской, аравийской, поэтому, естественно, она выглядит молодой. В целом английская готика оценивается отрицательно, хотя новые церкви «приятны для глаз», «милы». Так может быть охарактеризовано что угодно – картины, одежда и т.п., но никак не нечто крупное и грандиозное. Данное противоречие проявляется в противительной конструкции и междометии «увы».

С точки зрения Н. В. Гоголя, достоинства готики продемонстрировал прежде всего В. Скотт: *«Вальтер Скотт первый отрянул пыль с готической архитектуры и показал свету все ее достоинство. С того времени она быстро распространилась»* [10 : 49].

Как и А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь пишет о Д. Г. Байроне и В. Скотте.

Подведем некоторые итоги.

1. Достоверность всякому исследованию, в нашем случае лингвоимагологическому, обеспечивает прежде всего материал для анализа, а он, в свою очередь, организован в жанры. Наиболее адекватными для лингвоимагологического анализа являются письма, путевые заметки, хотя интересный материал могут содержать журнальные публицистические статьи и даже некоторые художественные тексты.

2. Информативная ценность указанных жанров обусловлена прежде всего личностью и талантом автора. Именно талантливый наблюдательный эрудированный человек способен максимально полно воспринять чужой народ и страну, отобразить точку зрения своего народа, то есть его видение и оценка – вариант по отношению к инварианту – народному мировосприятию.

3. Пример Англии и англичан свидетельствует о внимательном, доброжелательном и максимально объективном взгляде русских писателей и общественных деятелей на данную страну и ее народ.

4. В статье анализируются произведения авторов XVIII – XIX веков, однако коннотация английских онимов отражает преемственность в оценке Англии и англичан в наше время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. М. : Художественная литература, 1990. 447 с.
2. Солнцев В. М. Абстракции и проблема абстрактных сущностей в лингвистике // Энгельс и

языкознание : сб. статей. М. : Наука, 1972. С. 81–106.

3. Записки княгини Е. Р. Дашковой / Репринтное воспроизведение. Россия XVIII столетия в изданиях Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н. П. Огарева. М. : Наука, 1990. 528 с.

4. Белль Г. Франкфуртские лекции / Публикация А. Карельского // Вопросы литературы. 1988. №5. С. 169–214.

5. Фонвизин Д. И. Письма и дневники. Собр. соч. в 2 т. Т. 2. М. ; Л.: ГИХЛ, 1959. 742 с.

6. Карамзин Н. М. Сочинения в двух томах. Т. 2. Критика. Публицистика. Главы из «Истории государства Российского». Сост. Г. П. Макогоненко. Л. : Художественная литература, 1984. 456 с.

7. Иванова Л. П. Отображение языковой картины мира автора в художественном тексте (на материале романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин») : учеб. пособие. 2-е изд. доп. Киев : Освита Украины, 2006. 140 с.

8. Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10-ти томах. Т. VI. Критика и публицистика. М., 1962. 590 с.

9. Иванова Л. П. Освоение инокультурных онимов в русском языковом сознании // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). №2. Ч. 2. С. 9–14.

10. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 6-ти томах. Т. 6. Избранные статьи и письма. М. : Государственное издательство художественной литературы, 1950. 359 с.

11. Иванова Л. П. Синтез науки – архитектуры – религии как предмет лингвоимагологического описания (на материале публицистики Н. В. Гоголя) // Мир русского слова. 2015. №1. С. 52–56.

REFERENCES

1. Gumilev N. S. *Stihi. Pisma o russkoj poezii* [Poetry. Letters of Russian poetry]. Moscow, 1990. 447 p.
2. Solntsev V. M. *Abstraktsii i problema abstraktnyih suschnostey v lingvistike* [Abstractions and the problem of abstract entities in linguistics]. *Engels i yazykoznanie: sb. statey* [Engels and linguistics: collection of articles]. Moscow, 1972, pp. 81–106.
3. *Zapiski knyagini E. Dashkovej* [Memoirs of Princess E. Dashkova]. Moscow, 1990. 528 p.
4. Belle G. *Francfurtskie lekcii* [Frankfurt lectures]. *Voprosy literatury* [Questions of literature]. Published by A. Karelskiy. 1988, no. 5, pp. 169–214.
5. Fonvizin D. I. *Pisma i dnevniki*. [Letters and Diaries]. *Sobr. soch.: v 2 t.* [Collection of works: in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1959. 742 p.
6. Karamzin N. M. *Sochineniya v duh tomah* [Works in two volumes]. Vol. 2. Criticism. Journalism. Chapters from «History of the Russian state». Leningrad, 1984. 456 p.

7. Ivanova L. P. *Otobrazhenije yazykovoj kartiny mira avtora v hudozhestvennom tekste (na materiale romana A. S. Pushkina «Evgenij Onegin»)* [Display of the linguistic worldview of the author in a literary text (based on the novel by Alexander Pushkin's «Eugene Onegin»): textbook]. 2-nd ed. Kiev, 2006. 140 p.

8. Pushkin A. S. *Sobranije sochinenij v 10 tomah. T. VI. Kritika i publicistika* [Collected Works in 10 volumes. Vol. VI. Criticism and journalism]. Moscow, 1962. 590 p.

9. Ivanova L. P. *Osvoenie inokulturnyih onimov v rusском yazykovom soznanii* [Assimilation of other cultures onyms in Russian language consciousness] *Uchyonye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo*

universiteta [Scientific papers of Tavria national university]. Vol. 24 (63), no. 2, part 2. 2011, pp. 9–14.

10. Gogol N. V. *Sobranie sochinenij v 6 tomah. Tom 6. Izbrannyje statji i pisma* [Collected Works in 6 volumes. Vol. 6. Selected articles and letters]. Moscow, 1950. 359 p.

11. Ivanova L. P. *Sintez nauki – arhitektury – religii kak predmet lingvoimaglogicheskogo opisaniya (na materiale publitsistiki N. V. Gogolya)* [Synthesis of science – architecture – religion as a subject lingvoimagological descriptions (on the material of N. Gogol's publicist works)]. *Mir russkogo slova* [World of Russian word]. 2015, no. 1, pp. 52–56.

Статья поступила в редакцию 21.05.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Иванова Л. П. Жанровые основания лингвоимагологического анализа // *Жанры речи.* 2016. №1. С. 148–155. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-148-155.

FOR CITING

Ivanova L. P. Genre base of lingvoimagological analysis. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 148–155. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-148-155. (in Russian).

ИНТЕРНЕТ-ЖАНРЫ

УДК 811.161.1'276

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168

Ю. В. Щурина
Чита, РоссияY. V. Schurina
Chita, RussiaЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ INSTAGRAM

Аннотация. В статье анализируются речезанровые особенности интернет-сервиса Instagram. Обсуждается место и значение Instagram в ряду социальных сервисов, рассматривается его специфика как социальной сети, располагающей особыми возможностями виртуальной социализации и самопрезентации субъектов коммуникации.

Развивается идея, что дискурс Instagram формируется как вторичный гипержанр, проявляющий присущие ему свойства: креолизованность сообщения, в котором центром коммуникативной активности выступает изображение с соответствующими комментариями, а также прецедентность (реализуемую при помощи хэштегов) и интерактивность.

Выявлены некоторые существенные различия в коммуникативном и речезанровом представлении действительности в сети Instagram в сравнении с другими сервисами.

Ключевые слова: теория речевых жанров, вторичные речевые жанры, интернет-коммуникация, Инстаграм, креолизованный текст, хэштег, интернет-мем, комический эффект.

GENRE INDIVIDUALITY
OF INSTAGRAM SOCIAL NET

Abstract. The article presents an analysis of the Instagram Internet service genre features. The place and importance of Instagram among Internet communication social services are discussed; specifics of Instagram as a social net with particular opportunities of virtual socialization and self-presentation of communication subjects are considered.

The author develops the idea of Instagram discourse being formed as a secondary hypergenre showing the specific characteristics: creolization of message in which the center of communicative activity is a picture with corresponding comments, precedence (being implemented by hashtags) and interactivity.

Some important differences in the communicative and speech genre presentation of reality in Instagram comparing with other services have been discovered.

Key words: theory of speech genres, secondary speech genres, Internet communication, Instagram, creolized text, hashtag, Internet meme, comic effect.

Сведения об авторе: Щурина Юлия Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания.

Место работы: Забайкальский государственный университет (г. Чита).

E-mail: shchurina@inbox.ru

About the author: Shchurina Yulia Vasilyevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Methods of its Teaching.

Place of employment: Zabaikalsky State University (Chita).

Введение

Современное коммуникативное пространство предлагает новые виды общения, которые могут быть описаны в терминах теории речевых жанров – одного из активно развивающихся направлений исследований речи [1–6].

По мнению В. В. Дементьева, положения теории речевых жанров могут быть эффективно использованы для решения проблемы описания речевой картины современности: это заложенные еще М. М. Бахтиным представления о связи речевых жанров (далее –

РЖ) и языка, диалогичности «темы», «стиля» и «композиции» речевого жанра, противопоставлении первичных и вторичных речевых жанров, способности отдельных речевых жанров к творческому варьированию [2].

Одним из основных направлений использования теории речевых жанров для представления современной речевой реальности можно считать изучение самих РЖ через «призму современности»: появление новых РЖ и трансформации традиционных [2]. Актуальным представляется, прежде всего, исследование жанров в новых глобальных

сферах коммуникации – таких, как Интернет. Отмечается, что Интернет имеет особое значение для речезанровой картины современного периода [2 ; 7 ; 8 и др.]. С целью обобщения данных и разработки новых направлений предлагается выделить область виртуального жанроведения [9 ; 10].

Определяя жанры коммуникации в Интернете, исследователи классифицируют их с различных позиций: так, О. В. Лутовинова, опираясь на интенцию коммуникации, предлагает выделять дискурсообразующие (СМС, e-mail, форум, чат, блог, мгновенные сообщения, многопользовательские онлайн-игры) и дискурсоприобретенные жанры (виртуальный роман, креатифф, флуд, флейм, спам и послание) интернет-коммуникации [11]. При этом нельзя не учитывать вариативность, изменчивость и взаимопроникновение различных форм интернет-дискурса. Жанры интернет-коммуникации возникают благодаря определенным технологическим возможностям, получают некие характеристики, но эти свойства могут меняться по мере использования и развития технологий: виды интернет-коммуникации могут взаимодействовать все теснее, трансформироваться и вступать в иерархические отношения [12 ; 13]: так, комментарии могут сопровождать посты в социальной сети так же, как и другого рода тексты.

Значимый фрагмент интернет-коммуникации представляют социальные сети и те «новые возможности реализации ценностно-маркированных современным индивидом потребностей, которые они представляют» [8 : 84]. Особенно популярными становятся многофункциональные социальные сети, в которых представлены различные виды коммуникации: так, Facebook, Вконтакте, Одноклассники предлагают технологическую платформу для новостной коммуникации, блогов, комментариев, систем мгновенного обмена сообщениями, для участия в онлайн-играх, тестах и опросах и мн. др. форм коммуникации.

Представляется, что именно «технологический» критерий определил становление, развитие и огромную популярность среди пользователей социальной сети Instagram (далее – Инстаграм).

Жанровое пространство Instagram

Инстаграм был разработан К. Систромом и М. Кригером в 2010 году в качестве программы для смартфонов, предоставившей возможность снимать, обрабатывать и раз-

мещать в Сети фото- и видеоматериалы. За короткое время Инстаграм приобрел чрезвычайную популярность, вплоть до формирования психологической зависимости у отдельных пользователей [14]. В сентябре 2015 г. число пользователей данной сети превысило 400 миллионов; общее количество фотографий, размещенных на сервисе, достигло 30 миллиардов; ежедневно в Инстаграме публикуется более 70 миллионов изображений и появляется около 2,5 миллиардов «лайков» [15].

Дискурс Инстаграма, как и другие разновидности интернет-коммуникации (блог, микроблог, форум), формируется как гипертекст (под гипертекстом в данном случае подразумевается «особая форма организации письменного текста, опосредованная компьютерной средой и характеризующаяся процессом нелинейного письма и чтения» [16 : 24]). Основной жанр, представленный в Инстаграме, – это пост, выложенный автором аккаунта в виде фотографии, сопровождаемой подписью. На фотографии можно отметить также место, где она была сделана, и отдельных пользователей. Фотографии, публикуемые в Инстаграме, могут вызывать комментарии – чем больше их количество, тем большее число участников коммуникации будет привлечено к данному посту и к аккаунту данного пользователя в целом. Если подпись – всегда авторский жанр, то комментарии могут оставлять как авторы Инстаграм-аккаунта, так и все его адресаты, в том числе потенциальные: те, кто подписан на данного автора («фолловеры»), и те, кто может подписаться.

Рассмотрим жанровые особенности дискурса сети Инстаграм. Эмпирический текстовый материал для анализа был собран методом случайной выборки текстов и сохранен на цифровом носителе в виде «скриншотов» (букв. с англ. «снимок с экрана»). В тексте статьи они представлены: 1) непосредственно в виде фотографий; 2) только в текстовом виде. Отметим, что данное разделение носит технический характер.

Изучение жанровой природы Инстаграм-пространства предполагает обращение к положениям теории речевых жанров, впервые выдвинутым еще М. М. Бахтиным. Так, трансформации РЖ, вызванные появлением новых сфер общения, изменением условий и технологических возможностей коммуникации, происходят по законам речезанровой вторичности, описанным М. М. Бахтиным: «Вторичные (сложные) речевые жанры – ро-

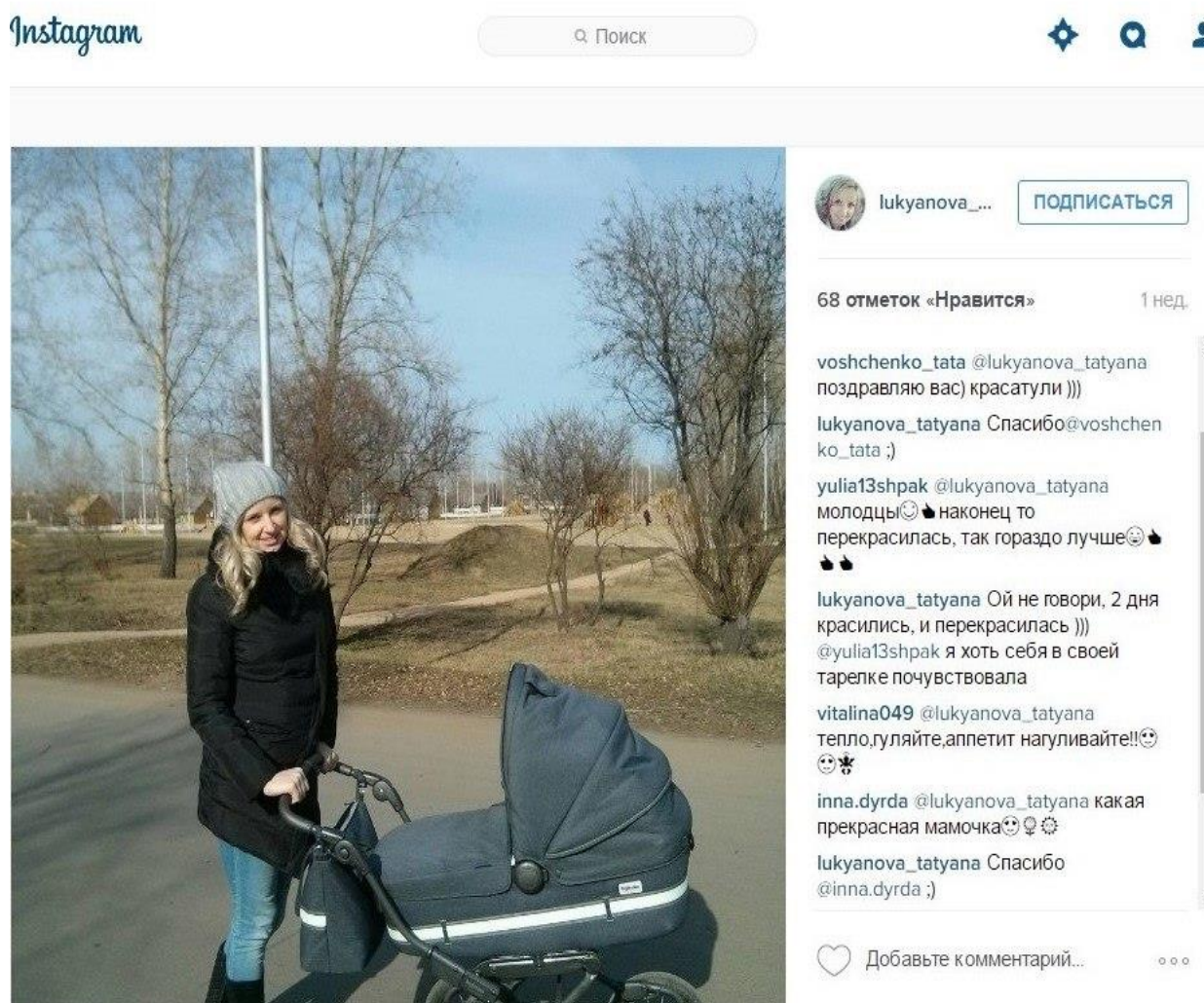

маны, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т.п. – возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения <...> В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного общения. Эти первичные жанры, входящие в состав сложных, трансформируются в них и приобретают особый характер» [17 : 161–162]. При этом деление речевых жанров на первичные и вторичные «существенно», но «не функционально» [17 : 161]. Такой подход дает основание для выделения синхронической вторичности – противопоставления речевых единиц разных уровней абстракции (субжанр, жанр, гипержанр), что позволяет понять целый ряд речевых явлений начала XXI в. (в том числе, интернет-жанры) [2 : 82]).

Пост в Инстаграме – всегда вторичный комплексный (комбинированный) жанр, гипержанр, включающий совокупность РЖ, организованных нелинейно (подпись к фотографии, сообщение о месте, сообщение об отмеченных на фотографии лицах). В свою очередь, подпись к фотографии может включать субжанры (РЖ другого уровня, аналогичные первичным жанрам бытового общения): советы, просьбы, комплименты, поздравление, благодарности, информационные сообщения, запросы информации, шутки и т.п. Комментарии, которые могут сопровождать пост автора аккаунта, также представляют достаточное разнообразие субжанров.

Например, на рис. 1 представлены комментарии к сообщению автора, включающие: 1) поздравление – *поздравляю вас красатули)))* (здесь и далее орфография и пунктуация источников

Рис. 1

The image shows a screenshot of an Instagram post. On the left, a woman in a black coat and grey hat stands next to a blue baby stroller on a paved path in a park-like setting with bare trees. On the right, the post's interface is visible, including the user's profile picture and name 'lukyanova_...', a 'ПОДПИСАТЬСЯ' button, and a list of 68 likes. Below the likes, several comments are visible, such as 'voshchenko_tata @lukyanova_tatyana поздравляю вас красатули)))', 'lukyanova_tatyana Спасибо@voshchenko_tata ;)', and 'yulia13shpak @lukyanova_tatyana молодцы☺️👍наконец то перекрасилась, так гораздо лучше☺️👍'. At the bottom, there is a 'Добавьте комментарий...' button.

сохранена. – Ю. Щ.); 2) благодарность (два раза от автора) – *спасибо*; 3) комплименты (два от разных коммуникантов) – *наконец то перекрасилась, так гораздо лучше; какая прекрасная мамочка*; 4) совет – *тепло, гуляйте, аппетит нагуливайте!!* – и др.

Своеобразие жанрового пространства сети Инстаграм определяется как свойствами, характерными для всех социальных сетей и интернет-коммуникации в целом, так и типичными именно для данной сети признаками. Предварительный анализ Инстаграм-дискурса позволяет выделить три базовые характерные особенности функционирующих в нем речевых жанров: 1) креолизованный характер; 2) использование хэштегов; 3) интерактивность. Ниже эти ключевые жанрообразующие свойства Инстаграм-пространства будут рассмотрены подробнее.

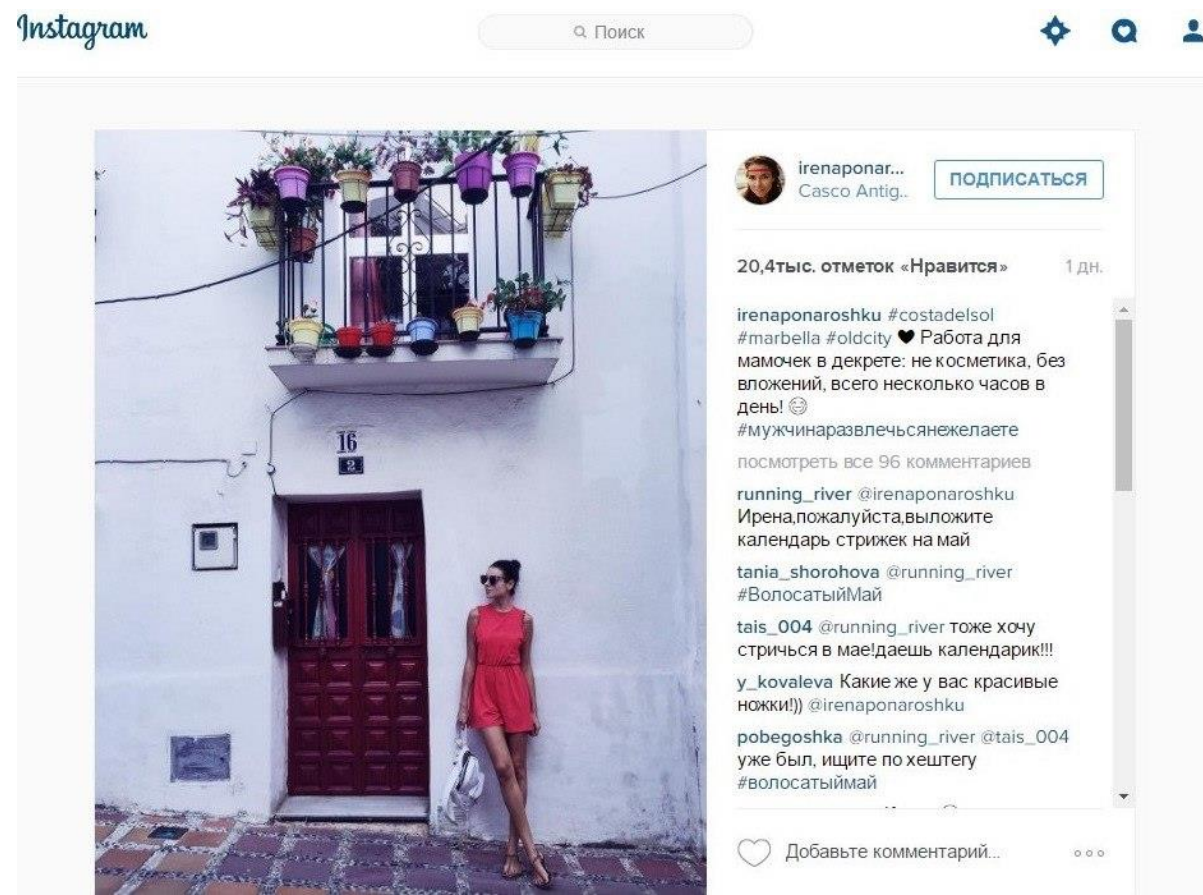
Креолизованность речевых жанров Instagram

Первоначальный замысел разработчиков социальной сети Инстаграм состоял в возможности для пользователей поделиться фотоизображениями, однако почти мгновенно

но данный ресурс превратился в обширную площадку и для вербальной коммуникации. Соединение двух видов знаковых систем определило в качестве основной особенности коммуникативного пространства Инстаграма креолизованный характер сообщений (наличие поликодовости), т.е. реализация РЖ происходит одновременно на нескольких уровнях – вербальном и визуальном. Креолизованные жанры представляют собой тексты, «фактура которых состоит из двух негетерогенных частей (вербальной <...> и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [18 : 180]. Креолизованные тексты описываются как семиотически осложненные тексты, организованные комбинацией естественного языка с элементами других знаковых систем. При этом вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, направленное на комплексное воздействие на адресата [18].

Отметим, что визуальные элементы активно используются в качестве составляющей РЖ и в других социальных сетях (как и в

Рис. 2

интернет-дискурсе в целом), однако наблюдаются и определенные различия в подобном использовании. Так, в более «традиционных» социальных сетях (Facebook, Вконтакте, Одноклассники, Мой мир) изображения и фотографии применяются, в первую очередь, для привлечения внимания к текстовому компоненту (а могут и отсутствовать в посте), в Инстаграме же визуальная составляющая является первичной (именно к фотографии пользователи оставляют комментарии, ее оценивают, нажимая «лайк», по ней запоминают пост).

Косвенным показателем вторичности текстового компонента под фотографией можно считать заложенную создателями данной сети ограниченность первичного восприятия текста большого объема под постом: подписи к фотографии в ленте «сворачиваются», оставляя возможность без лишних нажатий на экран прочесть только первые три строки – именно в них нужно уместить наиболее важную информацию. В Инстаграме присутствуют и фотографии без подписей (впро-

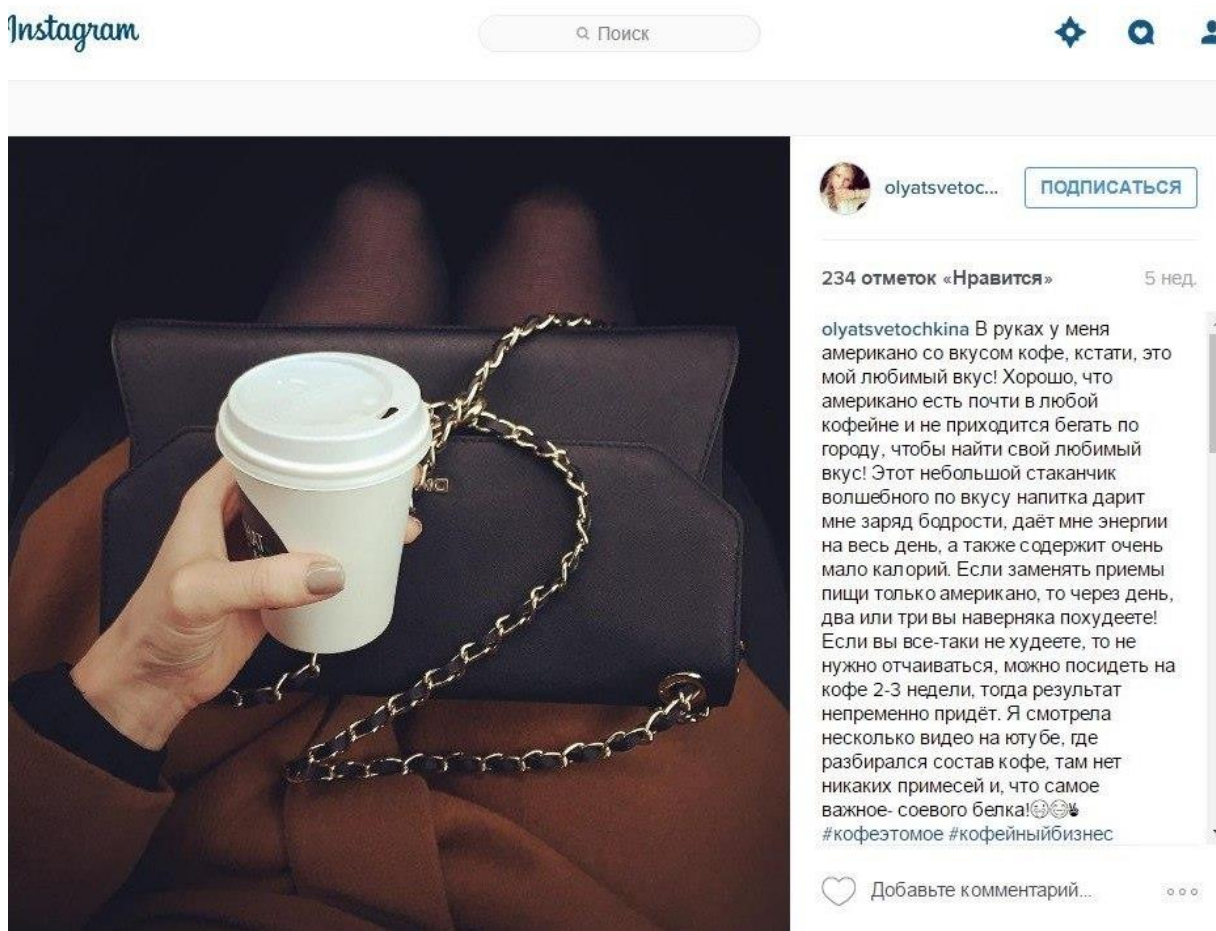
чем, они наименее эффективны, и их использование характерно, в основном, для неопытных пользователей данной сети).

Таким образом, дискурс Инстаграма можно представить как гипертекст, а в качестве одной из существенных базовых характеристик сервиса назвать креолизованность текста, где центром коммуникативной активности является изображение (фотография) с соответствующими комментариями.

Так, на рис. 1 представлено сообщение о рождении у автора ребенка, причем данная информация подана только визуально (в виде фотографии автора с детской коляской). Комментарии к сообщению, содержащие поздравление с этим событием, раскрывают коммуникативное намерение автора.

В то же время в этой сети (в отличие от других) подпись имеет жанрообразующее значение: без нее замысел автора может быть не столь очевиден, например, см. рис. 2: фотография в совокупности с подписью реализует авторское намерение пошутить – с одной стороны, обыгрываются типичные

Рис. 3

для Инстаграма предложения работы для находящихся в декретном отпуске женщин, с другой – изображение содержит отсылку к известной сцене из отечественного кинофильма «Бриллиантовая рука». Шутливый характер сообщения подчеркивается хэштегом #мужчинаразвлечьсянежелаете.

Отметим, что Инстаграм располагает самыми широкими и эффективными возможностями для продвижения товаров или услуг, выступая в качестве мощного инструмента рекламы и саморекламы не только для более или менее известных личностей, но и для СМИ, владельцев малого, среднего и крупного бизнеса и пр. Социальные сети и функционирующие в них РЖ сегодня используют миллионы людей различной возрастной, социальной, территориальной и профессиональной принадлежности. PR в социальных сетях (особенно в таких популярных, как Инстаграм) позволяет «внедриться» в информационное пространство множества людей вне зависимости от их желания, привлечь внимание и расширить аудиторию.

Это определило возможность создания постов рекламного характера в Инстаграме: как прямых (когда аккаунт ведется от лица бренда, торговой точки, салона услуг и пр.), так и косвенных (когда известные лица (например, медийные персонажи) ненавязчиво (якобы незаметно для рядовых пользователей) рекламируют какую-либо продукцию. Распространенность этого явления привела к активному использованию в Инстаграме РЖ пародии (см. рис. 3).

Хэштеги в Instagram

Непременным условием «правильного» ведения Инстаграма является применение хэштегов (#). Хэштегом в Инстаграме обозначается тема поста или комментария. Хэштеги (англ. hashtag от hash – символ «решетка» + tag – тэг) – это слова или фразы, начинающиеся с символа «#», за которым следует любое сочетание разрешённых непробельных символов [19 : 13]. При помощи хэштегов пользователи могут объединять группу сообщений по теме или типу. Например:

- #тюльпаны; #нетюльпаны (посты, как правило, объединенные тематикой празднования 8 марта);
- #майчудесныймай (майские праздники);
- #читасолнечный город #читаэтомойгород (о городе Чите);
- #красивоезабайкалье (жизнь в Забай-

калье, отраженная, в первую очередь, в красивых пейзажах и т. п.);

- #вкусноезабайкалье (посты о еде и обо всем, что с ней связано, объединенные рамками проживания в Забайкальском крае);

- #школа #ппц #жара #дым #окнабельзоткрывать #буроков #завтрадиктант (школьные будни);

- #куплюилиумру #куплювчите (магазины одежды в г. Чите);

- #красноярск #яжвк #вещивналичии #одеждавналичии #обувьвналичии #красноярск #шоурумрумрум #шоурум #гоотгоот24 #скидки #акция #подарки #курткивналичии #вналичиивкрасноярске #весенняяобувь #весенняямода #сумки #парка #платье #бузова #бородина #одеждакрасноярск #сумкикрасноярск #обувькрасноярск #платьякрасноярск #распродажакрасноярск (распродажи одежды в г. Красноярске);

- #Снежныйкороль #снежныйкорольшоу #snowking #snowkingbyplushenko (ледовое шоу олимпийского чемпиона по фигурному катанию Е. Плющенко);

- #нияма #музыка #кухня #еда #япония #вкус #аппетит #звуки #пицца #блюдо #блюда #рецепторы #удовольствие #специи #москва #город #бургеры #роллы #суши (ресторан японской кухни «Нияма» в Москве) (<https://instagram.com>).

Хэштеги дают возможность группировать подобные сообщения: пользователь может найти хэштег и получить набор сообщений, которые его содержат. Чем большее количество сообщений сопровождается тем или иным хэштегом, тем более эффективным он считается, например, хэштег #мир собрал более 1 млн упоминаний, а хэштег #вкусноезабайкалье – 2414 упоминаний (<https://instagram.com> (дата обращения: 05.05.2016)).

Интересно, что хэштеги не только позволяют группировать тематически близкие сообщения, но и, в определенной мере, формируют типические черты самого сервиса: все многообразие тем выкладываемых там сообщений может быть сведено к нескольким базовым (которые, с одной стороны, частотны, с другой – определяют своеобразную «моду» на то или иное представление действительности, – #типичныефото): 1) прием пищи (#еда); 2) дети (#детицветыжизни); 4) домашние питомцы (#коттики); 5) занятия спортом (#спортэтожизнь); 6) отпуск и поездки (#путешествия); 7) близкие отношения (#любовьмоя); 8) сам автор (#селфи) [20].

Важно, что хэштег стал новой формой самовыражения: изобретение оригинального и набравшего популярность хэштега – предмет особой гордости пользователей. К неофициальным, но общепринятым правилам использования хэштегов относится выбор в качестве них терминов, релевантных теме сообщения, а также добавление лишь небольшого количества их в одно сообщение [19]. А. В. Коршунов считает, что это позволяет рассматривать их в качестве маркеров, которые с достаточной степенью вероятности отражают общую тематику сообщения [21]. Первоначально выступая как форма индексирования, хэштег позднее становится средством обозначения определенного настроения, проявления сарказма, внутреннего монолога или подсознания автора.

Необходимость отдельного исследования хэштегов определяется, с одной стороны, их широким распространением в качестве дискурсивного явления (впервые появившись в Twitter, сегодня хэштеги стали использоваться в многочисленных интернет-сервисах – Instagram, Facebook, Tumblr и многих других), с другой – их коммуникативным потенциалом, который, как представляется, далеко превосходит первоначально предполагаемые возможности индексирования информации и ее представления.

Рассмотрим коммуникативные возможности использования хэштегов в сети Инстаграм.

Хэштеги возникают в Инстаграме на основе актуальных событий и распространяются практически мгновенно, сразу после сообщения о них в СМИ, как реакция на какое-то событие, отклик: *#читагорит*, *#пожарывчите*, *#забайкальегорит*, *#читазадыхается*, *#апокалипсискакойто*, *#Забайкальевогне* (события 13–14 апреля 2015 года – пожары в Забайкалье и г. Чите).

Возможны различные способы включения хэштега в текст сообщения [22]:

1. В качестве подписи под фотографией – когда используется один или совокупность тематически сходных и грамматически не связанных хэштегов:

(1) *#напылениебровейчита #пудровыебровичита #растущевкабровей #татуаж #татуажчита #татуажсочи #татуажглаз #реконструкциябровей #микроблейдинг #микропигментациячита #ручнойтатуаж-ЧИТА #чита #madewithlove #мастертатуажа #обучение #татуажобучение;*

(2) *#будет_вкусно #чита #сладо-сти_ручной_работы #сладо-*

сти_на_заказ_чита #торты_без_мастики #budget_vkusno.

2. Как собственно сообщение, представляющее собой один или несколько связанных по смыслу и грамматически хэштегов, – в линейной последовательности:

(3) *#мамабольшеникакихтортов #зашеймнерот* (под фотографией девушки, измеряющей свою талию);

(4) *#люблюсвоюработу #носвоегоМя-люблюбольше #усталапотомучтоустала-морально #прихожунаработучтоботдохнуть;*

(5) *#нужен #администратор #help;*

3. Как интегрированная часть традиционного сообщения (предложения или текста), выступающая в качестве маркированного грамматического компонента:

(6) *Вот и подходит к концу этот замечательный день, #деньпобеды Мы посмотрели #парадпобеды и увидели там #чп У нас на глазах задымился зенитно-ракетный комплекс. То ещё зрелище! Мы послушали #песнипобеды и даже попытались танцевать #вальс Еще был фейерверк из окна маршрутки. Масса эмоций, хорошая погода. Больше 12 часов на ногах, приятная усталость и ни одной фотографии за день)))));*

(7) *Готовлю мою коронную пасту #радисвятоговарфоломея #непроситерецепт;*

(8) *Новогодний #nailart. Давно мечтала поносить на #ногтях скандинавские узоры. Я влюблена в оленей на больших пальцах;*

(9) *Я же тут стала яростной фанатской квестов! Все никак не могу найти кучу свободного времени, чтобы ходить везде, благо #работа поспособствовала. Вчера с коллегами из программы #столица находили #выход из бункера. #Квест очень технологичный, со всякими штуками мигающими, устройствами, аудио и видео сопровождением! (<https://instagram.com>).*

Самым эффективным способом считается интегрирование хэштега в контекст, что придает хэштегу большую органичность и позволяет экономить пространство.

Б. Солис рассматривает хэштеги как явление, которое вышло за пределы виртуальной реальности: «Хэштеги перетекают от одной формы коммуникации к другой за пределы микроблога. <...> Ценность хэштегов зависит от того, какими их видят авторы, владельцы. Они должны обладать культурной релевантностью, соединять интеллектуальный и эмоциональный уровни до того, как будут запущены в три блока социальных ме-

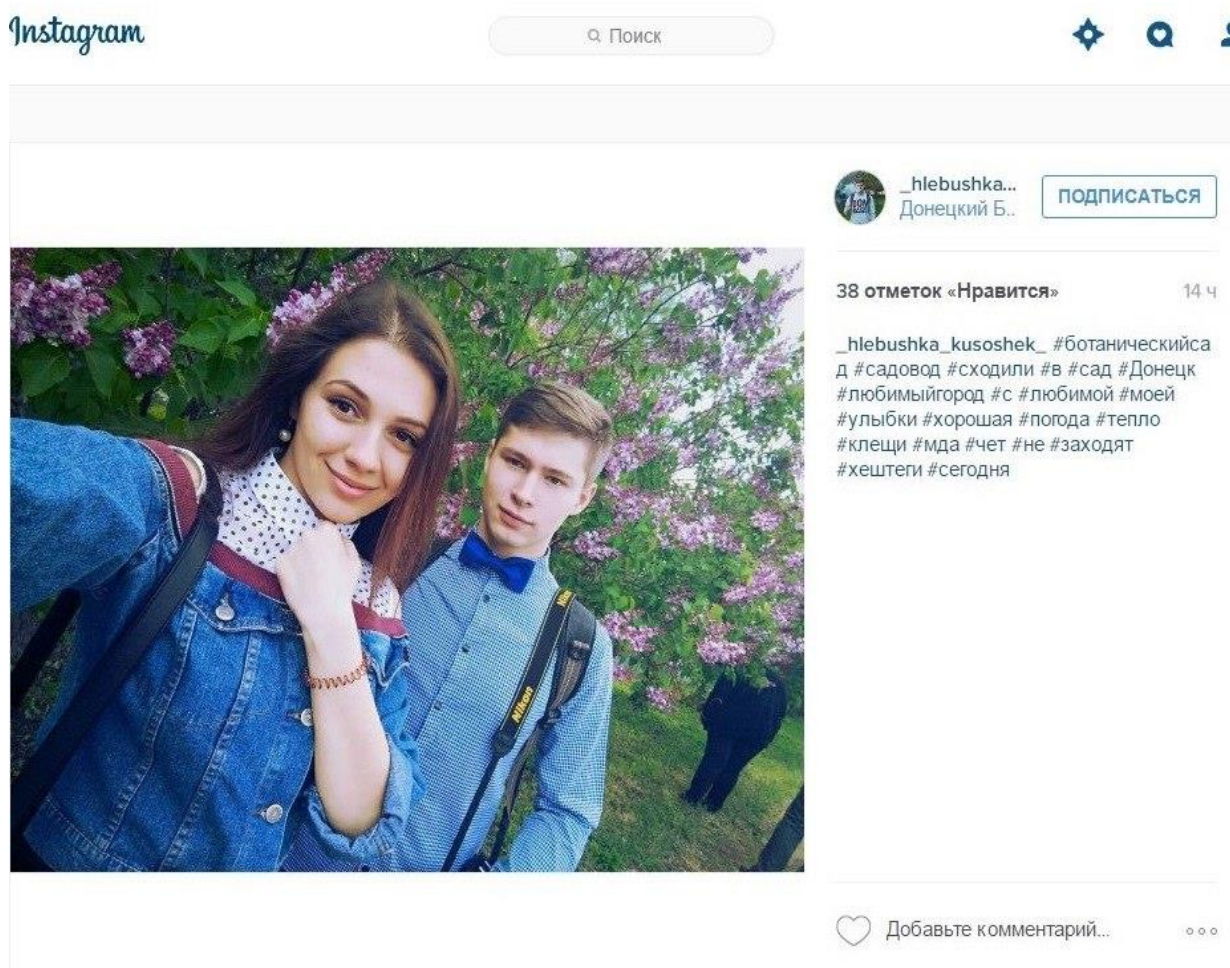
диа (действия, реакции, транзакции). Хештеги не должны быть брендированными, но должны вызывать ассоциации» [23].

Выход хештегов за пределы интернет-коммуникации проявляется в их распространении и в традиционных сферах общения: так, современные рекламные тексты

президент по маркетингу в Oxygen Media заметила, что часто слышит, как сотрудники компании общаются «в хештегах» — «Хештег: извини, я опоздаю» или «Хештег: неудачный день» [24].

Представляется, что возможности анализа и описания коммуникативных возможностей

Рис. 4

часто содержат хештег для обозначения продвигаемого продукта, услуги, компании или бренда (речь идет преимущественно о визуальной рекламе); организованные события реального мира используют хештеги для обсуждения и продвижения среди участников, хештеги используются и в качестве «маяков» для участников мероприятий с целью найти друг друга; политические протесты и кампании могут быть организованы вокруг хештегов и вызывают последующее обширное использование хештегов для продвижения обсуждения; наконец, сфера бытового общения также отмечена использованием хештегов: так, Дж. Олсон, старший вице-

хештегов определяются необходимостью выбора определенного основания для их классификации. Очевидным выглядит деление всех хештегов по их функциональной направленности: 1) на выполнение номинативных, социальных, экономических задач — «серьезные» хештеги, и 2) на реализацию эстетических или творческих задач — шуточные, или игровые хештеги.

Ю. Е. Галямина отмечает, что хештег выполняет различные функции и дает большой простор как для языковой игры, так и для более емкого выражения значений без использования средств синтаксиса естественного языка, представляя собой маркирован-

ный элемент предложения или текста, имеющий особый коммуникативный статус [25].

А. П. Атягина выделяет следующие основные функции хэштегов: 1) обозначение модели ситуации в целях компрессии; 2) включение в общий контекст/тренды; 3) актуализация и экспрессия; 4) самопрезентация; 5) продвижение (товаров, услуг, идей) [19 : 14].

Именно шуточные хэштеги реализуют в сети Инстаграм функции экспрессивности и самопрезентации (см. рис. 4).

В свою очередь, шуточные хэштеги можно подразделить на два вида:

- общеизвестные, популярные, которым соответствует значительное количество публикаций: например, *#мирдолжензнатьчтояем* – более 1 млн 300 тыс. публикаций в Инстаграм;

- авторские, или внутренние хэштеги, которые заведомо не войдут в топ Инстаграм-хэштегов, более того, такая цель автором и не преследуется, однако пользователям понятно, что эти хэштеги были придуманы и использованы автором в целях шутки, игры, например: (10) *Ну, и пока не забыла – показываю еще одну любимую девочку! Сама купила себе! #осталосьнайтитеперьчемплатитьренту* (под фотографией только что купленной дорогой сумки) (<https://instagram.com>).

Популярные хэштеги, выполняющие функции повышения экспрессивности, достижения комического эффекта, игровую, нередко превращаются в интернет-мемы, рассматриваемые как механизм передачи и хранения культурной информации [26]. Важно, что спонтанному распространению среди интернет-пользователей подобной информации подвержена не всякая информация, а лишь та, которая каким-либо образом оставляет многих пользователей равнодушными к ней, вызывает интерес или порождает ассоциации. Мемы отражают культурные стереотипы и явления современной действительности, интересные и актуальные для интернет-пользователей [27].

М. Запавина считает, что подобные мемы-хэштеги скорее существуют для налаживания социальных контактов, нежели для распространения информации [28].

Основные характеристики интернет-мемов, в том числе мемов-хэштегов, позволяют рассматривать их как разновидность прецедентных феноменов. Как всякие прецедентные феномены, мемы подвергаются разного рода трансформациям в процессе

использования и обретают множество разновидностей. Узнаваемость мема-хэштега служит основой для его дальнейшего использования, в том числе и в традиционных сферах общения. При этом более значимой оказывается не семантическая компрессия, осуществляемая хэштегом, а возможность передать эмоции, дать оценку сообщаемому. При передаче текущего состояния автора хэштег может усилить эффект или выразить преднамеренный подтекст сообщения [19]. Возможность достижения необходимого коммуникативного эффекта (узнавания хэштега и достижения комического эффекта) при таком использовании в значительной степени зависит от совпадения элементов апперцепционной базы автора и адресата, в противном случае идентификации мема-хэштега может не произойти.

Приведем примеры наиболее популярных в Инстаграме мемов-хэштегов:

- *#мирдолжензнатьчтояем* (более 1 млн 300 тыс. публикаций) – высокая распространенность может быть связана с тем, что в Инстаграме слишком часто размещают фотографии еды, что стало поводом для шутки. Включая такой хэштег в текст под фотографией с едой, пользователь иронизирует над тем, что сам попадает в общую тенденцию. Трансформируясь, данный хэштег обрел следующие варианты, тоже весьма распространенные: *#мирдолжензнатьчтояготовлю* (около 103 тыс. публикаций); *#мирдолжензнатьчтояпеку* (около 10,6 тыс.); *#мирдолжензнатьчтоячитаю* (более 111 тыс.); *#мирдолжензнатьмойманикюр* (более 1,7 тыс.); *#мирдолжензнатькакогоцветамоиногоги* (около 106 тыс.); *#мирдолжензнатьгдеменяносит* (около 1,1 тыс.) и мн. др. Шутивным ответом на *#мирдолжензнатьчтояем* можно считать хэштег *#несфоталнепоел* (около 4,8 тыс. публикаций);

- *#Фотоног* (более 1 млн 960 тыс. публикаций) – популярный хэштег, приведший к возникновению множества мемов-вариаций, в том числе и индивидуально-авторских, с использованием элементов языковой игры: *#фотоного*, *#фотоногреспект*, *#фотоногвванной*, *#фотоногкактус*, *#фотоногия*, *#фотоногдаши*, *#фотоногомания*, *#фотоногинг*, *#фотоногой*, *#фотоноголук* и мн. др.;

- *#Девочкитакиедевочки* (более 4 млн публикаций) – обрел варианты *#Девочкитакиедевочкивпитере*, *#Девочкитакиедевочкиодежда*, *#девочкитакиедевочкикрасотки* и др.;

• *#селфи* (около 4 млн 900 тыс. публикаций) – частотность использования хэштега связана с невероятной распространенностью фотографий такого типа в Инстаграме (фотографии автора, сделанные им самим, например, при помощи зеркала). Трансформированные шуточные варианты этого хэштега: *#селфишмелфи*, *#селфихуелфи*, *#селфимания*, *#себяшка*, *#селфилук*, а также производные *#лифтолук* и *#туалетолук* (самые распространенные места для «селфилука» – лифт и туалет, поскольку там, как правило, больших размеров зеркало и выгодное освещение, позволяющие сделать удачный кадр) (<https://instagram.com> (дата обращения: 03.05.2016)).

Авторские хэштеги выполняют функции, прежде всего связанные с достижением комического эффекта как средства самопрезентации автора. Рассмотрим наиболее заметные из подобных хэштегов.

1. В форму хэштегов часто облачают ироничный ответ на невысказанный вопрос, в случае вызывающей эти вопросы ситуации, изображения и т. п., например, подпись под фотографией новых туфель на огромном каблуке – (11) *#нетянебоюсьсломатьногу*, *#дамнеудобно*, *#намважновашемнение*; или (12) *#нетнеслипнется* *#растипопа* – под фотографией большого количества сладостей; или подпись под «типичной» для данного пользователя фотографией – (13) *#даУменяМиллионТакихФотографийНуИЧто* (<https://instagram.com>).

2. Хэштеги могут иметь обратное значение, противоположное высказываемому. Б. Циммер называет такого рода хэштеги термином «баштэг» (*bashtag*). Это шуточные хэштеги, в которых изначальный смысл специально меняется пользователями на противоположный [29]. Например, подпись под фотографией сломанной руки: *#победительпожизни* или *#этоуспех*.

3. Хэштеги, придающие неожиданный смысловой поворот, например, *#секта* – под фотографиями с места работы автора (Сбербанк). Подобные хэштеги могут представлять собой проявление творческой мысли автора. При этом они не обязательно напрямую соотносятся со смыслом или содержанием остального сообщения, а имеют более сложные ассоциативные связи. Подобные хэштеги Б. Циммер называет риторическими хэштегами [29]. Они не создаются для включения в определенный контекст и не требуют отклика со стороны аудитории,

хотя и принимают на себя значительную долю внимания читателей [19 : 16].

В приведенных выше примерах хэштеги используются иронически и, таким образом, выполняют экспрессивную и игровую функции, направленные на виртуальную самопрезентацию автора.

Интерактивность речевых жанров Instagram

Помимо рассмотренных выше характерных свойств жанрового пространства Инстаграм, выделяется еще одна особенность, свойственная как другим социальным сетям, так и интернет-коммуникации в целом, – **интерактивность**. Выкладывая определенный контент, автор аккаунта адресует его той аудитории, которую хочет видеть среди своих подписчиков, включая потенциальных. Основным критерий популярности в Инстаграме – это количество «лайков» и комментариев под фотографиями в ленте, выступающее для потенциального подписчика в качестве подтверждения, что аккаунт интересен и заслуживает внимания [8]. Количество «лайков» определяется количеством подписчиков аккаунта. Важно, что каждый аккаунт (в том числе «закрытый») имеет возможности для расширения за счет присоединения новых «фолловеров». Популярные авторы имеют более 1 млн подписчиков: так, подписчиками аккаунта российского премьер-министра Д. А. Медведева к концу 2015 года стали более 1,7 миллиона человек.

Данная жанровая особенность проявляется также и в том, что подписчики могут активно влиять на содержание общения в ленте, его внешний вид и тематическую направленность [8 : 85]. Как и другие социальные сети, Инстаграм предполагает синхронность, т. е. возможность практически одновременного создания сообщения и ответных реплик на него (количество последних ограничено лишь возможностью блокирования неуместных, к примеру, имеющих инвективный характер комментариев). Тем самым, Инстаграм выступает как сочетание элементов межличностной, групповой и массовой коммуникации. Основная роль такой коммуникативной платформы – самореализация, самоидентификация, а также виртуальная социализация субъекта интернет-общения [8]. Инстаграм для авторов – это, прежде всего, инструмент активного самопродвижения и самопрезентации, с помощью которого реализуется возможность сознательно формировать свой образ. Для ад-

ресатов Инстаграм дает непосредственную возможность участвовать «в жизни» тех, на кого они «подписаны», при помощи комментариев, сравнивать свой образ жизни с определенным эталоном, к которому они стремятся или который кажется им недостижимым.

Заключение

Итак, каждая новая сфера общения неизбежно порождает новые вторичные РЖ или их трансформации на основе уже существующих первичных. Изменение какого-то из компонентов фона коммуникации (например, канала связи) всегда приводит к изменениям жанра. Развитие интернет-коммуникации со свойственными ей возможностями практически мгновенного неограниченного распространения и пересечения сообщений резко увеличивает скорость и интенсивность жанровых инноваций [2]. Важно, что жанровые инновации интернет-общения (например, хэштеги) влияют на традиционную коммуникацию, проникая далеко за пределы интернет-пространства.

Рамки жанров интернет-пространства подвижны, изменчивы и зависят от технологических возможностей коммуникативной платформы, их постоянного обновления. РЖ интернет-коммуникации вступают в гибкие иерархические отношения, что особенно заметно на примере социальных сетей. Инстаграм можно рассматривать как социальную сеть особого типа, где самореализация субъектов коммуникации сосредоточена вокруг визуального «подтверждения» реальности и достоверности информации. РЖ сети Инстаграм представляют интерес для изучения в связи с более широкими возможностями виртуальной социализации и самопрезентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология речевых жанров : повседневная коммуникация / Под ред. К. Ф. Седова. М. : Лабиринт, 2007. 320 с.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
3. Рогачева Н. Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2011. 256 с.
4. Шмелева Т. В. Жанр в современной медиасфере // Жанры речи : сб. науч. тр. / Под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8 : Жанр и творчество. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 26–37.
5. Щипулина Л. Ю. Жанры компьютерно-опосредованной коммуникации. Архангельск : Поморский университет, 2009. 238 с.
6. Щурина Ю. В. Вторичные комические речевые жанры интернет-коммуникации // Коммуникация. Мышление. Личность : материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова. Саратов : ИЦ Наука, 2012. С. 464–474.
7. Дементьев В. В. Лингвоэкология через призму речевых жанров : сфера новых «технологических» коммуникаций // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 2. С. 22–47.
8. Карпоян С. М. Instagram как особый жанр виртуальной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2015. № 12(54) : в 4-х ч. Ч. III. С. 84–88.
9. Горошко Е. И. Лингвистика Интернета : формирование дисциплинарной парадигмы // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе. Вып. 5. Орел : Картуш, 2007. С. 223–237.
10. Горошко Е. И., Жигалина Е. А. Виртуальное жанроведение : устоявшееся и спорное // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2011. Т. 24 (63). № 1. Ч. 1. С. 105–124.
11. Лутовина О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград : Перемена, 2009. 477 с.
12. Капанадзе Л. А. На границе письменного и устного текста : структура и тенденции развития электронных жанров // Капанадзе Л. А. Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку. М., 2005. С. 305–320.
13. Макаров М. Л. Жанры в электронной коммуникации : Quo vadis? // Жанры речи : сб. науч. тр. / Под ред. В. В. Дементьева. Вып. 4: Жанр и концепт. Саратов : Колледж, 2005. С. 336–352.
14. Козлова Н. С. Социальная сеть «Инстаграм» как социально-психологическое явление // Молодой ученый. 2014. № 16. С. 387–390.
15. Celebrating a Community of 400 Million. URL: <http://blog.Инстаграм.com/post/129662501137/150922-400million> (дата обращения: 05.05.2016).
16. Рязанцева Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 256 с.
17. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Языки русской культуры, 1996. С. 159–206.
18. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. Москва : Наука, 1990. С. 180–181.
19. Атягина А. П. Твиттер как новая дискурсивная практика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2014. 22 с.
20. Топ-10 типичных фото инстаграма. Что такое хэштеги и почему от вас отписываются друзья? URL: <http://irecommend.ru/content/top-10-tipichnykh-foto-instagram-a-cto-takoe-kheshtegi-i-pochemu-ot-vas-otpisyvayutsya-druzy> (дата обращения: 06.05.2016).

21. Кориунов А. В. Извлечение ключевых терминов из сообщений микроблогов с помощью Википедии. URL: http://citforum.ru/database/articles/twitter_kw_extraction (дата обращения: 06.05.2016).

22. Щурина Ю. В. Коммуникативно-игровой потенциал хэштегов // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 8 (69). С. 100–104.

23. Solis B. The Hashtag Economy. URL: <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is/> (дата обращения: 06.05.2016).

24. Черникова А. Феномен нового интернета : хэштег. URL: <http://coossa.ru/articles/234/4901/> (дата обращения: 05.05.2016).

25. Галямина Ю. Е. Лингвистический анализ хэштегов Твиттера // Современный русский язык в интернете / ред. Я. Э. Ахапкина, Е. В. Рахилина. М. : Языки славянской культуры, 2014. С. 13–22.

26. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. № 3. Филология. Екатеринбург, 2012. С. 160–172.

27. Нежура Е. А. Новые типы креолизованных текстов в коммуникативном пространстве интернета // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2012. № 2. С. 47–52.

28. Zappavigna M. Discourse of Twitter and Social Media : How we use language to create affiliation on the web. N. Y. : Continuum International Publishing Group, 2012. 227 p.

29. Zimmer B. Hashtag, You're It // North American. April, 2013. P. 24.

REFERENCES

1. *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsiya* [Anthology of speech genres: everyday communication]. Ed. K. F. Sedov. Moscow, 2007. 320 p.

2. Dement'ev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nye protsessy sovremennoj rechi [The theory of speech genres and actual processes of the modern speech]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the study of language]. 2015, no. 6, pp. 78–107.

3. Rogacheva N. B. *Struktura i funkcionirovanie vtorichnykh rechevykh zhanrov internet-kommunikatsii (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov)* [Structure and functioning of secondary speech genres of Internet communication (based on the material of Russian and English). Cand. philol. sci. diss.]. Saratov, 2011. 256 p.

4. Shmeleva T. V. *Zhanr v sovremennoy mediasfere* [Genre in modern mediasphere]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 8: Genre and creativity. Saratov; Moscow, 2012, pp. 26–37.

5. Shchipitsina L. Yu. *Zhanry komp'yuternoposredovannoi kommunikatsii* [Genres of computer-mediated communication]. Arkhangel'sk, 2009. 238 p.

6. Shchurina Yu. V. Vtorichnye komicheskie rechevye zhanry internet-kommunikatsii [Secondary comic speech genres of Internet communication]. *Kommunikatsiya. Myshlenie. Lichnost: materialy mezhdunar. nauch. konf. pamyati I. N. Gorelova i K. F. Sedova* [Communication. Thinking. Personality: materials of international scientific conference dedicated to I. N. Gorelov and K. F. Sedov]. Saratov, 2012, pp. 464–474.

7. Dement'ev V. V. Lingvoekologiya cherez prizmu rechevykh zhanrov: sfera novykh «tehnologicheskikh» kommunikatsiy [Lingvoecology through the prism of speech genres: the sphere of new «technological» communications]. *Ekologiya yazyka i novaya kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice]. Iss. 2, 2015, pp. 22–47.

8. Karpoyan S. M. Instagram kak osoby zhanr virtual'noy kommunikatsii [Instagram as a peculiar genre of virtual communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice]. Iss. 12 (54), vol. III. Tambov, 2015, pp. 84–88.

9. Goroshko E. I. Lingvistika Interneta: formirovanie distsiplinarnoy paradigmy [Internet Linguistics: the formation of a disciplinary paradigm]. *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse: sb. nauch. tr.* [Genres and text types in the scientific and media discourse: collection of scientific works]. Iss. 5. Orel, 2007, pp. 223–237.

10. Goroshko E. I., Zhigalina E. A. Virtual'noe zhanrovedenie: ustoyavsheyesya i spornoe [Virtual genre studies: established and controversial]. *Uchyonye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta* [Scientific papers of Tavria national university]. Vol. 24 (63), no. 1, part 1. 2011, pp. 105–124.

11. Lutovinova O. V. *Lingvokul'turologicheskie harakteristiki virtual'nogo diskursa* [Linguoculturological characteristics of virtual discourse]. Volgograd, 2009. 477 p.

12. Kapanadze L. A. Na granitse pis'mennogo i ustnogo teksta: struktura i tendentsii razvitiya elektronnykh zhanrov [On the board of written and spoken texts: structure and tendencies of e-genres development]. Kapanadze L. A. *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Voices and meanings. Selected papers on Russian language]. Moscow, 2005, pp. 305–320.

13. Makarov M. L. *Zhanry v elektronnoi kommunikatsii: Quo vadis?* [E-communication genres: Quo vadis?]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by V. V. Denentyev]. Iss. 4. Saratov, 2005, pp. 336–352.

14. Kozlova N. S. Sotsial'naya set' Instagram kak sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie [Social net Instagram as a social and psychological phenomenon]. *Molodoy uchyonyi* [Young scientists]. Iss. 16, 2014, pp. 387–390.

15. Celebrating a Community of 400 Million. Available at: <http://blog.Instagram.com/post/129662501137/150922-400million> (accessed 05 May 2016).

16. Ryazantseva T. I. *Gipertekst i elektronnyaya kommunikatsiya* [Hypertext and e-communication]. Moscow: 2010, 256 p.

17. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [Problem of speech genres]. Bakhtin M. M. *Sobr. soch.: v 5 t. T. 5. Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov* [Collection of works: in 5 vol. Vol. 5. Works of the 1940th the 1960th years]. Moscow, 1996, pp. 159–206.

18. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ih kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [Optimize speech effect]. Moscow, 1990, pp. 180–181.

19. Atyagina A. P. *Twitter kak novaya diskursivnaya praktika* [Twitter as a new discursive practice. Cand. philol. sci. thesis diss.]. Omsk, 2014, 22 p.

20. *Top-10 tipichnykh foto instagrama. Chto takoe heshtegi i pochemu ot vas otpisyvayutsya druz'ya* [Top-10 of the typical Instagram photos. What is hashtag and why do friends stop following you?]. Available at: <http://irecommend.ru/content/top-10-tipichnykh-foto-instagrama-chto-takoe-kheshtegi-i-pochemu-ot-vas-otpisyvayutsya-druzy> (accessed 06 May 2016).

21. Korshunov A. V. *Izlyechenie kl'uchevykh terminov iz soobshcheniy mikroblogov s pomoshch'yu Vikipedii* [Extraction of key terms from microblog messages using Wikipedia]. Available at: http://citforum.ru/database/articles/twitter_kw_extraction (accessed 06 May 2016).

22. Shchurina Yu. V. Kommunikativno-igrovoy potentsial heshtegov [Hashtag communicatively-game potential]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Cherepovets state university]. No. 8 (69). 2015, pp. 100–104.

23. Solis B. The Hashtag Economy. Available at: <http://www.briansolis.com/2011/06/hashtag-this-the-culture-of-social-media-is/> (accessed 06 May 2016).

24. Chernikova A. *Fenomen novogo interneta: heshteg* [A new Internet phenomenon: hashtag]. Available at: <http://cossa.ru/articles/234/4901/> (accessed 06 May 2016).

25. Galyamina Yu. E. *Lingvisticheskiy analiz heshtegov Tittera* [Linguistic analysis of Twitter hashtags]. *Sovremenniy russkiy yazyk v Internete* [Modern russian language on the Internet]. Moscow, 2014, pp. 13–22.

26. Shchurina Yu. V. Internet-memy kak fenomen internet-kommunikatsii [Internet memes as a phenomenon of Internet communication]. *Nauchny dialog. 3. Filologiya* [The scientific dialogue]. No. 3. Philology. Ekaterinburg, 2012, pp. 160–172.

27. Nezhura E. A. *Novyye tipy kreolizovannykh tekstov v kommunikativnom prostranstve interneta* [New types of creolized texts in the communicative space of the Internet]. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication]. 2012, no. 2, pp. 47–52.

28. Zappavigna M. Discourse of Twitter and Social Media: How we use language to create affiliation on the web. NY, 2012, 227 p.

29. Zimmer B. Hashtag, You're It. *North American*. April, 2013, p. 24.

Статья поступила в редакцию 9.05.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Щурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети Instagram // *Жанры речи*. 2016. №1. С. 156–168. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168.

FOR CITING

Schurina Y. V. Genre individuality of Instagram social net. *Speech genres*, 2016, no. 1, pp. 156–168. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-1-13-156-168. (in Russian).

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный журнал Жанры речи издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Статьи публикуются на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств издателя.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся жанроведческой проблематикой. Поскольку журнал выходит два раза в год, мы ждем от потенциальных авторов статьи до 1 июня и 1 декабря каждого года.

Материалы присылаются в электронном варианте в виде приложения к письму-заявке с персональными данными (ФИО, место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон и электронный адрес). Каждая статья должна быть в отдельном файле.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, Web of Science и Scopus, т. е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные **на русском и английском языках**.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

фамилия, имя, отчество автора полностью (указываются все авторы);

должность, звание, ученая степень;

полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы (если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора);

подразделение организации;

контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. ИНФОРМАЦИЯ О ГРАНТАХ, В РАМКАХ КОТОРЫХ ВЫПОЛНЕНА РАБОТА

6. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

УДК, ББК и/или ГРНТИ;

либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Требуемый шрифт – Times New Roman, размер: 14 pt – основной текст, 12 pt – список литературы, подрисуночные подписи, тексты таблиц и т.п., через 1 интервал, абзац 1,25 см, все поля по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать 10 страниц, включая примечания и литературу (не более 30 000 знаков с учетом пробелов).

Речевые иллюстрации набираются курсивом, выделения делаются жирным шрифтом.

Сноски следует давать в сквозной нумерации внизу страницы.

Ссылка на источник фактического материала оформляется следующими способами: (В. Пелевин. Желтая стрела), (АиФ. 2009. № 5.), (Первый канал. Вести. 07.08.2009), (<http://demotivators.to/p/759951/pes-tyi-moi-uspokoitelnyie-ne-videl.htm>).

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

В случае цитирования чужих фрагментов текста обязательно указание на источник.

Статья должна быть структурирована: включать введение и заключение; текст основной части статьи должен быть разбит на разделы.

Обращаем внимание авторов на то, что в журнале большая часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, **должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации**.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Поэтому каждая статья, публикуемая в журнале Жанры речи, должна иметь два пристатейных списка литературы: с оригинальными (русскими) названиями и латинскими. Латинская версия русского названия цитируемой публикации включает транслитерацию русского названия и перевод его же на английский язык.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется так: [1 : 25].

Нумерация в списке литературы идет не по алфавиту, а по мере появления в тексте: [1] – первая ссылка и т.д.

Образец оформления статьи:

УДК 81'27:811.161.1

ББК ТЗ(2)634-6-ТЗ(2)64-3

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Demytyev
Saratov, Russia

ЦЕННОСТНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ В РОДСТВЕННЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

THE VALUE CHARACTERISTICS OF SPEECH GENRES IN RELATED LINGUOCULTURES

Аннотация. Исследование посвящено сопоставлению ценностных жанровых картин мира и входит в лингвокультурологическое направление языкознания, выявляющее лингвистический аспект культурно-обусловленного отношения к миру.

Коммуникация, которую структурируют жанры, есть важнейшая часть культуры, и жанры – ее формы – так же обусловлены субъективным, культурно-опосредованным ценностным взглядом на мир, как и культура в целом.

Жанровое своеобразие каждой культуры определяется набором жанров и содержательными характеристиками, которыми наделяется каждый жанр в данной культуре, их соотношением и оценочным отношением к ним.

Выявлены некоторые качественные различия в коммуникативном и речевом воплощении ключевых национальных концептов, отраженные как в структуре, так и в именах речевых жанров.

Ключевые слова: речевые жанры, коммуникация, культурные характеристики, оценочные системы.

Abstract. This article is devoted to comparing the value genre pictures of the world and is naturally a part of the contemporary Linguoculture field of Linguistics which researches the language aspect of the culture-valued view on the world.

Communication structured by genres is the fundamental part of the culture. Speech genres are viewed as basically value-making. Speech genres which are forms of communication as well as culture on the whole are marked by the cultural view on the world.

The genre identity of every culture is defined by the set of the speech genres and conceptual characteristics, which every genre gets within this or that culture, by genres' value correlation which is caused by the common culture-valued view on the whole world.

Essential differences in the communicative and speech genre embodiment of the national clue concepts which are reflected in the structure and the names of the speech genres have been discovered.

Key words: speech genres, communication, culture characteristics, value systems.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.

Контактная информация: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, 11 корп., к. 207.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

About the author: Demytyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

Текст, текст, текст, текст, текст, текст,
текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст,
текст, текст, текст, текст, текст, текст...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М. : Изд-во МГУ, 1992. 336 с.

2. Мустайоки А. Жанры речи и риски коммуникативных неудач // Жанры речи : сб. науч. тр. / под ред. В. В. Дементьева. Вып. 8. Памяти К. Ф. Седова. Саратов ; М. : Лабиринт, 2012. С. 120–141.

3. Кожина М. Н. Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. 253 с.

4. Kaufer D. S. Ironia, forma interpretacyjna i teoria znaczenia // Archiwum przekładów

Pamiętnika Literackiego / pod red. Michała Głowińskiego. Gdańsk : Słowo/obraz terytoria, 2002. S. 67–85.

5. Кантурова М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 26 с.

6. Горин С. В. Мотив воспоминания в ранней лирике К. Д. Бальмонта. URL: <http://balmontoved.ru/knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html> (дата обращения: 20.11.2013).

REFERENCES

1. Kibrik A. E. *Oчерки по obshhim i prikladnym voprosam yazykoznavaniya* [Essays on General and Applied Problems of Linguistics]. Moscow, 1992. 336 p.

2. Mustajoki A. Zhanry rechi i riski komunikativnykh neudach [Speech genres and risks of communicative failures]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech genres: collection of scientific works. Ed. by

V. V. Denentyev]. Iss. 8. Saratov; Moscow, 2012, pp. 120–141.

3. Kozhina M. N. *Problema specifiki i sistemnosti funkcionalnyh stiley rechi* [The specifics and system of functional speech styles. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 1970. 253 p.

4. Kaufer D. S. Irony, form of interpretation and the theory of meaning. *Collection of translations Literary memoires*. Ed. by M. Głowiński. Gdańsk, 2002, pp. 67–85.

5. Kanturova M. A. *Derivatsionnyye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarного retsepta)* [Derivational processes in the speech genres (for example, the speech genre of cooking recipe). Cand. philol. sci. thesis diss.]. Novosibirsk, 2012. 26 p.

6. Gorin S. V. *Motiv vospominaniya v rannej lirike K. D. Bal'monta* (The motif of memories in the early lyric by K. D. Balmont). Available at: <http://balmontoved.ru/knigi/201-s-v-gorin-g-birobidzhan-motiv-vospominaniya-v-rannej-lirike-k-d-balmonta.html> (accessed 20 November 2013).

Обращаем внимание авторов на то, что **объем аннотации** к статье в Международном журнале принято делать больше, чем в российских изданиях: обычно он составляет около половины страницы текста.

На каждую поступившую в редакцию журнала статью назначаются два анонимных **рецензента** из числа российских и зарубежных докторов наук, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить проблемность, актуальность и оригинальность работы, научную качественность и язык, а затем сделать окончательное заключение о судьбе статьи (принять, принять с доработкой, отказать) и написать краткое обоснование / комментарий. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи. При этом редколлегия журнала ответственна за то, чтобы автор статьи **ни при каких обстоятельствах** не узнал имени рецензентов. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или не оформленные в соответствии с вышеперечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Оригинал-макет подготовлен *Н. Б. Степановой*

Подписано в печать .....

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс, Ариал. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,0 (21,5). Тираж 75 экз. Заказ №.....

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-56513 от 24.12.2013 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Учредитель: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.